ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ОКТЯБРЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

Печатать позволяется. Кіевъ. 25-го Октября 1862 года.

Цензоръ **В. Чеховичъ.**

I.

ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА ІЕЗУИТОВЪ.

Переводъ съ латинскаго, съ книги изданной въ Аѳинахъ въ 1852 году, содержащей латинскій подлинникъ (напечатанный съ рукописи, найденной въ бумагахъ одного профессора аѳинскаго университета, послѣ его смерти) и ново-греческій переводъ. Настоящій нашъ переводъ свѣренъ съ древнѣйшимъ печатнымъ подлинникомъ, найденнымъ въ С.-Петербургской Императорской публичной библіотекѣ и составляющимъ библіографическую рѣдкость. Его находится въ сей библіотекѣ два изданія— 1-й 1652, подъ заглавіемъ: Monita privata Soc. Iesu—(зала 20, шкафъ X, № 59),—на немъ отмѣчено: post obitum Zahorovski Soc. Jesu.; 2-й 1654, подъ заглавіемъ: Constitutiones sive monita secreta Societat. Iesu, a Michaele Rucart, Groningae, apud viduam Johannis Nicolai. Въ верху заглавнаго листа, рукою варшавскаго епископа Залусскаго, изъ библіотеки котораго и этотъ экземпляръ достался въ публичную библіотеку, отмѣчено: haec monita a Claudio de Aquaviva Generalis Soc. Jesu scripta. (зала 20, шкафъ XII, 3 полка № 40 и 41). Дѣйствительно всѣ изслѣдователи подлинности этихъ правилъ утверждаютъ, что авторомъ ихъ былъ Аквавива и что печаталось ихъ небольшое количество экземпляровъ для раздачи іезуитамъ только высшей степени ихъ ордена: ассистентамъ, ректорамъ коллегій и нѣкоторымъ *профессамъ*, потому экземпляры ихъ составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Нѣмец-

кій авторъ книги Rara Bibliotheca насчитываетъ ихъ только нѣсколько экземпляровъ во всѣхъ европейскихъ библіотекахъ. Евгеній Сю говоритъ, что случайно видѣлъ эти правила въ рукописи и воспользовался ими при сочиненіи извѣстнаго романа „Вѣчный жидъ" и что сочинилъ ихъ іенералъ іезуитскаго ордена Аквавива.

Мы помѣщаемъ ихъ въ Вѣстникѣ, чтобы читатели, по симъ правиламъ, лучше ознакомились съ духомъ и характеромъ ордена іезуитовъ, игравшихъ большую роль въ исторіи юго-западной и западной Россіи, составляющей главный предметъ нашихъ изслѣдованій въ семъ журналѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Оно находится во всѣхъ изданіяхъ).

Начальники (Superiores) должны заботливо блюсти и хранить у себя эти частныя наставленія и сообщать ихъ только немногимъ изъ давшихъ полные обѣты братій. Что же касается до людей еще недавшихъ этихъ обѣтовъ, то имъ должны быть сообщаемы только нѣкоторыя изъ этихъ наставленій когда и на сколько это полезно обществу, и притомъ не иначе какъ подъ клятвою молчанія. Сверхъ того они должны быть передаваемы имъ не какъ письменныя постановленія кого бы то ни было, но какъ правила благоразумія, извлеченныя изъ собственнаго опыта передающаго. Итакъ какъ эти тайны извѣстны многимъ изъ давшихъ обѣты, то общество съ самаго его основанія прилагало стараніе, чтобы ни одинъ изъ посвященныхъ въ эти тайны, не могъ переходить въ какой либо другой орденъ, исключая картезіанскаго, потому что братья этого послѣдняго ордена проводятъ жизнь въ постоянномъ удаленіи отъ міра и соблюдаютъ ненарушимое молчаніе, что утверждено и святымъ престоломъ.

Всѣми мѣрами надобно остерегаться, чтобы эти наставленія не попали въ руки людей посторонних, по-

тому что изъ недоброжелательства въ отношенiи къ нашимъ они стали бы толковать ихъ въ худую сторону. Но если это случилось (отъ чего да сохранитъ насъ Богъ), то должно говорить, что въ этихъ наставленiяхъ не выражается образъ мыслей общества, ссылаясь въ подтвержденiе этого на тѣхъ изъ нашихъ братьевъ, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они не знаютъ о существованiи въ нашемъ обществѣ этихъ правилъ и противополагая имъ наши общiя постановленiя (monita generalia) уставы или правила, какъ печатныя, такъ и письменныя.

Начальники (Superiores) должны всегда заботливо и осторожно разыскивать, не выданы ли эти правила нашими кому либо изъ постороннихъ. Также никто не долженъ переписывать ихъ для себя ли или для кого либо другаго, но позволять дѣлать это развѣ только съ согласiя главнаго (generalis) или провинцiальнаго (provincialis) начальника, и если родится сомнѣнiе, что тотъ или другой изъ нашихъ не способенъ хранить такихъ таинъ, то его надобно считать человѣкомъ опаснымъ и выслать изъ братства.

ГЛАВА I.

Какимъ образомъ общество должно заявить себя, когда оно задумаетъ основываться въ какомъ либо новомъ мѣстѣ.

1) Чтобы заслужить расположенiе мѣстныхъ жителей для этого весьма важно показать имъ цѣль общества, которая опредѣлена правилами, гдѣ говорится, что общество съ такою же ревностiю должно заботиться о спасенiи ближняго, какъ и о своемъ собственномъ. Поэтому надобно отправлять самыя низкiя должности въ страннопрiемныхъ домахъ, посѣщать бѣдныхъ, больныхъ и узниковъ. Надобно также безотлагательно и всѣхъ безъ различiя принимать на исповѣдь, чтобы наиболѣе важныя между жителями лица, видя въ такой необыкновенной любви ко всѣмъ нѣчто новое, удивлялись нашимъ и полюбили ихъ.

2) Всѣ должны помнить, что дозволенія для открытія дѣйствій Общества должно добиваться скромно и осторожно. Всѣ такъ же должны стараться снискать благосклонность лицъ какъ въ особенности духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, въ которыхъ мы можемъ имѣть нужду, какъ въ людяхъ, имѣющихъ вѣсъ и значеніе.

3) Надобно будетъ также ходить въ мѣста отдаленныя, и тамъ выставивъ на видъ наши нужды, принимать подаянія хотя и малыя, которыя потомъ должно раздавать другимъ бѣднымъ, чтобы такимъ образомъ назидались и тѣ люди, которые еще не знаютъ общества, и чтобы они были тѣмъ щедрѣе къ намъ.

4) Всѣ должны казаться вдохновенными однимъ и тѣмъ же духомъ и посему усвоить себѣ одинаковое обращеніе, чтобы однообразіе въ такомъ различіи лицъ назидало каждаго, а тѣхъ, которые будутъ поступать иначе, должно удалять какъ людей вредныхъ.

5) Сначала наши должны остерегаться покупать имѣнія; если же представится случай купить какое либо имѣніе на выгодномъ мѣстѣ, то пусть покупаютъ его на имя какихъ либо тайныхъ и вѣрныхъ друзей. А для того, чтобы яснѣе видна была наша бѣдность, имущества, находящіяся въ сосѣдствѣ съ мѣстами, въ которыхъ мы имѣли бы коллегіи, должны быть приписаны начальникомъ области (provincialem) къ коллегіямъ отдаленнымъ, и такимъ образомъ государи и правительства никогда не будутъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ общества.

6) Только въ богатыхъ городахъ должны наши заводить коллегіи, потому что цѣль общества состоитъ въ подражаніи Христу Спасителю нашему, Который по преимуществу жилъ въ Іерусалимѣ, чрезъ другія же мѣста, менѣе важныя, только проходилъ.

7) Всегда надобно выманивать (extorquendum) какъ можно болѣе пожертвованій у вдовъ, изображая имъ нашу крайнюю бѣдность.

8) Въ каждой области никто, кромѣ начальника ея, не долженъ знать съ точностію о количествѣ доходовъ. Что же содержитъ въ себѣ римская сокровищница, это должно быть священною тайною.

9) Наши должны проповѣдывать и разглашать повсюду въ разговорахъ, что они пришли для наставленія юношества и вспомоществованія народу, что они предлагаютъ все безмездно и всѣмъ безъ исключенія, и что они не обременятъ собою государства подобно другимъ монашескимъ орденамъ.

ГЛАВА II.

Какимъ образомъ отцы общества должны пріобрѣтать и сохранять расположеніе государей, вельможъ и лицъ наиболѣе важныхъ.

1) Прежде всего надобно употреблять всѣ возможныя усилія, чтобы повсюду овладѣть слухомъ (aures) и умомъ государей и знатныхъ лицъ, чтобы не только никто не смѣлъ вооружаться противъ насъ, но напротивъ всѣ были бы принуждены къ зависимости отъ насъ.

2) Такъ какъ, по свидѣтельству опыта, государи и вельможи тогда особенно бываютъ благосклонны къ лицамъ духовнымъ, когда эти послѣднія не только прикрываютъ ихъ гнусные поступки, но и придаютъ имъ своими толкованіями доброе значеніе, какъ это показываютъ браки между лицами, находящимися въ степеняхъ свойства (affinitas) или родства, и тому подобное, то надобно поощрять тѣхъ, которые замышляютъ что нибудь подобное, обнадеживая ихъ, что чрезъ посредство нашихъ отцовъ легко можно получить разрѣшеніе на такого рода поступки отъ папы, который даетъ свое согласіе, какъ скоро ему будутъ объяснены причины, представлены примѣры и высказаны мысли, благопріятствующія имъ, подъ предлогомъ общаго блага и большей славы Божіей, которая и составляетъ цѣль общества.

3) Такъ же точно надобно поступать и въ томъ случаѣ, если государь предпринимаетъ сдѣлать что нибудь, не совсѣмъ пріятное всѣмъ вельможамъ, т. е. государя надобно ободрять и поощрять, стараясь въ тоже время дѣйствовать на умы другихъ такъ, чтобы они согласились съ государемъ и не противорѣчили ему. Впро-

чемъ должно придерживаться только общихъ выраженій и никогда не нисходить до частностей (ad particularia), чтобы въ случаѣ дурнаго исхода дѣла, не приписали его обществу. И если бы насъ стали укорять въ подобномъ образѣ дѣйствій, то надобно ссылаться на постановленія противныя, которыми подобнаго рода поступки ясно запрещаются, пользуясь также для этой цѣли и свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ отцевъ, о которыхъ извѣстно, что они не знаютъ этихъ тайныхъ правилъ, и которые могутъ клятвенно подтвердить, что приписывать сіе обществу есть явная клевета на него.

4) Усилія овладѣть умами государей значительно будутъ облегчены, если отцы наши собственною ловкостію или чрезъ посредство другихъ лицъ получатъ мѣста при почетныхъ и выгодныхъ посольствахъ, которыя будутъ назначаемы къ иноземнымъ государямъ или царямъ, особенно же къ папѣ и великимъ монархамъ; ибо это даетъ имъ случай выказать съ хорошей стороны и себя и общество. Поэтому къ такимъ посольствамъ должны быть назначаемы только тѣ изъ нашихъ отцевъ, которые отличаются особенною ревностію и при томъ прожили въ нашемъ обществѣ довольно долго.

5) Надобно склонять къ тому любимцевъ государей и особенно придворныхъ слугъ не большими подарками и различными благотвореніями, чтобы они доставляли намъ вѣрныя свѣдѣнія о характерахъ и наклонностяхъ государей и вельможъ, чтобы такимъ образомъ общество легко могло приспособляться къ нимъ.

6) Опытъ показалъ, какъ много пользы для себя извлекло общество, принимая участіе въ заключеніи браковъ между государями австрійскаго дома и другихъ государствъ—Франціи, Польши и пр., также различныхъ герцогствъ. Вслѣдствіе этого надобно благоразумно предлагать бракъ съ лицами избранными, которые соединены узами дружбы, или близкаго знакомства съ родственниками или друзьями кого либо изъ нашихъ.

7) На государынь всего легче можно дѣйствовать чрезъ ихъ горничныхъ; поэтому всячески надобно стараться сблизиться съ ними, потому что такимъ образомъ

можно будетъ проникнуть всюду, даже въ самыя сокровенныя семейныя тайны.

8) Въ управленіи совѣстію вельможъ наши духовники должны слѣдовать мнѣнію тѣхъ писателей, которые, вопреки мнѣніямъ другихъ монаховъ, допускаютъ большую свободу совѣсти, чтобы, оставивъ строгихъ, они пожелали всецѣло подчиниться нашему управленію и руководиться нашими совѣтами.

9) Какъ государямъ, такъ и прелатамъ и всѣмъ вообще лицамъ, которыя могутъ покровительствовать обществу чрезвычайнымъ образомъ, должно предоставить право пользоваться всѣми преимуществами общества, изъяснивъ имъ предварительно всю важность этого величайшаго права.

10) Осторожно и благоразумно надобно внушать имъ мысль объ обширнѣйшей, сравнительно съ другими пастырями или монахами, власти общества давать разрѣшенія даже въ исключительныхъ случаяхъ, также освобождать отъ постовъ, отъ долговыхъ обязательствъ или условій, отъ препятствій къ заключенію браковъ и въ другихъ извѣстныхъ случаяхъ, чрезъ это весьма многіе будутъ прибѣгать къ намъ и будутъ намъ обязаны.

11) Знатныя лица должно приглашать посѣщать наши проповѣди, братскія бесѣды, рѣчи, также акты, чтенія и проч., оказывать имъ тамъ честь стихами и письменными разсужденіями, потомъ, если окажется удобнымъ, приглашать ихъ къ столу и привѣтствовать различными образами.

12) Надобно взять на себя заботу о прекращеніи вражды и несогласій между вельможами, ибо такимъ образомъ, мало по малу мы будемъ въ состояніи сблизиться съ ними и узнать ихъ тайны и обязать ту и другую сторону.

13) Если на службѣ того или другаго монарха или князя будетъ состоять какой либо человѣкъ, не вполнѣ расположенный къ нашему обществу, то надобно неусыпно заботиться чрезъ посредство нашихъ отцевъ или лучше другихъ лицъ, чтобы пріобрѣсти его дружбу и

пріязнь, обѣщая выхлопотать у его монарха или князя благосклонность и повышенія.

14) Всѣ должны остерегаться выхвалять передъ кѣмъ бы то ни было или просить о повышеніи тѣхъ, которые по чему либо высланы изъ общества, особенно же тѣхъ, которые добровольно оставили его, потому что, сколько бы они ни притворялись, они всегда питаютъ непримиримую ненависть къ обществу.

15) Наконецъ всѣ должны стараться заслужить такое расположеніе государей, вельможъ и мѣстныхъ правительствъ, чтобы они энергически и вѣрно дѣйствовали за нихъ даже противъ своихъ единокровныхъ, родственниковъ и друзей, если бы представился къ тому случай.

ГЛАВА III.

Какъ должно вести себя общество съ тѣми лицами, которыя пользуются большимъ значеніемъ въ государствѣ и которыя хотя бы и не были богаты, могутъ однакожъ помогать ему другими способами.

1) Кромѣ вышесказаннаго, что почти все въ извѣстной мѣрѣ можно отнести и къ этимъ лицамъ, надобно стараться обращать ихъ расположеніе къ намъ противъ нашихъ враговъ.

2) Надобно пользоваться ихъ значеніемъ, благоразуміемъ и совѣтами для пріобрѣтенія имуществъ и полученія различныхъ должностей, которыя могутъ быть занимаемы членами общества, прикрываясь вмѣстѣ съ тѣмъ, съ величайшею осторожностію и тайною ихъ именами при покупкѣ временныхъ благъ, если только признаютъ что на нихъ можно положиться.

3) Надобно также пользоваться ими и для того, чтобы обуздывать и укрощать людей низкихъ и народъ, неблагопріятствующій нашему обществу.

4) Отъ епископовъ, прелатовъ и другихъ высшихъ духовныхъ лицъ, смотря по различію обстоятельствъ и расположенности къ намъ, должно требовать того, что окажется удобнымъ.

5) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достаточно будетъ, если по нашимъ стараніямъ прелаты и приходскіе священники заставятъ своихъ прихожанъ уважать общество и съ своей стороны не будутъ препятствовать отправленію нашихъ службъ. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ болѣе власти, какъ напримѣръ въ Германіи, Польшѣ и проч., имъ должно оказывать особое уваженіе, чтобы силою ихъ и государей мы могли отторгать къ себѣ монастыри, приходы, препозитуры, патронатства, право на учрежденіе алтарей и на владѣніе уже основанными мѣстами богослуженія; потому что мы очень легко можемъ пріобрѣсти все это въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ католики смѣшаны съ еретиками и схизматиками. Полезно объяснять этимъ прелатамъ, что такія перемѣны произведутъ безчисленныя выгоды и пользу, которыхъ не могутъ они ожидать отъ бѣлаго духовенства и отъ монаховъ; а если они это исполнятъ, то надобно публично похвалить ихъ ревность, даже письменнымъ образомъ, и увѣковѣчить память ихъ поступка.

6) Для сего надобно стараться, что бы такіе прелаты имѣли нашихъ отцевъ или своими духовниками или совѣтниками, и если они имѣютъ надежду или притязанія на высшія степени при римскомъ дворѣ, то имъ надобно помогать всѣми усиліями и стараніями друзей повсюду, гдѣ они въ состояніи содѣйствовать этому.

7) Наши должны также хлопотать предъ епископами и князьями о томъ, чтобы при вновь учреждаемыхъ коллегіяхъ и приходскихъ церквахъ общество имѣло право поставлять викарія, на котораго было бы возложено попеченіе о душахъ, и чтобы настоятель мѣста, назначаемый на извѣстное время, исполнялъ и обязанности приходскаго священника. Такимъ образомъ все управленіе той церковію будетъ въ нашихъ рукахъ, и всѣ прихожане будутъ совершенно покорны обществу, чего бы оно отъ нихъ ни потребовало.

8) Гдѣ академики будутъ сопротивляться намъ, или граждане, католики ли или еретики, будутъ препятствовать нашимъ учрежденіямъ, тамъ надобно стараться чрезъ посредство прелатовъ занять главнѣйшія проповѣдническія каѳедры, ибо такимъ образомъ обществу удастся

по крайней мѣрѣ когда нибудь при случаѣ изложить свои нужды и намѣренія.

9) Особенно надобно привлекать къ себѣ прелатовъ церкви тогда, когда будетъ дѣло о сопричисленіи нашихъ отцевъ къ лику блаженныхъ или святыхъ, и тогда всѣми возможными средствами надобно домогаться отъ вельможъ и князей писемъ, въ которыхъ бы это дѣло предлагалось на разсмотрѣніе папы.

10) Въ тѣхъ случаяхъ, когда прелаты или вельможи будутъ отправлять посольства, надобно всячески остерегаться и предупреждать, чтобы они не назначали членами такихъ посольствъ монаховъ, находящихся во враждѣ съ нами, изъ опасенія, чтобы они свое нерасположеніе къ намъ не передали прелатамъ и не внесли въ тѣ области и города, въ которыхъ живемъ мы. Если же такіе послы будутъ проѣзжать по провинціямъ и городамъ, въ которыхъ общество имѣетъ свои коллегіи, то ихъ надобно принимать съ большими почестями и любовію и обращаться съ ними сообразно съ монашескимъ смиреніемъ.

ГЛАВА IV.

Что должно внушать проповѣдникамъ и духовникамъ вельможъ.

1) Пусть наши братья такъ руководятъ государей и людей знатныхъ, чтобы видно было, что единственная цѣль ихъ стремленій есть большая слава Божія и такая строгость совѣсти, какую могутъ выносить государи, ибо они должны не вдругъ, а только постепенно и нечувствительно принимать на себя руководство ихъ въ дѣлахъ свѣтскихъ и политическихъ.

2) По этому часто надобно внушать имъ, что распредѣленіе почестей и должностей въ государствѣ имѣетъ цѣлію справедливость, и что государи тяжело оскорбляютъ Бога, если пренебрегаютъ ею и дѣйствуютъ по внушенію своихъ страстей.

Часто и серьезно они должны оговариваться, что

они рѣшительно не хотятъ вмѣшиваться въ управленіе государствомъ, но говорятъ какъ бы невольно, по требованію своего долга; какъ скоро эти внушенія однажды будутъ хорошо приняты, то надобно будетъ объяснить, какими добродѣтелями должны быть надѣлены тѣ лица, которыя должны быть возводими въ высшія общественныя должности и достоинства, наконецъ надобно будетъ поименовать и одобрить кого нибудь изъ искреннихъ друзей общества. Впрочемъ этого не должны дѣлать наши братья безъ всякаго посредничества, если только не вынудитъ сдѣлать это самъ государь. Гораздо благовиднѣе будетъ устроить подобное дѣло чрезъ посредство друзей или приближенныхъ государя.

3) Для этой цѣли духовники и проповѣдники наши должны освѣдомляться отъ нашихъ друзей о тѣхъ лицахъ, которыя способны занять ту или другую должность, и особенно изъ тѣхъ, которыя бы были щедры къ обществу; имена ихъ они должны всегда помнить и въ свое время лично или чрезъ другихъ людей искусно внушить о нихъ государямъ.

4) Духовники и проповѣдники должны болѣе всего помнить, что съ государями надобно обходиться пріятно и подобострастно, никакимъ образомъ не затрогивать ихъ ни въ поученіяхъ, ни въ частныхъ разговорахъ, удалять отъ нихъ все внушающее опасенія, и главнымъ образомъ внушать имъ надежду, вѣру и политическое правосудіе.

5) Они почти никогда не должны принимать небольшіе подарки для своего личнаго употребленія, но должны выставлять на видъ общія нужды провинціи или коллегіи; дома они должны довольствоваться одною просто убранною комнатою, не должны одѣваться слишкомъ изысканно и безъ замедленія должны отправляться съ помощію и утѣшеніемъ къ самымъ послѣднимъ лицамъ, какія только есть при дворѣ, чтобы не показаться готовыми къ услугамъ однимъ только вельможамъ.

6) По смерти должностныхъ лицъ они должны не медля ни мало и не упуская случая заботиться о томъ, чтобы замѣстить ихъ друзьями общества, удаляя отъ себя

при этомъ подозрѣнія въ намѣреніи захватить въ свои руки правительственную власть. Поэтому, какъ сказано выше, они недолжны брать такого труда непосредственно на самихъ себя, но предоставлять его вѣрнымъ и сильнымъ друзьямъ, которые могли бы устоять и противъ враждебныхъ дѣйствій въ отношеніи къ нимъ, если бы что либо подобное случилось.

(Продолженіе впредь).

№ 14.

ДОКУМЕНТЫ,

служащіе матеріаломъ для исторіи бѣлорусской церкви, извлеченные изъ архивовъ полоцкой духовной консисторіи и тадулинскаго монастыря, за исключеніемъ документовъ №№ 1, 2 и 3.

I.

Вкладная грамота княгини Іуліаніи, супруги, литовскаго великаго князя Ольгерда, Успенской церкви въ Озерищахъ, на темянщину *. 1377 г.

Се я княгиня Ольгирдовая оульяния оуставила есми брати на церковъ божію пречистой Успенця темьянщину на годъ полукопе грошей оу возерищехъ на оуханехъ со олексеевщины а хто иметь тое закладывать. або отъ церкви божьея отдаливать. и мстить ему богъ и причистая его матерь в сий векъ и въ боудущий аминь.

(Выписана изъ рукописнаго Евангелія XV вѣка (л. 61. обор. на поляхъ). Грамота сія писана полууставомъ).

---

* *Темьянщина* отъ простонароднаго слова темьянъ—*ладонъ*, употребляемый въ церквахъ на кадило; посему темьянщина означаетъ подать съ прихожанъ на ладонъ для церкви.

2.

Жалованная грамота полотскаго великаго князя Андрея Ольгердовича полотскому Троицкому монастырю *, на бобровые гоны въ рѣкѣ Звонѣ.

(Грамота сія вписана въ полотскомъ харатейномъ Евангеліи XII вѣка, хранящемся въ румянцовскомъ музеумѣ, подъ № 103, и напечатана въ 1-мъ томѣ Актовъ, относящихся къ Исторіи Западной Россіи).

Асе. Язъ великій князь. Андрей полоцкой. далъ ѣсми святой троици. рекоу звоноу. з гоны з бобровыми.

---

* **Примѣчаніе.** Хотя ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, ни даже въ преданіи нѣтъ никакихъ указаній на время, когда и какіе первоначально возникли въ Полотскѣ монастыри, но можно съ достовѣрностію полагать, что они стали здѣсь появляться со времени введенія христіанства въ семъ городѣ,—еще во дни князя Изяслава Владиміровича. Ибо извѣстно, что во всѣхъ мѣстахъ древней Руси, гдѣ только насаждалось христіанство, ревность во вѣрѣ новыхъ христіанъ обнаруживалась не только въ благочестіи и созиданіи церквей, но и въ ихъ любви къ иноческой жизни, а слѣдовательно и въ учрежденіи обителей. Такъ было въ самомъ началѣ крещенія Руси въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ и въ другихъ мѣстахъ; такъ долженствовало быть и въ Полоцкѣ, въ которомъ княжилъ старшій сынъ Владиміровъ, похваляемый лѣтописцами за благочестіе и усердіе къ созиданію храмовъ Божіихъ.

О существованіи монастырей въ Полоцкѣ, въ первый разъ упоминается въ жизнеописаніи препод. Евфросиніи, княжны полотской, по случаю поступленія ея въ инокини, около 1128 года, въ дѣвичьемъ на Верхнемъ замкѣ монастырѣ, состоявшемъ при Софійскомъ соборѣ. Если въ то время существовалъ въ семъ городѣ дѣвичій монастырь, то нѣтъ сомнѣнія, что находились въ немъ и мужескіе. Впослѣдствіи, преп. Евфросинія умножила число монастырей въ Полоцкѣ, основаніемъ въ епископскомъ, загородномъ сельцѣ, Спасъ называемомъ, дѣвичьяго монастыря съ каменною, понынѣ существующею, церковью Преображенія Господня, въ которомъ она сама была игуменью, и, вблизи онаго, мужескаго, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы (нынѣ на семъ мѣстѣ римско католическій кладбищенскій костелъ св. Ксаверія).

Въ эпоху отнятія Полоцка изъ рукъ московскаго царя Іоанна Грознаго, королемъ Стефаномъ Баторіемъ, въ семъ городѣ существовали слѣдующіе православные монастыри:

1) *Св. Іоанно-Предтеченскій*, на Двинскомъ Островѣ, пользовавшійся степенью архимандріи,—неизвѣстно кѣмъ и когда основанный. Настоятели сего монастыря, большею частію, производимы были въ

отъ звона. отъ запада до дрисы. а я той реце никому прихода нѣтъ. а по моемъ животѣ. который князь иметъ отнимати. судитъ ему святая троица. да будетъ проклятъ.

санъ полотскихъ архіепископовъ (такъ, напр., въ 1562 г. архимандритъ сего монастыря, Арсеній Шишко, получилъ сей санъ по привиллегіи Сигизмунда III, на мѣсто же его въ настоятели произведенъ былъ Глѣбъ Борколобовичъ Корсакъ, тоже, впослѣдствіи, поставленный въ полоцкаго архіепископа). 2) *Борисо-глѣбскій*, за р. Двиною, на р. Бѣльчицѣ, существующій и нынѣ, основанный въ 1222 году полотскимъ княземъ Борисомъ Гевииловичемъ, при архіепископѣ Іосафатѣ обращенный на унію и переживишій всѣ древніе мужскіе монастыри полотскіе. 3) *Петровскій*, на Верхнемъ Замкѣ, основанный полотскимъ княземъ Михаиломъ, правившимъ Полоцкомъ, около 1235 г., по назначенію в. князя литовскаго Рингольда, около этого времени завладѣвшаго симъ городомъ. Въ этомъ монастырѣ, первоначально, поселились іезуиты, по прибытіи ихъ въ Полоцкъ изъ Вильны, въ 1580 году. 4) *Михайловскій* Городецкій, за р. Полотою, основанный князьями Петромъ и Иваномъ Морожскими. Нынѣ на семъ мѣстѣ кладбищенская церковь Св. Михаила Архистратига. 5) *Св. Николаевскій* на р. Лучнѣ, неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. 6) *Воскресенскій* или Мошонецкій, на Нижнемъ Замкѣ (въ Монцѣ), основанный княземъ Юріемъ и княгинею Агриппиною, когда,—неизвѣстно. Онъ существовалъ до 17 вѣка. Послѣднимъ настоятелемъ онаго былъ Аѳиногенъ Крижановскій. 7) *Троицкій*, упоминаемый только въ вышесказанной грамотѣ в. кн. полотскаго Андрея Ольгердовича. Когда и кѣмъ основанъ,—неизвѣстно. 8) *Козма-Дамьяновскій*. 9) *Богородицкій*. 10) *Преображенскій* или Заполотскій и 11). *Георгієвскій* въ Полѣ,—упоминаемые только въ дипломѣ короля Баторія (1582 г.) на учрежденіе въ Полоцкѣ іезуитскаго коллегіума. Наконецъ, 12) *Пятницкій*, за р. Двиною, на р. Бѣльчицѣ, подлѣ Борисоглѣбскаго, и 13). *Вознесенскій*,—упоминаемые въ судной грамотѣ бывшаго полотскаго православнаго архіепископа Гермогена Хрептовича 1553 года, февраля 28.

Почти всѣ эти монастыри, въ томъ числѣ и дѣвичій Спасо-Евфросиньевскій, король Стефанъ Баторій, послѣ отнятія Полоцка у Іоанна Грознаго (въ 1579 г.), со всѣми угодьями, имѣніями и строеніями, отдалъ во владѣніе тогда же учрежденнаго имъ въ семъ городѣ іезуитскаго коллегіума. Остался только въ рукахъ православныхъ одинъ Борисоглѣбскій монастырь, сдѣлавшійся впослѣдствіи достояніемъ уніатовъ, да два, три монастыря, неимѣвшіе имѣній, которые, по причинѣ скудости средствъ къ содержанію иноковъ и къ поддержанію зданій, еще до временъ уніи, уничтожились. Но въ самомъ разгарѣ насильственнаго обращенія жителей Бѣлоруссіи въ сію новую секту, когда, вслѣдствіе убіенія архіепископа Іосафата Кунцевича, было строжайше воспрещено польскимъ правительсвомъ строить православные церкви въ Витебскѣ, Полоцкѣ и другихъ мѣстахъ бывшей полотской архіепископіи, князь

3.

Вкладная грамота полотскаго великаго князя Онуфрія, полотскому Предтеченскому монастырю, на бортныя земли и угодья, съ освобожденіемъ игумена и братіи отъ подсудимости епископу. Около 1399 года.

(Грамота сія вписана въ харатейномъ Евангеліи XII вѣка, уставнымъ почеркомъ, напечатана въ 1-мъ томѣ Актовъ, относящихся къ Исторіи западной Россіи).

Се Язъ князь великий Анофрей положилъ есми сіе еуангелье у нашемъ монастыри, въ церкви у святого Іоана Предтечи, на островѣ. А придалъ есми святому

Левъ Богдановичь, изъ Козельска, Огинскій тивунъ оршанскій*, въ награду за оказанныя имъ услуги Рѣчи Посполитой въ войнѣ съ Россіею, получилъ въ 1633 г., отъ короля Сигизмунда III, дозволеніе на учрежденіе трехъ православныхъ монастырей: *Маркова* Св. Троицкаго въ Витебскѣ, *Воскресенскаго въ Кронѣ* **, (ков. губ.), *Богоявленскаго* въ Полотскѣ, —непоколебимо пребывшихъ въ православіи доселѣ. Первымъ настоятелемъ сего послѣдняго монастыря, былъ Гедройць Юрага, въ иночествѣ Матѳей, надѣлившій оный населенными имѣніями: Ропно, Ходно и Тростно. (О существованіи въ г. Полотскѣ высшесказанныхъ монастырей, смотри: Четьи-Менея, 23 маія; жизнь пр. Евфросиніи. Акты относящіяся къ исторіи западной Россіи, изд. Археогр Комм. Томы I, II, III и IV. Литовская Метрика, въ Архивѣ Правит. Сената Diploma fundationis Collegii Pol. Soc. Jesu, an. 1582 Januar. 20,—въ актовыхъ книгахъ архива полотскаго уѣзднаго суда; Informacia o dobrach do Kolleg. Polock. Soc. Jesu należących. Nieswiż. 1699 г.; Litvanicar. Soc. Jesu Histor. pars 1. per Stanislaum Rostowsky, pag. 90—93; Stebelsky,—Dwa swiatła na horyzoncie Połockim i Chronika; Acta M. Duc Lituan. Записи кн. 151 л. 17—19; Архивъ полотской духовной консисторіи и архивы монастырей Тадулинскаго, Маркова, Борисоглѣбскаго и Богоявленскаго, и польскіе лѣтописцы и историки: Бѣльскій, Стрійковскій, Кояловичь, Гвагнинъ, Кульчинскій и многіе другіе).

* Сынъ сего Огинскаго, Симсонъ, по смерти отца, около 1670 г., перешелъ въ латинство и, въ новомъ семъ вѣроисповѣданіи, названъ Карломъ. (Смотри Привиллегію Короля Яна Казиміра 1671 г., данную витебскому Марковому монастырю.

** Въ склепѣ кронской церкви и понынѣ находятся гробы основателей оной, князей Огинскихъ, Льва и супруги его Софіи Ивановны Бѣлевичевой:

Іоану: на Сомницы землю зъ бортью, бортъ по великую дорогу, по Соменьцо озоро; на Уль на рѣцѣ землю зъ бортью, на Витебскомъ рубежи землю съ бортью на Начѣ на рѣцѣ землю зъ бортью, на Лиснѣ езъ и устье. А въ церковъ святого Іоана и въ нашъ монастырь, и въ село и въ люди святого Іоана не вступатися ни кому. А владыцѣ съ игумена Іоаньского и съ нашого монастыря Островскаго куницы не брати, а никакихъ пошлинъ. А отъ кого будетъ какая обида нашему монастырю, ино досмотреть и оборонить намъ самимъ, а по насъ роду нашему; а старцы [1] и люди которые живутъ на Святого Іоана земли, и судити и рядити игумену Іоаньскому, самому зъ братьею, а иному никому не вступатися; а владыцѣ не вступатися въ нашъ монастырь.

4.

Выпись изъ виленскихъ трибунальныхъ книгъ клировой вѣдомости о нѣкоторыхъ витебскихъ и могилевскихъ, православныхъ церквахъ и монастыряхъ, помѣщенной въ общемъ инвентарѣ городовъ Витебска и Могилева, составленномъ въ 1552 году и включенномъ въ виленскія трибунальныя книги. Выпись эта, въ 1619 г. 31 мая, выдана полотскому архіепископу Іосафату Кунцевичу, по его прозьбѣ, для нужныхъ справокъ, по случаю обращенія имъ сихъ церквей и монастырей на унію.

(Списано съ подлинной выписи, въ архивѣ Тадулинскаго монастыря находящейся *№ 37, связка 10)*.

1-е. Ѳедоръ Данилевич мает по жоне своей Галене Семеновне дворецъ Храповичи, отчизна жоны его, к то-

---

[1] *Старцы*—иноки.

мужъ дворцу пуща, въ которой ловы звериные, дерево бортное и буды попельное [1] потросе и гоны бобровые при рецѣ Лосвидицы и по Черницы и пять озер на имя Лосвидо, Переворожно, Утво, Припещо, Адриколно, земля церковная на имя Полимино, которая от тогож дворца на дана на церковь *светое Пречистое* к Витебску впусте лежачая черезъ трыдцат роков; на той земли того року осажено трехъ человѣков на сыром корни, которым давали волю мают давати з дыму по тридцать грошей широкихъ [2].

Семенъ Бабиновицкій мает выслугу, которая его милости Жигимонта Августа... и за черницы тры службы людей, в которых службах дымовъ одинадцат, тамжо два человеки ново осажены на воли седят, тамжо в пущи тых людей буду попелную и гоны бобровые по реках олшы очковое, а челны на себе маеть, тые люди поспол з людъми Бабинъцы а з Высочены повинни на ретци Суходорови мост мостити и на станъ на тойже ретце на послы и гонцы стацыю давати. Стых же людей приходит на церковъ Соборную Светое Пречистое два пуды меду.

Влодыцтво витебское, наперве двор на Ужлятине с пашнею, к тому двору людей долных прихожих с тивуном дворнымъ трынадцат человековъ, а вселе на Зараном также долных прихожих людей дванадцат человековъ, тые вси люди дают влодыце с пашни своей, зо всякаго збожя [3] четвертый снопъ с толоки [4] служать, дани полтретя пуда меду ваги [5] полоцкое дают, окром того люди которые на Зороново дани даютъ по чотыры пуды

---

[1] *Буды попельные*,—шалаши изъ досокъ или изъ хворосту для складки золы, выжигаемой въ лѣсахъ на продажу.

[2] *Широкій* польскій грошъ равнялся 1 злотому 27 грошамъ обыкновенной ходячей польской монеты, на наши деньги 28½ к. сер. (Смотри Словарь Линде).

[3] *Збожье*,—всякій зерновый хлѣбъ.

[4] *Толока*—сгонъ крестьянъ на барщину въ неурочные для работъ дни.

[5] *Вага*—вѣсы, вѣсъ.

меду, десет корцовъ[1] жита[2] десет корцовъ ячменю и десет корцов овса, и мостъ на дорозе витебской мостят а замостивши мостовничому воеводиному тры гроши широких и тры четвертки овса тры хлебы и трое кур дають, к томуж двору гоны бобровые по ретце Язвиницы и по Зороницы на влодыку людей двор влодычын на Папини с пашнею, к тому двору людей прихожих. . . . . (*)., которые ж къ тому двору папинскому по два дни в недѣли служать и половину меду со всих пчол своих влодыце дають, К томуж двору слуга путный[3] одинъ, который ему конем служить, . . . третий двор владычыи вместе на посаде за вытебском, к тому двору людей прихожих у каменя девичего чотыри чоловеки, которые владице дають жита тры корцы, овса тры корцы, пшеницы полкорца, ячменю полкорца, и к тому двору с чимъ роскажут служат и сено косят и на дорозе рошской съ потужники[4] своими мосты мостят, мостовничому воеводиному замостивши мосты тры грошей широких, тры четверки овса, трое кур, и тры хлебы дают; К томуж двору на заполи в селе Стайках чотыри чоловеки прихожих, которые влодыце куницы даютъ сорок пят грошей широких и службу и томуж двору мещан витеб-

---

[1] *Корецъ*,—родъ польской хлѣбной мѣры. Въ древности, на Руси, корецъ означалъ мѣру зерноваго хлѣба, содержащую не болѣе гарнца, которая иначе называлась кобелъ, или кобль, но въ Польшѣ она совмѣщала несравнено болѣе, покрайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1764 г. сеймовою Конституціею было опредѣлено, чтобъ корецъ варшавскій равнялся 32 гарнцамъ.

[2] *Жито*, рожь.

(*) Пунктиры, какъ въ прежнихъ, такъ въ настоящихъ и будущихъ документахъ означаютъ вытершіяся отъ ветхости слова на бумагѣ, или пергаминѣ подлинника.

[3] *Слуга путный*. Въ древности, въ подвластной Польшѣ Руси было два рода низшихъ бояръ: *панцерныхъ* или путныхъ, обязанныхъ за пользованіе извѣстнымъ участкомъ казенной земли являться на конѣ на войну, и *путныхъ слугъ*, употребляемыхъ на услуги при замкахъ, въ особенности для разсылки бумагъ и писемъ, а также для взиманія податей и разныхъ даней съ крестьянъ и другихъ податныхъ людей. Бояре эти составляли среднее сословіе между шляхтою и крестьянами. (Czacki. Pr. 1. 306).

[4] *Потужники*,—работники.

скихъ влодычныхъ 39 с которыхъ приходит владыце плату копа и двадцат пят грошей, тые мещане во всяких повинностях змерщины господарскими тягнуть; Церкви в месте витебъскомъ на первей церковъ *Успеня светое пречистое*, къ той церкви село Курыно наданое отъ боярына витебского Грышка Дружиловича, в том селе одинадцать человековъ с которых приходит на церковъ, пят пудовъ меду десеть полубочковъ пива сто хлебовъ пят сыровъ и пят кориковъ свиных мяса и два зайца и к тому на иншые речы стравные пять грошей шырокихъ, Тыеж люди повинни острогъ и мостъ завитебный з мещаны робити; церковъ *Благовъщеня светое пречыстое*, к той церкви надал землю соколник витебскій Евъхремъ Сурынъ, на которой теперь два чоловеки даютъ на церков куницы по двенадцать грошей шероких, и к тому на сторожу к воротам замковым и кликать ходять и острогъ з мещаны робят; Церковъ *Светаго Спаса*, к той церкви надал мещанин витебский Өедор Яковлевич землицу которую поп тое церкви з доли пахати даеть; церковъ *светого Дмитрія*, ку той церкви земля з давних часов наданая на которой тепер человек один дает на церковъ с пашни своей всякого збожя четвертый сноп; церковъ *Светого Глеба и Бориса*, ку которой земля также з давних часовъ наданая, на той земли тепер человекъ одинъ, который даетъ на церковъ с пашни своей всякаго збожя пятый сноп а во всяких повинностях з мещаны государи съ ними тягнет; Церковъ светого *Ивана Богослова*, к той церкви земля также з давных часовъ наданая на которой тепер человекъ одинъ дает на церковъ с пашни свое всякого збожя пятый снопъ, к празднику светого Ивана Богослова тры куры, десеть яец порося и тры зайцы, къ той же церкви мещанинъ витебский Иванъ Олехнович надалъ землю у Тумищовичах, которую попъ тое церкви з доли пашить; Церковъ светого *Ивана Злотоустого*, ку той церкви земля наданая которая тепер в пусте лежить; церковъ. земля также з давных часовъ наданая, которую теперъ попъ тое церкви з доли

пахати даеть; инших церквей в месте *немало* нижли ку ним людей земли и наданя ни которого нет.

У Любашкове церковъ светого *Николы,* к той церкви земля з давнихъ часовъ наданая, на которой тепер человек один дает на церковъ с пашни своей всякого збожя четвертый сноп.

2-е. Изъ описаня замку и места могилевского интраты[1] на короля старосту и церкви могилевское.

Церкви Могилевские наперве̂й.

Монастырь Светого Спаса к тому монастыру наданя иншаго нет одно и вместе мещан монастырскихъ 34 с которых плату приходит 3 копы 41 грошъ[2].

Церковъ *Светое Тройцы* к ней наданя ни которого нет одно с перевозу днепровского часть яко иншым церквям.

Церковъ *Светое Пречистое* ку той церкви, мещанъ с которых на церковъ приходитъ 23 грошы.

Церковъ *Светого Или* к той церкви мещан 2 с которых приходитъ на церковъ 20 грошы.

Церковъ Светого *Николы* къ той церкви мещанъ 37 с которых на церковъ приходит 4 копы и 41 грош.

Церковъ Светых *Кузмы и Дамяна* к тои церкви мещан 8 с которыхъ на церковъ приходит 56 грошы.

На тыи вси церкви с перевозу через днепрьского под местом чинитъ 260 коп грошы, яко вышей описано.

По всей волости Могилевской гоны бобровые ловы зверынные подданные господарскіе на себе ловят, а с того господарю Его милости за бобры и тивунщину платят зо всее волости на господаря Его милости приходит: меду данного 60 кадей въ каждой кади по 260 медницъ, в каждой медница по шести безменов.

С того меду к монастырю *Печерскому* до Киева дают 60 кадей.

---

[1] *Интрата,*—доходъ.

[2] *Копа* серебренныхъ грошей составляла 60 злотыхъ польскихъ, около 9 руб. сереб.

С тоеж волости приходить на монастырь *Пустынскій* под Оршою, 100 медниц меду тоеж меры и 5 коп гроши.

На церковъ *светое Пречистое* въ Могилеве 8 медниц меду тоеж меры.

На церковъ *Светого Спаса* в Могилеве 3 медницъ меду *.

Ktoro to przepisy z Rewiziey Witepskiey i Mohilewskiey Eppowi Połockiemu z pieczecia W. J. Pana Podkomorzego wydane. Działo sie w Wilnie Roku 1619 m. Maia 31 dnia.

(М. П.)

Correxit Kimbert.

Янъ Долмат Іарковски Подкоморы минский скарбовый Писарь.

5.

Наказъ полотскаго воеводы Станислава Довойны полотскимъ боярамъ Василію и Ивану Михайловичамъ Зиновьевичамъ Корсакамъ, дабы явились въ судъ воеводы для дачи объясненія по исковой жалобѣ на нихъ нарѣченнаго полотскаго владыки Глѣба Ивановича Корсака. 1559 г. мая 6.

(Списана съ подлинника, находящагося въ архивѣ Бабинидкой церкви (полоцкой епархіи). Связка 1, № 28).

Отъ станислава станиславовича довойна воеводы полоцкаго державцы свислоцкого Бояромъ господарскимъ

---

* Вотъ еще образчикъ мало испорченнаго польскимъ вліяніемъ русскаго языка, на которомъ писали (по всей вѣроятности и говорили) образованные классы народонаселенія юго-западной Россіи! Въ архивахъ сей страны находятся тысячи подобныхъ образчиковъ и всѣ они составляютъ сильный протестъ противъ нѣкоторыхъ украино-филовъ, утверждающихъ будто бы языкъ нынѣшнихъ великороссіянъ, такъ близко подходящій къ симъ образчикамъ, не есть тотъ же самый языкъ, на которомъ писали и говорили жители юго-западной и западной Россіи до подпаденія ихъ подъ владычество Польши.

земли полоцкое пану василю а пану ивану михайловичомъ зиновьевичомъ *корсакомъ* жаловали намъ бояре господарские земли полоцкое нареченый архиепископъ владыка полоцкий витебский и мстиславский панъ *глебъ ивановичъ корсакъ* и с братаничи своими паномъ юрьемъ а паномъ иваномъ федоровичи а паномъ григорьемъ богдановичомъ *корсакамижъ* о томъ штожъ дей вы будучи брятя ихъ старшая маючи межи собою имене цотовое (общее) неделъно которое дей на всехъ на васъ спадкомъ пришло (досталось по наслѣдству) по небожчикухъ (по покойныхъ) дядкохъ вашихъ пану степану а пану андрею зеновичахъ якъ у *бобыничахъ* и *вселищу* и в иншихъ селахъ и к тымъ именямъ прислухуючихъ (принадлежащихъ) дядковщины ихъ гдежъ дей есте никоторые стыхъ именей промежку субою разняли на части до вечистого делу покибы есте о томъ межи себе вечистый делъ вчинили бо дей братя пана глебова панъ ѳедоръ а панъ богданъ кгды дей есте тые именя розняли летъ своихъ еще не мели а такъ дей они теперъ дошедши летъ своихъ хотятъ тые вси именя которые спадкомъ по дяткохъ вашихъ и нашихъ на насъ пришли вчомъ еще вечистого делу отъ васъ нестало делъ мети. Ктому тежъ жаловали намъ ижъ дей которое имене достакюсе отцу вашому у делу на имя *дерновичи* з людми и земълями пашнями и з деревомъ бортнымъ нижли дей штосе дотыче (касается) в имени в дерновичахъ лововъ звериныхъ и гоновъ бобровыхъ то дей вамъ знами в цотове то пакъ дей вы на тыхъ ловехъ звериныхъ и гонехъ бобровыхъ людьми моцно (сильно) кгвалтемъ (насильно) понасаживали и оные ловы звериные и гоны бобровые показали в чомсе чрезъ нисколько летъ кривда и шкода немалая деетъ которыхъ шкодъ (убытковъ) реестръ они в себе меновите написанный маютъ и на праве передъ нами положити хочуть и втомъ же именю дей вашомъ дерновичахъ реце *дрисе* люде ваши дерновские по власныхъ (собственныхъ) гонахъ бобровыхъ имъ з вами сполныхъ (общихъ) *езы* маютъ и *сежи* держать и шкоду имъ немалую у боброхъ чинять. Ктому тежъ жаловали намъ ижъ дей которое имене маютъ на *туросе* сполное (общее) боръ такожъ якъ и по земли туросской

такъ тежъ по земли кугонской то пакъ дей люди ваши неведая чи з дозволенемъ вашимъ або и борты у нихъ поднимали и мало што имъ оставили и клеймо дей переписали ку великой щкоде и накладу (издержекъ) ихъ. При томъ теже жаловали намъ ижъ дей якъ вы сами такъ и слуги ваши и люди по землямъ и сеножатямъ ихъ новые дороги моцно и кгвалтомъ прокладаете черезъ заручный листъ з ураду гдежъ дей николи передъ тымъ дороги небывали и дороги дей старые в листехъ делчихъ есть описаные вы дей тыми дорогами старыми нехочете ездити. Ктому тежъ жаловали намъ ижъ дей которые озера за дедовъ и продковъ вашихъ нетягнуты за великимъ накладомъ не для васъ але для себе озеро *плино* вычистыли вы дей напротивку того озера справой невычистивши незведома скоторое причины его волочите ку крывде (обидѣ) и шкоде ихъ немалой. Ктому тежъ жаловали намъ которые *надання* продковъ вашыхъ и васъ самыхъ на церкви божие у *бабыничасъ* меновыте на церковъ светое *николы* на церковъ светое *пречистое* на церковъ светое *пятница* (Св. Параскевіи) на церковъ светое *спаса* и на церковъ светое *борисо-глеба* земли цотовое на местцо братское и на попы и на дьякона и на проскурню и на шпиталь и плацъ гдебыся мели мертвые класти то дей вы сами на себе тые земли и люди ваши побрали и вгороды вгородили з великою крывдою и шкодою староӝитное *релеи грецкой вашое* и хвалы божое. Ктому тежъ жаловали намъ панъ глебъ владыка полоцкий съ братаничомъ своимъ паномъ грегоремъ особливе братаничомъ своихъ сыновъ пана федоровыхъ ижъ дей вы яко есть у листей делчихъ описано ижъ маете мети пашни у бору ихъ коровайскомъ гдежъ дей они подъ тымъ боромъ маютъ пашни свое и будоване дерева на дворы ваши кромъ дерева бортного нерушатъ бо дей борть сполная ихъ трехъ братовъ по той земли то пакъ дей коли стада ваша гоняють тамъ на паству жита и ярие имъ травятъ и шкоды имъ немалые чинять и кгдыжъ дей дерево на бодоване вамъ беруть тогды дей дерево бортное секуть и до дворовъ вашихъ везуть о чомъ же ся имъ отъ васъ крывда и шкода немалая деетъ кото-

рыхъ же одныхъ шкодъ своихъ реестръ у себе меновите написаный маютъ его передъ нами на праве положити хотятъ и о всемъ о томъ передъ нами очевисто з вами мовити хотя про то приказуемъ вамъ абы есте передъ нами ку праву стали и з нимися втомъ розправили на тотъ рокъ (срокъ) на который они передъ насъ васъ позовутъ симъ нашимъ листомъ конечне (непремѣнно). Писанъ у полоцку лета божего нароженя 1559 месеца мая 6.

(М. П.)

Янъ Кублицций писаръ.

Примѣчаніе. Фамилія Корсаковъ есть одна изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилій въ Бѣлоруссіи. О Корсакахъ упоминается въ документахъ 15 и 16 столѣтій, какъ о богатыхъ и знатныхъ боярахъ *земли Полоцкой*. Во время владычества надъ Бѣлоруссіею Польши, они владѣли огромными помѣстьями и занимали высшія государственныя должности: нѣкоторые изъ нихъ были полотскими воеводами, подвоеводами, каштелянами и проч.; другіе же служили при великокняжескомъ или королевскомъ дворѣ, состоя въ числѣ первыхъ придворныхъ чиновъ. Корсаки также отличались, въ свое время, и особенною ревностію къ православной вѣрѣ, которой они всѣ, до конца 16 столѣтія, были непоколебимыми послѣдователями. Памятникомъ таковой ихъ ревности служатъ, между прочимъ, основанные ими въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи православные монастыри и церкви, которыя они щедро надѣляли населенными и ненаселенными имѣніями, разными угодьями и богатыми вкладами. Въ особенности монастыри полотскіе, какъ прежде существовавшіе, такъ и существующій нынѣ монастырь Борисо-глѣбскій, считали Корсаковъ въ числѣ своихъ главныхъ вкладчиковъ и ктиторовъ. (Смотри Архивъ Пол. Борисо-глѣбскаго монастыря; Архивъ Полотск. Духов. Консисторіи. Связка 31 и 32; Архивъ Полотскаго Уѣзднаго Суда и проч...) Сверхъ того, Корсаки, въ эпоху насильственнаго водворенія латинизма и введенія уніи въ Бѣлоруссіи (въ 17 вѣкѣ), всегда были во главѣ защитниковъ гонимаго православія. Чему свидѣтельсвомъ служатъ дошедшіе до насъ подлинные протесты шляхты бывшаго Полоцкаго воеводства противъ уніи, насильно вводимой въ подвластныхъ Польшѣ провинціяхъ. На этихъ протестахъ, прежде всѣхъ встрѣчаются подписи Корсаковъ *.

* Изъ числа таковыхъ протестовъ болѣе примѣчателенъ, сдѣланный дворянствомъ б. полотскаго воеводства противъ уніи, на сеймикѣ бывшемъ въ 1599 г. въ Полотскѣ, подъ предсѣдательствомъ полотскаго подвоеводія Ивана Боркулабо-

Въ 17 и 18 столѣтіяхъ, преимущественно два дома Корсаковъ славились богатствомъ и знатностію. Это: Корсаки Бабыновицкіе и Голу ицкіе. Резиденціею первыхъ было мѣстечко Бабыновичи (витебской губерніи, лепельскаго уѣзда), составлявшее нѣкогда средоточіе торговли на пути изъ Полотска и Дисны въ Литву. Въ немъ, если вѣрить преданію, находился укрѣпленный замокъ, православный монастырь и нѣсколько церквей, слѣды которыхъ замѣтны и нынѣ. Судя по симъ слѣдамъ, должно полагать, что мѣстечко Бабыновичи раскинуто было на большомъ пространствѣ, состояло изъ многихъ улицъ и площадей и вмѣщало въ себѣ, покрайней мѣрѣ, нѣсколько тысячъ жителей. Въ настоящее время оно состоитъ изъ какой нибудь полсотни полуразрушенныхъ жидовскихъ хижинъ, и тѣмъ замѣчательно, что въ немъ нѣтъ ни одного христіанскаго дома. Памятникомъ же христіанскаго въ немъ нѣкогда населенія служитъ только единственная, ветхая и крайне убогая, православная, приходская церковь, причтъ которой находится отъ нея въ восьми верстахъ разстояніемъ, и нѣсколько древнихъ кладбищъ.

Во время войнъ московскаго царя Іоанна Васильевича Грознаго,

вича Корсака. На протестѣ семъ, въ числѣ 80 дворянъ, болѣе 10 подписей Корсаковъ. Замѣчательно, что когда іезуитамъ удалось обратить въ латинство большую часть Корсаковъ, то дабы въ потомкахъ ихъ затмить и память о чисто русскомъ ихъ происхожденіи, они сочинили и напечатали легенду о происхожденіи Корсаковъ изъ острова *Корсики*, откуда они, въ незапамятныя времена, будто бы вышли цѣлою толпою и поселились въ Бѣлоруссіи!! Въ Корсикѣ жители искони римско-католическаго исповѣданія. Если бы это была правда, что Корсаки выходцы изъ Корсики, то странно, почему они сего исповѣданія не принесли въ Бѣлоруссію и сами въ немъ не остались, когда вѣроятно, не было никакой нужды перемѣнять его на православную вѣру, а извѣстно, что всѣ Корсаки съ самыхъ древнихъ временъ были послѣдователями сей послѣдней вѣры, и, до начала 17-го вѣка, ни въ одномъ историческомъ письменномъ памятникѣ нѣтъ малѣйшаго намека, чтобы какой-либо Корсакъ былъ иной вѣры кромѣ православной. Подобныя легенды, и съ тою же цѣлію, іезуиты распространяли и о происхожденіи многихъ другихъ литовско русскихъ фамилій, совращенныхъ въ разное время въ латинство. Въ послѣдствіи Нѣсецкій, Папроцкій и другіе составители шляхетскихъ гербовниковъ и родословныхъ, сказки эти внесли въ свои книги, сдѣлавшіяся оффиціальнымъ источникомъ польской геральдики, и много подобныхъ сказокъ сочинили и сами, такъ что рѣдкій изъ польской шляхты не происходитъ отъ какого-либо выходца изъ-за-границы. Преимущественно по вкусу сей шляхты было происхожденіе ихъ отъ древнихъ знатныхъ римлянъ, какъ-то: кесарей, консуловъ и т п Посему и у насъ явились свои Урсины, Корвины и проч., съ прибавленіемъ собственно польскихъ прозваній Во времена недостатка въ Польшѣ и Литвѣ исторической критики, когда безусловно вѣрили всему печатному, родословныя эти сказки принимаемы были за непреложную истину, вслѣдствіе чего, быть можетъ, и теперь есть такіе изъ здѣшнихъ даже просвѣщенныхъ дворянъ, которые, не имѣя случая, а можетъ быть и охоты повѣрить сказанія о ихъ происхожденіи Нѣсецкихъ и другихъ подобныхъ компиляторовъ съ подлинными своими фамильными документами и съ другими достовѣрными источниками, считаютъ себя (и даже этимъ, какъ бы и гордятся нѣкоторые!!) по происхожденію, не крови славянской, а иноплеменной.

послѣ занятія войсками его Полотска, нѣкоторые изъ Корсаковъ, недовольныхъ польскимъ правительствомъ, передались Іоанну. (См. архивъ полотскаго уѣзднаго суда и фамильный архивъ лепельскаго уѣзда помѣщика г. Людвика Корсака) Вслѣдствіе чего съ семействами своими переселились въ Москву. Іоаннъ надѣлилъ ихъ вотчинами и потомки сихъ Корсаковъ существуютъ въ Россіи понынѣ, подъ названіемъ *Корсаковыхъ* и Дундуковыхъ Корсаковыхъ.

Изъ фамиліи бѣлорусскихъ Корсаковъ нѣкоторые были въ духовномъ санѣ и занимали важныя іерархическія должности. Къ числу ихъ принадлежитъ и упомянутый въ семъ документѣ владыка полотскій Глѣбъ (Герасимъ) Ивановичъ. Онъ нареченъ былъ въ епископа въ 1559 году марта 28 королемъ Сигизмундомъ Августомъ II, по ходатайству полотскаго воеводы Станислава Довойны и по просьбѣ полотскихъ бояръ и мѣщанъ. Вслѣдствіе чего, постригшись въ монашество подъ именемъ Герасима, посвященъ въ архіепископа въ Кіевѣ. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ видно, что архіепископъ Герасимъ, по слабости къ своимъ родственникамъ—Корсакамъ и Щитамъ, мало заботился о сохраненіи монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ, а напротивъ большую часть оныхъ роздалъ въ пожизненное ихъ владѣніе, что было поводомъ присвоенія сихъ вотчинъ Корсаками и Щитами и послѣ смерти архіепископа, а слѣдовательно и многолѣтней тяжбы съ ними его преемниковъ. Архіепископъ Герасимъ скончался въ 1563 году и погребенъ въ полотскомъ Софійскомъ соборѣ. Предмѣстникомъ его на полотской архіепископской каѳедрѣ былъ Гермогенъ Литаворъ-Хрептовичъ, а преемникомъ Арсеній Шишко.

Въ годъ кончины архіепископа Герасима Корсака, г. Полотскъ былъ завоеванъ войсками московскаго царя Іоанна Васильевича Грознаго и находился въ его рукахъ шестнадцать лѣтъ. Во весь краткій этотъ періодъ времени, полотская епархія состояла въ вѣденіи московскихъ митрополитовъ и на ея каѳедру возводимы были тоже православные епископы, но поставляемые, съ утвержденія Іоанна, въ Москвѣ, которые титуловались полотскими и великолуцкими. Впрочемъ въ тоже время, польскіе короли назначали для сей епархіи также и съ своей стороны православныхъ архіепископовъ, зависѣвшихъ отъ кіевской митрополіи и имѣвшихъ свою столицу то въ Витебскѣ, то въ Могилевѣ. Они не оставляя прежняго титула архіепископовъ полотскихъ, витебскихъ и мстиславскихъ, управляли только тою частію полотской епархіи, которая оставалась за Литвою.

(О архіепископѣ Герасимѣ (Глѣбѣ) Корсакѣ смотри: 1) Историч. Акты относ. къ Ист. Зап. Россіи Т. 2. прилож. къ № 75 стр. 11; тожъ Т. 3 стр. 95 № 20; 2). Собраніе древ. актовъ и грамотъ г. Минска № 18; 3). Архивъ полотск. дух. конс. № 115 и 268; 4). Карамзинъ Т. IX, и другихъ).

6.

Жалованная подтвердительная грамота короля Стефана Баторія на разныя имѣнья и угодья, пожертвованныя нѣкоторыми могилевскими дворянами въ пользу Бордиловской церкви *. 1584 г. ноября 18.

(Списана съ подлинника, хранящагося въ архивѣ полотской духовной консисторіи. Связка 1. № 4?).

Ознаймуемъ тымъ нашимъ листомъ поведили переднами Богомольцы наши свещенники волости могилевское села Бордиловичъ Федоръ а Кузма романовичи иж дей продокъ нашъ славное памети король его милость Жигизмундъ августъ далъ отцу ихъ Роману ивановичу церковъ светое покровы в селе Бордиловичахъ и кней на выхованье млынъ на реце Баси и напашню у грузе коровчинъскомъ бочокъ на две а лесу тежъ бочокъ на две а маршалокъ дей дворный подскарбій земскій на тотъ часъ будучи староста могилевскій а теперешний панъ виленскій канцлеръ великаго князства литовского староста Берестейский и кобрынский панъ *остафей воловичъ* на туюж черковъ *своея релеи грецкой* надалъ былъ селищо всадное на которомъ дей теперь сами мешкаютъ и церковъ стоить а подъстаростий дей бывший могилевский *Борколабъ Корсакъ* присудилъ былъ отцу ихъ селище за рекою Басею где дей первей церковъ стояла а потомъ дей панъ виленский гетманъ великий небожчикъ (покойникъ) панъ *григорій ходкевичъ* будучи старостою могилевскимъ на туюж церковъ надалъ дей служобъ пустыхъ две одну вовулеву а другую семена и левка лопиничовъ которую дей церковь также и еси тые кгрунты вышей мененые отецъ ихъ до живота своего а потомъ они ажъ до сего часу вдержанію маючи ихъ спокойне уживали якож дей на вси тые кгрунты (пашни) листы

---

* Въ могилевской епархіи.

тамъ продка нашого короля его милости Жикгимонта Августа яко и пановъ старостъ могилевскихъ вышшей мененыхъ они у себѣ мели дей вроку семдесятъ осмомъ кгды тая церковъ сгорела тогди дей тые вси листы вней погорѣли и были намъ челомъ абы есмо тую церковъ и вси кгрунты вышей мененые которые отецъ ихъ и они здавна держать листомъ нашимъ имъ подтвердили, мы господаръ видечи быть речъ слушную зласки нашое господарское за причиною некоторыхъ ихъ милости пановъ радъ нашихъ а за чоломъбитьемъ ихъ тую церковъ Покровъ светое Богородицы тамже и вси тые кгрунты вышей мененые и млынъ здавна на тую церковъ наданый свещенникамъ вышей мененымъ даемъ и симъ листомъ нашимъ потвержаемъ маютъ они сами дети и потомки ихъ втои церкви службу Божую служити пана Бога защасливое панованье (царствованіе) наше просити и тыхъ своихъ кгрунтовъ вышей всемъ листе нашемъ помененыхъ зо всимъ тымъ якося они здавна сами в собе маютъ также и млынъ на реце Баси на себе держати и ихъ уживати и всякие пожитки собе привлащати до животовъ своихъ одножъ подъданныхъ нашихъ веры хрестьянское и патера (молитвы) научати и того межу ними постерегати маютъ якобы блудъ никоторый межи ими не былъ и на то есмо попомъ вышей мененымъ сесь нашъ листъ до которого и печатъ нашу притиснули есмо казали, писанъ у городне, лета отъ нароженя сына Божого тисяча пятсотъ осемдесятъ четвертого месеца ноября осмогоднадцать дня.

Stephanus rex. (М. П.) Левъ Сапега Писарь

Примѣчаніе. Упоминаемые здѣсь Воловичъ, Корсакъ и Ходкевичъ, въ то время еще были ревностными послѣдователями греческой вѣры, т. е. православія Корсаки впервый разъ измѣнили оной при Іосафатѣ Кунцевичѣ, а Воловичи и Ходкѣвичи въ первой половинѣ 18 столѣтія. (Смотри Акты относящ. къ Исторіи Зап. Рос. Томъ IV и V; Акты гг. Минска, Пинска, Вильны Трокъ и друг.; Stryikowsky, Bielski, Siebelski, Kraszewski, Jaroszewicz, Narbutt и церковные и монастырскіе архивы полотской епархіи).

7.

Свидѣтельство вознаго виленскаго повѣта о строеніи въ Вильнѣ православной церкви иждивеніемъ г-жи *Зѣновичевой*, брестской воеводиной и г-жи *Абрамовичевой*, Смоленской воеводиной. 1597 г. марта 27.

(Списано съ рукописи, находящейся въ архивѣ полотской духовной консисторіи. Связка 30 № 27).

Випись скнигъ кгродскихъ враду воеводства виленского.

Лета Божего нароженья тысяча пятсотъ деветдесятъ семого месеца марца двадпатъ семого дня.

На враде его королевское милости кгродскаго воеводства виленского передомною станиславомъ пукштою плявзкгейловичемъ хорунжимъ волковыскимъ Наместникомъ виленскимъ, Ставили очевисто возный повету виленского петръ Юрьевичъ Новоша сознанье свое устъное учинилъ стого сознанья своего квитъ (росписка) подъ печатью своею и тежъ подъ печатьми стороны шляхты ку записанью до книгъ кгродскихъ виленскихъ подалъ писанный тыми словы Я теперь юрьевичъ новоша возный повету виленскаго зознаваю тымъ моимъ квитомъ ижъ вроку, теперъ идучомъ тисеча пятсотъ девятдесятъ семого месеца марца семнадцатого дня маючи Я возный при собе стороною людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ пана миколая Лазаровича а пана станислава Яновича закону греческаго заужитемъ ихъ милости пановъ бурмистровъ радецъ и лавниковъ текгожъ закону вызнавцевъ ходиломъ спаномъ остафъемъ макъсимовичомъ Боровикомъ на пладъ дизунитовъ грецкого закону ихъ милости пановъ воловичевъ ку запытаню хтобы росказалъ тую церковъ дызуницкую будовать (строить) пыталъ (спрашивалъ) передомною вознымъ ставшаго дайлиды матфея полочанина который такъ поведилъ ижъ я будую заросказаньемъ и накладомъ (иждивеніемъ) ихъ милостей паней ее милости панее воеводиное берестейское панее *зеновевичовое* такъ тежъ и ее милости панее воеводиное смоленское панее *Абрамовичевое* такъже и муляра (каменьщика) пытали яна войтеховича который

втыежъ слова поведилъ якъ и далида што панъ остафей боровикъ радца виленский самъ за самого себе и именемъ всихъ пановъ бурмистровъ радецъ и лавниковъ виленскихъ стороны закону греческого набоженства (Богослуженія) русского не вунии будучыхъ мною вознымъ и стороною тыми добрыми людми шляхтою которые при мне были осветчилъ (объявилъ) и оповедалъ ижъ тую церковъ новую на томъ пляцу ихъ милостей пановъ воловичовъ будуютъ (строятъ) безъ позволенья и ведомости враду местъского стороны руское дизуницкого вызнаня (исповѣданія) о томъ ани ведати хочуть якожъ я возный то все што слышалъ зобу сторонъ и што виделъ далъ есми тотъ мой квитъ купрызнаню докнигъ врадовыхъ кгродскихъ спечатью моею и спечатми тыхъ двухъ шляхтичовъ даломъ, року месеца и дня вышъписаного у того квиту печатей притесненыхъ тры которое устное очевистое сознанье менованого вознаго и той квитъ его до книгъ кгродскихъ виленскихъ естъ вписанъ скоторыхъ и сесъ выписъ змоею печатю остафью максимовичу Боровику естъ выданъ у вилни.

(М. П.)

Примѣчаніе. Изъ сего свидѣтельства видно, что въ концѣ 16 вѣка дворяне: Воловичи, Зеновичи, Абрамовичи, Лазаровичи и Яновичи, коихъ нынѣшніе потомки исповѣдуютъ римско-католическую вѣру и вѣроятно поэтому только именуютъ себя поляками, еще были послѣдователями восточной каѳолической церкви и что члены виленскаго магистрата, а безъ сомнѣнія и большая часть жителей Вильны, еще въ то время не были совращенны въ недавно возникшую унію.

8.

Жалованная грамота короля Сигизмуда III Кормницкому братству витебской Спаской церкви на право возобновленія сей церкви и на вольный складъ меду, пива и водки. 1619 г. февраля 3.

(Списана съ подлинника находящагося въ архивѣ полотской духовной консисторіи. Связка 3. № 34).

Жигимондъ III Божою милостью Король Польскій Великий Князь Литовский Руский Пруский Жомойтский

Мазовецкий Инфлянтский а Шведский Игодский Вандальский дедичъный король.

Ознаймуетъ симъ листомъ нашымъ ижъ донесены намъ Прозбы отъ имени Велебного въ Бозе отца Иосафа Кунцевича архиепископа полоцкого Витебского и мстиславского и прекладано ижъ для доскональшаго опатреня и розмноженія хвалы Божое в месте нашомъ Витебску мещаномъ тамошнимъ витебскимъ кормникомъ благословилъ направит церковъ опалую заложеня[1] Преображеня господня и зпределомъ что у Николая зарекою Витбою на Посаде узгорскомъ у Пирожномъ раду, имет склады звыклые на Празникъ светого архистратига Михаила и светого Семиона на опатрене церковныхъ справъ и на выховане[2] священника при той церкви дъякона и дъяковъ немней тежъ и убогихъ в шпиталю[3] мешкаючихъ а ижъ бы то полезне ити могло позволилъ тымже кормникомъ мещаномъ витебскимъ пры той церкви звышъ помененой первенство церковное въ которое они списавшысе моглибы с посродку себе што рокъ старшихъ обирать и схаджки на обмыслене прыходовъ и росходовъ водлугъ ухвалъ имъ отъ себе на писме данныхъ пры бытности Презвитера архиепископомъ . . . подле словъ мевать Мы господаръ видечи в томъ прозбы архиепископа Полоцкого быть слушные (справедливые) ласкаве есмо на то все позволили симъ листомъ привилеемъ нашимъ церковъ Преображеня Светого Спаса и предиломъ Светого Николы поправить и будовать (строить) помененымъ кормникомъ мещаномъ Витебскимъ за рекою Витбою на посаде Узгорскомъ у пирожномъ раду позволяемъ и на опатреніе (снабженіе чѣмъ-либо) тое церкви и предилу светого николы и выховане духовныхъ клады шынку медоваго пивного горелочного и прывозного к вышъ намененымъ Празникомъ Светого Михаила Архангела и Семиона звыклые на вси прежнии вечные часы надаемъ и брацтво кормницкое пры той же церкви Преображе-

---

[1] *Заложеня*, основанной во имя Преображенія Госп...
[2] *Выховане*,—содержаніе.
[3] *Шпиталь*,—Богодѣльня.

нія Светого Спаса . . . Архиепископа Полоцкаго имъ позвовенное ствержаемъ, которое водлугъ порадку вышей наменоного маются во всемъ заровне . . . . со всимъ и повинуючые Архиепископомъ Полоцкимъ . . . . теперь и напотомъ будучымъ часы вечными. в чомъ Арендары Карчемъ въ томъ месте витебску будучые жадное пересказы в помененныхъ напоіевъ задавати и трудности чынити немають поготовю замковые соурадники на твердост чого и сей листъ Привилей напъ сподписомъ руки нашое господарское и печатю Вел. княз. лит. преречоному брацтву кормницкому дали Есмо Писанъ у Варшаве на Сойме вальномъ Лета отъ нароженя Сына Божого Тисеча шестсотъ деветнадцатого месеца февраля третего дня.

Sigismundus Rex. (М. П.) Стефанъ Пацъ Писарь Vidi Wollovicz.

9.

Письменный актъ дворянина полотскаго воеводства Ивана Стабровскаго, объ отдачѣ имъ братняго дома, въ г. Полотскѣ, на устроеніе въ немъ временной православной церкви, по случаю отнятія всѣхъ полоцкихъ церквей на унію. 1621 г. мѣсяца іюня 10 дня.

(Списанъ съ подлинника, находящагося въ архивѣ полотской дух. консисторіи. Связка 30. № 7).

Я Янъ стабровский ознаймуе тымъ квитемъ моимъ ижъ кгды вси церкви нашое старожитное релеи грецкой и монастыри и церковъ Светое Софѣи у замку въ месте Полоцке будучие, архиепископъ Іосафатъ самъ оборотившися внову веру унию, неслушне и кгвалтемъ (насильно) ихъ у насъ зафытилъ, а ижбы хвала бозка (Божія) у насъ релей грецкой земянъ и мещанъ воеводства полоцкого никгды неуставала, домъ его милости пана ерекго (Юрья) стабровскекго пана брата мекго кторы есть вместе полоцкимъ надъ рекою двиною належонцы до маетности

(имѣнія) пола за ужитемъ ихъ милости пановъ приятеловъ земянъ воеводства полоцкаго, пановъ брати моихъ и мещанъ некоторыхъ в нашой старожитной релеи грецкой подъ послушенствомъ константинопольскаго патриархи вытрвалыхъ (пребывшихъ постоянными) далъ есмь до часу слушного (до положеннаго времени) на отправоване набоженства (Богослуженія) ведлугъ нашее светое релеи кгрецкое а для лепшей певности и далъ есмь тенъ мой квитъ записъ сподъ печатю моею и сподписемъ руки моее также сподписомъ ихъ милости пановъ брати моихъ писанъ у полоцку десятого Юня року тисеча шестсотъ двадцатъ первого.

Янъ Стабровскій рукою своею (М. П.) Прошоны печентаръ Петръ Корсакъ. Прошоны печентаръ Севастянъ Селицкій. Прошоны печентаръ Янъ Селява рукою своею.

Примѣчаніе. Изъ сей записи видно, что въ 1621 году всѣ православныя церкви и монастыри въ Полоцкѣ были уже отобраны архіепископомъ Іосафатомъ Кунцевичемъ на унію, такъ, что жители сего города, оставшіеся вѣрными православію, не имѣли гдѣ совершать богослуженіе и посему принуждены были обращать въ церкви частные домы, какъ напримѣръ домъ Стабровскаго, или, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, молиться въ устраиваемыхъ за городомъ шалашахъ. Не смотря однакожъ на такое лишеніе православныхъ жителей Полоцка ихъ церквей, многіе изъ нихъ не захотѣли принять унію, и пребыли непоколебимыми въ вѣрѣ своихъ прежней. Подписи на сей записи Стабровскаго, Корсака, Селицкаго и Селявы, доказываютъ, что въ то время эти фамиліи бѣлорусскихъ дворянъ еще были православными, т. е. греческой вѣры. Языкъ, на которомъ написана эта запись, хотя и русскій, но уже совершенно исковерканный на польскій ладъ. Вообще надобно замѣтить, что со времени Сигизмунда III элементы польской народности стали сильно подавлять русскую народность, въ попавшихся подъ власть Польши русскихъ областяхъ и, между прочимъ, письменный русскій языкъ, въ особенности въ оффиціальныхъ бумагахъ, подвергся этому подавленію, [illegible] полонизмами.

10.

Выпись изъ книгъ духовныхъ дѣлъ кіевской митрополіи, полоцкого и витебского архіепископства, наказной грамоты короля Сигизмунта витебскому воеводѣ Янушу Костевичу о прекращеніи обидъ, причиняемыхъ нѣкоторымъ витебскимъ православнымъ* церквамъ.

(Списана съ подлинника, находящагося въ Тадулинскомъ монастырѣ. № 2, связка 18).

Жигимонтъ Божью милостию Король польскій Великий князь Литовский Русский Прусский Жомойтскій и иныхъ.

Воеводе Витебскому Маршалку Нашому державцы родуньскому Пану Янушу Костевичу и инымъ Воеводамъ, хто и на потомъ будетъ от насъ Витебскъ держати. Присылалъ до насъ Архіепископъ Полотскій и Витебскій Іосифъ и Архимандритъ и вси священники Витебскіе Жалуючи о томъ, читожъ крывды и втиски великіе Церквамъ Божимъ делаешъ, што еще продковѣ Наши надали на церковъ Божью Успенья Пресвятое Богоматери з двора нашого Илемницы в каждый годъ на праздникъ яловицу, а сто хлебовъ, а з волости Илемницкое дань грошовая почому на службу прійдетъ, а по десяти яецъ изъ службы, а по десятку ильну, а з другого двора нашого нашого и з Любошкова и тежъ з волости потомужъ давано, а на светого Михаила также к святу въ каждый годъ з двора нашого Илемницы яловицу, а сто хлебовъ иты дей того ничово имъ невыдавалъ. Тежъ жаловали намъ штожъ передтымъ издавна давали натую церковъ светого Михаила изъ замку пересуда правый грошъ коли воевода або на месникъ его судитъ и тые гроши сами до церкви присылывали, а теперъ за воеводетво твое того правого гро-

---

*) Королевская сия грамота дана въ 1519 году, когда еще ни одна изъ витебскихъ церквей не была обращена на Унію.

па с пересуда на тую церковъ невыдавано; также жаловали намъ што еще продкове наши надали на пять церквей Божыхъ рыболовы, которыежъ рыболовы ловятъ рыбы изъ ихъ вижомъ на тые церкви передъ святомъ по две недели,— передъ светымъ Духомъ две недели, передъ Успеннемъ Пречистое днемъ две недели, а передъ рожествомъ Пречистое две недели, а передъ светымъ Михаиломъ неделю, а передъ светымъ рожествомъ Ивана Предотечы неделю, а втые рыболовы Воеводы Витебскіе, а ни наместники ихъ немаютсе уступати, нижмо дей только коли мы Сами государъ будемъ у Витебску и они на насъ рыбы ловитъ и ты дей тыхъ рыболововъ в тые озера ихъ не впускаешь где передъ тымъ издавна ловливали, а хотя дей колы передъ которымъ праздникомъ и дозволишь ловити и тую дей рыбу што они зловятъ не себе берешь; К тому жаловали Намъ штожъ передтымъ издавна давовали изъ села изъ Бабиновичъ на церковъ светого Михайла два лукна [1] меду пресного, а у лукне по десеты пудовъ, ино дей люди прочся розышли, а котырыяся и зостали и ты тымъ некажешь тое дани на церковъ Божью давати; Также жаловали Намъ штожъ дей ты берешь на нихъ поворотщины по грошу и всторожу к замковымъ воротамъ и на обламкахъ в ночы кликати и городню мазати [2] кажешь посылати, а в томсе церквамъ Божимъ кривда великая деетъ; какъ же той священникъ которого они стою жалобою до насъ прислали о томъ о всемъ очевисто передъ нами мовилъ ино штося дотычетъ тое стацеи изъ дворовъ изъ волостей нашихъ на тые церкви Божие и ты предъ нами отказалъ ижъ теперъ имъ того не бороняешь выбирати, а который грошъ правый хоживалъ спредку да на церковъ Божью Светого Михаила и ты поведилъ передъ нами ижъ теперъ имъ того гроша не забороняешь нижли они того гроша недбалостью [3] сво-

---

[1] *Лукно*, лукошко,—круглая кадка изъ липины, выдолбленная, со дномъ, употребляемая для клажи меду.

[2] *Городня*,—заборъ или стѣна, сдѣланная изъ бревенъ, стоймя одно съ другимъ сплоченныхъ, которую обыкновенно въ городахъ и замкахъ обмазывали глиною.

[3] *Недбалость*,—безпечность, небрежность, лѣнь.

ею небрали, а они поведили ижъ издавна тотъ грошъ врадники сами до церкви посылывали, а штося дотычетъ рыболововъ и ты отказалъ ижъ ся нехочешъ уступити в нихъ и тежъ што жаловали они ижъ ты берешъ на нихъ поворотщины[1] по грошу и кажешъ ихъ посылати и ты ктому рекъ, ижъ ты неведаешъ будутли врадники твои на нихъ воротного по грошу бирали и тые служби имъ казали посылати. А про тож приказуемъ тобе ижбы еси тую стацыю изъ дворовъ нашихъ изъ Лемницы, а з Любошкова што в каждый годъ дають на церковъ Успенія Пречистое Богоматери къ празнику по яловицы, а по сту хлебовъ, а стыхъ дворовъ нашихъ и волостей з людей тяглыхъ дань грошовую почому на службу которую прийдетъ, то есть десятый грошъ на церковъ мели давать цынщового[2], а по десяты яецъ азъ службы, а по десятку ильну, а на светого Михайла изъ двора Илемницкого по яловицы, а по сту хлебовъ в каждый годъ казалъ выдавати подле давного обичаю, а которые рыболовы издавна приданы на тые церкви Божи и ты бы ся въ тые рыболовы ничимъ нивступалъ и въ озерахъ в которыхъ они здавна рыбы ловливали, имъ рыбъ ловити незабороналъ, нехай тые рыболове изъ ихъ вижомъ к тымъ святомъ вышей мененымъ рыбы у возерахъ ловятъ по двѣ недели подле давного обычаю, а который грошъ правный идеть пересуда на церковъ светого Михаила и ты бы натую церковъ Вожью выдавать подавному, а што дани издавна прихоживало на светого Михайла изъ Вобиноновичь въ каждый годъ по два лукна меду въ тую ты се дань невступатые и теж што жаловали они иж бы берешъ на нихъ поворотщины по грошу к замковымъ воротамъ кажешъ ихъ посылати стеречи и на городе клинити, и городни глиною мазати ино штобы еси в томъ имъ кривды нечинилъ и новизны неуводилъ и воротного

[1] *Поворотщина*, — пошлина, взимаемая за проходъ и проѣздъ чрезъ замковые, а иногда и городскія ворота.

[2] *Чинць*, вообще значитъ денежную подать, оброкъ, урокъ, въ особенности же означаетъ поземельную подать, а также извѣстный процентъ, платимый въ чью-либо пользу отъ поземельныхъ доходовъ и проч.

по грошу на нихъ небралъ и в сторожу к замковымъ воротамъ и теж нагороде вночы кликати и городен глиною мазати имъ ни казалъ и ни вкомъ бы еси церквамъ Божимъ и священникомъ кривъды нечинилъ а што будешъ тыхъ доходовъ нобралъ ты бы еси имъ поотдавалъ и зато имъ досытъ вчинилъ, абы вжо они через то кто намъ болши того нежаловали, бо Мы государъ и в маестате [1] нашомъ всей земли Витебское выписали, ижъ старины не маемъ рушить, а церквамъ Божимъ и овшемъ [2] ненадобе кривды чинити и старого надания рушить. Писанъ у Вилни Июля 24 дня индикта 4, у того листу при печати господарской Писаръ Богушъ подписалс, который то листъ господарский выписомъ с книгъ нашихъ митрополихъ его милости отцу Іоасафу Кунъцевичу архиепископу полоцъкому выдаемъ с печатю и сподписомъ руки нашое. Писанъ у Вильни лѣта отъ нароженя сына Божого тысеча шестсотъ двадцать первого месеца Мая семнадцатого дня.

Іосифъ Архіепископъ [3].

(М. П.)

II.

Вкладная грамота полотскаго великаго князя Онуфрія полотскому Предтеченскому монастырю, на бортныя земли и угодья, съ освобожденіемъ игумена и братіи отъ подсудимости епископу. Около 1399 года [4].

(Грамота сія вписана въ харатейномъ Евангеліи XII вѣка, уставнымъ почеркомъ, перепечатана изъ 1. тома Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи).

Се язъ князь великий Анофрей положилъ есми сіе

[1] *Маестатъ*, — царское величіе.

[2] *Овшемъ*, — польское owszem, — тѣмъ болѣе, напротивъ, отнюдь, всячески и проч.

[3] Іосифъ — Веніаминъ Рутскій, изъ архимандритовъ виленскаго С. Троицкаго монастыря, произведенный въ унятскаго митрополита, по смерти Ипатія Поцѣя. Онъ былъ третьимъ униатскимъ митрополитомъ.

[4] Еще образчикъ древняго общерусскаго языка XIV столѣтія, весьма похожаго на письменный языкъ великороссіянъ до петровскихъ временъ.

еуангелие у нашемь монастыри, въ церкви у святого Іоана Предтечи, на островѣ. А предалъ есми святому Іоану: на Сомнипи землю зъ бортью, бортъ по великую дорогу, по Соменьцо озеро; на Улѣ на рѣцѣ землю съ бортью, на Витебскомъ рубежи землю съ бортью на Начѣ на нѣцѣ землю съ бортью, на Лисиѣ езъ и устье. А въ церковъ святого Іоана и въ нашъ монастырь, и въ село и въ люди святого Іоана не вступатися ни кому. А владыцѣ съ игумена Іоаньскаго и съ нашаго монастыря, Островскаго куницы не брати, а ни какихъ пошлинъ. А отъ кого будеть какая обида нашему монастырю, ино досмотреть и оборонить намъ самимъ, а по насъ роду нашему; а старцы и люди которыи живутъ на Святого Іоана земли, и судити и рядити игумену Іоаньскому, самому съ братьею, а иному никому не вступатися; а владыцѣ не вступатися въ нашъ монастырь.

12.

Протестъ полотскаго уніятскаго архіепископа Антонія Селлявы противъ витебскихъ, православныхъ дворянъ и мѣщанъ, построившихъ въ Витебскѣ новый шалашъ для богослуженія. 1656 г. апрѣля 6.

(Списанъ съ подлинника, находящагося въ Архивѣ полотской дух. Консисторіи. Связка 30. № 35).

Выпись скнихъ справъ кгродскихъ Воеводства полоцкаго. Лета отъ нароженья Сына Божого тысеча шестьсотъ тридцат шостого мѣсяца апреля шостого дня.

Навраде господарскомъ кгродскомъ воеводства полоцкаго передомною Яномъ лисовскимъ подвоеводимъ полоцкимъ отъ Ясне велможнаго пана Его милости пана Януша Кишки Стефановца воеводы Полоцкаго Гетмана Польнаго великаго князства литовскаго Старосты перновского будучымъ. Оповедалъ и Жаловалъ в Бозе велебный его милость отецъ Антоній Селява Архіепископъ Полоцкий Витебский и Мстиславский на земяна

господарскихъ воеводства Витебскаго ихъ милостей пановъ Юрья и Яна Пыпъковъ и на пановъ Семена и и Ивана Пышъницкихъ и на мещанъ места его королевской милости Витебскихъ Михаила Оковитку Остафия Гаврыловича Гелюню Матфея Лытку, Матфея Мамота, Филипа Вакара, Федора Кишку Ивана Кабибу, Ивана Москаля Слесаря Анъдрея Шпака, Ивана Свирщевского. Захарью Кабибича Федора Бороду Богдана и Ивана Бутачонъковъ, Фому и Карпа Слѣпцѣвъ, Федора Мацѣевича Антона Юревича Стефана Марцынкевича Ониска резника Москаля, Грегора и Петра Нещицкаго, Гаврылу и Матфея Глушковъ и на Деменътея Слижика которые то панове Пыпъкове и Панове Пыпъницкие и мещане особы вышъ помененые яко приньцыпалове (главные виновники) втой справе зиньшою шляхтою мещанами витебскими которыхъ они лепей (лучше) сами знають и имена ихъ яко которого зовуть ведають первей прошлыхъ летъ збудовали были вместе Витебскому будку (шалашъ) для набоженства (богослуженія) своего схизматицкаго которую, зароскзанъемъ ихъ милостей пановъ Комисаровъ роскидать до кгрунту (до основанія) мусемо (принуждены были) гдѣ отъ того часу его королевская милость вжо болей того набоженъства будокъ и церквей имъ шляхте и мещаномъ Витебскимъ у Витебску меть непозволилъ и зборонить рачилъ где аж теперъ вроку тысеча шестсотъ тридцат шостого учынившы съ собою змову они вси особы выжъ помененые зневажаючи маестатъ его Королевское милости недбаючы ничого на конституцыи Сеймовые вкоторыхъ выразне выписуеть абы опресіи (оскорбленіе притѣсненіе) и принаигабанье (насмѣшка, поруганіе) зобудву сторонъ вунии и не въ унии людемъ будучимъ нечинили а они недбаючы на то и на листъ его Королевское милости которымъ листомъ Его Королевское милости Панъ нашъ милостивый взлядомъ забитя (убіенія) и замордованя светое памети отца Іосафата Кунъцевича Архиепископа Полоцкого витебского и Мстиславъского Пастыра ихъ релии Греческое вунии Светой будучого а они мимо таковое листовное забороненe и волю Его Королевское милости смели и важи-

люде купивши пляцъ у пана Яна Киселя также на томъ пляцу мѣсяца Марца рожныхъ дней для якогось набоженства своего схизматицкого знову повторе збудовати шопу (шалашъ) и одыскавшы скутечне з манастыря схизматыцкого чернъцовъ и тамъ ихъ пры той будътце ховаючы звеликою шкодою и ущербкомъ хвалы церквей Божыхъ вунии светой будучыхъ одправують и розныхъ людей тамъ шляхту яко и посполство од церквей до тое шопы отвернули и отворочають и схадзъки (сходбища), стыми изъ иннъшыми мещаны Витебскими мають до бунътовъ противъко его милости отцу архіепископу Полоцкому приводятъ и побуждають и на Свещенниковъ подпослушенъствомъ его милости отца архиепископа полоцкого будучыхъ одповѣди и похвалки (угрозы) наздоровъе ихъ чынятъ якожъ Свещенникове Витебские небудучы безпечны здоровя своего его милости отцу архиепископу отомъ всемъ дали справу и его милость хотечы о то все знати правне чынити просилъ абы тая протестацыя до книгъ кгродскихъ полоцкихъ была записана што есть записано: Скоторыхъ и сей выписъ подпечатю моею подвоеводскою в Бозе велебному Его милости отецу Антонему Селяве Архиепископу Полоцкому Витебскому и метиславскому есть выданъ въ Полоцкѣ.

(М. П.) Янъ Бутковский Кгродский
Полотский Писарь.

Примѣчаніе. Это одинъ изъ многочисленныхъ документовъ, доказывающихъ, вопреки недавно пущенному въ ходъ мнѣнію поляковъ и увлеченныхъ ими нашихъ неразумныхъ полонофиловъ, что сами русины, а не польское правительство притѣсняло православныхъ и насильно понуждало ихъ измѣнять вѣрѣ предковъ. Для обличенія полонофиловъ и раздѣляющей *не основательное* ихъ мнѣніе «Основы», мы постоянно будемъ помѣщать въ нашемъ журналѣ подлинные сеймовыя постановленія и королевскіе декреты, клонившіеся къ истребленію православія и русской народности въ бывшихъ подъ владычествомъ Польши областяхъ русскихъ. (Смотри Вѣстникъ кн. 1. От. I. № 1. Голосъ и № 3, Supplicium; кн. 9 От. I, № 11 декрет. кор. Сигиз., сей кн. От. I № 9). Изъ сего протеста Селявы видно также, что въ то время, предки многихъ нынѣшнихъ бѣлорусскихъ шляхецкихъ фамилій, такъ упорно считающихъ себя природными поляками и католиками, еще были ревностными послѣдователями православія: Пашки, Пышницкіе, Лыка, Вампы, Кишки, Шилы, Свирщевскіе, Сѣпцы, Юревичи, Марцинкевичи, Мацѣевичи и Нащинскіе.

XX.

ЛИТВА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ И ПОЛЬШѢ.

(Продолженіе).

II.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ЛИТВѢ.

Языкъ всего лучше обнаруживаетъ народность; посему изслѣдуемъ, былъ-ли русскій языкъ чуждымъ Литвѣ, или, имѣя въ ней права гражданства, доказываетъ ближайшее сношеніе литовскаго народа съ русскимъ. Каждый согласится, что усвоить себѣ языкъ другаго народа можно не иначе, какъ отъ ближайшаго обращенія; а вмѣстѣ съ звуками принимаются и понятія, скрытыя въ разныхъ выраженіяхъ и поговоркахъ.

Какое же значеніе имѣлъ русскій языкъ въ Литвѣ?

«*Еще во времена язычества*, пишетъ одинъ ученый, *въ Литвѣ говорили по-русски* въ дворцахъ и хижинахъ» [181]).

Какимъ образомъ русскій языкъ водворился при великокняжескомъ литовскомъ дворѣ—понять не трудно. Князья женились на княжнахъ русскихъ; на какомъ же языкѣ супруги объяснялись между собою? Нѣтъ сомнѣнія, что жены сколько нибудь навыкали языку своихъ мужей; но и мужья также не могли не заимствовать языка своихъ женъ. Который же языкъ долженъ былъ взять перевѣсъ? Рѣшительно русскій, по слѣдующимъ причинамъ:

Русскія княжны, выходившія за князей литовскихъ, до замужества не слыхали звуковъ литовскихъ; посему научиться языку литовскому для нихъ было очень трудно. Напротивъ того, князья болѣе или менѣе знали языкъ русскій, потому что они,

---

181) Pam. o dziej., pism. i praw. Słow. Maciejow. 1839. T. I. стр. 544.

какъ увидимъ ниже, употреблялся въ народѣ, и слѣдовательно князья, хотя немного, знали по-русски. Обращеніе съ женами-русинками ближе познакомило ихъ съ русскою рѣчью. Сверхъ того, князья литовскіе, какъ видѣли мы выше, принимали вѣру женъ своихъ; поэтому должны были имѣть сношенія съ духовенствомъ русскимъ. Очевидно, что князьямъ легче было объясняться съ нимъ по-русски, нежели духовенству по-литовски, потому что духовенство, прибывъ изъ Руси, не могло знать языка литовскаго. Когда отъ браковъ князей литовскихъ съ княжнами русскими происходили дѣти, то языкъ матерей со дня на день болѣе и болѣе распространялся при дворѣ: извѣстно, что дѣти, безпрестанно находясь передъ глазами матерей, скорѣе выучиваются языку ихъ, нежели языку отцовъ, которые не могутъ всегда оставаться въ своихъ семействахъ. А какъ княгини и княжескія дѣти говорили по-русски,—то и придворные, по необходимости, должны были выучиваться этому языку; иначе не могли бы объясняться съ тѣми, которымъ каждодневно служили и отъ кого ожидали себѣ милостей.

По такому положенію дѣлъ, въ семействахъ Гедимина, Ольгерда, Евнута, Ягайлы и Витовта, говорили по-русски. Родъ Гедимина и Ольгерда развѣтвился очень пространно, такъ что въ трехъ ниеходящихъ степеняхъ перваго и послѣдняго составляетъ болѣе 80 человѣкъ. Князья, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, получали удѣлы, жили особыми домами, и многіе изъ нихъ женъ имѣли также русскихъ. Придворные ихъ, само собою разумѣется, должны были говорить на томъ языкѣ, къ которому князья привыкли съ малолѣтства, и на которомъ княгини говорили исключительно. Придворная прислуга, бывшая при князьяхъ съ ихъ малолѣтства, также говорила по-русски. Дружины, безпрестанно предводимыя князьями на войну, и народъ, каждодневно имѣвшій надобность къ своимъ князьямъ,—должны были часто говорить на такомъ языкѣ, на которомъ объясняться князьямъ легче и пріятнѣе, т. е. на русскомъ, такъ какъ онъ былъ языкомъ ихъ отроческихъ лѣтъ, подъ крыломъ заботливыхъ матерей. Если примемъ все это во вниманіе, то легко поймемъ, почему со временъ Гедимина и Ольгерда вся Литва, кромѣ Жмуди, которая и до сихъ поръ отличается привязанностію къ своей народности, болѣе говорила по-русски, нежели по-литовски, что увидимъ при изслѣдованіи языка судебнаго. Обращаясь къ князьямъ, замѣтимъ, что лѣтописцамъ не было никакого повода подробно записывать, кто именно говорилъ по-русски, ибо по-русски говорили всѣ—при дворѣ, въ народѣ и въ судахъ; од-

накожъ и объ этомъ есть ясныя свидѣтельства: *Ольгердъ*, имѣя обѣихъ женъ русскихъ, до такой степени сроднился съ ихъ языкомъ, что даже *на печати* великокняжеской *имѣлъ надпись русскую*. Эта печать приложена къ транзакціи, заключенной въ 1366 г. Ольгердомъ и Кейстутомъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ великимъ [182]). *Ягайло обыкновенно говорилъ по-русски* [183]); а сдѣлавшись королемъ польскимъ, изъ угожденія полякамъ, пересталъ употреблять языкъ русскій; но какъ не умѣлъ ни по-латыни, ни по-польски, то началъ говорить по-чешски [184]), т. е. на такомъ языкѣ, который ближе всѣхъ къ русскому. *Витовтъ обыкновенно писалъ по-русски* [185]). Въ 1399 г. передъ несчастною для литовцевъ битвою съ татарами при Ворсклѣ, въ станѣ Витовта явился невѣдомый старецъ, говорившій на всѣхъ языкахъ, знавшій всѣхъ, и предсказавшій пораженіе литовцевъ. Древняя рукопись говоритъ объ немъ, что когда Витовтъ осматривалъ и училъ свои войска, а послѣ возвращался въ свой наметъ съ князьями, панами и воеводами литовскими, старецъ поздравлялъ каждаго *по-русски* и называлъ, *по русскому обычаю*, по имени и отечеству, и *только иногда* говорилъ по-польски, по-латыни и по-нѣмецки, если кто не понималъ языка русскаго. Когда Витовтъ пригласилъ невѣдомаго старца къ себѣ, желая удовлетворить своему любопытству, — разговоръ веденъ былъ *по-русски*. По наряду, крестамъ и святынямъ, которыя старецъ носилъ на груди, въ немъ признавали римскаго католика, и самъ онъ назвалъ себя Яномъ изъ Покрживна [186]), слѣдовательно, былъ полякъ. Отъ чего же онъ съ великимъ княземъ, панами и воеводами литовскими говорилъ по-русски и называлъ ихъ по именамъ и отечествамъ, если не потому, что Витовтъ и всѣ важнѣйшіе сановники литовскіе обыкновенно говорили *по-русски* и *имѣли русскій обычай называться по именамъ и отечествамъ?* Кто усумнится въ послѣднемъ, того можетъ убѣдить хроника Стрыйковскаго. У него всѣ князья называются по отечеству русскимъ обычаемъ — на *вичъ*, *Gediminowic*, *Olherdowic*, и проч., а о полякахъ послѣ имени говорится *сынъ* такого-то, какъ обыкновенно употребляется въ польскомъ языкѣ.

---

182) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. I. стр. 47. прим. 262 и стр. 73.
183) Obr. Lit. Jarosz. T. II. стр. 122.
184) Pam. o dz., pism. i praw. Słow. Maciej. T. I. стр. 349.
185) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VI. стр. 557.
186) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V. стр. 612—615.

О *Свидригайлѣ* извѣстно, что его народъ любилъ особенно за *привязанность къ народности русской*[187]). Враги часто бываютъ самыми безпристрастными свидѣтелями; въ 1432 г., когда поляки успѣли лишить Свидригайлу великаго княжества литовскаго, рыцарскій шпіонъ Рейбеницъ вотъ что писалъ къ великому магистру: «Свидригайло нѣкоторымъ образомъ самъ это заслужилъ, потому, что *по любви* къ женѣ (русской княжнѣ) и *къ русинамъ*, унижалъ вѣру римско-католическую, и *началъ оказывать больше расположенія къ вѣрѣ русской;* обдирая литовцевъ, *обогащалъ русиновъ*»[188]). *Говорилъ онъ и писалъ исключительно по-русски*, такъ что даже съ рыцарями велъ переписку на русскомъ языкѣ: въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ сохранилось письмо его къ великому магистру Павлу Русдорфу 3 мая 1433 г., написанное по-русски[189]). *Казиміръ* Ягайловичъ, сдѣлавшись великимъ княземъ литовскимъ, *учился языку русскому*[190]). Историкъ литовскаго народа Нарбутъ замѣчаетъ, что при немъ *русскій языкъ и русская письменность имѣли значительный успѣхъ*[191]).

Выше уже показано, какимъ образомъ языкъ русскій отъ князей перешелъ къ народу. Но былъ еще и другой путь, которымъ онъ распространился въ Литвѣ. Ярославъ великій въ 1044 г. покорилъ землю Ятвяговъ, двѣ области коренной Литвы Нерому и Пелузію, и даже Керновъ, гдѣ послѣ была литовская столица. Для удержанія покоренной страны, было оставлено въ разныхъ мѣстахъ войско, а великокняжескій намѣстникъ жилъ въ старыхъ Трокахъ[192]). Это владычество русскихъ въ Литвѣ продолжалось около 150 лѣтъ. Обстоятельства требовали часть русскаго народа изъ близкихъ мѣстъ, напр. изъ княжества гродненскаго или пинскаго, переселить въ Литву, дабы гарнизонъ былъ безопаснѣе отъ туземцевъ. Семейства людей, принадлежавшихъ къ гарнизону, также поселялись въ Литвѣ. Обыкновенно покоренные скорѣе выучиваются языку своихъ побѣдителей, нежели послѣдніе языку первыхъ. Поэтому на лѣвомъ берегу Виліи русскій народъ смѣшался съ литовцами, передалъ имъ свой языкъ и свои обычаи, и когда литовцы, вытѣснивъ

---

187) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VII. стр. 4.
188) Switrigail. Kotzebue p. 84.
189) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VII. на стр. 132—154 напечатано вполнѣ.
190) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VIII. стр. 23.
191) Тамъ-же стр. 254.
192) Hist. Pol. Dlug. p. 599. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. III. стр. 224.

русскихъ, проникли на лѣвый берегъ Виліи, то нашли тамъ, вмѣсто Литвы, почти чистую Русь. Мы уже видѣли, что въ 1384 г. въ Трокахъ билъ православный монастырь и приходскія церкви. Начало православія тамъ нужно отнести ко времени пребыванія въ Трокахъ намѣстника великаго князя кіевскаго; иначе нельзя понять какимъ образомъ въ столицѣ Кейстутовой явилась православная обитель. Сверхъ того литовцы, будучи окружены княжествами русскими, вели съ ними торговлю [193]), и, какъ доказано выше, больше зная русскій языкъ, нежели русскіе языкъ литовскій, говорили съ ними по-русски; отъ дальнѣйшихъ сношеній болѣе и болѣе перенимали русскую рѣчь, и наконецъ совершенно усвоили ее себѣ. Вѣра, распространившаяся по Литвѣ (что доказано выше), также не мало содѣйствовала развитію русскаго языка: народъ молился Богу, слушалъ литургію и отправленіе церковныхъ обрядовъ на языкѣ славянскомъ. Такимъ образомъ языкъ русскій отъ великокняжескаго дворца до хижины земледѣльца вошелъ во всеобщее употребленіе [194]).

Посмотримъ еще на литовскую дипломацію и судопроизводство, чтобы видѣть языкъ дипломатическій при дворѣ, и языкъ судебный въ народѣ.

Самый древній изъ извѣстныхъ дипломатическихъ актовъ литовскихъ написанъ по-русски, и что всего удивительнѣе, не для русскихъ; слѣдовательно не для того, чтобы языкъ былъ понятнѣе, а потому, что *дипломатическимъ языкомъ въ Литвѣ былъ языкъ русскій.* Около 1839 г. въ главномъ Архивѣ королевства польскаго открытъ подлинный договоръ князей литовскихъ при Ольгердѣ съ королемъ польскимъ и князьями мазовецкими, *писанный* 1350 г. на пергаминѣ *по-русски*, и для означенія сроковъ мира употреблены названія праздниковъ православныхъ: «вѣдаи то каждыи челъвикъ кто на тои лист посмотритъ. Оже я князь еоунутии (Евнутій) и кистутии и любартъ юръии (Юрій) Наримонътовичъ юръии Коръятовичъ чинимъ миръ твердыи съ королемъ Казимиромъ польскъмъ и сомовитомъ (Земовитомъ) и с его братомъ Казимиромъ Мазовскимъ.... а за великого князя Олькѣрта и за корьята и запатрикия и за ихъ сыны мы слюбуемъ тотъ миръ держати вѣлми твердо... а миръ от *Покрова* бцѣ до *Иваня* дне *до купалъ* [195])» и прочее.

---

[193]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. 1 стр. 48.

[194]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. 1 стр 48

[195]) Wzory pism, dawnych. Kaz Stronczyński. Warszawa. 1839 cz. 1. № 90 и Акт. отн. къ ист. Запад Рос. 1846 г. стр. 1.

Сверхъ того *по-русски написаны* нѣсколько договоровъ Ольгерда съ князьями русскими[196]), вкладная грамата супруги его Іуліяніи въ пользу пречистенской церкви на темьянщину[197].

Впослѣдствіи дипломатическіе акты писались по-латыни, по-нѣмецки и по русски, смотря потому, какой языкъ былъ понятнѣе. *Изъ русскихъ актовъ извѣстны:* а) вкладная грамата Корибута Ольгердовича лавришевскому монастырю, около 1386 года[198]); б) Витовтова жалованная грамата троцкому монастырю 1384 г.[199]); г) его же жалованная грамата виленскимъ каноникамъ 1399 г.[200]); д) его же привиллегія литовскимъ евреямъ 1408 года[201]); е) его же жалованная грамата пану Бедриху около 1414 г.[202]); ж) его же окружная грамата объ отдѣленіи кіевской митрополіи отъ московской, 1415 г.[203]); з) Ягайлы примирительный договоръ съ княземъ смоленскимъ Григоріемъ 1386 г.[204]); и) его же грамата молдавскому воеводѣ Петру объ отдачѣ Галича 1388 г.[205]); і) его же запись молдавскому господарю Александру на 1000 руб.[206]); к) присяжная грамата Александра Патрикеевича Ягайлѣ 1400 г.[207]); л) присяжная грамата потомковъ Евнутія князей заславскихъ Ягайлѣ 1401 г.[208]); м) присяжная грамата Юрія Довготаса Ягайлѣ, 1401 г.[209]); н) жа-

---

196) O Lit. Pol praw. Czac. T. 1 стр. 47 прим. 263. Здѣсь Чацкій говоритъ, что по-русски написанъ еще договоръ Ольгерда съ Казиміромъ великимъ въ 1366 г.; но договоръ этотъ и есть тотъ самый, который сей часъ означенъ (ибо другой не извѣстенъ), и относится къ 1350 г., ибо въ немъ говориться о *ятствѣ Любарта* и раздѣлѣ земель волынскихъ и галицкихъ, что и было въ 1350 г. Ист. Гос. Пол. Бандтк. т. 1 стр. 260. Dz. st. nar. Lit. Narb. T. V стр. 40—58. Къ 1366 году договоръ этотъ ни въ какомъ случаѣ относиться не можетъ, ибо въ немъ между прочимъ договариваются *за Коріата*, а Коріатъ умеръ въ 1358 г.

197) Акт. относ. къ Ист. Зап. Рос. 1846 г. т, I стр. 21.

198) Акт. отн. къ ист. Запад. Рос. т. 1. N 7.

199) Тамъ же N 6.

200) Собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. II стр 146.

201) Акт. отн. къ ист. зап. Рос. т. I. N 15.

202) Тамъ же N 9.

203) Тамъ же N 22.

204) Тамъ же N 25.

205) O Lit. i Pol. pr. Czack. T. 1 стр. 81, пр. 368.

206) Акт. отн. къ ист. Запад. Рос. т. I, N 8.

207) O Lit. i Pol. pr. Czack. T. I. стр. 258 въ примѣч.

208) Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. N 17.

209) Тамъ же N 19.

лованная грамата Сигизмунда Кейстутовича жителямъ Вильна, 1432 г.[210]); о) такая же грамата того же года[211]); п) жалованная грамата Свидригайлы Мышчичу, 1438 г.[212]); р) его же жалованная грамата Богушу 1438 г.[213]).

Казиміра Ягайловича грамотъ и привиллегій, писанныхъ по-русски такъ много, что затруднительно означить всѣ, и потому довольно указать только, гдѣ онѣ напечатаны[214]).

Во время споровъ Литвы съ Поляками за Подолію, въ 1447 г., на люблинскомъ сеймѣ литовцы предъявили *на русскомъ языкѣ* дѣянія, которыми доказывали какъ Подолія поступила подъ власть великаго князя литовскаго, кто владѣлъ ею на ленномъ, правѣ и какіе были намѣстники [15]). Такая подробность административныхъ обстоятельствъ заставляетъ думать, что на сеймѣ предъявлены были не однѣ хроники, но и документы о пожалованіи намѣстниковъ, и документы тѣ писаны были на языкѣ русскомъ. При Александрѣ Казиміровичѣ граматъ, привеллегій, писемъ, наказовъ, посольскихъ рѣчей, статейныхъ спискохъ и другихъ актовъ писано по-русски безчисленное множество[216]). Сигизмундъ II-й издалъ *по-русски* 1) правила о серебщизнѣ 1507 г.; 2) о сборѣ пересудовъ 1508 г.; 3) суды старостинскіе 1511 г.; 4) уставъ военный 1512 г.; 5) уставъ экономическій 1529 г.; 6) уставъ для простаго народа земли жмудской 1529 г.; 7) о службѣ и платѣ военной 1529 г.[217]); сверхъ того 18-ть грамотъ и привиллегій Сигизмунда *написаны по-русски*[218]). Сигизмунда Августа извѣстны 17 грамотъ и привиллегій, *написанныхъ по-русски*[219]). Стефана Баторія из-

---

210) Тамъ же N 20.

211) Соб. др. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. I. N 2.

212) Тамъ же N 4.

213) Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. N 36.

214) Тамъ же N 37.

215) Тамъ же NN 38, 39, 44, 45, 52, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 64, 70, 73, 76, 77, 78, 80, 81, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 95. Собр. др. гр. акт. Вильно. 1843 г. ч. I. N 6 и 8 часть II. N 66.

216) Dz. st. nar. Lit. Narb. T. VIII. стр. 75.

217) Собр. древ. грам. и акт. Вильно. 1843. ч. I. N 13 и 14. ч. II. N 50. Акт. отн. къ ист. Зап. Рос. т. I. NN 100—227.

218) Напечатаны въ Zbiór praw. Litew. Hr. Działyńsk.

219) Напечатаны въ собраніи древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. I. подъ NN 18, 20, 23, 26—36, 38—41.

220) Тамъ же въ ч. I. подъ NN 44, 45, 47, 48, 52, 55—59, 61 и 64, и ч. II подъ NN 70—73 и 82.

вѣстны 9 грамотъ, *написанныхъ по-русски*[220]). Это число можетъ показаться малымъ, но и то удивительно,—ибо Баторій исключительно любилъ языкъ латинскій. Сигизмунда III-го извѣстны 29 грамотъ, *написанныхъ по-русски*[221]). Столь значительное число приводитъ въ удивленіе, потому что Сигизмундъ III былъ ревностнымъ распространителемъ уніи, и уничтожалъ все русское и православное. Владислава IV извѣстны 2 грамоты[222]).

Не ограничиваясь взглядомъ на постановленія и акты великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, касающіеся частныхъ предметовъ или частныхъ лицъ, посмотримъ на узаконенія и судопроизводство вообще, относительно русскаго элемента и русскаго языка въ Литвѣ.

Въ 1432 г. великій князь литовскій Сигизмундъ Кейстутовичъ подтвердилъ жителямъ горада Вильно употребленіе права магдебурскаго, «отдаляючи отъ иныхъ правъ што сут польская литовская *русская*»[223]). Если же жители Вильна изъемлются изъ правъ, т. е. узаконеній русскихъ,—значитъ, что въ 1432 г. эти узаконенія имѣли въ Литвѣ дѣйствіе. Оговорки этой никакъ нельзя относить къ русскимъ княжествамъ, вошедшимъ въ составъ великаго княжества литовскаго, т. е. нельзя думать, что Сигизмундъ, писавъ это, имѣлъ мысль, что жители Вильна изъемлются изъ тѣхъ узаконеній, которыми судятся русскія княжества; ибо если-бы они въ самой Литвѣ не имѣли силы, то не для чего было бы и говорить, что изъ нихъ изъемлется столица литовская. Это обстоятельство нужно замѣтить потому, что слѣдующій за симъ кодексъ литовскихъ законовъ, извѣстный подъ именемъ *Статута литовскаго*, или правильнѣе *Статута великаго княжества литовскаго*, составился изъ обычаевъ, имѣвшихъ силу въ Литвѣ; слѣдовательно и обычаи, или, такъ называемыя, *права русскія* вошли въ Статутъ.

За симъ мы переходимъ къ обозрѣнію самыхъ законовъ литовскихъ; при этомъ не излишне замѣтить, что законы пишутся для всеобщаго употребленія и согласно съ обстоятельствами времени; посему и законы литовскіе должны быть изданы на языкѣ обще-употребительномъ въ Литвѣ, дабы каждый

[221]) Тамъ же ч. I. подъ N 68 и 69, ч. II. подъ NN 1, 2, 16, 75, 78.

[222]) Тамъ же ч. I. подъ N 75. 80. 81, 83, и 92. ч. II, подъ N 4, 5, 9, 12, 13, 16, 17, 19, 21, 24—27, 31, 47, 58, 61, 65, 67, 69, 80, 86, 88 и 89.

[223]) Тамъ же ч. II. подъ NN 32 и 42.

[224]) Собр древ грам. и акт. Вильно 1843. ч. I. стр. 5.

могъ ихъ понимать. На какомъ же языкѣ писаны *законы литовскіе?* Рѣшительно *всѣ по-русски.*

Въ 1457 г. Казиміръ Ягайловичъ издалъ извѣстную *земскую привиллегію.* Цѣлію ея было — усмирить волненіе умовъ, сблизивъ права литовцевъ съ правами поляковъ. Значитъ, это было не собраніе узаконеній народныхъ, а постановленіе, которое требовалось по обстоятельствамъ, и потому здѣсь нѣтъ надобности разсматривать самое содержаніе и привиллегіи, довольно указать на языкъ ея: *она написана по-русски* [224]).

Въ 1468 г. Казиміръ Ягайловичъ издалъ Судебникъ для великаго княжества литовскаго, также *по-русски* [225]). Изъ начала Судебника видно, что король издалъ его «съ князьми и съ паны радою великаго княжества литовскаго погадавше»; значитъ, въ немъ народные законы измѣнены, иначе не для чего было бы и совѣтоваться. Законы эти почти всѣ касаются воровъ, написаны языкомъ русской правды, но наказаніе увеличено, и вмѣсто пени, назначено татя «на шибѣницу (на висѣлицу) и на обѣшеніе.» Причина строгости объяснена: «надъ злодѣи милости ненадобѣ».

Въ 1492 г. великій князь литовскій Александръ Казиміровичъ далъ *земскую привиллегію* Жмуди *по-русски* [226]), а въ 1501 г. землѣ бѣльской даровалъ привиллегію земли дрогицкой также *по-русски* [227].

Въ 1522 г., по повелѣнію Сигизмунда I-го, собраны въ одинъ кодексъ прежде дарованныя права и древніе литовскіе обычаи [228]); съ 1524 по 1529 г. этотъ кодексъ передѣлывался и дополнялся, а съ 1530 г. введенъ во всеобщее употребленіе. Это былъ *первый* или иначе называемый *Старый Статутъ литовскій.* Онъ *изданъ по-русски* [229]); въ 1532 г. переведенъ на

---

[225]) Вся вполнѣ напечатана въ Zbiór pr. Lit. Hr. Działyń. стр. 28-36.

[226]) Stat. Kazim. Jagell. Wilno. 1826. Здѣсь время изданія судебника показано 1480 г. Zbiór pr. Lit. Hr. Działyń. стр. 36—57. У Дзялынскаго годъ судебника назначенъ 1492 г.; въ 1-мъ же томѣ Акт. относящихся къ ист. западн. Росс. изд. археогр. ком. 1846 г. стр. 80, этотъ судебникъ пріуроченъ къ 1468 г. Послѣднее вѣрнѣе всѣхъ, и причины весьма основательно изложены въ примѣчаніи.

[227]) Zbiór praw Lit. Działyń. стр. 67—72.

[228]) Тамъ же стр. 82—91.

[229]) Obr. Lit. Jarosz. T. II. стр. 132.

[230]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. 1. стр. 49. «Dzień. Wileń. 1823. T. 1. N IV. стр. 380. Dorpater Jahrbücher. 1824. N 4. 132, въ ст. Hist. Blick auf die litauisch. Gesetzgeb.; Obr. Lit. Jaros. T. II. стр. 133. Этотъ

латинскій и польскій языки, но только какъ предметъ любопытства для людей, не понимавшихъ по-русски; *въ судахъ же имѣлъ обязательную силу въ подлинникѣ русскомъ.* Изъ этого очевидно, что и до изданія Статута судопроизводство отправлялось въ Литвѣ на русскомъ языкѣ; иначе *королю польскому* не для чего было-бы давать Литвѣ кодексъ законовъ *по-русски;* составленіемъ 1-го Статута не новые законы изданы, а только права и обычаи народа литовскаго, которые каждый судья понималъ по своему, какъ сказано въ эдиктѣ о Статутѣ[230]), приведены въ положительный и опредѣленный видъ, на такомъ языкѣ, на какомъ до того времени творились судъ и расправа. «*Русскій языкъ* — пишетъ Чацкій — *былъ въ Литвѣ всеобщимъ;* имъ говорили въ судахъ и со властями; на немъ отвѣчали король, судья и каждый сановникъ»[231]). Въ доказательство мы сошлемся на самаго короля Сигизмунда I-го: въ 1536 г., подтверждая виленскимъ жителямъ право пользованія землею, купленною «у князя Яна бискупа познанскаго, на што же (на каковую покупку) Княз Бискуп и лист свои записныи по латине писаныи подъ печатью своею и с подписью руки своее далъ», — король продолжаетъ: «И тот они листъ его перед нами вказывали; которыи же мы листъ, *для певности по-русски выложивши* слово от слова, всее (въ сей) нашъ лист казали (повелѣли) вписати»[232]). Итакъ запись епископа познанскаго на проданную въ Вильнѣ землю, король велитъ перевести на русскій языкъ *для вѣрности* или *извѣстности,* и включить въ свою подтвердительную грамату; слѣдовательно, что было написано по-русски, то было Литвѣ *извѣстно:* языкъ каждому извѣстенъ и недоразумѣній быть не можетъ.

Съ теченіемъ времени оказалось нужнымъ Статутъ измѣнить; онъ исправленъ, дополненъ и введенъ въ употребленіе въ 1566 г. *на языкѣ русскомъ*[233]). Въ немъ заключаются не только

статутъ напечатанъ не былъ. Первые 9 разрядовъ можно видѣть въ Zbiór praw. Hr. Działyń.

[231]) Zbiór pr. Hr. Dział. стр. 121—123.

[232]) O Lit. i Pol. praw. Czack. T. I. стр. 48.

[233]) Собр. древн. грам. и акт. Вильно. 1843 г. ч. I. стр. 48.

[234]) Obr. Lit. Jaros. T. II. стр. 140. Чацкій думалъ, что онъ написанъ былъ по-польски, потому что видѣлъ экземпляры только польскіе. O Lit. i Pol. praw. T. I. стр. 49. пр. 267. Но это несправедливо: 2-й статутъ съ русскаго переведенъ на польскій. Obr. Lit. Jaros. T. II. стр. 140.

*1

узаконенія, внесенныя въ 1-й статутъ, но и правила: 1) судопроизводства для судей земскихъ, и 2) объ избраніи пословъ земскихъ на сеймикахъ предсеймовыхъ. Это очевидно доказываетъ, что не только самые законы, но и формы судопроизводства и все, касающееся судебной части, не иначе совершалось, какъ на языкѣ русскомъ. Статутъ сей извѣстенъ подъ именами: *Втораго Статута, Статута дѣлъ судебныхъ, Статута Сигизмунда Августа*, и *Статута волынскаго*, потому что онъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, введенъ въ употребленіе на Волыни и Подоліи.

Въ 1486 г. послы кобринскіе, мсцибоговскіе, волынянскіе, литовско-междурѣцкіе, герайновскіе и трабскіе просили короля Сигизмунда Августа объ уравненіи ихъ въ правахъ съ прочею шляхтой. Просьба пословъ и отвѣтъ короля *написаны по-русски* [235]). Для знающаго прежнюю географію понятно, что это просьба земель не русскихъ, входившихъ въ составъ великаго княжества литовскаго, а чисто-литовскихъ.

Въ 1581 г. Сигизмундомъ III изданъ Уставъ трибунала (суда) литовскаго, для всеобщаго руководства въ Литвѣ, *по-русски* [236]). Около 1588 г. онъ напечатанъ въ Вильнѣ въ типографіи Козмы (отца) и Льва (сына) Мамоничей [237]).

Вновь дарованныя дворянству и народу права требовали перемѣны Статута литовскаго; онъ опять былъ пересмотрѣнъ, и хотя дополненъ на основаніи привиллегій, изъ коихъ многія были писаны по-польски и по-латыни, но составленъ и напечатанъ въ 1588 г. *на русскомъ языкѣ* [238]). Статутъ сей извѣстенъ подъ именемъ Третьяго Статута, и въ польскомъ переводѣ имѣлъ силу до позднѣйшаго времени.

Все вышеизложенное о языкѣ русскомъ, достаточно убѣждаетъ, что онъ съ древнѣйшихъ временъ былъ въ Литвѣ языкомъ законодательнымъ и судебнымъ. Остается только прибавить, что *употребленіе въ судопроизводствѣ языка не-русскаго*

---

235) Этотъ весьма любопытный памятникъ русскаго языка въ Литвѣ напечатанъ вполнѣ въ Obr. Lit. Jaros. T. II. стр. 186—192. Какъ у насъ онъ вовсе неизвѣстенъ, то для любителей отечественной исторіи можно замѣтить, что въ пунктѣ 2-мъ находится свѣдѣніе о князѣ Андреѣ Курбскомъ.

236) O Lit. и Pol. praw. Czack. T. I. стр. 56. пр. 319.

237) Obr. Lit. Jaros. T. II. стр. 145. Это было первое печатное изданіе литовскихъ законовъ.

238) Bibliog. Lelewel. T. I. стр. 190.

и письма не-русскаго было воспрещено закономъ: въ Статутѣ литовскомъ раздѣлѣ IV, пунктѣ 1-мъ постановлено: «писарь земскій долженъ *писать всѣ бумаги*, выписки и позвы *по русски*, *словами* и *буквами русскими*, а *не на иномъ какомъ либо языкѣ, и не иными словами*». Конечно, многіе подумаютъ, что это было въ 1-мъ или 2-мъ статутѣ, а если въ 3-мъ, то въ экземплярѣ русскомъ; къ крайнему удивленію, это стоитъ и въ экземплярѣ польскомъ, которымъ руководствовались и въ наше время [239]). Далѣе въ пунктѣ 37-мъ постановлено, чтобы воеводы и старосты выбрали себѣ въ помощники людей *«знающихъ* законъ и *русскую грамоту»* [240]).

И такъ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, приходимъ къ заключенію, что въ Литвѣ князья исповѣдывали православіе; народъ на половину былъ православный; по всей Литвѣ воздвигнуты были церкви и монастыри православные; законы заимствованы изъ Руси; князья, сановники и народъ говорили и писали по-русски; языкъ русскій былъ языкомъ законодательнымъ и судебнымъ. «Если бы этотъ порядокъ вещей могъ еще продолжиться — говоритъ безпристрастный польскій писатель;—то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, отъ части русскіе законы, принявъ русскую вѣру съ ду-

---

239). Stat. Wielk. Xięzt. Litew. стр. 115. Вотъ подлинныя слова: «Pisarz Ziemski ma po rusku literami y słowy Ruskiemi wszystkie listy, wypisy y pozwy pisać, a nie inszym ięzykiem y słowy».

240) w prawie y pisma Ruskiego umieiętnych. Тамъ же стр. 157. И Пашкевичъ имѣлъ полное право, въ 1621 году, написать (Fac simile автографа приложенъ къ собр. др. гр. и акт. Вильно. 1843 г.):

Полска квитнетъ Лациною,	Польша процвѣтаетъ латынью,
Литва квитнетъ Русчизною;	Литва процвѣтаетъ русскою рѣчью.
Безъ той въ Полсце не пребудешь.	Безъ латыни въ Польшѣ не обойдешься,
Безъ сей въ Литве блазнемъ будешь.	Безъ русской рѣчи въ Литвѣ будешь дуракомъ.
Той Лацина языкъ даетъ,	Польшѣ латынь рѣчь даетъ.
Та безъ Руси не вытрваетъ	Литва безъ Руси обойтись не можетъ.
Ведзъ же южъ, Русь, ижъ тва хвала	Знай же Русь, что твоя слава
По всемъ свѣтѣ южъ дозрала.	По всему свѣту уже созрѣла:
Веселисе ты, Русине,	Веселись же ты—Русинъ!
Тва слава никгды незгине.	Твоя слава не погибнетъ никогда.

ховною властію русской Церкви, и чрезъ родственныя связи князей вводя болѣе и болѣе въ тѣснѣйшій союзъ съ князьями русскими, народность свою язычеcко-литовскую со временемъ замѣнила бы народностію христіанско-русскою» [241]).

Недовѣдомымъ судьбамъ Вышняго, по причинамъ, для насъ непонятнымъ, угодно было отдалить счастливое время преобразованія Литвы,—и польская политика, вмѣстѣ съ уніею, съ 1386 г. развивала свои дѣйствія для уничтоженія самобытности Литвы, православія въ ней и русскаго элемента. Первое оказалось легче: Литва обращена въ польскую провинцію въ 1569 г., употребленіе русскаго языка въ судопроизводствѣ отмѣнено только въ 1697 году [242]); а храмы Господни и православный народъ, хотя въ маломъ числѣ, уцѣлѣли до нашего времени, когда Промыслу угодно было обновить Литву православіемъ, русскою рѣчью и русскимъ духомъ.

(Продолженіе впредь)

---

[241]) Obr. Lit. Jaros. T. II. стр 7.
[242]) Volum. legum T. V. стр. 863.

ПАДЕНІЕ

ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА

ВЪ УКРАЙНѢ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

(Продолженіе).

Какъ не хитро ослѣпилъ Кисѣль вліятельныхъ людей между козаками, то подкупомъ, то монашескими увѣщаніями, то своими письмами, которыя находили между козаками преданыхъ ему толкователей; но въ козацкомъ войскѣ, вмѣстѣ съ коварными и простодушными предателями, существовала партія неподкупныхъ людей, которыхъ Кисѣль, на своемъ панскомъ языкѣ, называлъ nulla fides pietasque viris. Они, точно стоглазые Аргусы, постоянно стояли на сторонѣ прямыхъ козацкихъ интересовъ, видѣли истину ясно, не боялись панскихъ угрозъ и не вѣрили панскимъ обѣщаніямъ. Въ то время, какъ обманутые Кисѣлемъ и его сторонниками полки ожидали денегъ, они продолжали свои приготовленія къ выходу на Запорожье, рубили въ густыхъ и роскошныхъ еще тогда лѣсахъ, по берегамъ Днѣпра и Роси, столѣтнія липы, долбили изъ нихъ легкіе, удобные для перевозки по сушѣ челны-чайки, парили ихъ на огнѣ, чтобы дать гибкимъ бокамъ нужную форму, обшивали шкурами, заливали смолою и приводили въ такой видъ, чтобы на Запорожье обшить только досками или окружить плетенкою изъ красной та́волги, да придѣлать камышевыя, недающія потонуть подушки и спускаться на море. Много произошло между козаками вѣчевыхъ совѣщаній, споровъ, ссоръ и даже кровавыхъ бучъ. Кисѣль, имѣя ежедневныя извѣстія и зная, что́ дѣлается въ каждомъ полку, не считалъ нужнымъ описывать подробно все это, изъ презрѣнія къ бунтующей козацкой черни: но его не могъ не поразить слухъ, что утайку денегъ козаки приписывали ему самому да пану Каменецкому, что они громко кричали на сво-

ихъ сходкахъ: «Жолкевскій съ Кисілемъ поділились нашими грішми», и осыпали пановъ всевозможными ругательствами.

Вмѣстѣ съ этимъ сдѣлалось ему извѣстно, что самая завзятая, убогая и многочисленная партія соединялась вокругъ смѣлаго предводителя Павла Михновича Бута или иначе Гудзана, который былъ выданъ панамъ охотниками до панскихъ подарковъ, вѣрными сынами отечества, вмѣстѣ съ Сулимою и уже былъ выведенъ въ Варшавѣ на мѣсто казни, но канцлеръ почему-то выпросилъ ему у короля пощаду,—можетъ быть потому, что король желалъ этой пощадой заявить въ казацкомъ войскѣ о своемъ разномысліи съ панами и на всякій случай припасти для себя въ немъ отважнаго отамана. Гибель товарищей, казненныхъ передъ глазами Гудзана, произвела на него вовсе не то впечатлѣніе, на какое по всей вѣроятности, разсчитывали паны. Однажды сознанное беззаконіе права, пріобрѣтеннаго лукавствомъ и насиліемъ, продолжало возмущать его душу попрежнему и, можетъ быть, возвратясь въ среду обманутыхъ, опутанныхъ и запуганныхъ земляковъ своихъ, онъ сдѣлался только спокойно энергическимъ мужемъ, вмѣсто прежняго кипучаго юноши. По крайней мѣрѣ мы знаемъ изъ его универсаловъ, дошедшихъ до насъ черезъ руки враговъ его, что козаки, предатели своихъ братій, были предметомъ его отвращенія и гнѣва, который былъ укрощенъ только публичною ихъ казнію. Затаивъ свою думу глубоко въ озлобленной душѣ, Павло Гудзанъ, извѣстный между казаками подъ именемъ Павлюка или Павлюги, удачно воспользовался бурнымъ расположеніемъ умовъ, раздѣленныхъ политикою Кисѣля, и привлекъ на свою сторону ту часть реестровыхъ козаковъ, которая находилась подъ вліяніемъ отчаянныхъ и отважныхъ выписчиковъ. Рѣшено было между ними въ самый день Пречистой (8 сентября) выступить изъ Чигирина, гдѣ стояла тогда армата, на Запорожье и тамъ провозгласить Павлюка гетманомъ.

Старшина пришла отъ этого въ уныніе, потому что голыши уже явно грозили отмстить своимъ дукамъ за ихъ угодливость панамъ и предательство своей братіи. Войсковая чернь оставалась въ нерѣшимости, кого слушаться—прежнихъ ли своихъ предводителей, или бурнаго отамана многочисленныхъ выписчиковъ. Дѣла приняли такой опасный оборотъ, что Кисѣль началъ помышлять о бѣгствѣ за Десну, а панъ Каменецкій находилъ необходимымъ, для поправленія своего здоровья, поспѣшить во Львовъ. Гонцы ежедневно привозили королевскимъ коммиссарамъ менѣе и менѣе утѣшительныя новости. Уже пар-

тія Павлюка, которую мы назовемъ *партіею завзятыхъ*, указывала на нихъ, какъ на творцовъ всѣхъ неправдъ и притесненій, которымъ подвергалось козачество въ Украинѣ. Удаляясь на Запорожье, они намѣрены были обсудить, какими способами потребовать отъ нихъ удовлетворенія. «Вотъ въ какомъ положеніи очутилось войско его королевской милости Запорожское, а за нимъ и вся Украина, а въ Украинѣ мы, единственно отъ казначейскихъ неправдъ!» писалъ Кисѣль къ Конецпольскому отъ 23 августа, изъ Носовки; но всё еще не терялъ надежды возстановить въ козацкомъ войскѣ прежній порядокъ, лишь бы только были присланы деньги. Но королю всего труднѣе было добыть денегъ для заплаты козакамъ, даже и независимо отъ воровства скарбовыхъ людей. Родные паны, да и посольская изба, смотрѣли подозрительно на королевскія заботы объ удовлетвореніи козаковъ. Презирая опасность, которая грозила республикѣ съ этой стороны, вельможная шляхта въ тайнѣ была довольна жалобами коммиссаровъ на козацкіе бунты; она видѣла въ этомъ лучшее средство вооружить короля противъ его любимаго войска и, можетъ быть, потому на сеймахъ не слишкомъ дѣятельно преслѣдовала именитыхъ хищниковъ.

Козаки, прождавъ напрасно до 8-го сентября, двинулись, подъ предводительствомъ Павлюка на Запорожье. Королевскіе коммиссары получили извѣстіе, что они остановились въ Криловѣ съ арматою, поджидая Переясловскаго полка, что этотъ полкъ да еще Каневскій, Корсунскій и Бѣлоцерковскій объявили было, что не пойдутъ безъ позволенія его королевской милости; но что, лишь только Павлюкъ двинулся съ тремя полками и съ арматою, имѣя подъ своею рукою вдвое больше выписчиковъ противъ числа всѣхъ реестровыхъ козаковъ, остальные полки также выступили вслѣдъ за ними; что козаки взяли съ собою множество «липъ», то-есть липовыхъ челновъ, и намѣрены были весною, лишь только вскроется ледъ, пуститься въ Черное море, на грабежъ Турціи. Но изъ листа выписчиковъ къ реестровому козачеству отъ 14 іюня 1637 года, отправленному съ коша противъ Микитиного Рога, видно, что умѣренная украинская партія уперлась таки на своемъ и удержала почти всю армату въ Украинѣ. Съ Павлюкомъ ушло на Запорожье множество войсковой черни изъ всѣхъ полковъ; однакожъ и полки и полковыя власти остались большею частію дома, такъ что, въ глазахъ польскаго правительства, козаки реестровые находились еще въ повиновеніи Рѣчипосполитой, — ушли на Запорожье только своевольные, хотя въ сущности сила козацкая со-

единялась больше вокругъ Павлюка, повелѣвавшаго выписчиками, чѣмъ вокругъ гетмана Томиленка, и партія завзятыхъ подавляла умѣренную партію. Дѣло въ томъ, что не возможно было всѣмъ реестровымъ козакамъ оставить Украину. Какъ бы ни были велики общія ихъ неудовольствія, но пребываніе ихъ за Порогами не могло быть продолжительнымъ. Рано или подзно надобно было имъ воротиться въ Украину къ своимъ домамъ и семействамъ; а въ Украинѣ между тѣмъ паны овладѣли бы ихъ имуществомъ, какъ имуществомъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ, и истребили бы ихъ семейства безъ всякой пощады. Коронный гетманъ Конецпольскій всегда былъ расположенъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ въ усмиреніи козаковъ и не одинъ разъ приводилъ въ исполненіе свирѣпыя свои угрозы. «Если не можете досягнуть самыхъ козаковъ, писалъ онъ въ своихъ универсалахъ къ украинскимъ властямъ, то карайте ихъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ, а домы ихъ обращайте въ ничто: лучше пусть ростетъ на томъ мѣстѣ крапива, чѣмъ будутъ плодиться измѣнники его королевской милости и рѣчи-посполитой». * Какъ ни тяжело лежало на козакахъ господство деспотической шляхты, въ странѣ, которая принадлежала имъ и по праву наслѣдства и по праву меча, какъ ни много ихъ выселялось уже и тогда въ курскія и воронежскія пустыни, на тихій Донъ и даже въ Буджакъ и Добруджу; но не могли они сняться всѣ съ мѣста и покинуть на вѣки берега Днѣпра-Славута, который звали они козацкимъ шляхомъ, можетъ быть, еще по старой памяти объ Олегѣ и Святославѣ. Страхъ безпощадной мстительности со стороны Конецпольскаго и любовь къ роднымъ побережьямъ, къ роднымъ полямъ, лѣсамъ и байракамъ—дѣйствовали на нихъ двойною силою и удерживали ихъ на мѣстахъ, гдѣ испытали они столько насилій въ перемежку съ полною свободою, гдѣ лежатъ костьми десятки, сотни тысячъ храбрыхъ ихъ предковъ и современниковъ и гдѣ роскошная вдохновительная природа обѣщала имъ независимую жизнь и славу въ потомствѣ **.

---

* Okolski, *Dyaryusz Tr. woenn m. W. Kor. i Zapor.* 11.

** Полягла козацька голова,
Якъ одъ вітру на степу трава;
Слава не вмрс, не поляже—
Лицарство козацьке всякому роскаже.
(Изъ думы, относящейся къ событіямъ 1628 года).

Въ это время, на сѣверозападномъ побережьѣ Чернаго моря, между устьевъ Днѣпра, Днѣстра и Дуная, усилились ногайскіе татары, называемые иначе буджацкими — отъ заднѣстрянскихъ степей Буджака, а еще иначе бѣлградскими отъ черно-морскаго Бѣлграда. Съ каждымъ годомъ подвигали они свои кочевища ближе и ближе къ польскимъ владѣніямъ, отдѣлявшимся отъ этихъ хищныхъ номадовъ такъ называемыми дикими полями. Съ каждымъ годомъ набѣги ихъ на польскія владѣнія дѣлались опустошительнѣе. Ногайскіе или буджацкіе татары раздѣлялись на нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, подвластныхъ болѣе или менѣе самостоятельнымъ мурзамъ; но всѣ эти орды и ихъ правители мурзы повиновались мурзѣ Кантемиру, который признавалъ надъ собой власть крымскаго хана. Имя *Кантемиръ* значитъ *кровавый мечъ* или *кровавое железо.* Глава ногайскихъ ордъ былъ прозванъ этимъ именемъ за свои набѣги, которые онъ сопровождалъ дикимъ кровопролитіемъ. Другіе татары имѣли въ виду болѣе грабежъ, нежели безполезную жестокость. Напротивъ Кантемиръ, дыша кровожаднымъ духомъ древнихъ Чингисхановъ и Тамерлановъ, любилъ оставлять послѣ себя кровавые слѣды вмѣстѣ съ пожарами и опустошеніемъ. Его набѣги были тѣмъ ужаснѣе для поляковъ, что отличались необычайною, почти невѣроятною быстротою. Бывало, едва двинутся польскія хоругви по направленію къ дымящимся селамъ одного воеводства, онъ уже очутится за 60 миль, въ другомъ. Во время несчастной для поляковъ цецорской войны, Кантемиръ преслѣдовалъ ихъ бѣдственную ретираду неутомимѣе всѣхъ прочихъ мурзъ, помогавшихъ туркамъ, и нанесъ имъ последній ударъ, котораго не забыли они и въ царствованіе Владислава IV. Въ награду за его подвиги, султанъ наградилъ его силистрійскимъ пашалыкомъ. Съ этого времени Кантемиръ началъ освобождаться отъ власти крымскаго хана, предпочитая ей султанскую власть. Начались между ногайцами и крымцами ожесточенныя войны, въ которыхъ турки постоянно поддерживали Кантемира. Въ 1624 году султанъ сдѣлалъ его бѣлградскимъ пашою и правителемъ Течини и Киліи. Къ радости хана и къ огорченію султана, гетманъ Конецпольскій въ томъ же году захватилъ его на обратномъ пути послѣ набѣга въ Польшу, разбилъ на голову надъ Днѣстромъ у Мартынова и на время обезсилилъ ногайскихъ татаръ. Черезъ пять лѣтъ Кантемиръ опять сдѣлался страшенъ для Крыма и для Польши. Но польское пограничье въ это время было охраняемо искуснымъ воиномъ Стефаномъ Хмелецкимъ, предводителемъ козацкаго и

шляхетскаго ополченія кіевскаго воеводы Өомы Замойскаго. Хмелецкій поразилъ Кантемира подъ Бурштиномъ надъ Липою такъ-же, какъ и Конецкольскій. Въ то-же самое время не посчастливилось ему и въ войнѣ съ крымскимъ ханомъ. Буджакъ началъ пустѣть. Ногайскія кочевища отхлынули отъ степнаго пограничья польскихъ владѣній къ берегамъ Чернаго моря. Но не падалъ духомъ Кровавый Мечъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался для Польши болѣе грознымъ, нежели когда-либо. Панскія владѣнія въ кіевской и подольской Украинѣ безпрестанно страдали отъ его набѣговъ. Въ 1636 году русскій воеводичъ, корсунскій староста Станиславъ Даниловичъ, наслѣдникъ обширныхъ имѣній магнатскаго дома Жолкѣвскихъ, собралъ подъ свое знамя нѣсколько сотъ козаковъ, всегда готовыхъ идти на военный промыселъ въ дикія поля, да отрядъ наемной шляхты, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ ногайцами, которые опять широко раскинули свои подвижныя поселенія съ юга на сѣверъ черноморскихъ степей. Но во время осенняго похода Даниловича въ дикія поля ногайцы окружили его сравнительно многолюднымъ числомъ наѣздниковъ. Козаки, видя невозможность идти напроломъ, прибѣгли къ обычному своему способу ретирады. Спѣшившись и побатоживъ (тѣсно повязавъ) коней, они составили вокругъ себя подвижную ограду, къ которой татары могли подъѣхать только на ружейный выстрѣлъ. Русскій воеводичъ пренебрегъ этимъ способомъ защиты, отдѣлился отъ козаковъ съ своимъ наемнымъ войскомъ да съ домашними слугами-шляхтичами и врѣзался въ густую толпу татаръ, въ надеждѣ проложить себѣ дорогу саблями. Отвага погубила его: онъ попалъ въ плѣнъ, былъ представленъ подвластнымъ мурзою Кантемиру и, по его приказанію, убитъ*. Окончательное торжество надъ Кровавымъ Мечомъ выпало на долю предводителю козаковъ, взбунтовавшихся противъ панской республики. Часть реестровиковъ и выписчиковъ, вышедшихъ съ Павлюкомъ на Запорожье, отправилась въ нѣсколько пріемовъ на море; съ другою, гораздо значительнѣйшею частію, онъ вступилъ въ службу къ крымскому хану и вмѣстѣ съ нимъ разбилъ Кантемира, овладѣлъ его имуществомъ, состоявшимъ большею частію въ стадахъ и невольникахъ, разогналъ изъ Буджака все его кочевое скопище и самого его заставилъ бѣжать въ Болгарію (откуда султанъ вызвалъ его въ Константинополь

* Sękowski, *Collectanea z Dziejopisów Tureckich*, t. I. Szajnocha, *Opowiadania o Królu Janie III.*

и вскорѣ велѣлъ умертвить, какъ человѣка болѣе опаснаго, чѣмъ полезнаго)*. Между тѣмъ козацкія флотиліи, выходившія одна за другою въ море, по мѣрѣ изготовленія на Запорожьѣ чаекъ, нападали на турецкія галеры, грабили турецкія побережья, овладѣвали городами, въ которыхъ проживали недѣли по двѣ, продавая азіатскимъ купцамъ турокъ и турчанокъ, и, скопивъ значительныя суммы денегъ, спокойно возвращались во свояси. Польскій посолъ въ Константинополѣ, панъ Ромашкевичъ, напрасно представлялъ пашамъ, что козаки вызваны къ походу на море вторженіями въ ихъ землю буджацкихъ татаръ. Турки начали дѣлать такія грозныя приготовленія къ войнѣ, что панская республика пришла въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что и миръ съ Москвою не считала она прочнымъ. Турецкое войско собиралось и вооружалось на Дунаѣ. Хотя и не было извѣстно, куда именно оно двинется, но паны употребляли всѣ усилія, чтобы выставить свои кварцяныя хоругви и вспомогательныя ополченія знатной шляхты на южномъ рубежѣ польскихъ владѣній.

Въ то время, какъ реестровые козаки вмѣстѣ съ выписчиками, грозили удалиться на Запорожье, и своими морскими походами поднять на нее турокъ,—явились въ Баръ къ коронному гетману Конецпольскому послы отъ крымскаго хана съ требованіемъ обычнаго *гарача*, то есть дани, которую Поляки называли подаркомъ. Поддерживать мирныя отношенія съ ханомъ было теперь для поляковъ болѣе нежели когда либо необходимо. Послы были отправлены обратно въ Крымъ, въ сопровожденіи королевскаго посла, пана Дзѣржка, которому вручены были деньги для хана. Медленно ѣхалъ панъ Дзѣржекъ черезъ Украину, гдѣ все пришло въ безпорядокъ по случаю выхода на Запорожье выписчиковъ. Прибывъ въ Черкасы, напрасно склонялъ онъ козаковъ провести его черезъ дикія поля, отдѣлявшія Запорожье отъ такъ называемыхъ *городовъ*. Пуститься же въ степи безъ козацкаго конвоя онъ не осмѣливался. Королевскій посолъ былъ такимъ образомъ задержанъ въ Украинѣ, и козаки объявили ему, что не выпустятъ его до тѣхъ поръ, пока не будутъ имъ высланы деньги изъ короннаго скарбу.

* Объ участіи Павлюка въ походѣ хана противъ Кантемира, польскіе лѣтописцы упоминаютъ только вскользь. Напримѣръ Окольскій говоритъ, что онъ *возгордился* службою у хана. О пораженіяхъ, претерпѣнныхъ Кантемиромъ отъ хана, см. *Pam. do Pan. Zygm. III, Wł. IV i Jana Kaz.* I, 249. — О смерти Кантемира см. *Collectanea z Dz. Tur.* I, 243.

Между тѣмъ у него не хватало средствъ на содержаніе ѣхавшихъ съ нимъ татаръ; а козаки не давали ему даромъ никакой живности. 18-го октября была у козаковъ въ Каневѣ рада. Панъ Дзѣржекъ ѣздилъ туда съ письмомъ еще до рѣшительнаго бунта, и отдалъ его въ радѣ козацкому гетману Томиленку. Прочитавъ письмо и переговоривъ съ козаками, Томиленко отвѣчалъ: «Объ этомъ хоть не думай, вельможный пане, чтобы проѣхать въ Крымъ съ подарками, покуда въ скарбу не будетъ нашихъ денегъ. Для татаръ у васъ деньги есть, а для насъ, такъ и нема!» Королевскій посолъ увѣдомилъ Конецпольскаго о своемъ затруднительномъ положеніи, и тотъ своимъ грознымъ письмомъ къ козакамъ насилу заставилъ ихъ провести его на Запорожье. Тамъ ужъ вліяніе короннаго гетмана совершенно прекратилось Пріѣхавъ туда около 10 декабря, панъ Дзѣржекъ не могъ отправиться далѣе (козаки не хотѣли проводить его въ Крымъ) и прождалъ на запорожскомъ кошу семь недѣль, пока ханъ выслалъ за нимъ свои подводы. На возвратномъ пути, весною 1637 года, онъ доносилъ Конецпольскому, что въ то время, какъ своевольные реестровые козаки и выписчики ходили на море или помогали хану воевать противъ мурзы Кантемира, не согласные съ ними реестровые козаки, оставшіеся въ Украинѣ, вторгнулись въ очаковскія и перекопскія степи, угнали 12,000 овецъ и множество рогатаго скота, а также набрали татаръ и татарокъ себѣ въ неволю*. Ханъ горько жаловался на короля, приписывая полякамъ нарушеніе мирныхъ съ ними договоровъ, и требовалъ возвращенія плѣнниковъ и захваченнаго вмѣстѣ съ ними имущества. Тѣмъ не менѣе желалъ онъ однакожъ сохранить мирныя отношенія съ Польшею и козаками, готовясь къ войнѣ съ турками. Ханъ положительно объявилъ королевскому послу, пану Дзѣржку, что крымцы никогда не могутъ быть друзьями съ турками, хотя бы турки выдали имъ Кантемира и ласкали ихъ Богъ знаетъ какими подарками и обѣщаніями. Знаютъ они турецкую хитрость. Миновало уже то время, когда они готовы были служить султану противъ какого угодно непріятеля. Много было причинъ

---

* Это было сдѣлано въ отмщеніе за татарскій набѣгъ позднею осенью или въ началѣ зимы. Въ инструкціи на сеймъ, писанной въ январѣ 1637 года, козаки говорятъ: «...alesmy niedawnemi czasy doznali wielki a nieznosny szkody od poganstwa, vbiezpieczeni będąc na przymierze.»

вражды къ туркамъ со стороны крымцевъ, но всего больше допекли имъ турки этимъ возведеніемъ и низверженіемъ хановъ, чего до сихъ поръ никогда не бывало. «Ясно мы видимъ, говорилъ ханъ, что турки задумали обратить насъ въ такихъ же рабовъ и данниковъ, какъ волоховъ да молдаванъ. Уже всю нашу землю, точно какой островъ, окружили они своими крѣпостями. Но мы не пожалѣемъ самыхъ драгоцѣнныхъ своихъ построекъ и, обративши все въ пепелъ, выселимъ весь свой народъ со всѣми стадами на великій Ногай къ Манкопу.»

Въ то же самое время молдавскій господарь тайно увѣдомлялъ поляковъ о движеніи турокъ. Онъ искренно желалѣ воротиться изъ-подъ турецкой власти подъ вассальскую зависимость отъ Польши и готовъ былъ подняться противъ турокъ всѣми своими силами. Реестровые козаки, называвшіеся городовыми въ отличіе отъ низовцевъ или запорожцевъ, зная, какъ стоятъ вещи въ Крыму и по Дунаю, ни мало не сомнѣвались, что съ турками откроется великая война, и радовались возможности выходить въ море, не вооружая противъ себя короннаго гетмана. Молва объ этой войнѣ разнеслась уже по всей Украинѣ, и бѣднѣйшіе выписчики, продавая послѣднее имущество, покупали какое могли оружіе и шли на Запорожье, а многіе, ободранные шляхтою и жидами донага, уходили въ низовыя степи съ одними кіями, въ надеждѣ на поживу отъ морскаго похода. Моментъ для войны съ турками дѣйствительно былъ самый благопріятный. Но польскіе магнаты смотрѣли на нее по-своему. Надобно было затратить на кварцяное и наемное войско большія деньги; а они такъ вели свои государственныя дѣла, что король вмѣстѣ съ извѣстіями о постройкѣ двухъ мостовъ на Дунаѣ и готовности турокъ вторгнуться въ Польшу, получалъ отъ короннаго гетмана извѣстія, что кварцяное войско, закладываетъ жидамъ оружіе, чтобы не умереть съ голоду, что въ обозѣ у него неслыханная дороговизна и что когда жолнерамъ выдадутъ наконецъ жалованье, то не извѣстно, на что они употребятъ его — на выкупъ-ли оружія или на то, чтобы прокормиться въ походѣ. «По недостатку денегъ, писалъ онъ, отечеству угрожаетъ imminentissimum periculum (величайшая опасность),» и уже готовъ былъ сдѣлать торжественную манифестацію, что войско не по его винѣ не выведено противъ непріятелей. Съ большимъ трудомъ скрыли паны отъ турокъ жалкое состояніе своихъ военныхъ силъ, выставивъ на пограничьѣ вспомогательныя ополченія, содержимыя ими въ своихъ имѣніяхъ на собственный счетъ. Польный гетманъ Николай Потоц-

кій кой-какъ удерживалъ кварцяное войско отъ бунта по случаю недоплаты ему жалованья и дороговизны съѣстныхъ припасовъ; а между тѣмъ королевскій посолъ въ Константинополѣ подарками и обѣщаніями пріостановилъ движеніе турецкихъ силъ впередъ.

Самымъ важнымъ изъ этихъ обѣщаній не только для Турціи, но и для самой Польши, было усмиреніе козаковъ, такъ какъ козаки, выходя своевольно за предѣлы городовой Украины, вступая въ службу къ враждебному Турціи хану и отправляясь въ морскіе походы, заставляли Польшу воевать съ Турціею; а воевать съ Турціею шляхта не желала въ такой мѣрѣ, въ какой жаждалъ этого король Владиславъ IV до конца своей жизни. Отъ этой войны удерживало ее не столько могущество турокъ, преувеличиваемое ея защитниками, сколько шляхетско-политическіе разсчеты. Въ королевской казнѣ не было денегъ для военныхъ издержекъ,—это такъ; кварцяное войско находилось въ жалкомъ состояніи,—это мы знаемъ. Но если-бы паны захотѣли единодушно дѣйствовать противъ турецкаго могущества, то у нихъ нашлись бы средства огромныя. Вспомнимъ о статысячахъ возахъ, оставленныхъ ими подъ Пилявцами въ добычу козакамъ, а это случилось черезъ двѣнадцать лѣтъ. Вспомнимъ о тѣхъ войскахъ, какія они выводили въ поле, послѣ того уже, когда козаки отняли у нихъ всю Украину и нѣсколько разъ разбили на голову ихъ кварцяное и чужеземное войско. Теперь ихъ имѣнія оставались еще всѣ при нихъ, и Украина, увлекшая къ себѣ множество народа изъ глубины Литвы и Польши, еще служила бы имъ въ войнѣ съ турками всѣми своими силами. Но не такой службы желали отъ нея вельможные паны. Завязать войну съ Турціею значило—открыть просторъ военной козацкой дѣятельности. Уже и безъ того «Украинская республика,» по словамъ современнаго публициста Палчовскаго, «прославилась по всему свѣту и считалась у всѣхъ народовъ главною твердынею и обороною королевства.» Уже и безъ того нѣмецкій императоръ Рудольфъ и шведскій король Густавъ-Адольфъ входили въ сношенія съ вольнымъ наперекоръ панамъ козацкимъ товариствомъ. Новые подвиги козаковъ на морѣ и на сушѣ придали бы новую силу ихъ самодѣятельности, увеличили бы ихъ вліяніе на единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, подавленныхъ панскою юрисдикціею, и — что всего было очевиднѣе и чувствительнѣе для шляхты—размножили бы козаковъ на счетъ панскихъ владѣній, гдѣ и безъ того пребываніе козаковъ, противодѣйствовавшихъ откупной системѣ, уменьшало

доходы старостъ и вѣчистыхъ владѣльцевъ. Запорожье, и при тѣхъ стѣсненіяхъ, какія были узаконены сеймами относительно козаковъ, служило точкою опоры козацкой силѣ и мѣстомъ убѣжища для козаковъ послѣ неудачныхъ походовъ на шляхту. Турецкая война могла бы превратить Січъ въ столицу украинской республики, а окружавшія ее пустыни населить вольными козацкими слободами. Тогда связь Запорожья съ заарендованною жидамъ Украиною получила бы характеръ, истинно ужасающій: козацкіе походы въ Украину были бы тогда неотразимы, и шляхетское господство въ ней пало бы съ развитіемъ громадской юрисдикціи на счетъ юрисдикціи шляхетской. Притомъ же, воюя съ Турціею по желанію короля и доставивъ ему торжество надъ мусульманами, козаки вошли бы съ нимъ въ непосредственныя отношенія, дали бы ему перевѣсъ надъ посольскою избою, подавили бы ту республиканскую свободу, которою такъ гордились поляки, и произвели бы рѣшительный переворотъ въ сословныхъ отношеніяхъ всего польскаго королевства. Изъ Польши вышла бы тогда или абсолютная монархія, чего ужасались паны, пользовавшіеся правами государей, или—если-бы козачество вступило въ борьбу и съ самимъ монархизмомъ, какъ до сихъ поръ дѣлало шляхетство—изъ нея образовалось бы демократически-равноправное государство, что было для пановъ еще ужаснѣе. Вотъ почему и люди недалекіе, желавшіе сохранить за собой только свои привиллегіи, какъ гарантію безпредѣльнаго обогащенія на счетъ массы, и люди дальновидные, одушевленные шляхетскимъ патріотизмомъ,—патріотизмомъ гордой, самообожающей касты,—и паны украинскіе, образовавшіе огромныя имѣнія изъ казацкихъ земель, и паны польскіе, подчинявшіеся ихъ архи-магнатскому вліянію и проникнутые одинаковымъ съ ними чувствомъ шляхетскаго достоинства, — сошлись во взглядѣ на войну съ Турціею (если брать во вниманіе большинство мнѣній) и—въ противность доводамъ Палчовскаго—находили дѣломъ честнымъ, полезнымъ и возможнымъ уничтоженіе козаковъ, слѣдомъ за которыми, по словамъ Кисѣля, шла вся (разумѣется простонародная) Украина. При этомъ паны имѣли въ виду еще и то, что козаки, не смотря на слабое развитіе свое въ религіозномъ отношеніи, не смотря на то, что, по своимъ обычаямъ и обрядамъ, казались панамъ больше язычниками, нежели христіянами, были единовѣрцами упорныхъ схизматиковъ украинскихъ, что эти схизматики постоянно слѣдили за ихъ дѣйствіями съ сочувствіемъ земляковъ и единовѣрцевъ и не разъ обращались

къ ихъ защитѣ въ борбѣ съ уніатами* и что они, будучи привержены къ «благочестивому», гонимому уніатами и католиками духовенству и къ «благочестивому», всячески стѣсняемому богослуженію, болѣе или менѣе поддерживали такъ называемую католиками схизматическую ересь и вредили распространенію такъ называемой католиками православной истины. Многіе были убѣждены — и убѣждены основательно, что, пока существуютъ козаки, какъ своевольное военное братство, какъ самоуправляющаяся республика или даже какъ многолюдное общество вооруженныхъ людей, съ которыми трудно управляться поставленнымъ надъ ними начальникамъ и мѣстнымъ властямъ, до тѣхъ поръ не прекратится упорная борьба схизматиковъ противъ уніятовъ и двигавшихъ уніятами католиковъ. И свѣтскія и духовныя власти панской республики были расположены къ возможно большему подавленію козачества, а пожалуй и къ совершенному его уничтоженію. И невѣжественно-фанатическіе католики, и представители современной образованности польскаго общества смотрѣли на козаковъ, какъ на оплотъ схизмы, вредной для цѣлости отечества, какъ на разсадникъ азіатскаго варварства, останавливающій успѣхи европейской утонченности нравовъ и обычаевъ, какъ на преграду мирной колонизаціи Украины, по образцу другихъ польскихъ провинцій. Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, шляхетская политика оставила безъ вниманія вражду крымскаго хана съ турками, его побѣды надъ передовою силою Турціи — буджацкою ордою, при содѣйствіи своевольнаго козацкаго гетмана Павлюка, желаніе Молдавіи и Валахіи присоединиться къ Польшѣ и готовность всего украинскаго простонародья двинуться противъ турковъ, безъ всякой денежной поддержки со стороны короннаго скарба. Ослѣпленные жаждою легко добываемаго богатства и привиллегированной власти, паны направили свои моральныя и вещественныя средства противъ козачества, которое одно могло бы дать Польшѣ перевѣсъ надъ грозною для всего христіянства Турціею и которое, въ

* Такъ въ концѣ 1624 года, когда кіевскій войтъ Ходыка запечаталъ въ Кіевѣ нѣсколько церквей, митрополитъ Іовъ Борецкій далъ знать объ этомъ запорожцамъ, и запорожцы, съ помощью окрестныхъ кіевскихъ козаковъ, вошли въ Кіевъ, распечатали церкви и схватили самого войта вмѣстѣ съ преданными ему мѣщанами-отступниками. (Соловьевъ, *Ист. Росс.* X, 95).

отчаянной борьбѣ съ панскою республикою, открыло въ нее незащищенный путь не только туркамъ, но и другимъ хищнымъ и завоевательнымъ сосѣдямъ.

П. Кулишъ.

(Продолженіе впредь).

22 іюня, 1862.
Старые Санжары,
подъ Полтавою.

ХАРАКТЕРЪ

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИ ПРЕДЪ БРЕСТСКОЮ УНІЕЮ.

> Безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, и таковіи отеческіе попрании суще, и православіемъ лицемѣрствующихся учителей лжа покры церковь (Ак. З. Россіи т. IV. № 83), понеже нечестіе обожилось въ насъ, яко вѣщія глаголенія бозн отъ различныя нечистоты обожишася (слова львов. братства въ посланіи къ констант. патріарху Іереміи II).

Долго страдала и многое пережила православная югозападная церковь предъ тѣмъ великимъ переворотомъ, совершившимся въ ней, послѣ котораго она должна была вступить въ продолжительную и упорную борьбу съ польскою національностію и католическимъ фанатизмомъ,—борьбу, въ которой развернулись могучія силы югозападнаго народа, всегда воодушевлявшагося ревностію къ своей вѣрѣ и церкви, и истощились жизненныя силы Польши, послѣ чего самое будущее ея сдѣлалось для многихъ предметомъ многоразличныхъ предположеній и догадокъ. Югозападная Русь, соединившись съ Польшею (1569 г.), никогда не могла ужиться съ нею и помириться съ ея началами: Польша всегда была для нее страною чужеземною, а полякъ заграничнымъ человѣкомъ*. Причина такого раздѣленія лежала главнымъ образомъ въ различіи вѣроисповѣданія. Католицизмъ положилъ непроходимую грань между обѣими народностями. Польша тяготѣла больше къ единовѣрному Риму,—его глазами смотрѣла она на сосѣднюю русскую народ-

---

* Архивъ югозап. Россія т. I. ч. II. стр. XVIII, XIX. Obraz Litwy Jarosz. t II. p. 75. Zbiór praw Litewskich. Poznań. 1841. стр. 402, 428, 433, 469, 474, 481, 490, 501 и 505. Статутъ Литовскій 1529 г. Разд. IV, арт. IX.

ность, начиная съ Ягеллы, и его планами руководствовалась въ своихъ политическихъ цѣляхъ, начиная съ Сигизмунда III, а потому и въ ея общественной жизни часъ отъ часу все болѣе и болѣе выступали западныя начала, которыя, вслѣдствіе религіозныхъ идей, незамѣтно роднились съ ея славянскою натурою. Южнорусскій и западнорусскій народъ — напротивъ, — въ своей общественной жизни, онъ всегда строго держался самобытныхъ племенныхъ началъ, роднаго законодательства и древняго православія, наслѣдованнаго имъ отъ востока. Самый языкъ Польши былъ для него непріятнымъ и враждебнымъ*: вмѣстѣ съ религіею онъ защищалъ и свой языкъ; въ томъ и другомъ онъ видѣлъ свою народность. Желанное Польшею соединеніе обоихъ народностей въ одно государственное тѣло, необѣщало ей ничего добраго; но напротивъ — оно имѣло самыя печальныя послѣдствія для ихъ обѣихъ. Ихъ планы и стремленія, во взаимныхъ столкновеніяхъ только отталкивали одни другихъ, а не способствовали политическому развитію и укрѣпленію ихъ силъ**. Югозападный народъ какъ-бы предвидѣлъ это и долго ему не хотѣлось того соединенія, которое совершалось теперь только по частямъ***. Предчувствія народа оправдались на самомъ дѣлѣ, когда, съ прекращеніемъ династіи Ягеллоновъ, знаменитая Рѣчь Посполитая, съ ея прославленною сеймовою конституціею, перешла въ руки польской аристократіи и сдѣлалась предметомъ интригъ іезуитовъ и искательствъ римскаго двора.

Польская аристократія, неспособная къ самоуправленію, не имѣла ничего общаго съ демократическимъ православнымъ населеніемъ югозапада. Ненависть между двумя народностями вкорѣнялась часъ-отъ-часу все глубже и глубже, а открытыя востанія противъ вѣры и народности, окончательно возбудили въ югозападномъ народѣ презрѣніе и отвращеніе ко всему польскому, которое не умерло еще въ семъ народѣ и до настоящаго времени. Сеймы съ ихъ постановленіями, менѣе

---

* Арх. югоз. Р. т. 1. ч. II, стр XLVI, XVLII.

** Извѣстно, что первая политическая унія 1386 г. имѣла федеративный характеръ и состоялась съ тою цѣлію, чтобы совокупными силами успѣшнѣе можно было отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать такимъ образомъ политическому могуществу обоихъ государствъ (Privilegium praelatorum Lithvaniae 1401. Voll. Leg. 1. p. 60. 2. 98).

*** Stryjkow. kron. p. 566. 587. Narbutt. p. 105. Obr. Lit. Jarosz. t. II. str. 72—78. Бандтке, т. II. стр. 40, 41, 43 и 44.

всего говорятъ намъ, кто таковы были польскіе магнаты и каковы были ихъ отношенія ко всему западнорусскому народонаселенію и ихъ вѣрѣ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ безпрерывными жалобами югозападнаго дворянства и посполитства на своеволіе и буйство магнатовъ, захватившихъ въ свои руки власть законодательную, на противозаконныя дѣйствія и власти судебной и исполнительной, на грабежи и неистовства жолнеровъ и на преслѣдованія православной вѣры*. Польскій магнатъ, въ сознаніи своего природнаго шляхетства и даже какого-то аристократизма въ самой религіи, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ относился ко всему, что только выходило изъ узкой рамки его понятій и взглядовъ.—Витольдъ, глубоко понимая духъ своего народа, старался и законодательство свое приноровить къ этому духу и его статутъ былъ дѣйствительно полнымъ выраженіемъ жизни народной. Но здѣсь брошено было только сѣмя для будущаго его развитія. Польшѣ досталось въ удѣлъ удобрить почву для его укрѣпленія и возрастанія. Что же мы видимъ далѣе? Свобода народа часъ-отъ-часу теряется все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ польскаго аристократизма; личность посполитаго человѣка, его права, опредѣленныя Статутомъ, стираются и исчезаютъ при своеволіи и буйствѣ феодаловъ**. ***Предъ самою уніею польская республика управляется уже не столько опредѣленіями Статута, сколько случай-

* См 1 т. II ч. Арх. югоз. Россіи 2, 3 и 4 т. А. З. Р.

** Jarosz. Obr. Lit. T. II. str. 130—135. 145—148.

*** Духъ польскаго аристократизма и деспотизма началъ уже ясно высказываться и проявляться во время окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею. Магнаты не хотѣли, чтобы народъ присутствовалъ на генеральныхъ сеймахъ и чтобы онъ ничего не зналъ о рѣшеніяхъ на этихъ сеймахъ. Dyarjusz sejmu uniowego przez Borkowskiego i innych spisany (w rękopismie). Польскій магнатъ старался только о томъ, чтобы стать выше другихъ, все, что ниже его ни въ чемъ не должно походить на него,—разумѣется во внѣшнемъ. Вотъ напримѣръ до чего доходила въ это время мелочность польской аристократіи. Вторымъ, а послѣ и 3-мъ Статутомъ положено было, чтобы жиды не носили золотыхъ колецъ и цѣпочекъ, чтобы они не украшали своего оружія золотомъ или серебромъ; посполитству запрещено было носить шелковыя и вообще дорогія одежды, которыя носилъ магнатъ. (2-gi Statut Roz. XII. u Czackiego II. p. 200. Stat. 3. K. XII и 8). И это дѣлалось не изъ какой-нибудь экономіи, которой у нихъ не было, а единственно потому, чтобы плебей не одѣвался такъ, какъ магнатъ или шляхтичъ (Jarosz. t. III. str. 19). *Прим. Р.*

ними прихотями магнатовъ, опиравшихся на различныя партіи и религіозными интересами римскаго духовенства. На избирательныхъ сеймахъ они каждый разъ требовали новыхъ постановленій, стѣснительныхъ для народа и всѣхъ иновѣрцевъ. Правда, послѣ долгихъ споровъ и несогласій, польскіе магнаты и духовенство уступали православнымъ: имъ давалась свобода богослуженія и налагалось строгое запрещеніе преслѣдованія ихъ вѣры*, но эти запрещенія и привиллегіи, не имѣли никакой обязательной силы для римскаго духовенства; введеніе уніи достаточно уже говоритъ намъ, какъ оно смотрѣло на права православнаго югозападнаго населенія и какое значеніе имѣли для него сеймовыя опредѣленія тамъ, гдѣ дѣло касалось интересовъ католичества. Среди такихъ-то обстоятельствъ и условій, будетъ слагаться характеръ церковнаго управленія въ югозападной церкви. Жизненныя силы ея будутъ развиваться медленно и выступать, такъ скажемъ, по частямъ, а иногда онѣ какъ-бы совсѣмъ затихаютъ. Предъ временемъ усиленной лихорадочной дѣятельности іезуитизма, для выполненія задуманнаго плана уніи, православная югозападная церковь какъ будто бы уже отказалась жить своею собственною жизнію. Каждое внѣшнее, чуждое вліяніе, начало отражаться въ ней. Пастыри церкви были большею частію далеки отъ интересовъ православія. Для ея враговъ сдѣлалась слишкомъ очевидною ея внутренняя порча, и она была какъ-бы на исходѣ дней своихъ. Римъ радовался этому явленію и спѣшилъ подать ей помощь давно приготовленную: онъ хотѣлъ оживить ее своею жизнію и привить къ ея жизни, какъ ему казалось, совершенно истощенной,

---

* На люблинскомъ сеймѣ 1569 г. было постановлено Сигизмундомъ-Августомъ: «обѣщалися и должны будемъ не уменшать и не уничтожать достоинствъ и чиновъ области нашей — волынской и кіевской—духовныхъ и мірскихъ, высшихъ и низшихъ, какъ римской, такъ и греческой вѣры, но сохранять ихъ въ цѣлости.» На вольномъ варшавскомъ сеймѣ 1573 г. коронными чинами духовными и свѣтскими, всѣмъ рыцарствомъ и прочими членами единой Рѣчи-Посполитой, было постановлено: «такъ какъ въ Коронѣ и Литвѣ люди различныхъ вѣроисповѣданій составляютъ одно нераздѣльное политическое тѣло, — то всѣмъ обѣщаемъ взаимное равенство и взаимную свободу въ Богослуженіи.» Тоже было подтверждено и Сигизмундомъ III-мъ во время его коронаціи. Но въ послѣдствіи времени католическое духовенство всѣмъ этимъ опредѣленіямъ и постановленіямъ конфедерацій, не хотѣло давать силы закона (Апокрисисъ стр. 22—31, въ рукописи, которая хранится въ библіотекѣ кіево-печерской Лавры).

свои религіозныя лучшія начала. Но теперь-то собственно православная церковь и не нуждалась въ посторонней помощи. Свѣжія силы церкви, хранившіяся глубоко во внутренней жизни народа, укрѣплявшіяся и возраставшія постепенно среди нужды и исключительности своего положенія, — выступили теперь заразъ во всей ихъ мощи и дали особенный и, можно сказать, единственный въ христіанскомъ мірѣ, характеръ церковному управленію и новый ходъ дѣламъ всего югозапада, какъ политическимъ, такъ и религіознымъ.

Церковное управленіе, сложившееся въ югозападной церкви предъ временемъ брестской уніи, было слѣдствіемъ предыдущихъ обстоятельствъ историческаго положенія православной церкви среди католицизма, вліяніе католической церкви, вслѣдствіе такого или другаго ея положенія, характера самаго югозападнаго народа и его отношенія къ своей вѣрѣ и церкви—чтобы яснѣе можно было видѣть характеръ управленія церкви этого времени и, чтобы черты его обозначались предъ нами рѣзче и выступили яснѣе,—прослѣдимъ церковное управленіе гораздо прежде этого времени и посмотримъ каково было состояніе югозападной церкви подъ непосредственною іерархическою властію, при ея централизаціи и на сколько выступала эта централизующая власть въ церковномъ управленіи. На этомъ необходимо остановиться еще и потому, что недостаточность и несостоятельность этого управленія на югозападѣ, вызвала новую форму его предъ временемъ брестской Уніи. Одного опредѣленнаго характера во весь этотъ періодъ времени мы неувидимъ. Незаконное вмѣшательство чуждой власти въ дѣла церкви, часто прикрывавшееся какою-то законностію, представляетъ такую смѣшанность, запутанность и неопредѣленность въ церковной администраціи, что изслѣдователю въ лабиринтѣ этихъ противорѣчащихъ и разнообразныхъ явленій и фактовъ, трудно замѣтить что нибудь цѣлое и опредѣленное и найти одну путеводную нить, которая бы вела васъ извѣстнымъ путемъ постепеннаго и логическаго развитія плана и характера всѣхъ дѣйствій церкви. Картины безпорядковъ и безурядицы смѣняютъ одни другія и чѣмъ далѣе будемъ идти за жизнію этой церкви, тѣмъ чаще и чаще она будетъ встрѣчаться и выступать тѣмъ сильнѣе и рѣзче. Въ царствованіе послѣднихъ Ягеллоновъ церковное управленіе носитъ на себѣ оттѣнокъ другаго характера, чѣмъ въ царствованіе Стефана Баторія, а еще болѣе—Сигизмунда III-го. Централизація власти церковной, сохранявшаяся еще при Ягеллонахъ, въ послѣд-

стіи времени начинаетъ ослабѣвать и распадаться все болѣе и болѣе. Ее замѣняютъ произволъ частныхъ лицъ, проявлявшійся еще и прежде, самовольное и безграничное вмѣшательство власти королевской въ дѣла церкви, — вслѣдствіе чего совершенно теряется сила священной іерархической власти и является крайняя безнравственность представителей церкви. Упадокъ нравственности въ духовенствѣ и пренебреженіе имъ истинами православія въ пользу католичества, вызываетъ живую дѣятельность въ народѣ на защиту вѣры и церкви и всеобщій протестъ противъ современнаго порядка вещей. Послѣ этого церковное управленіе принимаетъ характеръ чисто-народнаго, или лучше сказать, общиннаго управленія, въ которомъ не терялась личность каждаго члена церкви. Въ ней всѣ были равны, какъ первый магнатъ, такъ и послѣдній простолюдинъ.

I.

Самостоятельность кіевской митрополіи и независимость ея отъ московскихъ іерарховъ, не измѣнила въ сущности прежняго характера управленія въ югозападной церкви. По отдѣленіи отъ московской митрополіи (1410 г.) она находилась по прежнему въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, какъ верховнаго пастыря церкви, и сохранила въ себѣ то же законодательство древней церкви, которымъ она и прежде управлялась*. Причину этого отдѣленія западнорусскіе епископы, въ своей соборной грамотѣ объ избраніи и посвященіи кіевскаго митрополита Григорія Цамблака, указываютъ въ томъ, что Фотій, будучи митрополитомъ церкви кіевской, былъ такимъ только по имени, дѣломъ же они не имуще пастыря «ниже бо хотяше сѣдѣти у церкви, даной ему отъ Бога, и правити люди Божія, якоже достоитъ митрополиту, но точію приходы церковныя сбирая и живяше индѣ, а старая устроенія и честь кіевскоѣ церкве на ино мѣсто полагается.»** Та же причина указывается и въ окружной грамотѣ вел. кн. Александра Витовта. Онъ хотя и не одной вѣры съ православными, но ему непріятно буде слышать, если люди со стороны скажутъ: «осподаръ не въ той вѣрѣ, того для церковь

---

* Ак. Запад. Россіи т. 1. №.24.
** Ibid. стр. 33 на второмъ столбцѣ.

оскудѣла» *. Съ другой стороны—литовскимъ епископамъ не хотѣлось, чтобы кіевская митрополія находилась въ зависимости отъ московской, какъ старшая митрополія, но чтобы имѣла своего митрополита, какъ это было въ старину **.

Зависимость отъ патріарха константинопольскаго не была настолько безусловна, какъ прежде. Народъ и духовенство не желаютъ, чтобы митрополитъ кіевскій былъ присылаемъ имъ непосредственно изъ Цареграда, какъ это было прежде въ кіевской церкви при Кипріанѣ, Пименѣ, Діонисіѣ и другихъ: потому что не патріархъ вселенскій и божественный соборъ избирали ихъ, а кого царь повелитъ и *не на честь церковную смотрѣли, а на злато и сребро много.* Имъ это пелюбо и они хотятъ имѣть у себя народную іерархію. По примѣру единовѣрныхъ сербовъ и болгаръ и на основаніи правимъ апостольскихъ, избираютъ сами митрополита изъ среди себя, по согласію вел. князя, бояръ и вельможъ земль литовскихъ и иныхъ странъ принадлежащихъ княжеству литовскому, архіепископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, благоговѣйныхъ иноковъ и поповъ. Избраннаго ими, патріархъ долженъ утвердить, а не того, котораго избираетъ царь, какъ мірянинъ и человѣкъ частный, слѣдовательно имѣющій въ этомъ отношеніи такое же право голоса въ церкви, какъ и всѣ прочіе міряне, но не болѣе***. Уже въ самомъ началѣ мы замѣчаемъ здѣсь отношеніе народа къ іерархіи и церкви, вообще, болѣе особеннаго характера, чѣмъ въ сѣверо-восточной Руси. Тамъ, какъ извѣстно, избраніе епископовъ и митрополита зависитъ главнымъ образомъ отъ князей, здѣсь же народъ требуетъ, чтобы это дѣлалось съ-обща. Тамъ іерархія церкви примыкаетъ болѣе къ власти правительственной и централизируется постепенно вмѣстѣ съ нею, на московскомъ престолѣ, здѣсь же она стоитъ въ болѣе близкомъ отношеніи къ народу и находитъ для себя самую поддержку не въ первой, но въ послѣднемъ. На юго-западѣ народъ живетъ вмѣстѣ съ церковью ея внутреннею жизнію, строго слѣдитъ за тѣмъ, что и какъ въ ней дѣлается, хочетъ и самъ учавствовать въ этой дѣятельности, на сѣверѣ же онъ только благоговѣетъ предъ фор-

---

* А. З. Р. т. 1. № 26.

** Ibid. № 25 «штобы сидѣлъ на столѣ кіевскоѣ митропольи по старинѣ, строилъ бы церковь по давному, яко намъ: занежъ Божьимъ изволѣньимъ мы мѣсто то обладаемъ, Кіевъ.»

*** А. З. Р. т. 1. №№ 24. 25.

мою; освящаетъ ее и какъ то мало обращаетъ вниманія на самый духъ формы. Мы это увидимъ яснѣе въ послѣд. исторіи югозападной церкви. Основнымъ и положительнымъ законодательствомъ церковнаго управленія на югѣ, какъ и на сѣверѣ, постоянно оставалась Кормчая книга съ древнерусскими правами *. Въ 1449 г. в. князь лит. Александръ своею жалованною грамотою утверждаетъ неприкосновенность святительскаго суда и церковнаго имущества, на основаніи, такъ называемаго, «Свитка Ярославля» **. На основаніи этого Свитка не позволяется никому изъ свѣтскихъ вмѣшиваться въ суды духовные и дѣла, касающіяся церковныхъ имуществъ и доходовъ. Такое же запрещеніе дѣлается и городамъ, пользовавшимся магденбургскимъ правомъ и панамъ тѣхъ имѣній, у которыхъ находились церкви въ подаваніи (jus patronatus). Назначеніе священниковъ и поставленіе ихъ должно зависѣть сколько отъ избранія патрона или народа, столько-же отъ воли митрополита и его благословенія. Послѣ избранія и благословенія митрополичьяго, патронъ не имѣетъ уже никакого права надъ своимъ священникомъ, онъ подлежитъ непосредственному вѣдѣнію митрополита или мѣстнаго епископа. Въ жалованной грамотѣ в. кн. Александра обозначены еще частнѣе права митрополита, епископовъ, священниковъ и вообще отношенія низшей іерархіи къ высшимъ представителямъ церкви. Епископы и всѣ низшія степени іерархіи должны во всемъ повиноваться кіевскову митрополиту подъ страхомъ лишенія сана. Въ случаѣ сопротивленія епископа суду митрополичьему, свѣтская власть, по требованію митрополита, должна употреблять свои мѣры для приведенія въ дѣйствіе распоряженій митрополичьихъ. Митрополитъ, какъ въ древней Руси, такъ и въ настоящее время на юго-западѣ, былъ главнымъ іерархомъ всей церкви, въ непосредственной зависимости отъ патріарха константинопольскаго. Всѣ важнѣйшія дѣла шли отъ митрополита,—онъ одинъ дѣлалъ распоряженія епископамъ. Но его распоряженія тогда только имѣли обязательную силу для епископовъ, когда они были утверждены приговоромъ патріаршимъ и приняты общимъ голосомъ соборнымъ; въ противномъ случаѣ, они не могли быть обязательными ни для подчиненныхъ ему епископовъ, ни для низшихъ пастырей церкви. Митрополитъ могъ требовать отъ подчиненныхъ ему

* А. З. Р. т. 1. № 166 Сбор. Муханова № 69. 84. 85.
** А. З. Р. т. 1. № 166.

епископовъ отчетности въ дѣлахъ и поступкахъ съ подчиненными имъ священниками*. Митрополиту и епископамъ дается полная и неприкосновенная власть надъ подчиненными пресвитерами и никто изъ мірскихъ не имѣетъ никакого права заступаться за пресвитера въ какомъ-бы-то ни было дѣлѣ суда епископскаго. Если патронъ будетъ защищать священника своей церкви не по праву и возставать противъ законнаго суда епископскаго,—онъ лишается чести патронатства и долженъ внести въ соборную епископскую церковь пошлину—*въ тысячу рублей грошей широкихъ***. Суду духовному подчиняются всѣ дѣла, касающіяся вѣры и нравственности***. Если-бы кто изъ мірскихъ воспротивился суду епископскому, такого свѣтская власть судитъ и наказываетъ своимъ судомъ, а за пренебреженіе судомъ духовнымъ, подсудимый долженъ взнести въ соборную епископскую церковь *пять сотъ рублей грошей широкихъ*.

Верховная власть въ церкви сосредоточивается теперь въ рукахъ одних только высшихъ представителей ея, митрополита и епископовъ: они не обязываются давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ ни мірянамъ, ни низшему духовенству, и находятъ опору для своей власти какъ въ древнемъ законодательствѣ, такъ и въ желаніи и согласіи на полную независимость ихъ суда—всѣхъ князей и пановъ закона греческаго и народа, которые просятъ в. князя утвердить за ними древнія права ихъ церкви. Судъ епископскій считается судомъ непрерѣкаемымъ и ему никто не долженъ противорѣчить: «судъ бо есть епископскій» ****.

Но здѣсь же мы должны замѣтить, что эти права, *de jure*, верховныхъ представителей, выступали въ жизни совершенно иначе. Народъ дѣйствительно считалъ судъ духовный и его власть надъ собою священными, но только тогда, когда его пастыри судили рядили по правиламъ св. апостолъ и св. богоносныхъ отцевъ. Онъ всегда признавалъ за своими пастырями право верховнаго и конечнаго суда въ дѣлахъ вѣры и нравственности; но въ то же время онъ никогда не смотрѣлъ на высшихъ представителей церкви, какъ на духовныхъ санов-

* А. З. Р. т. III. N 7.

** А. З. Р. т. 1. стр 191.

*** Опис. кіево-соф. соб. въ прилож. N 11. Сбор. Мухан. NN 69, 84, 85.

**** А. З. Р. т. 1. ст. 191 на пер. столбцѣ.

никовъ*. Если только онъ замѣчалъ, что судъ епископа идетъ противъ его сознанія, противъ требованій вѣры и нравственности и коренныхъ народныхъ правъ,—онъ отвергалъ его, признавалъ его незаконнымъ и заявлялъ это дѣло гласно. Полоцкая православная шляхта, какъ только замѣтила, что ихъ архіепископъ Симеонъ судитъ *не по правдѣ*, она сейчасъ же вступаетъ на него съ жалобою и требуетъ суда надъ нимъ. «Нерадно и неслушно ся тамъ справуетъ, говорятъ они, а именно:—въ церквахъ Божіихъ и монастыряхъ архимандритамъ, игуменамъ, и старцамъ и крылошанамъ св. Софіи, попамъ и людямъ, какъ въ городахъ, такъ и по селамъ своей епархіи, дѣлаетъ великія притѣсненія и несправедливости. Всякіе доходы беретъ себѣ, а священникамъ ничего не удѣляетъ, въ церкви назначаетъ поповъ изъ простыхъ людей, безъ всякаго со стороны нашей на это согласія, за что беретъ отъ нихъ великіе подарки» **.

Мы показали здѣсь только одну сторону церковнаго управленія—по древнимъ узаконеніямъ церкви, съ немногими прибавленіями, которыя служили основою для всей ея дѣятельности. Само собою понятно, что церковь не можетъ ограничиваться въ своемъ управленіи одними какими-нибудь правилами, составленными разъ навсегда, какъ не можетъ остановиться развитіе ея жизни и ее нравственная дѣятельность на одной какой-нибудь точкѣ. Она живетъ и развивается среди извѣстнаго общества и при извѣстныхъ условіяхъ времени;—все это такъ или иначе отражается во внутренней ея жизни, а слѣдовательно требуетъ новыхъ опредѣленій и болѣе точныхъ постановленій.—И дѣйствительно, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, церковь не ограничивалась въ своемъ управленіи однимъ только положительнымъ законодательствомъ, наслѣдованнымъ ею отъ Греціи. Кормчая книга и греческій Номоканонъ, служа постоянною нормою въ церковномъ управленіи, не могли однакожъ удовлетворять всѣмъ ея требованіямъ, возникавшимъ по временамъ при различныхъ обстоятельствахъ. Южнорусское общество далеко не подходило подъ мѣру того общества, къ которому Номоканонъ первоначально опредѣлялъ отношенія

* Чтобы видѣть насколько это справедливо, мы указываемъ читателю на челобитную галицко-русскаго православнаго духовенства, дворянства и всего поспольства кіевскому митрополиту Макарію. (А. З. Р. т. II. N 193).

** А. З. Р. т. II. N 234

православной церкви: жизнь того и другаго развивалась подъ своими особенными условіями, слѣд. и каноническія отношенія церкви къ гражданскому обществу должны были потерпѣть нѣкоторыя измѣненія и получить новыя опредѣленія, согласныя съ состояніемъ своего общества.

Въ случаѣ какихъ-либо нуждъ и возникавшихъ новыхъ требованій церкви, въ ея благочиніи, пастыри собирались для разсужденія на соборы, по требованію митрополита*. Характеръ этихъ соборовъ былъ такой же, какой на востокѣ — въ Греціи; права всѣхъ присутствовавшихъ уравнивались во внутреннемъ управленіи церковію и каждый изъ нихъ имѣлъ одинаковое право голоса, начиная отъ митрополита до послѣдняго священника. При Іосифѣ Солтанѣ, одномъ изъ ревностнѣйшихъ и, можно сказать, лучшемъ іерархѣ въ югозападной церкви уже до самой уніи,—мы встрѣчаемъ первый соборъ съ такимъ характеромъ, въ Вильнѣ, со времени отдѣленія кіевской митрополіи отъ московской. На этомъ соборѣ подтверждены прежнія нѣкоторыя постановленія церкви и прибавлены къ нимъ еще новыя, сообразно характеру и жизни югозападной церкви. Хотя опредѣленія виленскаго собора не будутъ имѣть приложенія и служить постояннымъ и неизмѣннымъ руководствомъ въ церковной практикѣ послѣдующаго времени, но мы не можемъ оставить ихъ безъ вниманія, какъ единственный памятникъ этого времени до конца второй половины XVI в. Дѣянія этого собора драгоцѣнны для насъ и потому еще, что въ нихъ сказалась почти вся жизнь церкви въ полной ея картинѣ: отношеніе власти правительственной къ іерархической вообще, взаимное отношеніе пастырей между собою и отношеніе ихъ къ народу. Въ постановленіяхъ этого собора мы увидимъ также, отчасти, тѣ темныя стороны въ управленіи церковномъ, которыя вскорѣ послѣ этого станутъ обозначаться въ жизни яснѣе и опредѣленнѣе. Эти постановленія состояли въ слѣд.: во 1-хъ, чтобы при жизни митрополита, епископа, архимандрита или священника, никто не смѣлъ подкупаться на чье-либо изъ нихъ мѣсто, ради мірской славы и владычества, безъ совѣта и воли митрополита, епископовъ и безъ избранія князей и *пановъ греческаго закона*. Если же кто-либо изъ епископовъ дерзнетъ такого безчинника постановить въ какой-либо священническій чинъ,—самъ да лишится своего сана. Во 2-хъ, архіепископамъ

* Опис. кіев. соф. соб. въ прилож. ст. 40.

и епископамъ запрещается ставить поповъ и діаконовъ чужихъ епископій безъ повелѣнія и грамоты ихъ епископа. Въ 3-хъ, во священники и епископы поставлять людей только достойныхъ священства по суду духовному. Если-бы самъ государь стоялъ за недостойнаго,—они всѣ съ митрополитомъ должны пойти къ государю и объявить его недостоинство, по которому они не смѣютъ постановить его. Въ 4-хъ, если-бы епископъ или священникъ при поставленіи утаилъ свою совѣсть предъ духовнымъ отцемъ, и послѣ откроется его преступленіе, такой долженъ быть отлученъ отъ божественной службы. Въ 5-хъ, такъ-какъ нѣкоторые священники и міряне, недовольные судомъ своего епископа и подпавшіе его неблагословенію, отходятъ въ другія епископіи и тамъ получаютъ священство и благословеніе,—то постановляется,—чтобы первыхъ ни одинъ епископъ не принималъ къ себѣ безъ отпускной грамоты, а послѣднихъ отыскивать и недопускать въ церковь; въ 6-хъ, постановлено строго слѣдить, чтобы священники жили съ законными женами, а вдовымъ запрещено священнодѣйствовать, если только они не поступятъ въ монахи*. Въ 7-хъ, патронамъ церквей запрещается

---

* Подобное постановленіе о вдовыхъ священникахъ существовало и на сѣверѣ и явилось тамъ гораздо раньше, чѣмъ здѣсь. Извѣстно, что оно явилоь вслѣдствіе ереси стригольниковъ и, какъ крайнее средство, чтобы устранить соблазнъ, который причиняло вдовое духовенство тогдашняго времени. Какъ соборное правило, оно сдѣлано было на московскомъ соборѣ 1503 года, за 6-ть лѣтъ до виленскаго, потомъ во всей своей строгости было подтверждено на стоглавомъ соборѣ 1551 г. Опредѣленіе стоглаваго собора читается такъ: «аще у попа умретъ попадья, идетъ въ монастырь, имѣя священство свое. Аще же иматъ пребывати и любити мірская сласти, да не поетъ. И аще кто иметъ не слушати моего (митр. Петра) писанія, и будетъ не благословенъ иже приобщаются съ нимъ». (Стог. соб. гл. 71). Надобно думать, что эти постановленія на югъ перешли съ сѣвера, хотя ересь стригольниковъ не могла здѣсь найти для себя ни пріюта, ни простора, потому-что здѣсь не было такихъ условій ни со стороны пастырей церкви, какъ во Псковѣ и Новгородѣ, ни со стороны характера самаго народа южно-русскаго, какъ на сѣверѣ Руси. (Разсужденія о ересяхъ и расколахъ, Руднева стр. 81. 88). А между прочимъ постановленіе виленскаго собора дышетъ не меньшею строгостію, какъ и постановленіе стоглаваго. «Аще ли митрополитъ сіе установленіе наше преступитъ, мы вел. епископи соборнѣ совокупльшеся, того имамъ отъ сана отлучити; аще ли кто отъ мірянъ явится противяся и не покаряяся сему правилу, тіи соборнѣ отъ всѣхъ насъ отлучены бу-

отнимать церкви у своихъ священниковъ безъ вѣдома святительскаго, какое бы преступленіе не совершилъ священникъ. Если-же князь или бояринъ отниметъ церковь у священника безъ суда и вѣдома святительскаго, — епископъ не назначаетъ другаго священника до тѣхъ поръ, пока не будетъ изслѣдовано дѣло. Въ 8-хъ, если который князь или бояринъ будетъ держать церковь въ небреженіи и безъ священника въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то къ таковой церкви самъ епископъ назначаетъ священника. Въ 9-хъ, если князь или бояринъ отниметъ у церкви имѣніе или что-нибудь церковное,—митрополитъ или епископъ должны потребовать у него обратно; если-же онъ воспротивится этому, соборъ отлучаетъ его отъ церкви. Въ 10-хъ, если священникъ, по повелѣнію патрона, будетъ священнодѣйствовать въ церкви безъ благословенія епископскаго, — такой лишается сана по правиламъ. Въ 11-хъ, іеромонахамъ и монахамъ запрещается выходить изъ своего монастыря безъ отпускной грамоты игумена; въ противномъ случаѣ ихъ повелѣвается нигдѣ не принимать и не позволять священнодѣйствовать безъ благословенія епископскаго. Въ 12-хъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви мірскимъ людямъ не позволяется держать у себя божественныхъ правилъ, такъ-какъ они имѣя ихъ у себя не уважаютъ закона и пастырей своихъ презираютъ: — сами себѣ законъ бываютъ. Въ 13-хъ, всѣмъ епископамъ строго запрещается принимать на себя суды и дѣла мірскія, чтобы послѣ этого они не имѣли предлога отказываться отъ соборовъ, на которые должны являться для совѣщанія о паствѣ Христовой. Наконецъ—въ 14-хъ, если государь или кто нибудь изъ вельможъ или свѣтскихъ властей дерзнетъ нарушить хоть одно изъ этихъ постановленій,—всѣ духовные, по первому приглашенію митрополита, безъ замедленія, должны съѣхаться на свой счетъ къ митрополиту и его епископу и просить государя, чтобы не нарушать ничего изъ постановленнаго. Если-же митрополитъ или кто нибудь изъ епископовъ, какъ настоящихъ, такъ и послѣдующихъ за ними, нарушитъ эти опредѣленія и не будетъ защищать ихъ, даже если-бы пришлось пострадать за это, — тотъ да будетъ лишенъ своего сана*.

Изъ постановленій виленскаго собора мы видимъ, что православная церковь пользовалась въ это время полными правами

дутъ; аще-ли по первомъ и второмъ наказаніи не покаются, тогда проклятію преданіи да будутъ.» Опис. кіев. соф. соб. въ прилож. стр. 45.

* Опис. соф. соб. прилож. N 10. Ак. истор. ст. 1. N 289.

гражданственности рядомъ съ католичествомъ. Пастыри церкви прямо, смѣло и рѣшительно заявляютъ свои права въ ней и внутреннее управленіе ея стараются поставить въ совершенной независимости отъ всякаго произвола мірской власти. Вел. князь Александръ, не только не противорѣчилъ тому, но даже утверждаетъ неприкосновенность соборныхъ постановленій своею властію *. Іосифъ Солтанъ, въ предисловіи къ постановленіямъ виленскаго собора, съ какимъ-то особенно отраднымъ чувствомъ останавливается на своемъ времени,—времени, когда изволившу Богу, дана ему сила и возможность видѣніемъ и слышаніемъ исправить безчиніе священническое и вообще устроить церковь по правиламъ святыхъ и заповѣдямъ отеческимъ **. На прежнее время—плѣненія отъ поганыхъ, избіенія князей, запустѣнія церквей Божіихъ, нашествія агарянъ и проч.,—онъ смотритъ какъ на время наказанія Божія за то, что они ходили не по правиламъ св. апостолъ и не по заповѣдямъ святыхъ ***.

Стремленіе и желаніе католичества соединить тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ обѣ народности въ одну посредствомъ религіи, выступавшія со всей силою при Ягеллѣ, теперь проявлялись только отчасти въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ вел. кн. Александра****. Да и это были, можно сказать, болѣе отголоски, неудавшейся Флорентійской Уніи и послѣднія усилія Рима достигнуть въ это время недостигнутаго,—чѣмъ сознательныя дѣйствія польскаго правительства*****. Думать теперь о чемъ либо серьезномъ не могли, ни Казиміръ IV, посвящавшій почти все время охотѣ и удовольствіямъ******, ни болѣе ревностный католикъ Александръ. При послѣднемъ православные находили для себя вѣрную защиту и крѣпкую опору въ княгинѣ Еленѣ и царѣ московскомъ Іоаннѣ III, который не относился такъ холодно къ состоянію церкви единовѣрнаго юго-запада, какъ

---

* Опис. соф. соб. стр. 111.

** И дѣйствительно Іосифъ Солтанъ строго слѣдилъ не только за нравственностію духовенства, но и мірянъ. Онъ разсылалъ своихъ слугъ митрополичьихъ по селамъ и городамъ, чтобы они отыскивали живущихъ незаконно съ женами, также тѣхъ которые дѣтей не крестятъ и на исповѣдь не ходятъ (А. З. Р. т. II. N 51).

*** Опис. соф. соб. въ прилож. стр. 40-41.

**** Жур. Мин. Н. пр. 1846 г. ч. L. отд. II. статья о княгинѣ Еленѣ. Бандтке. ист. госуд. Польск. т. II. стр. 109.

***** Сбор. Муханова. № 74. А. З. Р. т. 1. NN 294. 348.

****** Бандтке, И. п. г. стр. 45.

послѣдующіе цари московскіе *. Внутреннія смуты московскаго царства, частыя и непріязненныя политическія отношенія его къ Польшѣ, постепенно разъединяли юго-западную Русь отъ сѣверной и характеръ церковнаго управленія первой началъ развиваться и слагаться независимо отъ второй, сообразно характеру народа, духу времени и политическому состоянію самой церкви православной среди непріязненнаго для нея католичества.

Что же мы видимъ далѣе? Власть и права церкви, данныя Витовтомъ, Казиміромъ и Александромъ, утверждены были и Сигизмундомъ I и судебной грамотѣ в. кн. кіевскаго Ярослава Владиміровича «о церковныхъ судахъ,» дана вся прежняя сила **. Митрополиту Іосифу и будущимъ по немъ пастырямъ повелѣвается Сигизмундомъ, всѣ церкви закона греческаго, имѣть въ своей власти, распоряжаться ими и раздавать ихъ по правиламъ святымъ. Епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, поповъ и діаконовъ и весь священническій чинъ греческаго закона, какъ духовныхъ такъ и мірскихъ, митрополитъ имѣетъ право судить и всѣ дѣла духовныя вершить и благословлять, а непослушныхъ и виновныхъ наказывать и карать, по своимъ правиламъ и уставамъ соборной восточной церкви, *ни отъ кого невозбранно* ***.

Но эти привилейныя грамоты и обѣщанія давались теперь православной церкви, какъ бы для того, чтобы они существовали только въ идеѣ, а на дѣлѣ *выходило совершенно другое*.— Изъ постановленій виленскаго собора и привилейныхъ грамотъ королей, о церковныхъ судахъ, видно уже, сколько было слабыхъ сторонъ и наопредѣленностей въ церковномъ управленіи. Производилъ безпорядки въ церкви патронъ, присвоили себѣ право судить и рядить въ ней, по своему, воеводы, старосты, намѣстники и другія начальствующія лица; король не спрашиваясь духовныхъ властей, могъ самъ назначать на церковныя должности, по своему усмотрѣнію. По смерти Іосифа Солтана всѣ эти безпорядки церкви выступаютъ во всей ихъ силѣ, какъ будто бы и не существовало прежнихъ постановленій виленскаго собора, и во внутренней жизни церкви уже являются начала той порчи и тѣхъ неустройствъ, которыя въ послѣдствіи времени, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ общественнаго устройства Польши развиваются все сильнѣе и сильнѣе.

* Ак. Эксп. т. 1. № 138.
** Опис. соф. соб. стр. 116 и прилож. стр. 52.
*** Опис. соф. соб. прибав. N 11. 12.

При митрополитѣ кіевскомъ Іонѣ отношеніе Сигизмунда I въ православной церкви перемѣняется. Римское духовенство и прежде не совсѣмъ благопріятно посматривало на православную церковь, но политическое состояніе Польши какъ бы сдерживало его порывы; теперь же, еще съ большею непріязнію оно начало относиться къ ней, когда замѣтило, что православное духовенство уже слишкомъ далеко заходитъ въ своей дѣятельности, во вредъ католичеству. Особенно непріятно ему было смотрѣть на пастырскую дѣятельность Іоны II, который въ короткое время своего правленія, успѣлъ обратить въ православіе многихъ литовскихъ князей, пановъ и гражданъ, перешедшихъ прежде въ католичество *. Князя-бискупы, предсѣдательствующіе въ Сенатѣ, уже успѣли научить поляковъ смотрѣть на православіе какъ на что-то лишнее въ Польшѣ, существованіе котораго среди католичества, не имѣетъ никакого основанія, даже историческаго и должно быть слито съ католичествомъ такъ или иначе. Въ слѣдствіе этого начинаютъ проявляться непріязненныя отношенія католическаго польскаго магнатства къ православному дворянству и двусмысленныя отношенія королей къ православной церкви. Польскіе магнаты высказываютъ свое недовольство предъ королемъ на то, что православные русскіе вельможи пользуются въ государствѣ одинаковыми правами вмѣстѣ съ ними и требуютъ, чтобы высшія государственныя должности давались людямъ только преданнымъ католичеству**. Сигизмундъ I далекъ былъ отъ преслѣдованій и утѣснять православныхъ было не въ его характерѣ, тѣмъ болѣе что этого не позволяли ему дѣлать и привиллегіи данныя южно-русскому народу и духовенству на прежнихъ сеймахъ и жалованныя грамоты, въ которыхъ православные сравнивались въ правахъ съ римско-католическимъ духовенствомъ и народомъ***, но въ то же время онъ не могъ не уступать требованіямъ своего духовенства, магнатства, которые теперь любили только совѣтовать, а добраго мало дѣлали****. Постановленіе городельскаго сейма***** было опять возстановлено послѣ того, когда дворянство угрожало возстать противъ короля и сената. На гродепскомъ сеймѣ (1529), Сигизмундъ обѣщался не производить въ сенаторы и выс-

* Опис. соф. соб. ст. 117.
** Опис. соф. соб. ст. 118.
*** Бандтке, Ист. пол. госуд. т. II. стр. 26. 37. 31. А. З. Р.
**** Ibid. стр. 100.
***** Ibid. стр. 15.

шія государственныя должности людей непокорныхъ католической іерархіи, тоже было утверждено и на виленскомъ сеймѣ (1529 г.); а въ 1543 г., на варшавскомъ сеймѣ, отнято у Литовско-русскихъ князей и пановъ право голоса, который они подавали до сего времени при избраніи епископовъ и митрополитовъ *. Этимъ опредѣленіемъ отнималась у православныхъ послѣдняя опора, какую они находили до сего времени у представителей церкви. Мало того, что здѣсь затрогивалась племенная и родовая гордость литовско-русскаго народа, ихъ теперь разъединяли съ церковью. Эта власть и права были дороги для народа, какъ дорога была православная вѣра для него. Онъ хотѣлъ самъ непосредственно слѣдить за тѣмъ, чтобы представители исповѣдуемой имъ вѣры, среди католичества, были достойными и дѣйствительными защитниками ея и его единоплеменниками**. На юго-западѣ не существовало духовнаго сословія, какъ отдѣльной касты. — Потому-то народъ, избирая изъ своей среды на іерархическія должности, требовалъ, чтобы избранный имѣлъ отъ него уполномочіе и свидѣтельство въ его честной и незазорной жизни и единодушное желаніе народа имѣть его своимъ пастыремъ***. Католическое же духовенство, помимо ихъ, могло сажать теперь на митрополичьи и епископскія каѳедры людей, далеко не сочувствующихъ православію и болѣе расположенныхъ къ католичеству. Дворянство возстало противъ постановленія варшавскаго сейма, досихъ поръ у нихъ небывалаго. Король, по требованію знаменитыхъ литовско-русскихъ князей Острожскихъ, Друцкихъ, Пронскихъ, Чарторыжскихъ и многихъ другихъ, опять предоставилъ за ними право избирать въ митрополиты и епископы тѣхъ, кого они сами захотятъ, а за собою удерживаетъ только право утвержденія. Право же раздавать монастыри съ ихъ имѣніями и назначать настоятелей монастырей, король оставляетъ исключительно за собою, какъ это было прежде****. Въ этомъ то послѣднемъ, безграничномъ правѣ королей скрывается начало и причина тѣхъ безпорядковъ въ церковномъ управленіи, которые постепенно обхватываютъ всѣ части его.

---

* Опис. соф. соб. стр. 117.

** А. З. Р. т. 11 NN 193 234.

*** Ibid. N 193. Вотъ какое у нихъ было единодушіе въ избраніи: обрали есьмо отъ насъ яко духовные и шляхта и мѣщане, *такъ все посполство отъ большихъ и до меньшихъ* земель русскихъ и подольскихъ въ ихъ закону греческаго, на имя Макарія мѣщанина львовскаго.

**** А. З. Р. т. 1. NN 56. 68. 112. 117.

Кромѣ немногихъ монастырей патронатскихъ, большая часть изъ нихъ находилась въ непосредственномъ вѣдѣніи короля и были его собственностію. Митрополитъ и епископы въ назначеніи на мѣсто настоятелей монастырей, часто не имѣли почти никакого влiянія. Имъ, дѣйствительно, приходилось здѣсь только *вершить дѣла* *, т. е. поставлять архимандритовъ и игуменовъ монастырей по представленію короля, но недавалось имъ никакого права участвовать самымъ въ этомъ избраніи. Король чрезъ своихъ намѣстниковъ или старостъ строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы монастыри не оставались безъ начальниковъ и управителей, такъ какъ отъ этого они приходили къ упадку и обнищанію. На упраздненное монастырское мѣсто или самъ король назначалъ извѣстное лице, по его просьбѣ, а иногда по просьбѣ народа, или же по просьбѣ князей и вельможъ позволялъ быть кому-либо настоятелемъ монастыря; или же давалъ право распоряжаться монастыремъ, бывшимъ въ его подаваньи (jus patronatus), намѣстнику города **. Впрочемъ Сигизмундъ, признавая за собою право назначенія на мѣсто настоятелей монастырей, незлоупотреблялъ еще имъ: онъ часто старался согласовать свои распоряженія съ радою, съ желаніемъ и просьбами князей, бояръ, всего посполитства и испрашивалъ иногда согласія у мѣстнаго епископа***. Безграничнымъ правомъ, въ назначеніи на епископскія каѳедры и настоятели монастырей, больше пользовалась мать его корыстолюбивая и безнравственная италіянка Бона. Она, не только настоятельскія мѣста, но и епископскія каѳедры, дѣлала продажными какъ въ церкви православной, такъ и въ католической. Они доставались большею частію или ея любимцамъ или тѣмъ, кто могъ больше заплатить денегъ; вслѣдствіе чего ихъ получали люди развратные, неспособные и праздные****. Этихъ злоупотребленій не могло остановить не только духовенство римское, власть котораго для нее почти не существовала; но и самъ король съ своимъ сенатомъ, потому что ее поддерживала сильная партія магнатовъ ея фаворитовъ.

Гораздо дальше Сигизмунда I пошелъ, въ этомъ отношеніи, Сигизмундъ Августъ. Онъ ни мало не стѣснялся отдавать монастыри, какъ награду за услуги, оказанныя Рѣчи Поспо-

---

* Опис. соф. соб. приб. N 12.

** А. З. Р. т. I. N 140. 141. т. II. NN 144. 145.

*** А. З. Р. т. II. NN 125. 135. 151. 154.

**** Бандтке, ист. пол. гос. т. II. стр. 98. 100.

литой *: Архіепископы и епископы получали отъ него одинъ монастырь за другимъ, какъ награду за свое доброе служеніе** и, не имѣя возможности сами управиться съ ними, они въ свою очередь отдавали ихъ, или только монастырскія церкви***, въ аренду свѣтскимъ лицамъ****. Иногда монастырями управляли женатые священники, находившіеся въ церквахъ, принадлежавшихъ монастырю и, какъ родовое имѣніе, передавали ихъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе*****. Или же они отдавались вдовымъ панамъ, потому только, что они обѣщались поступить въ монахи; но они, управляя монастырями, считали лишнимъ принимать на себя ангельскій чинъ******. Иногда жалованною грамотою король давалъ право своимъ дворянамъ владѣть извѣстнымъ монастыремъ съ правомъ суда и расправы надъ попами, монахами, черницами и всѣмъ станомъ духовнымъ; при этомъ, впрочемъ, требовалось, чтобы они сами отъ себя имѣли въ монастырѣ духовнаго намѣстника, какъ лице посредствующее въ судахъ духовныхъ*******. Само собою очевидно какой здѣсь открывался широкій произволъ свѣтскимъ лицамъ при такой неточной разграниченности ихъ правъ отъ правъ духовныхъ лицъ. Свѣтскія лица, получивъ право отъ короля быть попечителемъ монастыря или только пользоваться доходами съ его имѣній, не ограничивались однимъ этимъ правиломъ; они распоряжались дѣлами монастырскими по своему, судили всѣхъ, какъ имъ хотѣлось или ихъ слугамъ, необращая никакого вниманія ни на суды духовные, ни на каноническія постановленія, ни на запрещенія королевскія********. Сами намѣстники монастырей должны были уступать неограниченной власти владѣтелю его имѣніями, лишь бы только не лишиться его благорасположенности, а пожалуй и должности, и не потерять той части доходовъ, которую они получали отъ него, по его милости.

---

* А. З. Р. т. III. NN 20. 29. 47. 54.

** Ibid. NN 94. 98.

*** Надобно замѣтить что къ монастырямъ, кромѣ богатыхъ имѣній и помѣстій, причислялись также нѣкоторыя церкви приходскія, находящіяся вблизи монастырей и составляли часть ихъ доходовъ.

**** А. З. В. т. IV. N 152.

***** А. З. Р. т. III. NN 94. 98.

****** А. З. Р. т. III. N 94. 98.

******* Ibid. 29.

******** А. З. Р. т. III. NN 9. 22 и проч.

Подобная запутанность, неопредѣленность и ослабленіе власти духовной въ церковномъ управленіи, какъ со стороны патроновъ, такъ и вообще свѣтской власти, была не рѣдкимъ явленіемъ еще до виленскаго собора. И прежде являлись грамоты короля за граматами, съ запрещеніемъ свѣтскимъ лицамъ вмѣшиваться въ суды и расправы церковныя*; но эти граматы, какъ видно, были, для этого времени гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Изъ дѣяній виленскаго собора мы видѣли что патроны церквей не всегда оказывались ревностными защитниками правъ и постановленій церкви православной**. Церкви, находившіяся въ ихъ имѣніяхъ оставались иногда безъ священниковъ и некому было совершать требъ и необходимыхъ таинствъ церкви православной, или же они выгоняли ихъ изъ своихъ приходовъ, если только онъ былъ имъ нелюбъ, безъ всякаго суда и вѣдѣнія объ этомъ мѣстнаго епископа. Нечего уже и говорить о томъ, что при избраніи священниковъ патроны не очень обращали вниманіе на внутреннія достоинства избранныхъ, какихъ, впрочемъ, трудно было даже и найти въ это время; да и сами-то патроны этого времени, не слишкомъ далеко заходили въ своемъ образованіи. При этомъ требовались, главнымъ образомъ—заискиванія, обманы, хитрости и обѣщанія быть вѣрнымъ и покорнымъ слугою патрона и блюсти его интерессы***.

Послѣ виленскаго собора церковные безпорядки, въ этомъ родѣ, увеличиваются все болѣе и болѣе. Намѣстники королевскіе, врядники патроновъ, а иногда даже и митрополичьи и цѣлая фаланга другихъ мелкихъ властей, надзирая за имѣніями своихъ господъ,—съ ихъ уполномочія или же сами, отъ нечего дѣлать присвояли себѣ и въ дѣлахъ церковныхъ такія же права суда и расправы, не только надъ мірскими, но и надъ духовными, права,—какія предоставлены были только епископамъ и митрополитамъ. Они судятъ священниковъ, сажаютъ ихъ въ тюрмы, тянутъ въ суды свѣтскіе, разводятъ

* А. З. Р. т. 1. N 118. 166. 174. ипроч.

** Акт. истор. т. 1. N 289. стр. 527—528.

*** Получить какое-нибудь образованіе, а особенно въ Литвѣ и Коронѣ, не было почти никакой возможности. Тогда какъ при приходскихъ католическихъ церквахъ часто ксендзы, а иногда причетникъ (organisty), открывали школы для молодежи,—у православныхъ не было ничего подобнаго не только по селамъ, но и по городамъ (Moracz. Dz. rz. ps. pl. VII. str. 209).

браки, собираютъ пошлины и доходы митрополичьи въ свою пользу и проч.*. Королевскіе чиновники-воеводы, подскарбіи, особенно земскіе старосты, надзору которыхъ поручались монастыри и церкви ихъ округа**, также безнаказанно вмѣшиваются въ дѣла церковныя и производятъ тамъ всевозможные безпорядки. Православная церковь дѣлается теперь въ Польшѣ какъ-бы ареною, куда каждый можетъ восходить, хоть сколько нибудь поднявшійся въ іерархической государственной лѣстницѣ, чтобы показать свою силу и власть надъ другими, менѣе беззащитными. Однѣ только церкви, находившіяся въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, какъ-бы болѣе другихъ были свободны отъ общихъ тому времени насилій и безпорядковъ, и во внутреннемъ управленіи ихъ мы находимъ болѣе законности и установившагося уже порядка. Развившееся здѣсь среднее сословіе, приняло церковь въ непосредственное свое вѣдѣніе и попеченіе***. Начальники общины вмѣстѣ со всѣмъ народомъ защищали духовенство даже отъ насилій и злоупотребленій власти мѣстнаго епископа и наблюдали, чтобы онъ дѣйствовалъ и управлялъ церковью по чину и по правиламъ****. Вмѣстѣ съ духовенствомъ городскимъ они строго слѣдили, какъ за цѣлостію церковнаго имущества, такъ и за тѣмъ, чтобы священники, поставляемые при церквахъ дѣйствительно были людьми достойными высокаго пастырскаго служенія, *по признанію об-*

---

* А. З. Р. т. II. N 230. ibid. т. III. N 22. 46 ibid. стр. 11.

** Власть и права старостъ въ Польшѣ были чрезвычайно обширны. *Vis, via, feminia,—ignis*—вотъ чотыре предмета подлежавшіе его суду, т. е. онъ разбиралъ дѣла—о нападеніяхъ на домы и грабежахъ о разбояхъ на дорогахъ, о изнасилованіи женщинъ, о поджогахъ. Уголовныхъ преступниковъ, даже и шляхтича три раза пойманнаго въ воровствѣ, онъ могъ безъ суда королевскаго наказывать смертною казнію. Онъ былъ и хранителемъ общественнаго спокойствія, наблюдалъ за доходами Рѣчи-посполитой и короля въ ввѣренномъ ему округѣ; былъ высшимъ государственнымъ начальникомъ—военною силою, онъ приводилъ въ исполненіе всѣ распоряженія и приговоры царскіе касательно всѣхъ жителей его округа, не исключая даже и духовенства, а особенно ему поручалось выгонять изъ имѣній партизановъ и другихъ, которые безправно вторгались въ бенефиціи или какія-либо другія церковныя мѣста. Вмѣстѣ съ епископомъ діэцезіи онъ описывалъ церковныя имѣнія и сокровища, особенно въ имѣніяхъ принадлежавшихъ королю (Moracz. Dzieje R. Pospol. pol. VII. str. 170—173.

*** См. у Ярошевича 38 стр. 20. 45. т. II.

**** А. З. Р. т. II. N 234.

щаго голоса народнаго. Какъ только умиралъ священникъ какой-нибудь церкви, сейчасъ собирались—бургомистръ, два радца и городской писарь, вмѣстѣ съ протопопомъ и двумя попами *и избирали, съ общаго согласія,* во священники, человѣка «годнаго и наученаго.» Избранный съ довѣрчивостію отъ всей общины и духовенства, отправлялся за благословеніемъ и рукоположеніемъ къ митрополиту. Также избирались здѣсь діаконы, причетники и пономари *.

Если такіе безпорядки въ церковномъ управленіи были по городамъ и монастырскимъ церквамъ, въ мѣстахъ гдѣ была еще возможность отстаивать права церкви и защищать силу власти духовныхъ судовъ, — такъ что же было по селамъ, въ захолустьяхъ, въ дали отъ каѳедръ епископскихъ? Каково было тамъ положеніе бѣлаго духовенства и какой порядокъ въ тѣхъ приходахъ, о состояніи которыхъ невозможно было даже и узнать что либо епископу? Магнатъ также относился здѣсь къ всякому въ своемъ имѣніи, какъ и къ простому мірянину. Онъ билъ его розгами и плетьми и находилъ для себя оправданіе въ томъ, что его священникъ не изъ шляхетскаго рода, *холопъ;* слѣдовательно онъ имѣетъ полное право его казнить, не отвѣчая за это предъ статутомъ. И все это дѣлалось безнаказанно, хотя часто и знали о такихъ поступкахъ магнатовъ митрополиты и епископы**. Впрочемъ, какъ епископы мало думали и заботились о подвластныхъ имъ священникахъ, такъ равно и свящанники жили, незная своихъ епископовъ и имъ не было до нихъ никакого дѣла.

Митрополитъ Іона III въ 1568 г. жаловался королю на градскомъ сеймѣ, что онъ, объѣзжая подчиненную ему епархію, замѣтилъ многія неурадицы и нестроеніе между духовенствомъ и въ дѣлахъ церкви. Священники вышли изъ повиновенія ему и не хотѣли признавать надъ собою никакой его власти и не слушались его распоряженій; а въ монастыряхъ свѣтскія лица грабили и разбирали церковныя имѣнія и, по своему собственному соображенію производили судъ и расправу по дѣламъ духовнымъ. Многое онъ исправилъ и порядокъ кое-гдѣ установилъ, но здѣсь же онъ замѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его епархіи нѣтъ у него достойныхъ слугъ, которые бы наблюдали за порядкомъ***; а если и были по мѣстамъ протопопы

---

* А. З. Р. т. II. N 231.

** Moracz. dz. rz. pos. pol. VII. str. 208.

*** А. З. Р. т. III. NN 43—46.

и врядники его, какъ замѣтилъ еще прежде этого митрополитъ Сильвестръ въ своей жалобѣ къ королю *, но и тѣ не могли имѣть никакой власти, ни влiянiя на подчиненное имъ духовенство, потому что врядники патронатскiе недопускали ихъ даже въ имѣнiя своихъ господъ, чтобы производить судъ и расправу надъ духовными лицами и посмотрѣть какъ они живутъ тамъ. Слѣд., большая часть поповъ жила себѣ безъ всякаго досмотра, и что съ ними дѣлалось, и имѣли ли они хоть какое нибудь влiянiе на нравственность народа, — объ этомъ довольно трудно было узнать **.

Чтобы устранить безпорядки церкви во внутреннемъ ея управленiи, митрополитъ Iона III, просилъ короля на гроденскомъ сеймѣ, чтобы въ княжествѣ московскомъ и другихъ русскихъ земляхъ, подчиненныхъ Коронѣ не назначались въ монастыри свѣтскiя лица на духовныя должности. Если же кто изъ нихъ захватитъ въ свои руки духовную власть, какимъ бы то ни было образомъ, архiепископы и епископы, въ своихъ епархiяхъ, должны строго слѣдить за этимъ и не далѣе, какъ по истеченiи трехъ мѣсяцевъ отнимать у нихъ эту власть и давать лицамъ духовнымъ. Сигизмундъ Августъ далъ на это такой отвѣтъ: что не митрополиты и не владыки имѣютъ право отнимать или давать извѣстную духовную должность, они обязаны только давать знать королю о упраздненномъ мѣстѣ, а король,

* Ibid. N 22.

** По неимѣнiю подъ руками нѣкоторыхъ источниковъ, мы не можемъ сдѣлать положительнаго и точнаго изслѣдованiя о состоянiи тѣхъ церквей первой половины XVI в., которыя не принадлежали ни патронамъ, ни не были приселками городовъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, а были просто въ королевскихъ имѣнiяхъ. Еще меньше можно что-либо сказать объ отношенiи слугъ митрополичьихъ и епископскихъ къ сельскимъ попамъ. Обирали ли они ихъ такъ, какъ на сѣверѣ Руси, или быть можетъ собирали съ нихъ только законное число «куницъ соборныхъ и стацей объѣздныхъ и иншихъ доходовъ»?.. Но можно думать, что поборы и здѣсь переходили границы законности, потому что священники часто отказывались давать митрополичьимъ слугамъ эту дань, не смотря на то, что митрополиты жаловались на это и требовали, чтобы эти поборы производились свѣтскими властями (А. З. Р. т. III. N 22. 46.) А не отказываться отъ даней митрополичьихъ и епископскихъ, имъ было невозможно, потому что съ нихъ требовали двойной дани: они должны были давать ихъ врядникамъ королевскимъ и другимъ свѣтскимъ властямъ, а послѣ съ такимъ же требованiемъ являлись къ нимъ и слуги митрополичьи. (А. З. Р. т. II. N 230).

его милость, по своему усмотрѣнію, будетъ давать его кому заблагоразсудится его королевской милости *.

Впрочемъ, мы должны здѣсь замѣтить, что такая власть королей, въ раздачѣ монастырей и въ назначеніяхъ на духовныя должности, имѣла въ Польшѣ свое юридическое основаніе. Король былъ здѣсь пожизненнымъ владѣтелемъ всей земли и эти-то недвижимыя имѣнія составляли почти исключительно его королевскіе доходы; изъ податей онъ очень мало получалъ, или ихъ большею частію ему не давали**. Поэтому-то король имѣлъ право распоряжаться своими имѣніями по собственному усмотрѣнію и отдавать ихъ кому угодно, лишь-бы эта раздача не противорѣчила выгодамъ Рѣчи-посполитой, т. е. чтобы они не давались иноземцамъ и нешляхтичамъ. А потому король могъ раздавать свои земли не иначе, какъ съ совѣта Рады и державцевъ***. Свѣтскія лица получали отъ него огромныя участки земель и королевскихъ имѣній, какъ награду за услуги Рѣчи-посполитой. Казиміръ IV особенно былъ щедръ на такія награды, когда истощилась королевская казна и нечѣмъ было платить войску. Этимъ самимъ онъ далъ силу и крѣпость феодаламъ и увеличилъ богатства аристократіи, которая все болѣе и болѣе захватывала въ свои руки правленіе Польши, пока наконецъ, по смерти Ягеллоновъ, не поставила польскихъ королей въ полную зависимость отъ произвола частныхъ личностей. — Епископіи, особенно монастыри, какъ на сѣверѣ, такъ и на югозападѣ, издавна были надѣляемы, — благочестивыми князьями, боярами и другими частными лицами, — богатыми угодьями и имѣніями для благоустройства церквей, для учрежденія школъ и богодѣлень или просто — для спасенія своей души****. Но этотъ надѣлъ или пожертвованія, не давали имъ никакого права считать извѣстный монастырь въ зависимости отъ себя и вмѣшиваться въ его управленіе. Дѣло другаго рода, если князь или бояринъ самъ строилъ монастырь или церковь на своей собственной землѣ, — тогда онъ считался ихъ патрономъ и при назначеніи на духовныя должности имѣлъ такое-же право, какъ и король: выборъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ него, а король только утверждалъ*****.

---

* А. З. Р. т. III. N 43.

** Бандтке, ист. пол. госуд. т. 2. стр. 8.

*** А. З. Р. т. III. NN 29. 39.

**** Ibid. т. II. NN 21. 27. 32. 38. 63. 79. 95. 16. 77. 102. и проч.

***** Ibid. т. 1. NN. 168. 177. 217. т. III. N 49 и проч. Собраніе древ. гр. город. минской губерніи NN 25. 26. 29.

Монастырь же, стоявшій на королевской землѣ, или перешедшій въ вѣдѣніе короля, вслѣдствіе различныхъ причинъ*, отъ прежнихъ патроновъ, дѣлался его подаваньемъ (jus patronatus). Короли, считая себя патронами этихъ церквей и монастырей и верховными оберегателями «всякаго порядку во всѣхъ церквахъ закону христьяньскаго,» смотрѣли на церковныя земли не какъ на собственность ихъ, но какъ на временныя средства къ ихъ содержанію, которыя находятся въ ихъ власти и отъ нихъ зависитъ, пожалуй, еще дать имъ извѣстныя угодья или другія льготы, или отнять ихъ**. Король могъ освобождать монастыри отъ подсудимости не только власти воеводской, но и митрополичьей***. Такія права королей надъ монастырями, какъ неизмѣнный законъ, выступаютъ, съ 1522 г., при Сигизмундѣ Старомъ****.

Само собою очевидно, что церковь, со стороны средствъ своего содержанія, какъ-бы сама уже поставляла себя въ неизбѣжную зависимость отъ власти королей и частныхъ свѣтскихъ лицъ, и никакъ не могла установить строгаго систематическаго порядка въ своемъ управленіи, какъ не могла избавиться изъ-подъ этой зависимости, при существовавшихъ въ то время государственныхъ законахъ въ Польшѣ.—Такъ какъ монастырскія и церковныя земли состояли въ вѣдѣніи Рѣчи-посполитой,—то король съ своею Радою, при назначеніи на церковныя должности, долженъ былъ заботиться не столько о томъ, чтобы дать достойныхъ пастырей церкви, сколько о томъ, чтобы владѣтели земель были лица независимыя отъ своеволія и насилій шляхты, въ родовомъ отношеніи. Въ распоряженіяхъ королевскихъ и его Рады, высшіе представители іерархической власти, въ православной церкви, не могли имѣть никакого участія и вліянія; потому-что ни митрополитъ, ни епископы не участвовали въ совѣщаніяхъ сената, какъ католическіе бискупы, и они могли заявлять свои требованія отъ всей церкви только на сеймахъ*****. Подобная же зависимость отъ короля и Рѣчи-посполитой, при назначеніи на іерархическія мѣста, су-

---

* Въ Польшѣ имѣнія государственныхъ измѣнниковъ переходили въ собственность королей и отъ его доброй воли зависѣло дать или не дать ихъ дѣтямъ и родственникамъ осужденнаго (А. З. Р. т. II N 50).

** А. З. Р. т. NN 144. 160. 174. 209. т. 2. 95. 99. 112. т. III. 43.

*** Ibid. т. II. 121. 122. т. III. 10.

**** Опис. соф. соб. 117 стр.

***** А. З. Р. т. III. стр. 145 на первомъ столбцѣ.

ществовала и въ католической церкви по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ церкви православной, хотя, разумѣется далеко въ меньшихъ размѣрахъ чѣмъ тамъ; такъ-что она почти не нарушала этимъ самостоятельности власти духовной, а главное—не наносила никакого положительнаго вреда ея внутреннему устройству. Если же и были иногда незаконныя вмѣшательства власти королевской въ дѣлѣ церкви,—то они какъ частныя и временныя злоупотребленія, сей часъ же останавливались и прекращались властію бискуповъ, а еще болѣе запрещеніями папъ, которые не оставляли безъ вниманія ни одной незаконной выходки королей, противъ неограниченной власти церкви, особенно такіе папы, какъ Юлій II, Юлій III и суровый старикъ—Павелъ VI. Римское духовенство постоянно стремилось къ тому, чтобы сохранять полную самостоятелность и независимость своей власти при назначеніи на церковныя должности, но короли польскіе, вслѣдствіе требованій народныхъ, всегда старались и стремились къ тому, чтобы ограничить неограниченную власть римскаго духовенства, въ самовольномъ его распоряженіи церковными землями и имѣніями, за которыми должна была наблюдать, по закону, вся Рѣчь-посполитая. Въ XV, особенно въ первой половинѣ XVI в., вопросъ, объ отношеніи опеки королевской и папской надъ церковью римскою, былъ довольно спорнымъ предметомъ. Столица апостольская требовала, чтобы послы польскіе ѣздили въ Римъ съ изъявленіемъ послушанія каждый разъ, когда только возводится новое духовное лице на высшую іерархическую должность. Само собою разумѣется, что къ этимъ изъявленіямъ послушанія всегда присоединялись огромныя приношенія. Народъ тяготился этимъ обычаемъ и ему непріятно было смотрѣть, что золото и серебро, вывозилось изъ его отечества въ Римъ, безъ всякой цѣли*. Въ Польшѣ постоянно продолжались, если не споры, по крайней-мѣрѣ стычки—между королемъ, папою и соборною капитулою за право распоряженія и назначенія не только на епископства, но и на низшія церковныя мѣста. Еще въ 1447 г. отъ всего народа и короля отправлено было посольство къ папѣ Николаю V испросить позволеніе, чтобы во 1-хъ, управленіе церковью въ Коронѣ, а особенно въ 90 пребендахъ (доходныя каноническія мѣста), принадлежавшихъ гнѣзненскому воеводству, раздача которыхъ зависѣла отъ воли папы, съ этого

* Moracz. Dz. rzeczy posp. pols. VII str. 143.

бы времени, безъ всякаго дозволенія Рима, были раздаваемы съ согласія Рѣчи-посполитой; во 2-хъ, чтобы весь народъ былъ уволенъ отъ власти св. Петра. Не понравилось папѣ такое требованіе. Отвергнуть его прямо онъ не могъ: онъ видѣлъ рѣшительность этихъ требованій. Надобно было дѣйствовать не силою своей власти, а хитростію, къ которой папа и прибѣгнулъ. Онъ посылаетъ чрезъ своего легата королю въ подарокъ золотую розу, а народу благодарность, за всегдашнюю расположенность къ нему и его престолу. Но ни роза, ни благодарность не успокоили и незадобрили короля и народа. Въ слѣдующемъ году, когда папа отказалъ желанію и волѣ Казиміра IV поставить избраннаго имъ епископа на куявскую каѳедру, народъ еще болѣе утвердился въ прежнихъ своихъ требованіяхъ и тогда только успокоился, когда папа Николай V исполнилъ желаніе короля. Касательно имѣній уступка Риму со стороны Польши была только та, что епископскія имѣнія были изъяты изъ секвестра короля *. Іоаннъ Альбертъ старался уничтожить тѣ злоупотребленія со стороны Рима, какія происходили отъ раздачи папами бенефицій **, кому имъ хотѣлось. Онъ постановилъ, чтобы высшія должности, при капитулахъ и каѳедральныхъ костелахъ, были занимаемы только тѣми, родители которыхъ были природными поляками;—предоставилъ также за собою право, на основаніи древняго обычая, раздавать церковныя имѣнія и назначать на церковныя должности; опредѣлять какія кто долженъ занимать мѣста по заслугамъ и ученымъ степенямъ, утверждать власть и святость духовныхъ судовъ и запрещать судамъ земскимъ вмѣшиваться въ дѣла духовныя. Эти же права удерживали за собою и послѣдующіе короли польскіе. А если-бы кто нибудь изъ духовныхъ получилъ бенефиціи чрезъ посредство римскаго престола, помимо вѣдѣнія короля и сената, такого король имѣлъ полное право, отъ

---

* Ostrowsky, Dzieje i prawo kośc. polsk. t. II. str. 576—580.

** Бенефиціями назывались духовныя имѣнія, принадлежавшія папѣ,—духовенству, особенно не польскому, запрещалось искать себѣ бенефицій въ Польшѣ чрезъ посредство Рима (korte szanować); потому что если кто считаетъ для себя лучшимъ возвышаться при дворѣ римскомъ, чѣмъ заниматься исполненіемъ своихъ обязанностей въ родной землѣ и приносить ей пользу,—тотъ не можетъ пользоваться никакими бенефиціями (Moracz, Dzieje rzeczy pospol. VII. стр. 193). Извѣстно, что споръ за бенефиціи съ папами шелъ въ это время и въ другихъ католическихъ земляхъ.

всей Рѣчи-посполитой, лишить имѣнія и выгнать даже изъ отечества*. Смѣшанность и неразграниченность власти свѣтской въ дѣлахъ церковныхъ, была причиною того, что при Сигизмундѣ I въ католической церкви, мы встрѣчаемся съ такими же злоупотребленіями, какъ и въ церкви православной. Какой-нибудь шляхтичъ, предполагая, что онъ когда-нибудь вступитъ въ духовное званіе, получалъ отъ короля извѣстныя церковныя имѣнія, если же въ послѣдствіи времени ему не приходило такой охоты и желанія,—онъ отказывался отъ имѣній, полученныхъ имъ. Чтобы поправить какъ-нибудь свои разстроенныя обстоятельства, каждый шляхтичъ въ Польшѣ могъ предполагать, что онъ вступитъ когда нибудь въ духовное званіе и на этомъ основаніи получитъ церковныя земли, особенно тогда, когда онъ видѣлъ, что ему обязана чѣмъ нибудь Рѣчь-посполитая. Сигизмундъ I-й даже наименовалъ было однажды епископомъ познанскимъ человѣка свѣтскаго—Павла Вольскаго, коронпаго канцлера. Но капитула сейчасъ же подняла страшный шумъ и успокоилась только тогда, когда канцлеръ былъ посвященъ въ епископы**. Это злоупотребленіе короля, неповторявшееся уже никогда послѣ того, вызвало въ 1532 г. обязательный для всѣхъ индультъ папы Климента VII, которымъ давалось право владѣтелямъ польскихъ церквей назначать на должности церковныя въ продолженіи только шести мѣсяцевъ, въ году, безъ всякаго папскаго вліянія***.

Мы не замѣчали, чтобы въ разсматриваемый нами періодъ времени послѣ Александра, православная югозападная церковь подвергалась какимъ нибудь особеннымъ преслѣдованіямъ своей вѣры, какъ со стороны польскаго правительства, такъ и римскаго духовенства. Послѣднее, въ первые годы царствованія Сигизмунда I, какъ будто-бы начало было дѣйствовать противъ православной церкви, но сейчасъ же оно отступаетъ назадъ и скрывается со сцены. Тѣ безпорядки въ церковномъ управленіи, которые, постепенно развиваясь и усиливаясь въ ней, неизбѣжно вносили порчу и во внутренній строй ея жизни, происходили не отъ какихъ-либо напередъ задуманныхъ плановъ и системы со стороны католической Польши: они необходимо вытекали, какъ мы уже видѣли, изъ того неизбѣжнаго положенія церкви, въ которое она была поставлена еще прежде и

* Moracz. Dzieje rz. pos. pol. VII. 193.

** Moracz. Dzieje rz. pos. pol. VII. N 193.

*** Sarnicki k. II. o indulcie papieskim.

изъ самаго духа времени; такъ что въ безпорядкахъ, происходившихъ въ церкви, участвовали не менѣе католиковъ и сами православные.

Дѣйствія Сигизмунда I и Сигизмунда - Августа, по отношенію къ православной церкви, а особенно перваго, носятъ на себѣ характеръ какой-то нерѣшительности и сдержанности. То они примыкаютъ болѣе къ сторонѣ католическаго духовенства и руководимаго имъ магнатства, то опять принимаютъ сторону православныхъ и сеймовыми опредѣленіями утверждаютъ прежнія ихъ права, недавно ими ослабленныя или совершенно отнятыя.

Такая политика польскихъ королей, по отношенію къ православной церкви, была неизбѣжнымъ явленіемъ, при тогдашней зависимости ихъ отъ римскаго духовенства, и той силѣ, какую имѣло послѣднее въ это время въ Польшѣ* и вообще въ западной Европѣ. Польскіе короли были поставлены между двумя крайностями: имъ надобно было удовлетворять и требованіямъ римскаго духовенства, чтобы, оставаясь вѣрными сынами своей церкви, удержаться на польскомъ престолѣ и избѣгнуть проклятій и угрозъ Ватикана и, въ то же время, они должны были дѣйствовать благоразумно и сдержанно, по отношенію къ православной югозападной церкви, чтобы, тяжелою рукою фанатическаго католицизма, не оттолкнуть отъ себя народъ, который они такъ сильно желали, въ настоящее время, слить въ одно съ Польшею. Кромѣ того занятые теперь дѣлами болѣе политическими, они вообще съ какимъ-то равнодушіемъ относились даже къ самому католичеству. Имъ нужны были теперь люди, а не католики, чтобы имѣть возможность защищать цѣлость своей республики—съ сѣвера отъ царей московскихъ, съ юга—отъ татаръ. А потому-то они стоятъ предъ нами гораздо выше своего времени: вопросы религіозные они отдѣляютъ отъ вопросовъ политики государственной. Имъ не хотѣлось замкнуть польскую администрацію въ тѣсныя рамки политики Рима, какъ сдѣлалъ это въ послѣдствіи Сигизмундъ III.

Что-же теперь дѣлало римское духовенство, что оно въ продолженіе этого времени не обнаруживаетъ почти никакой опредѣленной дѣятельности въ отношеніи къ православной церкви? Неужели оно, въ такомъ близкомъ столкновеніи съ православною церковію, измѣнило своей завѣтной идеѣ — подчинить ее

---

* А. З. Р. т. II. N 198.

Риму? Каково было состоянiе ихъ церкви? мы должны остановиться на ней на короткое время, потому что ея состоянiе не обошлось безъ послѣдствiй и влiянiя на внутреннюю жизнь церкви православной югозападной, какъ настоящую, такъ и на послѣдующую. Латинское духовенство всегда зорко слѣдило за тѣмъ, чтобы ничто другое, не только идеи католицизма проходили въ жизнь польскаго народа, роднились съ нимъ, а чрезъ него—постепенно и съ южнорусскою народностiю; такъ чтобы невозможно было отдѣлить одинъ отъ другаго. Новая его наблюдательность и старанiе, какъ можно тщательнѣе блюсти интересы своей церкви и охранять ее отъ всякихъ нововведенiй, противныхъ началамъ Рима, были напрасны; они не отвѣчали внутреннимъ требованiямъ и стремленiямъ жизни народной и далеко, далеко разошлись съ нею. Время взяло свое, — а оно всегда бываетъ сильнѣе всевозможныхъ плановъ и напередъ опредѣленныхъ цѣлей. Шестнадцатый вѣкъ былъ самымъ несчастнымъ временемъ для католичества. Оно вступало теперь въ борьбу съ новыми жизненными началами, совершенно ему противоположными, которыя стали подкапываться подъ основы папскаго величiя и той силы власти, какую до сего времени успѣло прiобрѣсти себѣ вѣками все римское духовенство, надъ умами и совѣстiю людей. Сознанiе личности и свободы, загнанной и убитой божественнымъ авторитетомъ Рима, начало пробуждаться въ отдѣльныхъ личностяхъ и цѣлыхъ массахъ. Различныя народности, на которыя Римъ не обращалъ никакого вниманiя и думалъ всѣхъ ихъ сплотить въ одно цѣлое властiю св. Петра, начали освобождаться изъ-предъ вѣковыхъ предразсудковъ Рима и помышлять о болѣе самостоятельной и лучшей жизни, чѣмъ та, какую представлялъ имъ теперь изжившiйся нравственно и испорченный до самыхъ корней римскiй дворъ, со всею фалангою своей духовной братiи.

Религiозное движенiе запада не могло не коснуться Польши и пробужденiе къ жизни явилось и въ ней. Какъ въ землѣ, гдѣ аристократизмъ и свобода развились гораздо далѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ этого времени, нашли для себя прiютъ всевозможныя религiозныя секты и глубокое сочувствiе къ себѣ польскаго народа *. Это время было временемъ организацiи польской нацiональности, нерѣшительной борьбы письменной

* Stryjkow. kron. pol. str. 737.

свободы съ римскимъ деспотизмомъ и наконецъ перерожденіе славянской натуры Польши по характеру средневѣковаго романтическаго католицизма.

Быстрое развитіе реформаціи, вдругъ обхватившее всю Польшу, заставило не на шутку призадуматься, не приготовленное къ этому римское духовенство. Ему приходилось теперь заботиться не о томъ, какія бы измыслить мѣры и средства, чтобы пріобрѣсти югозападную церковь Риму, но какъ бы удержать, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ то, что было пріобрѣтено имъ до сего времени. Все было готово ускользнуть изъ ихъ рукъ, все рвалось къ свободѣ и самостоятельности. Міровое значеніе католичества, непреложная вѣра въ него и въ авторитетъ божеств. власти папской, видимо начали упадать и терять прежнюю силу нетолько въ понятіяхъ аристократіи, но даже въ глазахъ духовенства и простаго народа *. Римъ съ ужасомъ посматривалъ на эти явленія, а католическое духовенство то и дѣло, что постоянно только внушало королямъ преслѣдовать и казнить непокорныхъ. Сигизмундъ I, по настоянію Рима и совѣтамъ своего духовенства, вынужденъ былъ дозволить строгія мѣры, чтобы прекратить въ Польшѣ распространеніе реформаціонныхъ идей. Онъ далъ духовенству полную и неограниченную власть надъ всѣми дессидентами, и, по случаю возмущенія гданщанъ, введена была даже инквизиція**. Духовнымъ и свѣтскимъ магистратамъ дано право непослушныхъ вѣрѣ наказывать смертію и конфисковать имѣнія***. Подобной казни подвергались даже тѣ, которые читали сочиненіе Лютера.

Духовенство пользовалось данными ему правами. Развязались теперь и его руки, его власть стала проникать во всѣ отрасли государственной жизни. Начались самыя строгія преслѣдованія дисендентовъ; какъ-то: сожиганіе на кострахъ, лишеніе имущества и всѣхъ правъ, банниціи и проч. Вспомнилъ при этомъ полякъ свою вольность, и для него сдѣлалось тяжелымъ и невыносимымъ нетолько власть духовенства, но и самое католичество. Прежде одинъ только король могъ лишить его имущества, чести и жизни, да и то не иначе, какъ только послѣ сеймовыхъ совѣщаній; чтоже теперь была за свобода,

* Moracz. dzieje rz. pos. pol. VII. стр. 180—203. Stryjkow. kron. str. 737. Obr. Lit. Jar. t. III. IV. 35. 37.

** Ordinatio civitatis Gedanensis. vol. I. fol. 454.

*** Ostrowski dzieje kościoła pols. str. 22—26. t. III. Raynold XX. Sub anno 1523. fol. 388.

когда арцибискупы и бискупы, по одному подозрѣнію въ иновѣріи или въ отступленіи отъ католичества въ православіе или лютеранство, расправлялись самовольно съ знатнѣйшими родами, какъ съ простыми холопами *? Многіе изъ дворянства и лучшіе изъ духовенства, со всѣми своими приходами, открыто объявили себя противъ церкви западной, особенно послѣ каноническаго собора и генеральнаго сейма въ Піотрковѣ**. Сильнѣйшіе изъ магнатовъ приняли подъ свое покровительство проповѣдниковъ новаго ученія ***. Въ 1556 г. Сигизмундъ Августъ отъ всего польскаго народа отправляетъ посольство папѣ Павлу IV съ просьбою, чтобы во 1-хъ служба была отправляема на польскомъ языкѣ; во 2-хъ, чтобы причащеніе всѣмъ давалось подъ обоими видами; въ 3-хъ, освободить священниковъ отъ безженства; въ 4-хъ, уничтожить аннаты**** и, въ 5-хъ, дозволить созвать народный соборъ для разсужденія о предметахъ вѣры. Папа съ изумленіемъ принимаетъ эту вѣсть, а посольство нунція Липомана въ Польшу еще болѣе раздражаетъ народъ. Соборъ, въ Loринѣ, показываетъ наконецъ нунцію, что и король относится къ религіознымъ смутамъ совершенно не такъ, какъ они ожидали отъ вѣрнаго своего сына. Раздражительный и неумолимый старецъ Павелъ IV выступилъ противъ Сигизмунда Августа со всею силою угрозъ и обличеній. Онъ началъ упрекать его за двоедушіе и холодность къ дѣлу религіи и покровительство еретикамъ*****. Сигизмундъ издаетъ эдикты, чтобы преслѣдовать противниковъ католичества, но тайно все-таки покровительствуетъ имъ. На генеральномъ варшавскомъ сеймѣ, ожесточенное дворянство хочетъ совершенно освободиться изъ подъ власти судовъ епископскихъ. Духовенство напротивъ на-

* Moracz. Dz. rz. pos. pol. VII. str. 200.

** Kronika Piaseckiego str. 48. 49.

*** Lubieniecki, historia reform. rozd. V. — Ярошевичъ говоритъ, что предъ реформою въ Литвѣ считалось до 700 римско-католическихъ приходовъ, а около 1566 г. во всей Жмуди едва осталось 6-ть ксендзовъ, въ другихъ же областяхъ, быть можетъ, изъ тысячи только одинъ не былъ зараженъ реформаціонными идеями. Монастыри опустѣли и въ нихъ едва можно было найти по два монаха, да тѣ остались для того только, чтобы сторожить опустѣлое мѣсто. Разрушали олтари, ругались надъ прежнею своей святынею, лилась кровь въ самыхъ костелахъ и проч. и проч. (t. III. стр. 36.

**** Право ежегоднаго оброка папѣ съ вакантнаго епископа.

***** Raynald t. 21 c. 2. p. 152. 157. Bielski. V. стр. 544. Fleury t. 42. lib. 52. p. 363.

стаиваетъ на томъ, чтобы ему дана была полная власть преслѣдовать всѣхъ сектантовъ, чтобы, какъ можно скорѣе, сокрушить голову, какъ оно выражалось, еретической гидрѣ *. Сеймъ продолжался около двухъ мѣсяцевъ. Сигизмундъ Августъ желалъ какъ нибудь помирить дворянство съ духовенствомъ, но всѣ его старанія были напрасны. Король, осажденный со всѣхъ сторонъ требованіями духовенства, угрозами папы, криками противъ тѣхъ и другихъ дворянства, бросился наконецъ на послѣднюю крайность: онъ указывалъ на давность правъ духовенства, которыя какъ не были даны имъ, такъ не могутъ быть и отнимаемы**. Дворянство въ своемъ сеймовомъ рѣшеніи положило: что если ему не удастся достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ,—оно необходимо возьмется за оружіе***. Со всѣхъ сторонъ они начали кричать, что король отдалъ Польшу епископамъ, войскамъ и разбойникамъ**** на совершенную погибель и разграбленіе. Послы отъ дворянства обратились ко двору примаса и просили бискуповъ, чтобы въ производствѣ судовъ духовныхъ объединялись права церкви съ вольностію народа. Это посольство сдѣлало только то, что между духовенствомъ и дворянствомъ произошло окончательное раздѣленіе и первые стали жить себѣ по своему, не обращая никакого вниманія ни на суды послѣднихъ, ни даже на каноны церкви. Дворянство до того вооружилось противъ духовенства за его жестокости въ преслѣдованіи еретиковъ, что требовало удаленія епископовъ изъ сената, потому что они, какъ подчиненные чуждой власти, по связямъ съ Римомъ, не могутъ давать благоразумныхъ совѣтовъ, сообразныхъ пользѣ отечества*****. Въ такомъ-то положеніи мы застаемъ западную церковь въ Польшѣ при двухъ Сигизмундахъ! Но оставимъ католическое духовенство въ его борьбѣ съ народомъ и посмотримъ, что дѣлалось въ это время въ юго-западной православной церкви.

Народъ здѣсь не вступалъ ни въ какую борьбу съ своими пастырями, потому-что со стороны послѣднихъ не могло быть подобныхъ, вызывающихъ къ этому причинъ, какъ въ католической церкви. Но въ то-же время, между тѣми и другими, нравственная связь была уже довольно ослаблена. Народъ жилъ

---

* Moracz. VII. стр. 201.

** Bielski, k. V. str. 3. 5. 9.

*** Moracz. dz. rz. pos. pol. VI. стр. 200.

**** Ostrow. dz. kościoła pol. cz. III. стр. 227.

***** Бандтке, ист. пол. госуд. т. II. стр. 125.

почти безъ всякаго нравственнаго вліянія со стороны духовенства, которое, освободивъ себя отъ пастырскихъ обязанностей, жило не лучше своихъ пасомыхъ*. Распущенность нравовъ, съ которою мы встрѣчаемся въ это время въ Литвѣ и Польшѣ, особенно при Сигизмундѣ-Августѣ, вслѣдствіе ослабленія власти римскаго духовенства**, не могла не отразиться и на православномъ населеніи этого края. Хотя реформаціонныя идеи не проникали въ ученіе православной церкви и древнее православіе хранилось въ ней во всей его чистотѣ и неповрежденности, но нравственная жизнь народа въ Литвѣ, далеко не отличалась чистотою и стояла не выше уровня духа своего времени***. Прежде, когда со всѣхъ сторонъ угрожали преслѣдованія и угнетенія, народъ и духовенство не отдѣлялись другъ отъ друга и жили одною общею жизнію: духовенство слѣдило за нравственностію народа и было въ полномъ смыслѣ его «печальниками,» — народъ, въ свою очередь покорялся ему и просилъ даже королей, чтобы его пастырямъ дано было полное право суда и власти надъ тѣми, которые живутъ не по отеческимъ преданіямъ. Теперь они не замѣчали никакой видимой опасности ни своей вѣрѣ, ни своему внѣшнему положенію: всѣмъ даны были равныя права, даже диссидентамъ****. Лучшая сторона жизни литовско-русскаго народа видимо исчезаетъ предъ нашими глазами. Спокойствіе его убаюкиваетъ и погружаетъ въ спячку. Онъ тупо смотритъ на всѣ картины безпорядковъ, безурядицы, всеобщей логики, которыя развертываются почти каждый день предъ его глазами и, чувствуя себя безопаснымъ, отъ всякой внѣшней силы, — онъ съ какимъ-то самозабвеніемъ погружается вмѣстѣ съ другими, во всю грязь современныхъ ему пороковъ. Женщины, какъ описываетъ ихъ современникъ Волянъ, отличались крайнимъ безстыдствомъ и безнравственностію. Въ общественныхъ собраніяхъ и праздничныхъ сходкахъ оказывалось особенное почтеніе и уваженіе только публичнымъ женщинамъ (adulterae), или вдовамъ, отличавшимся нахальствомъ до цинизма испорченнаго нравственностію (stupris ac lenociniis infames); на честныхъ же и благородныхъ дѣвицъ не обращалось никакого вниманія*****. Такое назначеніе женщины въ об-

* А. З. Р. т. III. N 23.

** Jarosz. Obr. Lit. t. III. стр. 2. 45 6. 9. 12.

*** А. З. Р. т. III. N 46.

**** Jarosz. Obr. Litw. T. III. стр. 37.

***** Wolon. De libertate politica sive civili.

ществѣ и взглядъ на нее, ясно уже говоритъ намъ, кто таковы были мущины. Браки заключались въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства: братъ женился на сестрѣ, дядя на племянницѣ... были и такіе, которые имѣли двухъ и болѣе женъ *. Простой народъ предался воровству, обману и пьянству, такъ-что въ литовскихъ городахъ больше можно было находить винокурныхъ заводовъ, чѣмъ занимающихся какимъ-нибудь другимъ ремесломъ **. Безнравственность народа близкая къ упадку самой религіи, была очевидна уже для всѣхъ лучшихъ людей того времени***,—одни только іерархи церкви недовольно замѣчали это изъ-за своихъ богатыхъ помѣстій и роскошной жизни. Нравственная испорченность литовскаго народа и духовенства дошла до того, что Сигизмундъ-Августъ долженъ былъ указать на это митрополиту Макарію, какъ на причину его невнимательности и пастырской дѣятельности. Въ 1546 г. Сигизмундъ Августъ, узнавъ отъ многихъ православно-русскухъ князей и пановъ, о безнравственной жизни духовенства и народа, съ упрекомъ обращается къ митрополиту Макарію,—что онъ, будучи верховнымъ пастыремъ церкви, не только не хочетъ наказывать живущихъ не по правиламъ отеческимъ, но даже не хочетъ знать объ этомъ****. Чтобы возстановить порядокъ въ жизни церкви, онъ приказываетъ ему созвать соборъ въ Вильнѣ изъ всего духовенства своей митрополіи. Состоялся-ли этотъ соборъ и что на немъ сдѣлали, неизвѣстно*****.

Съ такимъ безотраднымъ явленіемъ встрѣчаемся мы въ литовско-русской церкви въ половинѣ XVI в.! Другую картину представляетъ намъ цѣлая половина въ южно-русской церкви—въ Галиціи, для которой, современное положеніе дѣлъ,

---

* Jarosz. въ прим. 13.

** Michalon. De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum. Frag. 1 et Epist., fragment. III. p. s. 17. Epist. frag. IV, p. 19. 23. VI. p. 26.

*** Сказанія Курб. ч. 1. стр. 82. Jarosz. III. стр. 22—23.

**** Выразумѣли есмо, говоритъ Сигизмундъ-Августъ въ своей грамотѣ къ митр. Макарію, — съ повѣсти многихъ нѣкоторыхъ князей и пановъ, и тыи слухи насъ доходятъ о нерядности и несправѣ, которая ся дѣетъ межи духовенства вашого греческого закону, такожъ межи князей и пановъ и прôстыхъ людей въ закôни вашомъ, а звлаща, (а особенно,) ижъ межи владыкъ всихъ, яко на Волыни ся дѣетъ, ижъ не подлѣ правилъ святыхъ отецъ и не подлѣ права, блуды и роспущенства великіи ся дѣютъ; а твоя милость, яко старшій ихъ пастырь, того вѣдати а ни въстегати (наказывать) не хочешь (А. З. Р. т. III. N 3).

***** Примѣчаніе къ III т. А. З. Р. N 3.

въ католической и польской церкви, имѣло другія послѣдствія, чѣмъ въ литовско-русской. — Литовско-русскій народъ, отличающійся какою-то мягкостію характера и, можно сказать, даже слабостію, легко поддавался вліянію на него извѣстныхъ стороннихъ обстоятельствахъ: это онъ показалъ теперь, тоже онъ докажетъ и во время самой уніи. Въ южно-русскомъ народѣ, напротивъ, — мы замѣчаемъ болѣе твердости и стойкости въ характерѣ: онъ всегда стоялъ за свое родное и ему трудно было отказаться отъ своего отеческаго вѣковаго наслѣдства, какъ въ вѣрѣ православной, такъ и въ жизни общественной.

До сего времени намъ еще ничего не приходилось говорить въ частности о южно-русской галицкой церкви. По характеру своего управленія она во многомъ не походила на литовско-русскую церковъ, о которой мы уже говорили. Ея жизнь, еще съ начала XV в., начала уже развиваться подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, какія испытала на себѣ литовско-русская церковъ въ послѣднее время, предъ брестскою уніею. Она первая понесла на себѣ все иго католическаго деспотизма и фанатизма; она долго отъ него страдала, не получая, и даже непредвидя для себя ни отъ кого никакой помощи, но за то она и первая подняла знамя освобожденія отъ вѣковаго рабства и указала всему остальному югозападному православному населенію, гдѣ заключаются его силы и единственное, но вѣрное средство, для охраненія своей православной вѣры и неразрывной съ нею народности. Несчастія ее укрѣпили, несчастія дали ей силу и какъ бы самымъ промысломъ она была поставлена въ исключительное положеніе, чтобы своимъ несчастіемъ пріобрѣсти возможность спасти другихъ страждающихъ братій. Галиція еще въ началѣ XV в. составляла особую митрополію, отдѣльную отъ кіевской, но скоро она потѣряла свою самостоятельность и считалась только другою столицею кіевской митрополіи*. Во второй половинѣ XV в., прежняя подчиненность галицкой церкви кіевскому митрополиту, является въ совершенно другомъ видѣ. Львовскому старостѣ дается право распоряжаться всѣми митрополичьими имѣніями и отдавать ихъ по своему усмотрѣнію русской шляхтѣ съ властію и правами кіевскаго митрополита, какъ надъ бѣлымъ духовенствомъ, такъ и надъ монастырями.

---

* Примѣч. къ III т. А. З. Р. 54 N.

О своихъ ряспоряженіяхъ, староста долженъ былъ только доносить королю*,—уѣзды—галицкій, коломыйскій, мятинскій, каменецкій, рогатинскій и жидячинскій, не составляли особой діецезіи и не подлежали никакому епископу. Каждый изъ нихъ имѣлъ особаго намѣстника, какъ бы другаго старосту, только для разбирательства дѣлъ, касавшихся церкви. На эти намѣстничьи мѣста назначалъ также львовскій староста — или кого-нибудь изъ духовенства, или, большею частію, изъ православнаго рыцарства**. Имъ предоставлялось право судить русское духовенство, давать ему извѣстныя приказанія и взимать съ него положенныя подати. Зная духъ этого времени, весьма можно предполагать, что старосты, на мѣста намѣстниковъ, искали не глубокихъ богослововъ, не людей благочестныхъ или особенно свѣдущихъ въ дѣлахъ церковнаго управленія, — но кто могъ заплатить побольше денегъ, тотъ и занималъ доходное епископское мѣсто. Для старосты католика это ничего не значило. Въ первой половинѣ XV в., мы находимъ даже, что староста отдаетъ на откупъ митрополичьи имѣнія свѣтскимъ лицамъ, съ правомъ духовнаго суда***.

Католическое духовенство, которое въ Червоной Руси укрѣпилось гораздо ранѣе, чѣмъ въ другихъ литовско-русскихъ земляхъ****, не совсѣмъ благопріятно посматривало, что такими огромными и доходными епископскими имѣніями, владѣютъ безъ всякаго почти права, свѣтскія лица. Они увидѣли, что имъ есть возможность пріобрѣсти власть намѣстниковъ митрополичьихъ и стали домагаться ее, оградивъ свое незаконное право бездоказательно давностію. — Латинскій епископъ Бернардъ Вильчекъ, сталъ домагаться этого права. Онъ началъ доказывать, что русская церковь соединилась съ латинскою еще во время флорентійской уніи, если же православные русскіе не имѣютъ теперь собственнаго епископа, то имъ лучше оставаться подъ властію управленія латинскаго духовенства, а не пановъ свѣтскихъ, которые не имѣютъ никакого права

* Suppl. ad. hist Russicae Monumenta p. 137.

** Morac.. VII. str. 204.

*** Suppl. ad. his. Rus. mon. p. 134. 135.

**** Ягайло обратилъ уже въ латин. костелъ и подарилъ католич. епископу соборную рус. церковь, принадлежавшую русскимъ—православнымъ еще прежде при владѣніи галицкихъ князей, и бывшую въ завѣдываніи русскаго архіерея послѣ этого (критико-истор. повѣсти врем. лѣтъ Червоной Руси Зубрицкаго стр. 244).

распоряжаться дѣлами, касающимися церковнаго управленія. Настоящее отступленіе ихъ отъ уніи есть единственно дѣло духовенства, какъ онъ говоритъ, а не высшаго дворянства*. Вслѣдствіе такихъ незаконныхъ домагательствъ, признано необходимымъ дать одного митрополичьяго намѣстника для всѣхъ церквей Червоной Руси, котораго бы избиралъ латинскій архіепископъ, а король только утверждалъ. Въ 1509 г. Сигизмундъ Старый наказною грамотою старостамъ—подольскому, галицкому и другихъ русскихъ городовъ, предоставляетъ право латинскому арцибискупу Вильчку и его преемникамъ, опредѣлять намѣстниковъ галицкой митрополіи**. Само собою разумѣется, чего можно было ожидать православой церкви отъ такого подчиненія. Городской магистратъ, которому поручено было завѣдываніе церковными дѣлами, состоялъ исключительно изъ католиковъ: православные русины были удалены отъ вліянія какъ на дѣла городскія, такъ и на церковныя*** Въ 1521 году, духъ нетерпимости, притѣсненія и гоненія, соединенныя съ презрѣніемъ самой народности, дотого усилились со стороны польскаго магистрата, что церковное братство, состоявшее изъ почетнѣйшихъ православныхъ жителей Львова, принуждено было жаловаться Сигизмунду I. Въ числѣ другихъ постановленій тяжкихъ и унизительныхъ для русиновъ, было слѣдующее, какъ будто облегчавшее положеніе ихъ церкви:—«магистратъ, состоявшій изъ латинниковъ, имѣетъ право самъ назначать православныхъ священниковъ, однакожъ обязанъ обращать вниманіе на представленіе русскаго общества, и отъ поставленнаго священника можетъ брать *порукавичнаго не болѣе двухъ копъ грошей*****. Нечего и говорить, что голосъ народа большею частію долженъ былъ соглашаться съ желаніями магистрата. Протестаціи православныхъ не всегда могли получать надлежащее удовлетвореніе: за нихъ некому было ходатайствовать предъ королемъ.

Такая зависимость и подчиненность галицко-русской церкви отъ мѣстнаго латинскаго архіепископа продолжалась до 1522 г. Намѣстникомъ галицкой митрополіи былъ въ это время Іоакимъ Гдашицкій*****. Власть львовскаго арцибискупа была

---

* Moracz. VII. стр. 204.
** Suppl. ad his. Rus. monum. p. 137.
*** Лѣтоп. львов. брат. жур. М. Н. Пр. 1849 г. Апр. стр. 4.
**** Лѣт. льв. брат. жур. М. Н. П. Апр. 1849 г. стр. 5.
***** Suppl. ad hist. Rus. mon. p. 138.

теперь довольно ослаблена, вслѣдствіе начавшихся религіозныхъ движеній въ Польшѣ, ему нужно было бороться съ своими домашними врагами и вести споръ съ *Отономъ Ходчи*, воеводою русскимъ и его братомъ *Станиславомъ*, старостою львовскимъ. Православная церковь была предоставлена теперь самой себѣ и почувствовала себя немного свободною. Гдашицкій воспользовался такимъ положеніемъ дѣла, какъ нельзя лучше. Онъ не только отвергнулъ власть арцибискупа и принималъ приказанія отъ митрополита кіевскаго, но и много изъ русской шляхты, которые перешли въ католичество, возвратилъ въ православную церковь*.

Скоро почувствовалъ свою потеру львовскій арцибискупъ и, какъ слѣдовало ожидать, онъ обратился съ жалобою Сигизмунду I на Гдашицкаго, что онъ не по праву назначалъ послѣ себя намѣстника помимо его согласія и избиранія. Сигизмундъ, не смотря на жалобы, утвердилъ Исаакія Гдашицкаго архимандритомъ Юрьеваго монастыря, по просьбѣ галицкихъ пановъ и *всего русскаго посполитства***; а его намѣстникомъ наименовалъ Макарія Тучапскаго, львовскаго мѣщанина, съ правомъ вступить на архимандритство по смерти Исаакія***.

Но это освобожденіе православной церкви не было еще вполнѣ упрочено, не смотря на всѣ привилегіи короля. Галицкій арцибискупъ все еще отстаивалъ свою власть и право подчиненія ему прав. церкви во всей Червоной Руси, на основаніи привилегіи, данной еще Ягайломъ. И въ то время, когда православнымъ дворянствомъ и посполитствомъ избранъ былъ намѣстникомъ Макарій,—арцибискупъ избираетъ католика и требуетъ ему повиновенія, а прежняго начинаетъ преслѣдовать и бить. Какъ ни сильна была власть арцибискупа, какъ ни опирался онъ на давннее право, подтвержденное еще Сигизмундомъ I-мъ на вальномъ варшавскомъ сеймѣ, по просьбѣ папы; но теперь онъ ничего уже не могъ сдѣлать. Народъ принялъ на себя защиту правъ своей церкви и ея представителей. Онъ даетъ свой голосъ за Макарія и изгоняетъ постановленнаго арцибискупомъ намѣстника Сироку: потому-что всѣ мы, говоритъ галицко-русское и подольское духо-

* *Wielu ze szlachty*, говоритъ Морачевскій, *co się trzymali kościoła łacińskiego, odciągnął na powrót do kościoła Ruskiego, i można powiedzieć schizmatyckiego* (VII. стр. 204).

** Suppl. ad his. R. m. p. 139. А. З. Р. т. II. № 141.

*** Suppl. ad his. R. m. p. 140.

венство и дворянство,—«всѣ мы избрали его отъ насъ, всѣ духовные, шляхта и мѣщане и *все посполъство отъ большихъ даже до меньшихъ земель русскихъ и подольскихъ, всихъ* закону греческаго» *. Они не хотятъ даже принять попа Гошовскаго, присланнаго имъ отъ митрополита на мѣсто избраннаго ими Макарія Тучапскаго. «Мы всѣ посполь (вмѣстѣ и единодушно), говорятъ они, не посылали его къ вашему святительству и на это не вибирали,—и теперь ни одинъ изъ нихъ—великій и малый богатый и убогій не хочетъ имѣть его намѣстникомъ (справцею), потому же какъ и Сикоры.» Митрополитъ Макарій еще прежде, не спрашивая согласія у народа, хотѣлъ, по-мимо ихъ, поручить смотрѣнію, галицкія и подольскія церкви, епископу перемышльскому; но народъ не согласился на это и, вслѣдствіе челобитной, митрополитъ опять предоставилъ имъ право самимъ избрать изъ среды себя человѣка, на каѳедру намѣстника галицкой митрополіи **.—Въ характерѣ церковнаго управленія этого времени на югѣ Руси, мы замѣчаемъ черты болѣе особенныя, чѣмъ въ Литвѣ. Что въ послѣдней выступало только мѣстами и по временамъ, на югѣ Руси является дѣломъ постепеннаго и непрерывнаго развитія. Тамъ князья и паны имѣютъ болѣе вліянія на дѣла церкви,—здѣсь же, въ критическихъ обстоятелельствахъ церкви начинаютъ дѣйствовать всѣ съ-обща—отъ перваго дворянина до послѣдняго посполита и входятъ, такъ сказать, болѣе во внутреннюю жизнь церкви.

Такое единодушіе въ дѣйствіяхъ цѣлаго народа поставило Сигизмунда въ необходимость уступить его требованіямъ: чтобы избавить себя отъ непріятностей и оградить избраннаго намѣстника отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій арцибискупа, народъ проситъ митрополита посвятить Тучапскаго въ епископы; потому что если онъ будетъ епископомъ, арцибискупъ не посмѣетъ притѣснять его, а еще болѣе бить, какъ равнаго себѣ по званію ***. Всѣ происки ****, домогательства и угрозы ***** Бернарда, оста-

---

* А. З. Р. т. II. N 193.

** Ibid.

*** А. З. Р. t. II. N 198.

**** Suppl ad. hist. R. Mon. p. 144.

***** А. З. Р. т. 7. N 198. Не станемъ описывать здѣсь, какъ Сигизмундъ I хитрилъ вмѣстѣ съ Боною, чтобы, съ одной стороны, удовлетворить требованіямъ народа, а съ другой, чтобы избѣгнуть непріятныхъ столкновеній, скажемъ только, что онъ чувствовалъ на сколько

лись безуспѣшными; Сигизмундъ, привилейною грамотою, 1539 г., учреждаетъ православную епархію въ Галицкой Руси и Подоліи, независимо отъ львовскаго арцибискупа *.

Но несмотря на все это, притязанія львовскаго арцибискупа, все таки не прекращались на подчиненность ему православной галицкой епархіи. Сигизмундъ Августъ, чтобы какъ нибудь согласить право народное съ притязаніями латинскаго духовенства, долженъ былъ признать за львовскимъ арцибискупомъ право: *praesentandi et constituendi vice gerentem*, на основаніи древнихъ привилегій, и каждый разъ, при поставленіи новаго епископа, король благосклонно испрашивалъ у него позволенія такому-то управлять православною епископіею во Львовѣ *. Такая формальная зависимость православной церкви, къ которой иногда присоединялись и прежнія незаконныя притязанія, продолжалась и послѣ до извѣстнаго времени. Но мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію развитія внутренней жизни всей юго-западной церкви. Судьба церкви въ обоихъ народахъ литовскаго и южнорусскаго носитъ теперь на себѣ одинъ и тотъ же характеръ, а потому-то она и соединяется въ одно, для совокупнаго и дружнаго дѣйствованія и отраженія своихъ враговъ.

(Продолженіе впредь)

Д. Синицкій.

его дѣятельность по отношенію къ православнымъ, связана римскимъ духовенствомъ, но въ тоже время онъ не могъ неуступать желанію народа: онъ видѣлъ съ кѣмъ теперь приходится ему имѣть дѣло.

* Suppl. ad hist. R. M. p. 142.

ОЧЕРКЪ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

ВЪ МАЛОРОССІИ

НА ПРАВОМЪ БЕРЕГУ ДНѢПРА ВЪ XVI ВѢКѢ.

Въ такомъ вопросѣ, какъ нашъ, нѣтъ возможности углубляться въ даль: экономическая и бытовая стороны народа рѣдко дѣлаются извѣстными въ одно время съ фактическою исторіею его. То время, которое вошло уже въ составъ фактической исторіи представляется до-историческою эпохою относительно тѣхъ явленій жизни, которыя не подлежатъ такому легкому и наглядному описанію какъ факты. Поэтому фактическая исторія и есть первая ступень исторіи. Лѣтописецъ обращаетъ гораздо болѣе вниманія на войны, на международныя отношенія (тоже чисто-фактическія), на личности владѣтелей, вождей и на ихъ обстановку, нежели на бытъ и на экономическое положеніе народа. Если вскользь онъ и упомянетъ о чемъ-нибудь подобномъ, то онъ дѣлаетъ это безсознательно, не имѣя въ виду тѣхъ результатовъ, которые извлечетъ изъ этихъ намековъ позднѣйшій изслѣдователь. Произнести болѣе или менѣе рѣшительное мнѣніе касательно одного изъ экономическихъ вопросовъ народной жизни, въ эпоху, которая принадлежитъ исключительно къ области фактической исторіи (въ строгомъ смыслѣ слова) значитъ витать въ сферѣ самыхъ гадательныхъ, часто совершенно ложныхъ и почти всегда сомнительныхъ предположеній. Притомъ нельзя придавать особенной важности такимъ предположеніямъ, если-бы даже они и были основаны на болѣе твердой почвѣ, нежели это часто случается. Сколько-нибудь правильное экономическое устройство возможно только при довольно высокой степени общественнаго развитія. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о поземельной собственности. Поземельная собственность возможна только у народа осѣдлаго, у народа достаточно огражденнаго извнѣ, чтобы не бояться частыхъ и опустошительныхъ нападеній. Съ этой только минуты развитіе

хозяйственныхъ отношеній получаетъ извѣстный народный отпечатокъ, извѣстное направленіе; и съ этой только минуты начинается экономическая жизнь народа, жизнь подчиненная извѣстнымъ законамъ, болѣе или менѣе сознаннымъ. До тѣхъ поръ, хотя и существуетъ первообразъ поземельной собственности—первоначальное занятіе поземельныхъ участковъ, но этотъ первообразъ не имѣетъ у одного народа такихъ типическихъ оттѣнковъ, какихъ-бы не имѣлъ другой народъ. Типическіе оттѣнки являются уже съ возникновеніемъ поземельной собственности, т. е. съ той минуты, когда начинаетъ сознаваться возможность укрѣпить за собою временно-занятый участокъ. Эти первоначальные типическіе оттѣнки, обусловливаясь всевозможными климатическими, мѣстными и другими условіями, большею или меньшею степенью умственнаго и нравственнаго развитія, религіозными вѣрованіями и т. п., опредѣляютъ собою всю послѣдующую исторію народа. Они составляютъ краеугольный камень его исторической жизни. Тутъ-то, повторяю, начинается экономическая жизнь. Но эта жизнь не составляетъ еще достоянія исторіи. Она изрѣдка выражается въ сказкахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ, которыя могутъ пояснять исторію, но на которыхъ строить исторію невозможно. Нужно, чтобы хозяйственныя отношенія болѣе или менѣе опредѣлились, получили извѣстный оттѣнокъ, могли сдѣлаться предметомъ наблюденія, могли быть облечены въ извѣстную форму, вставлены въ извѣстныя рамки. Нужно, чтобы безсознательный обычай началъ болѣе или менѣе сознаваться, распространяться, дѣлаться общимъ. Нужно, чтобы чисто-произвольныя отношенія замѣнились болѣе или менѣе условными отношеніями лицъ къ лицамъ и обществъ къ обществамъ; тогда уже экономическая жизнь можетъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія. Разумѣется, и тутъ изслѣдованіе сопряжено съ нѣкоторыми трудностями. Всѣ письменные источники, проливающіе извѣстный свѣтъ на хозяйственныя отношенія народа въ то время, когда только начинаютъ возникать правильныя хозяйственныя отношенія, не могутъ быть вполнѣ удовлетворительны. Составители инвентарей, грамотъ, привилегій, само собою разумѣется не имѣютъ въ виду содѣйствовать научной разработкѣ экономической жизни въ извѣстный періодъ. Поэтому въ нихъ ощущается сильный недостатокъ данныхъ, весьма интересныхъ для историка и для статистика, но не имѣвшихъ въ то время практической важности. Съ другой стороны мы встрѣчаемъ въ нихъ такія подробности, которыя не могутъ сдѣлаться достояніемъ науки. Такъ напр.

въ инвентаряхъ помѣщичьихъ имѣній XVI и XVII в. почти никогда не обозначается количество земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ, между тѣмъ какъ всегда можно найти въ нихъ самую подробную именную опись крестьянъ.

Въ правобочной Малороссіи изслѣдованіе хозяйственныхъ отношеній, не съ одной юридической точки зрѣнія, дѣлается возможнымъ только съ XVI в. и именно съ того времени, когда положеніе коронныхъ крестьянъ, относительно постояннаго владѣльца ихъ короля и назначаемыхъ отъ него временныхъ владѣльцевъ—старостъ, было приведено къ извѣстной нормѣ и обнародовано въ видѣ закона. Къ XVI-му же вѣку относятся, на сколько намъ извѣстно и самые ранніе инвентари помѣщичьихъ имѣній.

Въ древніе времена крестьяне составляли классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Хлопами (chłop:) были только военноплѣнные и купленные люди, которые составляли полную и неотъемлемую собственность своего владѣльца. Это были не крѣпостные люди, а просто рабы. Въ послѣдствіи, они или исчезли, или слились съ крѣпостными людьми. Крестьяне, по добровольному соглашенію селились на помѣщичьихъ земляхъ и пользовались извѣстнымъ надѣломъ, отбывая за него извѣстныя повинности*. Крестьяне имѣли право перехода отъ одного помѣщика къ другому, обязываясь увѣдомить объ этомъ своего помѣщика и заплатить ему незначительную пошлину. Помѣщикъ, принявшій къ себѣ чужаго крестьянина безъ *засвидѣтельствованнаго листа,* подвергался штрафу въ 14 гривенъ.

Населеніе въ это время, особенно послѣ татарскихъ набѣговъ было чрезвычайно рѣдкое. Земля была ни почемъ. Дороже всего были руки и при недостаткѣ ихъ очевидно, что крестьяне могли заключать довольно выгодныя условія съ землевладѣльцами. Положеніе послѣднихъ было незавидное. Получая съ земли своей незначительный, почти ничтожный доходъ, при

* При первоначальномъ заселеніи пустопорожнихъ участковъ земли, крестьянамъ давалось всегда нѣсколько льготныхъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ они освобождались отъ чиншей и повинностей. Обыкновенно на выгонѣ, по серединѣ села ставился столбъ въ видѣ креста, съ набитыми на немъ колышками, число которыхъ означало число льготныхъ лѣтъ. Съ истеченіемъ года одинъ изъ колышковъ снимался, и каждый годъ снималось по колышку, пока, наконецъ, уже не оставалось ни одного. Тогда уже крестьяне должны были нести извѣстныя повинности къ помѣщику. На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* или *вульками*, а на Украйнѣ *слободами*.

трудности сбыта хлѣба, помѣщикъ несъ въ отношеніи къ государству довольно трудныя повинности. Если помѣщикъ имѣлъ не менѣе двухъ крестьянъ, то онъ долженъ былъ являться на войну на добромъ конѣ, имѣть панцырь, латы, копье, шлемъ и лукъ со стрѣлами. Сверхъ того долженъ былъ вооружить извѣстное число крестьянъ и содержать ихъ на своемъ иждивеніи въ продолженіи войны. Вслѣдствіе этого оказалась надобность опредѣлить съ нѣкоторою точностью обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ, съ цѣлью обезпечить нѣсколько доходъ землевладѣльцевъ и дать имъ возможность точнѣе отбывать государственныя повинности. Великій князь литовскій Витовтъ установилъ, чтобы крестьяне работали на помѣщика 14 дней въ году, съ каждой волоки (слишкомъ 19 десятинъ). Число рабочихъ дней, опредѣленное Витовтомъ, имѣя цѣлью обезпечить или по крайней мѣрѣ нѣсколько улучшить бытъ помѣщиковъ, показываетъ какъ ничтожны были повинности крестьянъ, и какъ дорого цѣнился въ то время трудъ сравнительно съ землею.

Съ XVI вѣка видно стремленіе какъ можно точнѣе опредѣлить отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ; цѣнность земли, соотвѣтственно труду значительно увеличивается. Въ 1520 году, на торунскомъ сеймѣ, Сигизмундъ I постановилъ, чтобы тяглый хозяинъ высылалъ въ недѣлю по одному рабочему съ однимъ упрягомъ для оранки, ралки и свозки и по два рабочихъ для жатвы, косовицы и молотьбы; годовой чиншъ съ хозяина, занимавшаго не менѣе полу-волоки земли, составлялъ не свыше 20 грошей. Кромѣ барщины и чиншу помѣщикъ имѣлъ право требовать для своего двора по нѣскольку каплуновъ и извѣстное количество яицъ. Такимъ образомъ, размѣръ повинностей значительно увеличился, но повинности эти все-таки не могли считаться обременительными для крестьянъ. Волока, составляя болѣе 19 десятинъ, представляла бо́льшее пространство земли, нежели было необходимо для обезпеченія крестьянскаго семейства. Притомъ, если на волокѣ жило нѣсколько семействъ, или если одно семейство состояло изъ нѣсколькихъ взрослыхъ рабочихъ, то для отбыванія барщинной повинности отдѣлялась только весьма незначительная часть рабочихъ силъ хозяйства. Раздѣленіе волоки между нѣсколькими семействами было, впрочемъ, въ то время еще довольно рѣдкимъ явленіемъ. Населеніе было весьма незначительно: это доказываютъ безпрестанныя привилегіи извѣстнымъ лицамъ, оказавшимъ услуги Рѣчи Посполитой, по которымъ имъ жертвовались иногда огромныя имѣнія «na zasiedlenie.»

Несмотря на законное установленіе извѣстнаго размѣра повинностей, повинности эти не вездѣ и не всегда были одинаковы. Онѣ зависѣли въ извѣстной степени отъ произвола помѣщика, заключавшаго болѣе или менѣе стѣснительныя условія съ крестьянами. Размѣръ повинностей зависѣлъ также отъ мѣстности имѣнія, отъ большаго или меньшаго удаленія отъ Запорожской Сѣчи, отъ большаго или меньшаго могущества помѣщика. Мы видимъ также, что качество земли принималось въ расчетъ при опредѣленіи повинностей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ пользованіе фольварковой землей всегда соединено было съ большимъ оброкомъ и съ болѣе тяжелою барщиною, нежели пользованіе обыкновенною землею.

Въ 1554 году, за три года до введенія устава о волокахъ, сдѣланъ былъ первый шагъ къ закрѣпленію помѣщичьихъ крестьянъ: до 1554 года существовали совершенно свободные договоры, основанные на взаимныхъ выгодахъ и, по крайней мѣрѣ относительно, добросовѣстно исполняемые именно потому, что обѣ договаривающіяся стороны имѣли одинаковое право уничтожить договоръ въ случаѣ неисполненія его съ одной стороны или злоупотребленія съ другой.

Въ 1554 году, на третьемъ виленскомъ сеймѣ, волынскіе дворяне обратились къ правительству съ просьбою, чтобы «люди отчизные и непохожіе, которые въ имѣніяхъ пановъ радъ, княжатъ и панятъ мѣшкаютъ, зъ имѣній ихъ поутекавши, абы были за доводомъ ихъ выданы.» Вслѣдствіе этого постановлено, чтобы бѣглыхъ людей одинъ помѣщикъ отъ другаго не принималъ, кромѣ тѣхъ, которые, исполнивъ всѣ свои обязательства относительно помѣщика, были-бы имъ самимъ отпущены*. Крестьянину, впрочемъ, предоставлялось право жаловаться на помѣщика, который, безъ всякой уважительной причины, не захотѣлъ-бы его отпустить. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить насколько крестьяне могли ожидать справедливости въ случаѣ подобныхъ жалобъ. Несомнѣнно одно: — что дворянство пріобрѣтая болѣе и болѣе силы, старалось мало по малу присвоить себѣ болѣе и болѣе правъ. Извѣстно направленіе умовъ *либеральной* шляхты Рѣчи Посполитой, въ концѣ царствованія Сигизмунда I. Не смотря на весь свой *внѣшній* либерализмъ, она еще не пришла въ то время къ сознанію правъ человѣка, какъ

* Акты, относящіеся къ Исторіи Западной Россіи, изданные С.П.Б. археографическою коммисіею. Томъ III, стр. 65.

человѣка и, сосредоточивая этотъ либерализмъ на извѣстной средѣ, эгоистически присвоивала себѣ *все*, въ ущербъ всему тому, что въ нее не входило. Все дворянство громко выражало мнѣніе, что оно имѣетъ право жизни и смерти надъ хлопами и кмѣтями, которые обработывали его поля*. Можно-ли было ожидать, чтобы тѣ-же самые шляхтичи, которые держались такихъ идей, могли быть безпристрастными судьями, въ случаѣ несогласія между помѣщиками и крестьянами.

Между тѣмъ, какъ положеніе помѣщичьихъ крестьянъ дѣлалось все болѣе и болѣе печальнымъ и произволъ помѣщика пріобрѣталъ все большіе и большіе размѣры, сдѣлана была попытка опредѣлить съ нѣкоторою точностью отношенія коронныхъ крестьянъ къ ихъ временнымъ владѣльцамъ старостамъ. Уставъ о волокахъ, изданный Сигизмундомъ Августомъ въ 1557 году обозначилъ ихъ взаимныя отношенія довольно подробно. Имъ опредѣлялись и права казны, и права старостъ, и права, или по крайней мѣрѣ подобіе правъ крестьянъ. Основанія этого устава нельзя назвать вполнѣ не справедливыми. Въ немъ видна попытка оградить по возможности крестьянъ отъ произвола помѣщика-чиновника, дать ихъ повинностямъ извѣстный размѣръ, соотвѣтственный количеству земли, которымъ они пользовались и предоставить имъ право на защиту въ случаѣ злоупотребленій со стороны старосты. Всѣ оттѣнки повинностей опредѣлены съ буквальною точностію. Повинности были трояваго рода: деньгами, натурою и работою. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать этихъ повинностей громадными. Каждый крестьянинъ, занимавшій волоку земли платилъ 21 грошъ оброку, 5 грошей постороннихъ поборовъ; взносъ натурою и добавочною работою, оцѣненный въ 23 гроша и кромѣ всего этаго 2 дня въ недѣлю барщины. Для поясненія этого нужно сказать, что 1 грошъ равнялся 5 коп. серебромъ. Слѣдовательно крестьянинъ платилъ постояннаго оброку болѣе двухъ рублей въ годъ, что при тогдашнихъ цѣнахъ была непустячная сумма.

Мы не станемъ перечислять здѣсь всѣхъ косвенныхъ поборовъ съ крестьянъ, поборовъ *законныхъ* и въ точности опредѣленныхъ, поборовъ едва-ли не за каждый шагъ, который приходилось дѣлать крестьянину. Скажемъ только, что всякое столкновеніе съ закономъ обходилось крестьянину чрезвычайно дорого, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ровно ничего отъ

* Histoire de Pologne, par Joachim Lelewel. 1844. Paris.—p. 114.

этого не выигрывалъ. Такихъ косвенныхъ поборовъ могло набраться въ годъ болѣе нежели на 10 грошей, и рѣдкій крестьянинъ могъ отдѣлаться менѣе, нежели 5 грошами. О взяткахъ мы и не говоримъ: существованіе ихъ дѣлается яснымъ уже изъ того, что противъ нихъ существовалъ законъ, и притомъ законъ такого рода, который могъ скорѣе расположить чиновниковъ брать взятки, нежели отклонить отъ нихъ. Уличенный въ взяткѣ чиновникъ приговаривался къ уплатѣ 1 р., сколько-бы онъ ни набралъ взятокъ. Притомъ-же неудобства и дороговизна всякаго столкновенія съ законною властью едва-ли могли располагать крестьянъ къ жалобамъ.

Но что, по всей вѣроятности, было обременительнѣе всего для крестьянина и что давало поводъ къ найбольшимъ злоупотребленіямъ—это обязанность крестьянина выходить на работу всегда, когда войтъ этого требовалъ: не было ни одного дня въ недѣлю, въ который онъ могъ-бы считать себя совершенно-свободнымъ.

Весьма интересно было-бы прослѣдить за нѣкоторыми жалобами крестьянъ противъ *чиновничьихъ* или помѣщичьихъ притѣсненій въ старостинскихъ имѣніяхъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ для этого почти никакихъ данныхъ, исключая одного рукописнаго инвентаря, относящагося къ гораздо-позднѣйшему времени, гдѣ довольно подробно исчислены *кривды*, понесенныя крестьянами отъ чиновниковъ и отъ жолнеровъ (гдѣ, впрочемъ, не указаны дальнѣйшія судьбы этой жалобы, а гдѣ крестьяне говорятъ только въ заключеніе, что имъ придется идти по—міру, если они не найдутъ защиты)*, и кромѣ того жалоба крестьянъ смединскихъ, переданныхъ королемъ Сигизмундомъ князю Курбскому на правѣ вѣчнаго владѣнія, но безъ права отчужденія, продажи, залога и т. п. Жалоба эта относится къ 1582 году и первая депутація крестьянъ къ королю отправлена была въ первыхъ числахъ января этого года. Крестьяне жаловались на произвольное увеличеніе денежныхъ повинностей, на отнятіе у нихъ земли, которою они владѣли по праву наслѣдства отъ отца къ сыну, на то, что помѣщикъ отнялъ у нихъ 50 воловъ для отправки бортнаго дерева на Бугъ, хотя впрочемъ, потомъ и возвратилъ имъ воловъ въ цѣлости, и проч. Дѣло тянулось до 23 октября того-же года и кончилось тѣмъ, что князю Курб-

* Wszystka gromada asseccurowała iż iesli więcej te szkody y krzywdy będą ponosić, tedy od wszystkiego musiemy pujść między ludzi. (Inwentarz osiadłości miasta Kotelniej).

скому предъявленъ былъ королевскій листъ, съ приказаніемъ возвратить крестьянамъ то, что у нихъ награблено. Князь Курбскій обязался это сдѣлать, но за тѣмъ награбленнаго не возвратилъ и продолжалъ обижать ихъ. По свидѣтельству же смединскихъ крестьянъ, въ королевскомъ листѣ предписывалось князю Курбскому не обижать крестьянъ и запретить другимъ обижать ихъ, и оставить ихъ при прежнихъ податяхъ и повинностяхъ. Весьма сомнительно, впрочемъ, чтобы князь Курбскій исполнилъ хоть что нибудь изъ королевскихъ предписаній. Какъ легко крестьянамъ было жаловаться видно изъ того, что они два раза принуждены были посылать выборныхъ къ королю, и что на первую отправку этихъ выборныхъ, ограбленныхъ и схваченныхъ слугами князя Курбскаго, они должны были издержать 8 копъ грошей (24 рубля). Такія издержки и затрудненія съ одной стороны, а съ другой, сомнительная сила королевскихъ предписаній, должны были служить достаточною гарантіею для помѣщика и вызывать открытое неудовольствіе крестьянъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь шло дѣло объ имѣніи, не составлявшемъ полной собственности помѣщика, слѣдовательно объ имѣніи, гдѣ власть его была нѣсколько ограничена *.

Распущенность дворянства въ это время дошла до nec plus ultra. Еще за три года до введенія устава о волокахъ, на виленскомъ сеймѣ, волынская земля обращалась къ королю между прочимъ съ просьбою «абы кгвалтамъ, наѣздкамъ, забойствамъ, забиранью земель и грабежамъ, которые ся отъ обывателей коруны польскоѣ дѣютъ, была справедливость учинена и конецъ слушный тому поставленъ» **. Многія старостинскія имѣнія были неправильно и беззаконно присвоены шляхтичами. Въ городахъ старосты и палатины злоупотребляли своею властью ***. Необходима была реакція со стороны правительства. Піотрковскій сеймъ въ 1662 году попытался положить этимъ беззаконіямъ конецъ. Поземельная собственность Короны приведена въ извѣстность. Не законно присвоенныя староства отобраны; каждый помѣщикъ обязанъ былъ представить документы, по которымъ онъ владѣлъ имѣніемъ. Съ этимъ вмѣстѣ дворянство пріобрѣло бо́льшія права, неже-

---

* Жизнь князя Курбскаго. Томъ II. VII. тяжба князя Курбскаго съ крестьянами смединскими стр. 141—155.

** Акты, относящ. къ исторіи запад. Россіи. СПБ. т. III. стр. 65.

*** Histoire de Pologne par Joachim Lelewel.

ли тѣ, которыми оно прежде пользовалось. Еще въ 1560 году русское и литовское дворянство уравнено было въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ, относительно представительства на сеймахъ и судебной или административной власти въ своихъ имѣніяхъ и староствахъ. Въ 1566 году, Сигизмундъ, желая склонить литовское и русское дворянство къ соединенію съ Польшею, отказался отъ своихъ ленныхъ правъ на помѣщичьи имѣнія и представилъ ихъ въ полную и неограниченную собственность ихъ владѣльцевъ. Но Піотрковскій сеймъ поправилъ дѣло только на бумагѣ: безсиліе правительства, средоточіе всей военной силы въ рукахъ дворянства, богатство нѣкоторыхъ магнатовъ, дававшее имъ возможность пренебрегать всѣмъ и вся,—все это сдѣлало изъ польскаго и русскаго, ополяченнаго или еще неополяченнаго дворянства сословіе до того привилегированное, что оно не боялось преступать законъ, или даже итти прямо противъ него. Законодательная власть въ Польшѣ, во многихъ случаяхъ была вполнѣ разумна, но исполнительной власти у польскаго правительства не было никакой. Дворянинъ, получившій грамоту на имѣніе, находившееся во временномъ владѣніи другаго дворянина, долженъ былъ взять это имѣніе съ бою, если тотъ не хотѣлъ подчиниться предписанію короля. Сцены насилія, убійства, грабежи, все это были факты самые обычные, случавшіеся чуть не ежедневно и виновный во всемъ этомъ могъ избѣгнуть преслѣдованія закопа по добровольному соглашенію съ обиженнымъ лицомъ. Нужно замѣтить, что крестьяне, ограбленные или изувѣченные не считались обиженными лицами и не вознаграждались за увѣчья и за убытки, ими понесенныя. Обиженнымъ считался помѣщикъ, который въ лицѣ ихъ лишался возможности извлекать изъ нихъ пользу, дѣлать ихъ орудіемъ для добыванія доходовъ. Сопротивленіе закону на фактѣ не считалось преступленіемъ или по крайней мѣрѣ не наказывалось какъ преступленіе: мы видимъ, что королевскій секретарь Василій Красенскій, воспротивившись вооруженною силою королевскому рѣшенію по дѣлу его съ княземъ Курбскимъ, и одержавши перевѣсъ, не привелъ королевскаго указа въ исполненіе и не былъ наказанъ по закону и даже не былъ отрѣшенъ отъ должности. Черезъ нѣсколько времени, когда по дѣлу съ Каспаромъ Клодинскимъ, послѣдовало приказаніе произвесть взысканіе съ его имѣній, онъ снова воспротивился и снова одержалъ побѣду *.

* Жизнь князя Курбскаго. Т. II. стр. 5?—80.

Во время междуцарствія 1572 года, когда вся правительственная власть сосредоточена была въ рукахъ дворянства, постановлено было, что жалоба крестьянина на помѣщика ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаема. Это постановленіе, подтвержденное Варшавскою конфедераціею 1573 года еще болѣе распространено: помѣщику предоставлено право наказывать крестьянъ in secularibus et spiritualibus. Съ тѣмъ вмѣстѣ ему предоставлено неограниченное право суда и крестьянамъ повелѣно находиться въ полномъ повиновеніи у помѣщика *. Такою мѣрою узаконенъ былъ произволъ, доходившій до того, что право жизни и смерти помѣщика надъ крестьянами, не утвержденное закономъ, считалось на фактѣ весьма обыкновенною вещью съ самаго начала усиленія дворянскаго сословія въ ущербъ королевской власти. Кромеръ, въ своемъ «de situ Poloniae» говоритъ, что панъ надъ своимъ хлопомъ имѣлъ право жизни и смерти, но не надъ такимъ, который отъ молодости посвятилъ себя наукамъ или стану духовному **. Guagnini утверждаетъ, что въ Литвѣ существовалъ обычай, чтобы панъ, недовольный своимъ крестьяниномъ приказалъ ему самому повѣситься; если-же кто-нибудь изъ крестьянъ не исполнилъ этого приказанія, то его били такъ долго, пока не принуждали къ этому ***. Мы видимъ, что въ 1569 году, еще до люблинскаго сейма, урядникъ князя Курбскаго Иванъ Келеметъ отвѣчалъ возному, пришедшему къ пану по дѣлу о евреяхъ, посаженныхъ въ яму съ піявками: «а тежъ чи неволно пану подданныхъ своихъ не тылко везенемъ або чимъ иншимъ але и горломъ карати а я што чиню теды за росказанемъ пана моего его милости князя Курпскаго бо панъ мой князь Курпскій маючи тое имене ковелское и подданныхъ вмоцѣ своей воли карати якъ хоче и король его милость и никто иншій до того ничого немае.» **** Не слѣдуетъ забывать, что евреи въ то время пользовались огромными вольностями, сравнительно съ крестьянами.

---

* Конфедерація генеральная варшавская. 28 генваря 1573 года.

** Habent sane in eos domini vitae necisque potestatem; praeter eos qui ab ineunte aetate literarum studiis sacrorumque ministerio sese addixerunt. Cromerus de situ Poloniae, въ концѣ статьи Hominum ordines in Polonia.

*** Moraczewski. Dzieje Rzeczypospolitej Polskiej. Księga dwudziesta druga. VII. 88 стр.

**** Жизнь князя Курбскаго. Т. II. стр. 4—5.

Вотъ краткій очеркъ постепеннаго перехода свободныхъ хлѣбопашцевъ, селившихся на помѣщичьихъ земляхъ, по добровольному соглашенію съ помѣщиками, въ полу-рабовъ и даже почти въ рабовъ, такъ какъ все отличіе тогдашняго крестьянина отъ раба состояло въ томъ только, что ему давался извѣстный участокъ земли въ пользованіе.

Крестьяне теряли постепенно всѣ свои права по мѣрѣ того, какъ правительство ослабѣвало и какъ дворянство усиливалось и пріобрѣтало большее вліяніе на управленіе.

Замѣчательно, что переходъ этотъ совершился не болѣе какъ въ 50 лѣтъ, считая время отъ перваго установленія размѣра крестьянскихъ повинностей въ 1520 году при Сигизмундѣ I, по 1572 годъ, когда узаконенъ былъ произволъ помѣщика надъ крестьяниномъ. Замѣчательно еще, что стѣсненіе правъ крестьянъ и расширеніе правъ помѣщика, совершилось въ царствованіе Сигизмунда-Августа, котораго польскіе историки представляютъ какъ одного изъ лучшихъ государей и о которомъ даже Лелевель говоритъ, что онъ составилъ счастіе государства.

Въ эти 50 лѣтъ точно опредѣлилось различіе между крестьянами коронными и помѣщичьими. Крестьяне коронные, стѣсненные до-нельзя громадными повинностями, терпѣвшіе постоянныя притѣсненія отъ чиновниковъ, были гораздо болѣе обезпечены въ нравственномъ и въ экономическомъ отношеніи, нежели крестьяне помѣщичьи. Право жалобы на притѣсненія старостъ или другихъ чиновниковъ, разумѣется не имѣло большаго распространенія: жалуясь такому-же помѣщику и такому-же шляхетному господину какъ его панъ, онъ не могъ надѣяться на безпристрастіе. Хотя просвѣщеніе въ Польшѣ и стояло на относительно высокой ступени, но взглядъ общественнаго мнѣнія на нѣкоторые вопросы пахнетъ самымъ грубымъ варварствомъ. Самая возможность существованія закономъ утвержденнаго произвола, право суда и расправы помѣщика надъ крестьяниномъ подтверждаетъ это. Право жизни и смерти помѣщика надъ крестьяниномъ, какъ мы уже сказали не было никогда введено въ кодексъ законовъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного извѣстнаго узаконенія по этому поводу. Но обычай былъ сильнѣе самаго закона. Запрещеніе жаловаться на помѣщика, при отсутствіи всякаго административнаго контроля надъ дѣйствіями помѣщиковъ, — не было-ли это почти узаконеніемъ права жизни и смерти? А мы уже сказали, что общественное мнѣніе дворянства, главной представительной силы, требовало этого права.

Но тѣмъ не менѣе, въ коронныхъ имѣніяхъ, крестьянинъ имѣлъ опору въ правительствѣ. Періодическія люстраціи, строгое опредѣленіе крестьянскихъ повинностей, отвѣтственность старосты передъ закономъ за произвольное увеличеніе этихъ повинностей, все это болѣе или менѣе ограждало крестьянина. Въ экономическомъ отношеніи онъ также пользовался положеніемъ относительно хорошимъ, если сравнить его съ положеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ. Крестьянинъ несъ повинность не отъ лица и не отъ двора, а отъ волоки. Разумѣется волока для одного крестьянскаго семейства была слишкомъ велика: онъ не могъ ни обработать ее какъ слѣдуетъ, ни собрать съ нея хлѣбъ во-время. Но тѣмъ болѣе могъ онъ быть расположенъ составлять маленькія ассоціаціи съ другими семействами, которые не имѣя земли, или имѣя ея мало, могли желать увеличенія своего участка. Случалось, что волока бывала раздѣлена между четырьмя хозяевами, которые отбывали натуральныя и рабочія повинности поочереди и дѣлили между собою денежныя повинности. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше должны были мельчится поземельные участки. Нормальная цифра надѣла — волока, никогда не была уменьшена закономъ; между тѣмъ, при распространеніи населенія, послѣ занятія всѣхъ пустопорожнихъ участковъ одного имѣнія, оказывалось значительное число безземельныхъ крестьянъ, которые брали земли уже не отъ правительства, а отъ крестьянъ-же, имѣвшихъ лишнюю землю, или находившихъ болѣе выгоднымъ отдать часть ея въ пользованіе другому. Вѣроятно бывали случаи, когда многоземельные крестьяне пользовались обстоятельствами и отдавали безземельному часть своего поля за повинности бóльшія, нежели тѣ, которыя самимъ имъ пришлось-бы отбывать за отданный участокъ. Могло появиться и вѣроятно появилось въ то время много крестьянъ, игравшихъ роль маленькихъ помѣщиковъ относительно тѣхъ крестьянъ, которые брали у нихъ въ пользованіе извѣстный участокъ земли. Они были чѣмъ-то въ родѣ арендаторовъ, нанимавшихъ пространство земли, бóльшее, нежели то, которое имъ было нужно, чтобы, въ свою очередь отдавая его въ наемъ, извлекать изъ этого нѣкоторыя выгоды.

У коронныхъ крестьянъ мы видѣли тѣнь возможности матеріальнаго благосостоянія: у помѣщичьихъ крестьянъ мы не видимъ и этого. Узаконеніе 1520, опредѣлявшее размѣръ крестьянскихъ повинностей никогда не было измѣнено законнымъ порядкомъ. Но узаконенія Сигизмунда-Августа и потомъ варшавской конфедераціи отняли у него силу. Можно-ли было назна-

чить извѣстный предѣлъ увеличенію повинностей, когда крестьянинъ являлся совершенно безгласнымъ исполнителемъ воли помѣщика? Не стѣсняясь никакими правилами, помѣщикъ имѣлъ право заставить крестьянина работать для него ежедневно, заставить его уплачивать ему всѣ заработанныя имъ деньги и крестьянинъ безпрекословно обязанъ былъ повиноваться ему. И вѣдь замѣчательно, что такіе факты были не въ диковину и, что во многихъ имѣніяхъ, крестьяне не имѣли *ни одного* свободнаго дня.

(Окончаніе впредь).

Владиміръ Юзефовичъ.

XIII.

Еще новая, болѣе дерзкая и широкая затѣя нѣкоторыхъ псевдо-поляковъ, помѣщиковъ, живущихъ въ подольской губерніи.[1]

Недавно мы были изумлены еще однимъ образчикомъ безстыдной наглости и самоуправства нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ, живущихъ въ подольской губерніи. Послѣ многихъ прелюдій польской агитаціи, послѣ многихъ маневровъ, пущенныхъ невидимою рукою въ разныя стороны обширной земли русской[2]), имъ казалось, вѣроятно, что они ошеломили насъ качествомъ и количествомъ своихъ затѣй и притязаній, настращали недавними разбойничьими выстрѣлами (въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ Царства Польскаго) и что теперь они застанутъ насъ врасплохъ и своимъ мгновеннымъ tour de force успѣютъ еще разъ, и уже послѣдній, обмануть русское правительство и достигнуть цѣли, къ которой іезуитскій макіевелизмъ издавна научалъ ихъ стремиться.

Не удостоивая своего шляхетскаго вниманія цѣлые милліоны православнаго, южнорусскаго и бѣлорусскаго народонаселенія, не обращая вниманія, на ненависть его къ нимъ, и на тѣ опасности, которыя задавили-бы ихъ, при первомъ взрывѣ народной мести, вызванной наглостію притязанія, эти господа, отуманенные самомнѣніемъ, рѣшились составить адрессъ на имя

---

[1]) Статья эта вызвана легкомысленнымъ ихъ адрессомъ, на имя Государя Императора, о присоединеніи западнаго края Россіи къ Царству Польскому.

[2]) См. статью «Польскій Маневръ» отд. IV сей книжки.

Е. И. В. о присоединеніи западной Россіи къ Польшѣ. Какой печальный образецъ умоизступленія расы, долгое время пропитывавшейся дикими понятіями лядскаго фанатизма! Какое неопровержимое доказательство невѣжества, избалованнаго прежними удачами въ насиліяхъ надъ несчастнымъ русскимъ человѣкомъ! И неужели эта шляхетская язва нашего края думаетъ, что мы не поднялись-бы отъ мала до велика, при малѣйшемъ прикосновеніи къ намъ Польши? Неужели она думаетъ, что, при нѣкоторыхъ заботахъ нашихъ объ улучшеніи общественнаго строя Россіи, мы не отложили-бы на время ихъ въ сторону и не возстали-бы цѣлою русскою землею въ защиту каждаго угла ея, а нашъ уголъ русскій,—русскій и даже, если хотите, старорусскій?... О, пусть будетъ проклятъ тотъ часъ, въ который пришла-бы кому-нибудь изъ насъ даже мысль о присоединеніи къ ненавистной намъ Польшѣ, такъ тяжко губившей нашу несчастную народность, такъ недавно переставшей давить насъ гнетомъ своего порабощенія и до сихъ поръ не разставшейся съ язвою іезуитскаго пропагандизма! [3])

Но обратимся къ адрессу.

Въ самомъ началѣ адресса латинопольская шляхта подольской губерніи увѣряетъ, что въ немъ выражается *одно всеобъемлющее желаніе края* о присоединеніи его къ Польшѣ. Какая постыдная ложь и какая безчестная рѣшимость выдавать злоумышленныя притязанія горсти пришлецовъ, либо ренегатовъ, на нашъ югозападнорусскій край, за «всеобъемлющее его желаніе!» Какъ? Западный край, имѣющій около 8,000,000 православнаго южнорусскаго и бѣлорусскаго народонаселенія, край, бывшій театромъ кровопролитныхъ протестовъ противъ Рѣчи посполитой, край, считающій польскую шляхту язвой, истощавшей, истощающей и теперь его силы, — этотъ самый край, по вашему безстыдному увѣренію, выражаетъ *вашими* устами *свое* всеобъемлющее желаніе? Заявили вы тотъ актъ, которымъ отреклись мы — 8,000,000 русскихъ [4]) отъ всего для насъ святаго и всѣ народныя рели-

[3]) Недавно поляки-католики., тоже, неспросясь не только возсоединеннаго духовенства, но и народа, подали прошеніе папѣ о возстановленіи уніи. А между тѣмъ на языкѣ у нихъ свобода вѣры!

[4]) Независимо отъ сего числа православныхъ, въ Зап. Россіи до 2,500,000 народонаселенія другихъ вѣроисповѣданій. Однихъ евреевъ, до 1,500,000,—спрошено ли согласіе на отчужденіе отъ Россіи и у сего народонаселенія? Не забудьте, что поляковъ на всемъ пространствѣ зап.

квіи бросили на попраніе горсти ненавистныхъ для насъ измѣнниковъ? Представили вы доказательства на то, что мы добровольно желаемъ перемѣнять однокровныхъ и единовѣрныхъ намъ братій, на давнихъ и заклятыхъ враговъ нашихъ?.. Утверждать такую гнусную ложь и гдѣ-же? въ адрессѣ, составленномъ на имя Монарха? — Можетъ ли быть что либо постыднѣе и унизительнѣе для мало-мальски честнаго человѣка? Можно ли сдѣлать болѣе преступное злоупотребленіе не только правами, дарованными чуждой намъ и неблагодарной польской шляхтѣ, но и самымъ словомъ? Въ то время, когда милліоны нашего православнаго народонаселенія всѣ силы свои желали-бы устремить для окончательнаго сверженія и послѣднихъ слѣдовъ латинопольскаго ига, оставшихся въ видѣ польской шляхты; въ то время, когда мы готовы на всѣ жертвы, лишьбы стряхнуть и эти послѣдніе, ненавистные намъ остатки польско-іезуитскаго элемента, — въ это, говоримъ, время горсть подольской шляхты позволяетъ себѣ дерзость увѣрять, что въ ея словахъ выражаются наши общія желанія. Этой дерзостью, усиливающеюся подновить давнія польско-іезуитскія стремленія, до такой степени возбуждено наше народное негодованіе, что мы готовы были бы возстать поголовно для отпора безумныхъ наглецовъ, забывающихъ, въ чаду шляхетскаго опьяненія, неприкосновенныя и святыя права нашей народности. Въ настоящемъ

Россіи всего только 1,082,000. (Смотри отд. IV сей кн. О племенн. составѣ.... Зап. Рос. стр. 10. Таблица А.) Да и то поляками названы они только потому, что исповѣдуютъ р.-катол. вѣру, большинство изъ нихъ говоритъ по-польски на русскій ладъ и, по незнанію настоящаго своего русскаго происхожденія, называютъ себя поляками. Слѣдуетъ замѣтить также, что изъ числа этого милліона р.-католиковъ на долю шляхты *родовитой* прійдется только какой нибудь десятокъ тысячъ. Намъ извѣстно при томъ, что большинство и самой шляхты, не говоримъ уже о массѣ польскаго народонаселенія, не желаетъ присоединенія къ Польшѣ. Они хорошо знаютъ свѣжее преданіе о попечительномъ польскомъ правленіи, допускавшемъ приложеніе права сильнаго надъ слабѣйшимъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, знаютъ по опыту, что посуламъ вельможныхъ пановъ слишкомъ довѣрять не слѣдуетъ, наконецъ, едва ли имъ по вкусу возвращеніе осуществленія padam do nóg— отчего они, подъ владычествомъ Россіи, совершенно отвыкли. Однимъ словомъ, возвращенія Польши серьезно желаютъ только одни магнаты,— чтобъ по-старопольски *попановать*,— и раззорившіеся obywatele, въ надеждѣ, что при сей политической перемѣнѣ, авось-либо удастся имъ выдвинуться впередъ, или захватить теплое мѣстечко, въ награду за miłość ojczyzny.

случаѣ мы спѣшимъ только заявить предъ лицемъ дорогой для насъ Россіи, предъ лицемъ цѣлой Европы, что часть латино-польской шляхты подольской совершила тяжкое преступленіе, позволивши себѣ въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково соединеніе народовъ, такой постыдный обманъ. Пусть онъ будетъ самымъ очевиднымъ фактомъ, что въ ней и теперь гнѣздится навыкъ къ тѣмъ насиліямъ надъ совѣстью югозападно-русскаго народа, въ тѣмъ посягательствамъ на чужое достояніе, которыми такъ опозорили себя ея отцы и дѣды.

За однимъ обманомъ слѣдуетъ другой. Позволивши себѣ одну дерзскую ложь, подольская шляхта ищетъ себѣ опоры въ цѣломъ ряду другихъ подобныхъ лжей и обмановъ.

Разсмотримъ главныя положенія, выраженныя въ адрессѣ. Подольская шляхта утверждаетъ 1) что Русь соединена съ Польшею торжественнымъ и добровольнымъ люблинскимъ договоромъ, 2) что образованность и общественная жизнь ея съ незапамятныхъ временъ запечатлѣны исключительно характеромъ польскимъ, 3) что она цѣлыми поколѣніями принимала формы цивилизаціи, родственной ей Польши.

Таковы положенія, непосредственно слѣдующія за началомъ адресса. Не станемъ здѣсь разбирать противорѣчій, которыми путаетъ себя шляхетская мысль, не знающая другой истины, кромѣ выдумываемой ея фантазіею, и не имѣющая другого желанія, кромѣ своего—*не позвалямъ!* Русь, по ея историческому кодексу, соединена съ Польшею только съ люблинскаго *добровольнаго* (??!!) договора, и между тѣмъ таже Русь *съ незапамятныхъ временъ* запечатлѣна характеромъ исключительно польскимъ! Нѣсколько послѣднихъ словъ служатъ новымъ доказательствомъ безцеремонности въ выборѣ средствъ, къ которымъ прибѣгаетъ польская шляхта для достиженія своихъ фантастическихъ цѣлей: для нихъ она хотѣла бы сломать цѣлый столбъ русской исторіи. Вся исторія древней Руси запечатлѣна въ ея фантазіи исключительно польскимъ характеромъ. Дикая фантазія! Будь фантазеры нѣсколько грамотнѣе, они вычиталибъ изъ исторіи, что Литва, вмѣстѣ съ западною и югозападною Россіею, заключивъ при Ягеллѣ (1485) федеративный союзъ съ Польшею, до люблинской уніи сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію [5]) и особую вну-

---

[5]) О сохраненіи отдѣльности территоріи постоянно заботилось литовско-русское дворянство и, при малѣйшемъ нарушеніи сего права со стороны поляковъ, оно подавало свои просьбы и жалобы (на сей-

треннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страною, а ея жителей чужеземцами [6]). Западнорусскіе обитатели, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ русскимъ [7]). Этимъ же именемъ и польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ населяющій западную Россію [8]). Они вычатали бы изъ исторіи, что поляки не имѣли права ни селиться въ западной Руси, ни пріобрѣтать какую либо недвижимую собственность ни мѣною, ни покупкою, ни дарственною записью, ни даже брачнымъ союзомъ [9]). Они вычитали бы, что до люблинской уніи поляки, наравнѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать въ Литвѣ и западной Россіи никакихъ государственныхъ должностей [10]). Они вычитали бы наконецъ,

---

нахъ 1547, 1551 и 1554) Volum. Leg. T. 1. Zbiór Praw Litewskich. Poznań, 1841. str. 428, 469, 474, 490 и 501; Акты Зап. Росс. изд. Арх. Ком. Т. III. стр. 10, 42 и 46).

[6]) Статутъ Лит. изд 1529. Разд. IV. арт. IX. сказано: Тежъ уставуемъ, которую девку отецъ або матка дали до *чужей земли* звеликаго княжества Литовскаго, до *Польши*, або до Мазовшъ. . . . На брестскомъ сеймѣ 1544 г. сказано: затымъ што есте просите, абы *полякомъ чужоземцомъ* врадовъ и иныхъ достойностей у великомъ княжствѣ недавано и проч. (Zbiór praw Litew. str. 405).

[7]) Volum. Leg. т. I. № XVII. pag. 205. и всѣ современные документы.

[8]) Тамъ-же № XX pag. 223 и XXXII pag. 370. и безчисленное множество другихъ документовъ.

[9]) Zbiór praw Litewsk. str. 481. arty. V. i str. 505. Акты Зап. Россіи т. III. стр 53. и т. IV стр. 66. Дворянство волынское и подляшское, въ 1554 году, жаловалось королю на нарушеніе поляками запрещенія селиться на землѣ литовско-русской и пріобрѣтать недвижимую собственность, и король отвѣчалъ имъ: тую просьбу вашу за слушную прісмши повелѣваю: ижъ вто отъ того часу во всемъ великомъ княжствѣ литовскомъ, нихто иный куповати, ани которымъ иншимъ обычаемъ не маютъ ани можетъ поседати имена шляхетскаго и всякого кгрунту лежачого на вѣчность крои. заставы, одно родич. и обывател великого княжества тую вольностъ маетъ мети, купити и иншимъ обычаемъ побожне вечности имѣня лежачого набыти, водле права заховываючися. А вѣдь же границахъ и заставою граничный чоловекъ немаетъ ани можетъ менія и всякого кгрунту земляного держати и набывати, кроме родичовъ и обывателей великого княжества абы ся не нарушили ничимъ привилеи земскіе присягою нашею господарскою и проч. Zbiór praw str. 481.

[10]) Статутъ Лит. 1529 г. Разд. III. арт. 3. сказано: «Тежъ шлюбуемъ а обецуемъ, ижъ въ земляхъ нашихъ того великого княжества, земель и городовъ, и местъ и которыхъ кольвекъ дедицтвъ, и дер-

что даже послѣ люблинской уніи поляки нарушили условія, на основаніи которыхъ состряпалось это насильственное соединеніе двухъ равноправныхъ государствъ, оставлявшее однакожъ полную автономію русскаго народа и неприкосновенность элементовъ его народной жизни,—что подтверждается постоянными протестами югозападно-русскаго народа противъ нарушеній этихъ условій, противъ латино-польскихъ насилій, противъ угнетеній господствовавшей въ в. кн. литовскомъ православной церкви, противъ внесенія въ западно русскія области польскаго языка, вмѣсто русскаго [11]), что, въ эпоху козако-русскихъ возстаній, вся южная Русь, въ лицѣ Богдана Хмельницкаго, прямо высказала: *знай ляше, що, по Случь, наше*, и требовала возстановленія русскаго самоуправленія. Но для шляхты ея фантазія выше исторіи. Для поборниковъ ея химерическихъ притязаній кажется нипочемъ—утверждать даже печатно, что Несторъ былъ польскій писатель, что угодники печерскіе, послѣ крещенія Руси, были уніяты, лишь бы увѣрить Европу, что древняя Русь *съ незапамятныхъ временъ* была «запечатлѣна исключительно польскимъ характеромъ». Для нея вѣра, языкъ, отдѣльный родъ владѣтельныхъ русскихъ князей, самостоятельная система управленія, свой алфавитъ, весь чисто русскій бытовой складъ не имѣютъ никакого значенія: она такъ привыкла думать о своей вельможной важности, что изглаживаетъ всѣ черты народности, всѣ примѣты русской жизни однимъ почеркомъ пера, однимъ: не позвалямъ. Еще ли не ясно ей, какъ она позоритъ свои цѣли и стремленія, когда для достиженія ихъ нужно употреблять такія судорожныя усилія къ истребленію вѣчныхъ, непреложныхъ историческихъ фактовъ русской жизни?

жаня и тежъ которыхъ кольвекъ врадовъ нашихъ, або честей и достойности обчому (т. е. чужеземцу), але только природнымъ и тубылцомъ тыхъ земль нашихъ великого княжства, не будемъ давати и потомки наши не будутъ давати....» Тоже смотри Zbiór praw Lit. str. 405. Даже сопровождавшіе короля въ Литву польскіе его чиновники должны были останавливаться на границѣ, за исключеніемъ необходимой прислуги. (Тамъ же str. 433. Акты Зап. Россіи. т. III. стр. 13.

[11]) Этихъ протестовъ и жалобъ тысячи находятся во всѣхъ казенныхъ архивахъ западныхъ губерній и царства польскаго, въ Галиціи, въ архивахъ: С. Петерб. Сунодальномъ, государственномъ, публич. библіотеки и проч. проч... А сколько ихъ напечатано на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкѣ въ отдѣльныхъ изданіяхъ Актовъ и въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ невозможно и перечесть!

Кто могъ сказать, не сознавая своего невѣжества, что древняя Русь, *съ незапамятныхъ временъ,* запечатлѣна исключительно польскимъ характеромъ, тому уже ничего не значитъ сказать, что эта же Русь люблинской уніей добровольно соединилась съ Польшею. Устыдится-ли, въ самомъ дѣлѣ, лжи въ отвѣтѣ на вопросъ, требующемъ разумнаго и внимательнаго изслѣдованія, тотъ, кто, не краснѣя, могъ рѣшиться на отрицаніе, такой очевидной и непреложной исторической истины? А кто сохранилъ хотя малѣйшую долю способности къ безпристрастному изслѣдованію, тотъ легко можетъ убѣдиться, что эта пресловутая унія рѣшительно не была добровольною. Эт до-о казывается и современными ей свидѣтельствами, и многими обстоятельствами, непосредственно за нею слѣдовавшими и даже, если угодно, постояннымъ настроеніемъ русскаго народонаселенія, боровшагося съ непрошенными союзниками и не утратившаго своей народности до послѣднихъ дней.

Мы не будемъ здѣсь входить въ подробное обозрѣніе ни времени, предшествовавшаго люблинскому сейму, ни всего хода его. Кто знаетъ, какимъ смѣшнымъ наборомъ фразъ ляхи хотѣли выразить совершившееся, будтобы полнѣйшее, соединеніе литовской Руси съ Польшею еще на городельскомъ сеймѣ и повѣритъ эти фразы съ дальнѣйшимъ ходомъ историческихъ событій и отношеній этой Руси къ Польшѣ, кто сличитъ стихіи тогдашней литовско-русской жизни съ польскими, кто вспомнитъ, что вопреки этимъ фразамъ, юго-западная или литовская Русь постоянно стремилась къ независимости, воспрещала полякамъ даже селиться въ литовско-русскихъ областяхъ и называла ихъ чужестранцами (cudzoziemcami),—тотъ пойметъ, что уже тогда латино-польская Рѣчь посполитая жаждала втянуть въ себя юго-западную Русь, но что эта послѣдняя понимала хищные замыслы своихъ сосѣдей и, по достоинству, цѣнила іудины лобзанія Польши. Въ этихъ обстоятельствахъ есть уже немалое основаніе усомниться, чтобы вся юго-западная Русь, такъ упорно защищавшаяся отъ слитія съ Польшею, чуждою ей по стихіямъ своей народности, вдругъ и добровольно могла кинуться въ ея объятія на люблинскомъ сеймѣ. Внутренняя послѣдовательность исторической логики уже заставляетъ, говоримъ, крѣпко сомнѣваться въ добровольности люблинской уніи, хотя собственный интересъ нашихъ ренегатовъ, разумѣется, побуждаетъ ихъ рѣшаться на всевозможныя произвольныя толкованія смысла этой уніи, чтобы найти себѣ хотя какую нибудь опору въ мечтательной почвѣ, послѣ того, какъ она имѣла несчастіе отдѣлиться отъ почвы живой, дѣйствительной, народной.

Наше умозаключеніе, на основаніи предшествовавшихъ событій исторіи юго-западной Руси, какъ нельзя лучше подтверждается цѣлымъ ходомъ дѣлъ на люблинскомъ сеймѣ. Изъ него ясно можно усмотрѣть, что литовская Русь постоянно обнаруживала сопротивленіе уніи съ Польшею, тогда какъ Рѣчь посполитая напрягала всѣ усилія, чтобы втянуть ее въ свои сѣти. Того требовала уже и іезуитская политика, которая съ утратою сѣверной Германіи, послѣ реформаціи, хотѣла въ то время пріобрѣсть свѣжую арену для своихъ губительныхъ дѣйствій въ православной юго-западной Руси, не чуждой уже и многихъ протестантскихъ сектъ,—хотѣла восполнить число членовъ римской церкви, похищенныхъ у нея реформаціей, новыми прозелитами.

Прежде всего должно замѣтить, что, когда Сигизмундъ, усиливавшійся зарапѣе подготовить соединеніе Литовской Руси съ Польшею, употребилъ іезуитскую уловку, вовсе несообразную съ самостоятельностію Литвы, а именно, подарилъ Польшѣ свое литовское самодержавіе, то литовская Русь глубоко оскорбилась его поступкомъ, заявила противъ него свой протестъ, и что самый актъ, вслѣдствіе этого любезнаго королевскаго подарка, былъ составленъ безъ всякой подписи литовскихъ сеймовыхъ членовъ и даже безъ печати литовской. [12]) Это происходило не задолго до (не забудьте—*до*) люблинскаго сейма. Когда потомъ тотъ же Сигизмундъ Августъ, желая пріобрѣсти себѣ приверженцевъ въ литовской Руси, уравнялъ съ польскимъ шляхетствомъ литовскихъ бояръ, которые, до того времени, были въ нѣкоторой зависимости отъ княжескихъ русскихъ и литовскихъ родовъ, то разладъ между Литвой и Польшею еще болѣе усилился. Какимъ же образомъ, при такомъ настроеніи Литвы, при своихъ особенныхъ стихіяхъ народной жизни, при господствѣ русскаго языка и православной вѣры,—при постоянномъ стремленіи къ самостоятельности, выразившемся въ сопротивленіи подписать вышеупомянутый актъ,—вдругъ могло образоваться добровольное желаніе Литвы соединиться съ Польшею? Тутъ что нибудь да не такъ: пусть потрудятся гг. подольскіе полономаны получше изучить время, предшествовавшее люблинскому сейму, потомъ весь ходъ самого сейма, и тогда они увидятъ, что ихъ догматъ о люблинской уніи совершенно фальшивъ, что они, обманутые своими отцами и дѣдами, или находятся въ невинномъ незнаніи дѣла, или умышленно скрываютъ

---

[12]) Zrzódłop. Dz. стр. 48.

международныя отношенія и настроеніе литовско-русскихъ умовъ въ эпоху люблинской уніи (1566). Еслибъ они болѣе были знакомы съ исторіей этой, слишкомъ насильственной уніи, или болѣе способны къ искренней оцѣнкѣ этихъ отношеній и этого настроенія литовской Руси, то сами сознались бы, что такъ называемая люблинская унія была самымъ насильственнымъ дѣломъ, что это была не унія, а обманъ хитрѣйшимъ простодушнаго, или порабощеніе сильнѣйшимъ слабѣйшаго, совершившееся противъ воли послѣдняго и даже мимо сознанія простаго народа, т. е. громадной массы народонаселенія литовско-русскаго государства.

Для правильнаго пониманія характера литовской уніи должно знать, что въ то время (1569 г.) Польша сравнительно была гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели литовская Русь. Сія послѣдняя не была такъ концентрирована, а потому не могла такъ быстро и дружно располагать всѣми своими силами, какъ Польша. Въ сѣверныя и западныя части ея уже вкрадывался католицизмъ, еще со временъ Ягеллы. Хотя количество его исповѣдниковъ было ничтожно въ сравненіи съ православными; но все же онъ полагалъ въ сѣверо-западныхъ частяхъ Литвы нѣкоторое несогласіе, которое было не безъ вреднаго вліянія. Далѣе, растянутая съ сѣвера на югъ, не сплоченная стройнымъ управленіемъ, она не имѣла такихъ средствъ къ образованію, какъ Польша, и кромѣ того, съ востока и особенно съ юга постоянно была открыта хищнымъ ордамъ татарскимъ. Этого не могла не сознавать литовская Русь, не могли нечувствовать и представители ея. Но, несмотря и на это неблагопріятное положеніе Литвы, самая первая встрѣча литовскихъ и польскихъ пословъ, уже ознаменовалась всѣми признаками вражды и несогласія. Поляки *требовали* слитія Литвы съ Польшею, литовцы съ своей стороны не только не предложили его, какъ добровольное приношеніе Польшѣ, а напротивъ открыто заявили стремленіе къ самостоятельности.

Вотъ новый непреложный фактъ, совершившійся предъ лицемъ двухъ народовъ, предъ лицемъ всего свѣта! Этотъ фактъ прямо показываетъ что на люблинскомъ сеймѣ были пущены въ ходъ съ одной стороны обманъ и насиліе, а съ другой несогласіе и прямое сопротивленіе [13]).

Что-же далѣе? Опять тоже самое,—надменное притязаніе

[13]) Zrodłop.: do Un. Lub: Dz. стр. 49, 50. Dyar. стр. 29.

съ одной и сопротивленіе съ другой стороны. Когда литовскіе послы, не смотря на затруднительное положеніе, заставлявшее ихъ быть сговорчивѣе, нехотѣли подвигать новаго союза далѣе прежняго—политическаго, то чѣмъ встрѣтили ихъ польскіе послы? Надменностію и угрозами. Они должны были просить короля, чтобы тотъ, своею властію, заставилъ ихъ принять полное слитіе съ Польшею безъ всякаго разсужденія [14]). Нужны ли были-бъ угрозы, нужно ли было-бы прибѣгать къ королевской власти, если-бы, въ самомъ дѣлѣ, литовскіе послы сами добровольно пожелали слитія съ Польшею? Что послы литовскіе (т. е. нетолько аристократы, но и депутаты отъ областей) дѣйствительно и рѣшительно не хотѣли уніи, это ясно видно еще не только изъ обращенія польскихъ депутатовъ къ пособію королевской силы и власти противъ упорства литовскихъ пословъ, но и изъ самаго королевскаго отвѣта депутатамъ описаннаго въ діаріушѣ [15]), такъ какъ король ясно отвѣчалъ, что уже многіе изъ аристократовъ да и послы литовскіе и говорить и слышать не хотятъ объ уніи съ Польшею.

Послѣ безполезныхъ усилій и угрозъ со стороны поляковъ, почти всѣ литовскіе послы разъѣхались изъ Люблина; остались очень немногіе. Чѣмъ же потомъ выразилась добровольность люблинской уніи, о которой, какъ видно, подольская шляхта не имѣетъ никакого понятія? Ужъ не польскими ли проклятіями, которыя посыпались на литовско-русскихъ пословъ [16])? Или, быть можетъ, добровольность этой уніи доказывается тѣмъ, что, послѣ нечаяннаго отъѣзда всѣхъ почти литовскихъ пословъ, оскорбленныхъ нелѣпыми требованіями, поляки стали домагаться у больнаго короля, чтобъ онъ силою, наконецъ, заставилъ, по крайней мѣрѣ немногихъ, неуспѣвшихъ бѣжать, пословъ литовскихъ рѣшить дѣло уніи за всю литовскую Русь [17])? Или не тѣмъ ли, что, когда король потребовалъ къ себѣ остальныхъ литовскихъ пословъ и они отправились къ нему, то, повстрѣчавшись на дорогѣ съ польскими депутатами, ѣхавшими туда же, и узнавши къ чему клонится это приглашеніе, поворотили назадъ и не хотѣли представиться королю [18])? Не тѣмъ ли еще

[14]) Dyar., Dz. стр. 50.
[15]) Тамъ же, стр. 60.
[16]) Dyar. стр. 69—70.
[17]) Тамъ-же, стр. 75.
[18]) Тамъ-же.

что ихъ за то стали обвинять въ неповиновеніи королю [19])? Или быть можетъ тѣмъ, что литовская Русь, принуждаемая къ уніи, рѣшалась уже пригласить на помощь даже татаръ, лишь бы избавиться отъ этой польской навязчивости съ уніею [20])? Или, наконецъ, не тѣмъ ли ужъ, что король, послѣ совершенія акта уніи, издавалъ универсалъ за универсаломъ, повелѣвая всѣмъ чинамъ, чиновникамъ и дворянамъ литовско-русскимъ совершать присягу на эту унію, съ угрозою конфискованія имѣнія и отрѣшенія отъ должности непослушныхъ [21])? Нужно по шляхетски распоряжаться историческими фактами (какъ по шляхетски гг. писавшіе адрессъ желали-бы распоряжаться и теперъ нашимъ достояніемъ), чтобы не видѣть изъ всего хода люблинскаго сейма, что литовско-русскій народъ, въ лицѣ его пословъ, рѣшительно сопротивлялся уніи, хотя она, какъ видно, уже задумана была поляками и особенно была желательна іезуитамъ, что, наконецъ, эта пресловутая унія (а въ сущности самое злостное насиліе, прикрытое льстивыми выраженіями любви и единенія) рѣшительно зависѣла отъ несчастныхъ обстоятельствъ этой Руси, отъ того, что она была слабѣе и неустроеннѣе Польши, а потому не могла противопоставить силы насилію. На эти-то обстоятельства и расчитывали, какъ видно, поляки и латинское духовенство, игравшее видную роль на люблинскомъ сеймѣ, ихъ сознавали сами литовско-русскіе послы, потому что, какъ мы сказали, думали призвать къ себѣ татаръ на помощь, чтобъ избавиться отъ объятій незванныхъ друзей.

Насильственность люблинской уніи очень ясно доказывается и дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ ея. Когда разнесшійся слухъ о необходимости татарской помощи, для сопротивленія притязаніямъ поляковъ, потревожилъ прежде всего жителей тѣхъ областей литовско-русскихъ, которыя были ближе къ татарамъ и оттуда раздался чей-то голосъ противъ литовскихъ пословъ, уѣхавшихъ изъ Люблина; то и тогда поляки не могли еще достигнуть выполненія своихъ требованій. Не смотря на этотъ, быть-можетъ и подставной голосъ [22]) изъ южныхъ областей, они не смѣли еще присоединить ихъ къ Польшѣ, хотя уже и прежде домогались ихъ: присоединяли ихъ только исподволь, по

---

[19]) Тамъ-же.

[20]) Тамъ-же, стр. 127.

[21]) Архивъ Югозап. Россіи ч. II. Т. I. Унив. Сигиз. Авг. № 1. Сличи 1 кн. Вѣст. Отд. 1. № 1.

[22]) Дузг. стр. 65.

частямъ. Далѣе, несмотря и на этотъ неизвѣстный голосъ, поляки очень хорошо знали, что народъ и его представители окажутъ сильное сопротивленіе ихъ затѣямъ, потому-то, даже въ этихъ областяхъ, когда былъ уже поднятъ вопросъ о соединеніи ихъ съ Польшею, поляки рѣшились изгнать всѣ административныя лица изъ русскихъ, т. е. туземцевъ[23]). Но и здѣсь не останавливаются насильственныя мѣры люблинской уніи. Для смягченія антипатіи югозападно-русскихъ областей къ Польшѣ, король нашелъ нужнымъ объявить, что если эти области присоединятся къ Польшѣ, то съ нихъ будетъ снята нѣкоторая часть податей, особенно съ тѣхъ лицъ, которые владѣли государственными имуществами. Казалось, послѣ всѣхъ этихъ мѣръ, уже можно было положиться на сбыточность уніи. Послѣ королевскихъ обѣщаній, по видимому, стоило только для подписи акта пригласить югозападно-русскихъ пословъ, и однако-жъ этого не смѣли сдѣлать; ясно, почему, потому что тѣхъ-то именно, которые были задобрены и, можетъ быть, согласились бы подписать актъ соединенія, и не выбрали бы въ депутаты. И вотъ издали декретъ, что изъ этихъ областей, не нужно выборныхъ людей, а довольно будетъ пріѣхать новопоставленному чиновному люду. А такъ-какъ все еще нельзя было и на нихъ полагаться, такъ-какъ увѣрены были, что, подъ разными предлогами, они станутъ отказываться явиться на мѣсто сейма; то объявлено было, что, кто не явится, тотъ лишенъ будетъ своего чиновнаго мѣста, а эти мѣста сопряжены были съ большими доходами[24]). Такъ и сбылось. Знаменитая *добровольность* уніи снова подтвердилась; потому что, когда лица, которымъ приказано было явиться на сеймъ, стали отказываться отъ явки подъ разными предлогами, то ко многимъ изъ нихъ должны были посылать коммиссаровъ на домъ съ тѣмъ, чтобы принудить ихъ порознь къ присягѣ на унію съ Польшею[25]); противъ сопротивлявшихся же литовцевъ нѣкоторые поляки совѣтовали даже употребить оружіе[26]). Наконецъ, вникните еще въ смыслъ заключительной рѣчи жмудскаго старосты Юрія Бѣлевича. Кто будетъ читать эту рѣчь безъ всякихъ предубѣжденій, тотъ не можетъ не замѣтить въ ней горькой скорби о совершавшейся уніи. Не смотря на сдержанность своей рѣчи

---

[23]) Тамъ-же, стр. 82.
[24]) Тамъ-же, стр. 82.
[25]) Тамъ-же, стр. 128.
[26]) Тамъ-же, стр. 75.

въ присутствіи короля, онъ прямо даетъ замѣтить, что эта унія была принужденіемъ и порабощеніемъ, что если литовская Русь не могла доверши̂ть своей защиты, то это должно приписать препятствіямъ и времени [27]).

Вотъ какую *добровольность* люблинской уніи неопровержимо доказываетъ весь ходъ ея дѣлъ. Свидѣтельства обо всѣхъ обстоятельствахъ этого факта до такой степени ясны, что толковать о добровольности ея могутъ только люди, предпочитающіе свое самодурство историческимъ аксіомамъ.

Но мы не для того останавливались на обозрѣніи люблинской уніи, чтобъ ограничиться только обличеніемъ во лжи тѣхъ лицъ, которымъ угодно утверждать, будто она была дѣломъ добровольнаго согласія со стороны литовско русскихъ пословъ, или, что еще было бы нелѣпѣе, со стороны литовско-русскаго народа. Послѣ чудодѣйственнаго превращенія подольскою шляхтою всей древнерусской исторіи въ польскую, что значитъ сотворить шляхетское чудо и надъ люблинскою уніею? Мы желали вмѣстѣ показать и то, какъ здѣшняя, зашлая къ намъ, польская шляхта, вообще пользуется историческими фактами для своихъ замысловъ. И подобнымъ нелѣпымъ пониманіемъ и толкованіемъ историческихъ событій она хочетъ достигнуть того, чтобы ворочать судьбами нашего западнаго русскаго края, нашего громаднаго народонаселенія! Сбившись съ прямаго пути въ лицѣ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ и очутившись теперь безъ всякой связи съ нашею исторіею и нынѣшнею православною русскою народностью и ея потребностями,—она приплетаетъ теперь ложь ко лжи, обманъ къ обману, думая какъ нибудь прикрыть свой историческій проступокъ и втянуть на свой ложный путь и нашу старинную, туземную народность; какъ будто въ самомъ дѣлѣ это возможно, и снова не вызвало бы на сцену Наливаекъ, Богдановъ и Железняковъ.

На лживомъ толкованіи люблинской уніи подольская шляхта не останавливается. Она, какъ мы видѣли выше, бросаетъ еще такой взглядъ на всю древнюю русскую исторію въ основаніе своего нелѣпаго требованія, что его можно бы счесть признакомъ прямаго помѣшательства, если бы мы не знали, какъ исторически развивалась безпардонная шляхетская удаль, перешедшая потомъ изъ жизни въ воззрѣнія на самую нашу исторію. Но мы не сдѣлаемъ этому узкому и дикому взгляду че-

[27]) Тамъ-же, стр. 183—185.

сти,—вторичнымъ къ нему обращеніемъ и перейдемъ лучше къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ нелѣпостей шляхетскихъ.

Вельможная шляхта гласитъ, что *Русь цѣлыми поколѣніями принимала родственную цивилизацію*, т. е. польскую. Не станемъ доискываться, какимъ это образомъ въ Руси, цѣлыми поколѣніями принимавшей формы родственной цивилизаціи польской со временъ люблинской уніи и съ незапамятныхъ временъ запечатлѣна характеромъ исключительно польскимъ, перевѣсъ и доселѣ остается за другою народностію? Какимъ это образомъ въ Руси, съ незапамятныхъ временъ, запечатлѣнной характеромъ исключительно польскимъ, а съ люблинской уніи принимающей уже и формы родственной цивилизаціи польской, оказывается народъ какой-то другой, русско-украинскій. Таково уже свойство лжи, что она, какъ змѣя воображаетъ, что скрылась, спрятавши голову, тогда какъ туловище ея такъ и свѣтится. Займемся этою лукавою фразою. Въ ней употреблены такія благовидныя выраженія, что не каждый сразу пойметъ, что подъ ними снова хотятъ искусно провести ложь и обманъ.

Шляхта утверждаетъ, что, со временъ люблинской уніи, Русь цѣлыми поколѣніями принимала формы родственной цивилизаціи. Какими же это цѣлыми поколѣніями Русь принимала съ люблинской уніи формы цивилизаціи польской? Цѣлою ли массою своего православнаго, западно-русскаго народонаселенія, или только не большою частицею ренегатовъ и въ поколѣніяхъ этой частицы? Съ самаго ли начала, т. е, отъ люблинской уніи эта частица начала принимать польскую цивилизацію, или позднѣе, и притомъ не одновременно и нѣкоторою долею даже довольно поздо? Была ли это дѣйствительно цивилизація для нашего южно русскаго края, или это было парализованіе всего того, что составляетъ характеръ и условія истинной цивилизаціи, варварское насиліе надъ православною, южно-русскою народностію, только прикрытой иногда для неопытнаго и несвѣдущаго зрителя? Смотрѣла-ль масса нашего края, смотрѣли-ль мы прежде, смотримъ ли мы и теперь на латино-полонизмъ, какъ на нѣчто родственное, или какъ на нѣчто всегда намъ враждебное и ненавистное? Только шляхта желала бы спрятать эти вопросы, а мы должны ихъ выставить, и, если бы въ нашей краткой статьѣ и невозможно было дать обстоятельный на нихъ отвѣтъ, то все же нужно, покрайней мѣрѣ, заявить, что адвокаты полонизма среди насъ не больше, какъ чуждые намъ самозванцы,

что масса нашего народонаселенія всегда была и теперь остается не только чуждою, но и враждебною агитаторамъ польскимъ.

И такъ, цѣлою ли массою нашего западно-русскаго народонаселенія принятъ былъ латино-польскій элементъ, или только небольшою частицею его? Что никогда цѣлая громадная масса южно-русскаго (бѣлорусскаго тоже) народонаселенія не принимала основныхъ началъ польской народности, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.—Мало того; на первыхъ порахъ, послѣ люблинской уніи долго еще, а именно не менѣе ста лѣтъ, даже сама южно-русская шляхта протестовала противъ насилій Польши, противъ притѣсненій за вѣру, противъ замѣны русскаго языка польскимъ, и когда явилась церковная унія и начали притѣснять православныхъ, то требовала уничтоженія самой уніи. Это значитъ, что долгое время послѣ люблинской уніи и само дворянство еще продолжало, по прежнему, сопротивленіе элементамъ латинопольскимъ. Югозападная шляхта начала увлекаться латинопольской пропагандой, только послѣ временъ Богдана Хмельницкаго. Но и съ этого времени далеко не вся шляхта допустила къ себѣ этотъ гибельный для нихъ и вредный для края метаморфозъ. Долго еще и между ними многіе, особенно къ востоку, удерживали основныя черты своей народности, какъ то: православную вѣру и языкъ, и даже принимавшіе унію оставались при своемъ первоначальномъ богослуженіи, удерживали въ употребленіи не только церковно-славянскій, но и русскій, туземный языкъ и русскій алфавитъ. Если же небольшая часть народонаселенія, начала еще въ то время говорить и по-польски, то это нисколько не доказываетъ, что масса его должна теперь, по требованію шляхты, войти въ составъ Польши. Втянутые насильственною люблинскою уніею въ составъ Польши, втягиваемые хитрыми іезуитами въ латинство, многіе, разумѣется, не могли избѣгнуть употребленія польскаго языка уже и потому, что многіе изъ шляхты обучались въ латинопольскихъ учебныхъ заведеніяхъ и нерѣдко уже нарочно отставали отъ своей народности, чтобы казаться людьми знатными, людьми особенной, высшей расы и какъ бы получать привиллегію унижать и истреблять старую, туземную народность.

Но что же слѣдуетъ изъ этой податливости туземнаго южнорусскаго дворянства предъ напоромъ латинопольскимъ? Масса народа, духовенство и даже многіе изъ шляхты же;

и во второй половинѣ 17 вѣка, все таки удерживали основныя черты своей народности. Если польскій языкъ, какъ мы сказали, сталъ входить между образованнымъ классомъ въ употребленіе, то изъ этого ровно ничего не слѣдуетъ. Славяне живущіе теперь въ предѣлахъ турецкой имперіи, долгое время употребляли, да и нынѣ употребляютъ турецкій или арабскій языкъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что они должны быть турками и составить изъ себя турецкое магометанское королевство? Думаемъ, что такой выводъ былъ бы нелѣпъ. Всѣ образованные между тѣми же славянами, со времени преобладанія фанаріотовъ, свободно говорятъ и пишутъ, какъ на природномъ, на греческомъ языкѣ; многіе изъ нихъ даже готовы были уже считать себя греками; но опять не было ли бы нелѣпо, еслибы кто нибудь сталъ требовать, чтобы всѣ эти славяне превратились въ грековъ и не смѣлибы противиться созданію между ними греческаго королевства? А между тѣмъ, нынѣшнее требованіе фантазирующей шляхты нисколько не лучше. Можемъ даже сказать, что оно нелѣпѣе; потому что само же южнорусское дворянство, еще и послѣ люблинской уніи, протестовало противъ введенія польскаго языка, вмѣсто русскаго, въ дѣлопроизводство, и что русскій языкъ въ нашей Руси долженъ былъ остаться неприкосновеннымъ *на вѣчныя времена* (см. Voll. leg. T. I). Отступивши потомъ отъ такой существенной принадлежности нашей народности, шляхта хочетъ, чтобы милліоны нашего народонаселенія, по одному ея мановенію, съ безмолвіемъ преклонили головы, потому только, что она соизволила когда-то усвоить себѣ польскій языкъ, латинское вѣроисповѣданіе и теперь требуетъ присоединенія насъ къ Царству Польскому. Въ умопомраченіи, шляхта не можетъ понять, что здѣсь нисколько не умерла старинная, православная, южнорусская народность и что нынѣшнія донкихотскія выходки нашихъ полономановъ будятъ только жестокость давнихъ антипатій.

Собственно говоря, латинопольскій элементъ началъ торжествовать въ юго-западной Руси только въ XVIII вѣкѣ, когда унія рѣшительно, хоть и не одновременно, начала торжествовать въ ней надъ православіемъ. Говоримъ не одновременно, потому что въ то время, когда во Львовѣ была введена унія въ самомъ началѣ XVIII вѣка, въ кіевской губерніи она начала распространяться, и то при помощи страшныхъ жестокостей, только около половины прошлаго столѣтія. Около этого же времени стало увеличиваться здѣсь и количество то полныхъ, то непол-

ныхъ отступниковъ отъ своей народности, судя по тому принимали-ль они прямо латинство, или ограничивались только уніею, какъ ступенью къ латинству.

Итакъ, не съ люблинской уніи начала юго-западно-русская шляхта принимать латино-польскіе элементы; этотъ метаморфозъ ея въ большомъ количествѣ сталъ совершаться только со второй половины 17-го и особенно въ 18-мъ вѣкѣ. Но и при этомъ отступничествѣ ея все таки не только массы стариннаго, туземнаго, южно-русскаго и западно-русскаго народа оставались при своей народности, но и многіе изъ шляхты же или оставались, по прежнему, православными, особенно ближе къ Днѣпру, или даже, переходя въ унію, все еще были въ нерѣшительномъ положеніи и считали себя русскими. Прежнее народное, русское самосознаніе стало глохнуть между уніатскою юго-западною шляхтою только во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Не распространяемся о той польско-іезуитской системѣ дѣйствій, которая пущена была въ ходъ для пораженія нашей южнорусской народности, хотя въ нѣкоторыхъ ея слояхъ. Прочтите планъ польскаго іезуита (Вѣстникъ кн. 1. Отд. 1. № 2.) о случаяхъ рѣшительнаго полонизированія и латинизированія юго-западной Россіи, припомните, или, если у васъ память коротка, прочитайте, какъ буквально вѣрныя чада іезуитовъ исполняли этотъ постыдный планъ, и вы, быть можетъ, хотя сколько нибудь поймете, что и сама здѣшняя quasi-польская шляхта есть жалкій плодъ латино-польскихъ варварствъ и насилій; только отъ васъ скрыли ихъ ваши отцы и дѣды, а мы ихъ помнимъ, крѣпко помнимъ. Не станемъ изображать здѣсь и тѣхъ хитрыхъ махинацій, которыми систематически, втихомолку, шляхта и латинское духовенство продолжали дѣло полонизированія и латинизированія края, въ продолженіи первыхъ тридцати лѣтъ XIX вѣка: онѣ ждутъ еще прямаго и безпощаднаго обличенія. Эта-то самая многообразная масса всѣхъ средствъ, какія только могла придумать изувѣрская ненависть къ православной Руси, была, говоря вообще, причиною отпаденія однихъ изъ шляхты южнорусской въ латинополонизмъ и потрясенія, произведеннаго въ самосознаніи другихъ. Припомните, какъ высшему православному духовенству никогда не давали мѣста въ сенатѣ, какъ насильственно изгоняли православныхъ епископовъ изъ своихъ епархій и священниковъ изъ приходовъ, [28]) какъ отнимали у православ-

[28]) Еще недавно почти въ каждомъ приходѣ можно было слы-

наго южно-русскаго народа средства къ его образованію, какъ іезуиты и другіе латинскіе ордены захватывали въ свои руки всѣ имущества церковныя, какъ они заставляли даже духовенство южно-русское обучаться только подъ руководствомъ ксендзовъ, въ училищахъ латино-польскихъ, какъ, переходя постепенно отъ одного беззаконія къ другому, рѣчь посполитая запрещала уже самое употребленіе русскаго письма, какъ она лишала всѣхъ средствъ къ образованію дѣтей священническихъ и низводила ихъ на степень крѣпостнаго званія, какъ здѣшніе шляхтичи, измѣнивши своей народности, употребляли звѣрскія казни надъ народомъ, разсѣкали трупы невинно казненныхъ ими и разсылали по частямъ въ разныя мѣста, для предотвращенія старой народной оппозиціи, которая такъ энергически заявила себя въ періодъ козацкихъ войнъ, какъ самыя церкви отдавали въ аренду евреямъ, чтобы, унизивъ туземное вѣроисповѣданіе, притянуть исповѣдниковъ его въ латинство, какъ шляхта захватывала южно-русскія земли и какими казнями она желала поразить и послѣдніе энергическіе протесты козако-русскихъ ополченій, какъ гибли въ неописанныхъ мукахъ доблестные сыны южной Руси подъ ножами и пытками своихъ убійцъ,—припомните все это, и, если у васъ есть еще хотя капля южнорусской крови, то устыдитесь, по крайней мѣрѣ, вашего невѣжества, если уже нѣтъ въ васъ чувства совѣсти и вы можете, не краснѣя, увѣрять, что эти измѣны дѣдовъ и прадѣдовъ вашихъ были дѣломъ кроткаго прикосновенія къ нимъ латинопольской цивилизаціи.

Лишенные средствъ къ самостоятельному образованію, поражаемые варварскими гоненіями, сперва противъ православія а потомъ и противъ самой уніи, — они, разумѣется, долго не могли опомниться и какъ одурѣлые втягивались въ этотъ водоворотъ латинополонизма; но что даже и въ этой средѣ тяготѣвшихъ къ полонизму не исчезало сознаніе своей отдѣльности отъ латино-польской народности, это блистательно доказывается тѣмъ, что и теперь, даже въ Галиціи, гдѣ православныхъ почти нѣтъ, сами же уніаты, наконецъ, опомнились, и прямо и открыто снова востановляютъ свою народность и энергически протестуютъ противъ притязаній латинопольскихъ, съ которыми шляхта и ксендзы не могутъ разстаться потому только, что козни ихъ когда то, въ прежнія

шать разсказы о тѣхъ насиліяхъ, съ какими обыкновенно выгоняли православныхъ священниковъ и на ихъ мѣсто вводили уніатскихъ.

времена удавались. Эта-то прежняя удачность обмановъ и насильственныхъ латинопольскихъ продѣлокъ надъ бывшей здѣсь старинною южнорусскою шляхтою служитъ главною причиною, что эта послѣдняя теперь въ свою очередь усиливается сдѣлать тотъ-же экспериментъ и надъ всею массою нашего южнорусскаго народонаселенія. Обманутая въ старину сама, она теперь хочетъ обмануть другихъ и потѣшаетъ свое воображеніе, будто латинопольскій элементъ въ нашемъ югозападнорусскомъ краѣ, составляетъ его принадлежность, «съ незапамятныхъ временъ.»

Вотъ вамъ краткій очеркъ того, когда и какъ совершалось насильственное вторженіе латинопольскаго элемента въ нашу югозападную Россію! Если вы потрудитесь изучать былыя времена нашей Руси и съумѣете стереть съ себя эту въѣвшуюся въ васъ ржавчину польскаго шляхетства, то вы и сами въ этомъ убѣдитесь, какъ нельзя лучше. Мы даже думаемъ, что нѣкоторые понимаютъ свою неправоту, но, или стыдятся въ ней сознаться, или просто боятся шныряющихъ здѣсь и тамъ польскихъ агитаторовъ. Вѣдь сказалъ же недавно одинъ умный полякъ, живущій въ одной изъ югозападныхъ губерній: «я знаю, что мы рѣшительно неправы своими притязаніями и манифестаціями въ этомъ краѣ; но что будете дѣлать съ этою фантазирующею шайкою?»

Можно бы фактически доказать, что латинопольскій элементъ въ средѣ землевладѣльцевъ расширился и окрѣпъ въ югозападной Руси, особенно же въ восточной полосѣ ея (къ Днѣпру) уже въ XIX вѣкѣ, благодаря только довѣрчивости русскаго правительства. Стоитъ только припомнить, напримѣръ, то, что въ кіевской губерніи, гдѣ православнаго южнорусскаго народонаселенія считается свыше полутара милліона, а латинопольскаго (да и то недавно возникшаго) едва ли набралась бы и семнадцатая доля, все дѣло народнаго образованія было отдано въ руки поляковъ и ксендзовъ, и каждый пойметъ, къ чему должна была повести эта система, когда представители ея очень хорошо знали, что они должны были какъ можно торопиться увеличеніемъ числа прозелитовъ въ виду угрожавшаго ей каждодневно пробужденія старой мѣстной народности. Прежде они опасались по крайней мѣрѣ крѣпкихъ протестовъ козацкихъ, но въ это время, всѣмъ ихъ подземнымъ дѣйствіямъ не было уже никакого препятствія. Но мы не съ тѣмъ приводимъ этотъ періодъ нашей исторіи, чтобы подвергать его подробному разбору; мы упоминаемъ о немъ только для того, чтобы обличить во лжи еще одно положеніе подольской шляхты. Въ на-

чалѣ XIX вѣка политика точно не соотвѣтствовала историческому и этнографическому значенію нашего края; потому что оставила милліоны нашего парода въ рукахъ, такъ беззаконно вползшихъ къ намъ, ксендзовъ и поляковъ, и доставляла имъ возможность въ тиши и незамѣтно продолжать, но по другой системѣ, прежде начатую полонизацію нѣкоторыхъ классовъ народа. Но, слава Богу, это бѣдствіе значительно устранено, сначала въ 1831-мъ, а потомъ, въ 1861-мъ году.

Перестаньте же, гг. полономаны, распространяться о какой-то родственности съ нами вашей латино-польской народности, о которой вы толкуете въ вашемъ нелѣпомъ адрессѣ! Перестаньте также злоупотреблять именемъ цивилизаціи, и латинопольскія насилія и варварства въ этомъ краѣ прикрывать такимъ благороднымъ словомъ. Вамъ оно не къ лицу, да и ваша цивилизація, ваше образованіе намъ рѣшительно не нужны, какъ отсталыя и проникнутыя духомъ ненавистной намъ пропаганды. Да мы ихъ у васъ и не просимъ и съ презрѣніемъ отвергаемъ вашу навязчивость. Далѣе, изъ того, что Рѣчь посполитая польская когда-то была образованнѣе насъ, вовсе еще не слѣдуетъ, что постыдныя дѣла, совершенныя вашими предками въ нашемъ краѣ и преступныя стремленія ваши нынѣшнія достойны имени цивилизаціи. Цивилизація нисколько не требуетъ уничтоженія основныхъ стихій народности; даже напротивъ, цивилизація возвышаетъ и облагороживаетъ ихъ. Если бы и ваши дѣды, воспользовавшись результатами бывшаго латинопольскаго образованія, употребили ихъ потомъ для защиты и развитія своей русской народности, своего языка, для поддержанія своей вѣры и церкви, тогда, быть можетъ, вы и заслужили бы имя цивилизаторовъ нашихъ; а теперь вы ни больше, ни меньше, какъ ренегаты и притомъ виновные вдвойнѣ; потому что сами, приставши къ нашимъ исконнымъ врагамъ, теперь еще бѣснуетесь — за чѣмъ эта югозападная Русь смѣетъ не повиноваться велѣніямъ вельможныхъ *нагайкевичей* [**])? Вы совсѣмъ не то дѣлали, чего требовала бы цивилизація. Обезумѣвши отъ подстрекателей іезуитскихъ, отъ презрѣнной услужливости предъ латино-польскими сатрапами, вы пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы только поразить и уничтожить всѣ элементы южнорусской народности. Вотъ что вы дѣлали! Можетъ ли быть что нибудь постыднѣе подобной роли? А между тѣмъ вы желали бы продолжить ее и теперь, вообра-

---

**) Слово не наше.

жая, что постыдное дѣло можно прикрыть именемъ цивилизаціи. Не смотря на ваше маленькое меньшинство, требованія ваши имѣли бы какой-нибудь смыслъ, если-бы наше огромное большинство отстало отъ своей старинной народности, а вы усиливались бы возстановить ее между нами. Но ваша роль обратная. Группы ваши отстали отъ нашей исконной народности, и теперь, въ добавокъ, еще осмѣливаются предписывать намъ свои нелѣпыя шляхетскія требованія. При такихъ обоюдныхъ отношеніяхъ, что можетъ быть уродливѣе и смѣшнѣе вашихъ нынѣшнихъ бѣснованій, вашихъ адрессовъ о присоединеніи милліоновъ нашего народа къ Польшѣ? Припомните еще, что у насъ была своя благоустроенная церковь, была своя іерархія, были свои училища, были свои лучшіе русскіе роды, были свои братства, была своя письменность,—что-же,—вы содѣйствовали благосостоянію церкви и училищъ, отстаивали наши братства, нашъ южнорусскій православный народъ?..... Какъ же вы смѣете, послѣ длиннаго ряда измѣнъ и преступленій противъ православной, южной и западной Руси, самозванно являться теперь представителями нашихъ желаній? Вамъ угодно было сдѣлаться ренегатами; ну и оставайтесь себѣ съ своею постыдною ролью. Довольно уже и того, что вы изъядали наши народныя силы, довольно и того, что до сихъ поръ всѣ ваши богатства, добываемыя тяжкими трудами нашего же народа, вы употребляли не къ поддержанію и развитію, а къ пораженію его народности, что вы позволяли себѣ только издѣваться надъ южнорусскимъ человѣкомъ, кормившимъ и поившимъ васъ; но требовать еще, чтобы мы повиновались вашимъ шляхетскимъ затѣямъ, чтобы нашъ край шелъ по пути, указываемому вашею шляхетскою фантазіею, — это прямое и вопіющее неуваженіе самыхъ первыхъ и коренныхъ правъ народныхъ.

Вы думаете, что всѣ ваши подвиги въ нашемъ краѣ вамъ удастся прикрыть какою-то вашею родственностію намъ? Но къ чему такое лицемѣріе? Къ чему эти увѣренія въ какой-то родственности, когда исторія наша отталкивала ее не только перомъ, но и мечемъ, когда и вы съ своей стороны сами очень хорошо знаете о своей враждебности къ русскому человѣку и ненавидите дорогихъ для нашей памяти защитниковъ южнорусской земли? Или, быть можетъ, вы думаете, что, подъ предлогомъ общей славянской родственности, вамъ удастся навязать намъ свои латинопольскія стихіи? Но подобныя уловки не удадутся. Ужъ лучше вамъ назвать себя прямо врагами Руси нашей, чѣмъ, навязываясь съ своею непрошеною родственностію

и цивилизацiею, только продолжать давнюю роль искарiотскихъ.

Далѣе слѣдуетъ въ адрессѣ картина злополучiя «западнаго края» и причины этого злополучiя. «Положенiе, говоритъ подольская шляхта, нашего края безотрадно!» Какого же *нашего?* Разграничимъ-те нѣсколько общность этой фразы, которою морочите вы или себя или другихъ, и мы увидимъ, что въ краѣ, который вы называете *нашимъ* ничего нѣтъ *вашего,* кромѣ земли, кое-какъ, пополамъ со грѣхомъ, сдѣлавшейся вашею [30]), — что этотъ край состоитъ изъ двухъ враждебныхъ элементовъ, которые, подобно двумъ параллельнымъ линiямъ, никогда не сойдутся, что въ немъ есть горсть латино-польской шляхты и огромная масса русскаго, православнаго люда. Устранивъ это недоразумѣнiе и установивъ раздѣльное понятiе о частяхъ, изъ которыхъ слагается цѣлость западнаго края Россiи, мы спрашиваемъ далѣе: къ какой части относитъ себя подольская (и какая-бы то ни было) шляхта, — латино-польской, или православно-русской? Конечно, не къ послѣдней, какъ потому, что шляхта еще не совсѣмъ утратила сознанiе, такъ и потому, что положенiе этой другой части (хотя ее, по громадности, скорѣе должно назвать цѣлымъ, нежели частiю) края далеко не безотрадно. Эта часть края предвкушаетъ уже свободу отъ тираннiи польскихъ пановъ, уже испытываетъ блаженство самоуправленiя, свободу религiи, языка, уже вступила на стезю моральнаго развитiя и матерiальнаго довольства. Очевидно, поэтому, что подольскiе утописты причисляютъ себя къ латино-польской части края. Но ужели, въ самомъ дѣлѣ, положенiе этой части края безотрадно? Нужно не имѣть ни чести, ни сознанiя, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. Чего не стаетъ у насъ польской шляхтѣ? Свободы? Опять мы вынуждены повторить прежнiй отвѣтъ. Развѣ своеволiя, безотчетнаго тяготѣнiя всѣмъ грузомъ вельможности надъ всѣмъ непанскимъ, не-католическимъ? Вотъ это такъ! Развѣ панщизны холопа, его собственности, дѣятельности, жизни? Ну-да! Вотъ изъ-за какихъ лишенiй вы находите положенiе *свое* безотраднымъ. Скажемъ яснѣе, васъ мучитъ безотрадность вашего положенiя оттого, что у вашей пропаганды вырвали нашъ православный, южнорусскiй народъ, тогда какъ вы такъ давно раз-

[30]) Въ самомъ дѣлѣ, если вы поляки, то откуда взялись у васъ на русской территорiи земли? Мы рѣшимъ со временемъ этотъ вопросъ, и надѣемся не въ пользу настоящихъ землевладѣльцевъ.

считывали поглотить или ассимилировать его. Но это мука волка отъ неудавшагося хищничества. Какія-жъ иныя прикажете изобрѣсти причины безотрадности положенія вашего, когда всему свѣту извѣстно, что вы пользуетесь равноправностію съ русскимъ дворяниномъ, что вы свободно владѣете своею собственностію, что вы свободно исповѣдуете свою религію, свободно даже искажаете исторію, клевещете на край, въ которомъ живете, лжете на Россію, морочите Европу,—словомъ, злополучіе ваше существуетъ въ миражахъ больнаго воображенія, въ раздражительности отъ политическаго разлитія желчи, а не на дѣлѣ.

«Какъ такъ, завопитъ подольская шляхта,—мы хотимъ устранить наличное зло края: *народъ безъ образованія, среднія учебныя заведенія не удовлетворительны, какъ по числу, такъ и по системѣ преподаванія.*» А кто же виноватъ, что народъ безъ образованія? Вы, и больше никто. Воля народа и всѣ проявленія его жизни были подавлены враждебнымъ ему вашимъ самоуправствомъ. При такихъ отношеніяхъ, при вашемъ понятіи о хлопствѣ, народное образованіе было не мыслимо. Объ немъ можно было подумать тогда только, когда тиранія ваша надъ русскимъ простолюдьемъ была ослаблена инвентарнымъ положеніемъ. И, вмѣстѣ съ другими гуманными мѣрами къ поднятію русскаго человѣка, вмѣстѣ съ приглашеніемъ помѣщиковъ перевести крестьянъ на вольные хлѣбопашцы,—покойный Государь Императоръ Николай I многократно изъявлялъ свою волю, чтобы помѣщики западныхъ губерній позаботились, въ видахъ образованія простаго народа, содѣйствовать нравственными и матеріальными средствами къ открытію при церквяхъ сельскихъ школокъ. Начавъ съ половины 40-хъ годовъ, народъ далеко бы уже зашелъ на пути нравственнаго развитія, если бы ваша азіятская реакція, если бы ваша давняя страсть къ подавленію всѣхъ зародышей жизни чуждаго вамъ русскаго народа не парализовала человѣколюбивыхъ мѣръ русскаго правительства. Не уничтожалиль вы всѣми зависящими отъ васъ мѣрами сельскихъ школъ, открытыхъ православнымъ духовенствомъ?[31]) Вы

[31]) Когда въ 1842 году разрѣшено было православному духовенству западнаго края открывать школы при церквяхъ, вслѣдствіе чего духовенство съ ревностію принялось было за дѣло народнаго образованія и стало во многихъ мѣстахъ обучать крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, то шляхта призванная содѣйствовать сему доброму дѣлу моральными и матеріальными средствами, напротивъ, употребила всѣ мѣры для вос препятствованія сему дѣлу: паны запрещали крестьянамъ посылать своихъ

не могли безъ ужаса помыслить о нравственномъ развитiи, давимаго вами, русскаго человѣка, вы истощали всѣ средства свои, чтобы гасить искру просвѣщенiя всякiй разъ, какъ только она гдѣ-либо вспыхивала. И теперь, вы толкуете о просвѣщенiи народа потому только, что Россiя не скупится на средства къ очеловѣченiю своихъ сыновъ, что она пустила уже въ ходъ всѣ свои усилiя, чтобы разсѣять тьму невѣжества, которою подавлена была душа недавняго русскаго холопа вашего. Видя, что народъ пойдетъ теперь по своему пути, а не по вашему, что вы не въ силахъ удержать лучь просвѣщенiя, проникшiй въ самыя укромныя захолустья широкой Россiи, а между тѣмъ, желая легкимъ способомъ попасть въ гуманисты и филантропы, вы тоже начали толковать о народномъ образованiи. Умѣрьте, пожалуйста, вашу заботливость о развитiи русскаго человѣка! Знаемъ мы ваше образованiе! Вамъ бы хотѣлось прибрать его въ руки для того, чтобы ополячить и окатоличить народъ русскiй.

дѣтей въ церковныя школы, усердныхъ къ открытiю ихъ священниковъ подвергали гоненiямъ посредствомъ клеветъ и ложныхъ доносовъ на нихъ епархiальному начальству, а это послѣднее, не озаботившись проникнуть въ истинныя причины сихъ доносовъ, переводило священниковъ на другiе приходы, чрезъ что школы мало-по-малу пришли въ совершенный упадокъ. Намъ случалось слышать панскiя сужденiя по случаю открытiя церковныхъ школокъ, что грамотный хлопъ перестанетъ повиноваться помѣщику, пойметъ настоящее свое къ нему отношенiе и станетъ бунтовать противъ его власти и неграмотныхъ. Подобные отзывы пановъ западной Россiи раздавались и недавно, по случаю освобожденiя изъ подъ ихъ власти крестьянъ. Народъ дескать, почувствовавши свою спину свободною отъ панской нагайки, когда сдѣлается грамотнымъ, перестанетъ заниматься землодѣлiемъ, распьянствуется и сдѣлается совершенно распутнымъ. Но въ сущности шляхта, препятствуя образованiю крестьянъ, не то имѣла на умѣ, что высказывала въ слухъ,—она боялась, что погрязшiй въ невѣжество русскiй народъ, чрезъ образованiе въ православно-русскомъ духѣ, пробудится отъ нравственнаго усыпленiя, прiйдетъ въ сознанiе своей настоящей русской народности, и тогда прощай всѣ панскiя мечты—воротить, при помощи русскаго народа, дорогую для нихъ шляхетскую республику. Дозволь правительство имъ обучать русиновъ по польски, тогда дѣло другое, самъ бы панъ съ паньею и панятами стали бы въ своихъ сельскихъ школкахъ обучать дѣтей abecadła. Стыдно вамъ, гг. подольская шляхта, упрекать русское правительство въ необразованности простаго народа, когда вы сами тому причиною,—вы не только не отозвались на призывъ покойнаго Императора желанiемъ помочь духовенству въ дѣлѣ образованiя вашихъ крестьянъ,—но еще употребили всѣ зависящiя отъ васъ средства, чтобъ убить въ самомъ зародышѣ такъ усердно начатое духовенствомъ дѣло народнаго образованiя и достигли сей гнусной цѣли, а теперь умываете руки.

Безъ васъ Россія начала моральное развитіе своихъ дѣтей, безъ васъ и окончитъ. Вы уже и теперь съ трудомъ отыщете не только село, даже деревеньку, гдѣ бы, по милости попечительнаго русскаго правительства, въ связи съ неутомимымъ и христолюбивымъ православнымъ духовенствомъ, не было не только мужеской, но и женской сельской школы. Трактовать вамъ теперь о просвѣщеніи народа, — значитъ копировать ту муху Крылова, которая, усѣвшись на рогахъ пахавшаго вола, кричала на все село: «и мы пахали»! Да и какое вамъ теперь (особенно теперь) дѣло до умственнаго развитія и какого бы то ни было улучшенія русскаго человѣка, когда у насъ, кромѣ сельскихъ церковныхъ школъ, есть уже въ центрѣ нашей южной Руси дѣльная педагогическая школа, гдѣ приготовляются полезные дѣятели народнаго образованія, а вамъ хотѣлось бы передѣлать народъ по своему, принести его въ жертву Польши и латинства. Вы можете расходовать теперь свою филантропію на ирландца, индійца, и всякаго другаго человѣка также, какъ и на русскаго. Купитъ у васъ простолюдинъ клочекъ земли, и всѣ счеты его съ вами, и всѣ отношенія его къ вамъ—кончены. Если же вы хотите быть добрыми сосѣдями, живыми членами того общества, среди котораго пріютились, хотите пособить ему — достигнуть скорѣе нравственнаго развитія, то бросьте свои вздорныя, заднія мысли и пособляйте матеріальными средствами тому народному образованію, прочное основаніе которому уже положено безъ васъ. Это будетъ и полезнѣе, и честнѣе, нежели кричать: «народъ безъ образованія», что значитъ въ переводѣ на болѣе ясный языкъ: «дайте простой народъ въ наши руки, отдайте половину Россіи Польшѣ, и мы просвѣтимъ народъ.» Вы думаете мы ужъ такъ и повѣримъ вамъ? Помнимъ мы ваше просвѣщеніе!...

На счетъ среднихъ учебныхъ заведеній—та же голословная фраза, таже коварная ложь. Среднихъ учебныхъ заведеній въ этомъ краѣ болѣе, нежели достаточно. Если на протяженіи какихъ нибудь 150 верстъ, при нашемъ не частомъ народонаселеніи, существуетъ 3 гимназіи, то можно ли жаловаться на скудость учебныхъ заведеній? А кромѣ гимназій есть еще кадетскіе корпуса и другія спеціальныя заведенія, только ставало бы охоты учиться, а то, слава Богу, есть гдѣ. О системѣ (не способѣ ли?) образованія не зачѣмъ было-бъ и вспоминать подольской шляхтѣ. Современныя намъ русскія, среднія учебныя заведенія организованы такъ разумно, методъ въ нихъ обученія такъ удовлетворителенъ, предметная сторона имѣетъ такую полноту,

направленіе такъ практично, что была бы только (скажемъ снова) охота учиться, а выучиться можно въ гимназіяхъ на столько, чтобы быть вполнѣ развитымъ гражданиномъ. А полученіе спеціальности въ гимназіяхъ, конечно, не мыслимо: это не ихъ дѣло. Скажемъ, положа руку на сердце, что не только покойная Польша, съ своимъ полуобразованіемъ (разумѣемъ среднія учебныя заведенія), но и вся современная намъ образованная Европа не представляютъ намъ заведеній, равносильныхъ нашимъ гимназіямъ. Стоитъ только панскимъ дѣтямъ серьёзнѣй учиться въ гимназіяхъ, вмѣсто того, чтобы заниматься уличными и другими политическими демонстраціями, и они выйдутъ изъ гимназій съ такимъ образованіемъ, о которомъ и не мечтали ихъ дѣды, и которое удовлетворитъ самому заносчивому *гонору* родителей. Да и что за логика у шляхты, если даже разсматривать ея фразы объ образованіи, о гимназіяхъ и другихъ сторонахъ нашей жизни, независимо отъ степени ихъ правдивости? Ея вельможности угодно, чтобы, для устраненія разныхъ недостатковъ нашей жизни, мы позаботились не о самостоятельныхъ, всевозможныхъ улучшеніяхъ, а ни больше, ни меньше, какъ о принесеніи 8 или 10 милліоновъ нашего народонаселенія въ жертву Польшѣ и зашлой къ намъ латинопольской шляхтѣ! Не распространяемся о несмысленности этой затѣи подольской шляхты; мы желали бы только знать, доростетъ ли она когда нибудь до того, чтобы по крайней мѣрѣ понять эту безсмысленность?

Нѣкоторыя матеріальныя неудобства, поставляемыя слишкомъ казисто на видъ въ адрессѣ подольскаго панства, существуютъ отчасти. Но гдѣ-жъ ихъ нѣтъ? Гдѣ вы найдете общество, въ которомъ бы правительство лопатами сыпало золото въ мѣшки людей, не желающихъ двинуть и однимъ пальцемъ для поднятія своихъ матеріальныхъ интересовъ? А такіе люди по преимуществу польскіе паны. Привыкнувъ жить на счетъ другихъ, «класть» какъ выразился одинъ изъ нашихъ поэтовъ, «мужика подъ прессъ вмѣстѣ съ свекловицей», кутя на счетъ сока и крови, выжатой изъ русскаго холопа—и дома и заграницей, и вдругъ, очутившись безъ холоповъ, панъ словно остался на воздухѣ, не можетъ придти въ себя отъ ужаса и отчаянія, вопитъ на весь міръ о своемъ злополучіи, мещетъ громы на похитившихъ у него холопа, считаетъ себя разореннымъ, нищимъ. Онъ и точно не богатъ, его «промышленность, точно, лишена капиталовъ»; потому что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлѣ промышленности

и постоянно позволяетъ надувать себя разнымъ аферистамъ и шарлатанамъ. Сколько на нашихъ глазахъ улетѣло изъ польскихъ шкатулокъ (мы знаемъ всѣхъ этихъ пановъ) мильоновъ и умѣстилось въ конторахъ и сундукахъ израильскихъ отъ того только, что панъ пустился въ подряды, поставки, торговлю и разныя спекуляціи, не понимая азбуки ни одной изъ этихъ спекуляцій! Сколько, въ ущербъ земледѣлію и нравственности народа, улетѣло панскихъ капиталовъ въ трубы сахарныхъ заводовъ, сколько уплыло за границу вмѣстѣ съ директорами и машинистами разныхъ заводовъ, сколько отправилось за разными машинами и аппаратами! А сколько стоитъ панамъ мечта воскресенія Польши или проще возстановленія надъ нами польскаго ига [32])? Нужно же было покупать и малыхъ и большихъ разбойниковъ, поднявшихъ свое оружіе на Россію,—и мелкихъ и крупныхъ затѣйщиковъ, теряющихъ свою изобрѣтательность на погибель Россіи и «освобожденіе Польши.» И вотъ гдѣ одна изъ важнѣйшихъ причинъ ненормальности матеріальнаго положенія западно-русскаго края! Можетъ ли оно быть лучшимъ, если зашлые къ намъ *чужеземцы,* не имѣвшіе права даже селиться въ нашемъ краѣ, ворвавшись въ него, стали употреблять капиталы, добываемые трудами русскаго народа противъ него же, для нанесенія ему всевозможныхъ пораженій, и до сихъ поръ немогутъ понять своей преступности предъ нимъ? При всемъ томъ панскіе капиталы не въ такомъ ужъ истощеніи, чтобы можно панамъ пѣть лазаря предъ Европой. Если панъ получаетъ теперь дохода съ имѣнія 10,000 вмѣсто 15, онъ считаетъ себя погибшимъ. Что-же должны сказать о себѣ мильоны нашихъ бѣдныхъ русскихъ людей, неполучающихъ и сотни рублей? «Да вѣдь то чернь, чернорабочіе, а мы вѣдь паны, мы кревъ шляхетска»! Однажды навсегда забудьте, гг. паны, это дѣленіе людей на пановъ и плебеевъ, иначе вы можете стать въ обратное положеніе къ плебеямъ. Теперь вы должны отвыкнуть и отъ панской спѣси, и отъ панской лѣни, должны самоусовершаться, пріобрѣтать необходимыя въ вашемъ быту и положеніи спеціальныя свѣдѣнія, должны работать сами на себя, когда не работаютъ на васъ другіе, а главное, должны помнить разъ навсегда, что здѣсь не Польша, а Россія.

На счетъ платы большихъ процентовъ, скажемъ: «вольному

---

[32]) Быть можетъ въ адрессѣ и подписались только такія личности, которымъ терять было нечего, а люди съ состояніемъ не захотѣли мѣнять его на утопію своихъ собратій и подвергать случайностямъ шляхетскаго самоправства.

воля;» на счетъ недостатка желѣзныхъ дорогъ, скажемъ: погодите! Россія не германское княжество, которыхъ переѣдешь въ одинъ день цѣлую дюжину. У насъ всякій годъ желѣзная дорога пускаетъ вѣтвь то направо, то налѣво, и если-бы мы съ вами, для которыхъ она такъ необходима, помогли нашими средствами правительству, наши деньги не уплывали бы заграницу и вы давнымъ-давно, уже летали бы въ Москву, въ Петербургъ, въ Одессу. Но и въ этомъ случаѣ происходитъ застой. Отъ чего-же? Опять отъ той-же главной причины,— что вы, зашлые люди, желали бы строить желѣзныя дороги не тамъ, гдѣ онѣ нужны для нашего старорусскаго края, но гдѣ по вашимъ враждебнымъ разсчетамъ онѣ могли бы способствовать давнимъ затѣямъ шляхты о порабощеніи насъ Польшѣ. Вамъ хотѣлось бы летать на паровозахъ въ ненужную намъ Варшаву для разныхъ совѣщаній, для стрѣлянья въ своихъ благодѣтелей и увлеченія толпы поющихъ, маскирующихся, вообще забавляющихся патріотизмомъ**).

Сѣтованія подольской шляхты, по поводу другихъ недостатковъ капитало-оборотной системы русской, не совсѣмъ логичны и законны. Мы не такъ далеки въ политической экономіи, чтобы могли заявить окончательный приговоръ тѣмъ ея фразамъ, которыя на удачу выдернуты подольскою шляхтой изъ этой науки. Но, предоставляя сужденіе объ этомъ предметѣ спеціалистамъ, мы все-таки не можемъ не сказать, что если какая-нибудь финансовая мѣра признана правительствомъ неудобною къ примѣненію, то знакъ, что она отжила свой вѣкъ, или не дожила до него*), вообще, что она не своевременна. Мы знаемъ, что идея поземельныхъ банковъ уже вполнѣ созрѣла въ умѣ правительства, что оно не прочь и отъ выкупа у землевладѣльцовъ крестьянскихъ участковъ земли и проч. Но что будете дѣлать, когда ренегатная и зашлая къ намъ шляхта и *банками* захотѣла бы закабалить насъ Польшѣ? Да притомъ же для головы подольскихъ полономановъ слишкомъ утомительно обдумываніе разныхъ мѣръ къ медленному и систематическому составленію капиталовъ. Пану нуженъ кушъ покруглѣе, да вдругъ,

**) Въ настоящее время желѣзная дорога между Москвою и Кіевомъ составляетъ уже настоятельную потребность.

*) Ссуды изъ кредитныхъ постановленій прекратились въслѣдствіе свободы крестьянъ, а ипотечная система не введена, по непримѣнимости ея къ настоящему складу нашей гражданственности.

безъ всякаго личнаго труда моральнаго и физическаго: То-ли дѣло бывало, какъ хватишь въ какомъ-нибудь «государственномъ кредитномъ установленіи» разомъ тысячь полтораста, подъ залогъ *человѣческихъ душъ,* такъ смѣло можешь сказать душѣ своей: *пьшь, пей, веселись!* А теперь, увы!, нужно натуживать вельможную голову надъ рѣшеніемъ вопроса: какъ жить на свѣтѣ? То-то, гг. паны, вы слишкомъ привыкли жить на чужой счетъ, всего ожидать отъ правительства, все выжимать изъ нашего народа, оставаясь его заклятыми врагами и не давая ему почти ничего; такъ вотъ теперь и пожинайте плоды своей лѣни и преступнаго отношенія къ русскому народу.

Далѣе, выраженія подольской шляхты такъ дерзки, что онѣ показались бы заносчивыми даже въ устахъ побѣдителя, не только подданнаго. Шляхта говоритъ: «узаконенія противны обычаямъ, преданіямъ и прогрессу общественныхъ понятій.» Лживо, нагло и лукаво выражаетесь, гг. шляхта! Узаконенія противны обычаямъ? Чьимъ, какимъ? Не вашимъ-ли? Тѣмъ лучше. Вы живете среди насъ, вы подданные Россіи,—ну и должны подчиняться нашимъ обычаямъ, а не мы вашимъ. Узаконенія противны преданіямъ? Чьимъ? Вашимъ? Преданіямъ о невѣроятныхъ самоуправствахъ пана, о порабощеніи русскаго человѣка, который не просилъ васъ къ себѣ, объ отнятіи у него земли[34]), о низведеніи его въ состояніе холопства, о продажѣ *реликвій* православія жиду? Слава Богу, что законы наши противны этимъ панскимъ обычаямъ и преданіямъ. «Законы противны прогрессу общественныхъ понятій»? Какихъ? Какому прогрессу? Выразитесь яснѣе! А то вѣдь никакъ не разберешь, чей это прогрессъ, кто сдѣлалъ его для насъ обязательнымъ, какія это понятія, съ которыми чей-то прогрессъ не можетъ ужиться? Пока вы не рѣшите этихъ вопросовъ, мы никакъ не догадаемся, чего вамъ хочется. Кто чего не пихалъ въ идею прогресса, толкуемую всякимъ по своему! Вѣдь во имя прогресса подольской шляхтѣ хотѣлось бы возврата польскихъ обычаевъ и преданій, компактно, но полно обрисовавшихся въ послѣднихъ затѣяхъ и демонстраціяхъ польскихъ; но да будетъ же вамъ извѣстно, что, уважая прогрессъ, мы дадимъ отпоръ вашей заносчивости и не позволимъ вамъ подъ фирмою прогресса мѣшать нашему народному развитію. Вы—чуждые намъ люди, и до тѣхъ поръ не имѣете права мѣшаться въ дѣло нашего прогресса, пока будете продолжать давнія затѣи Рѣчи-посполитой и іезуитовъ.

---

[34]) Припомнимъ, какъ Чаплицкій отнималъ землю у Хмѣльницкаго.

«Исполненіе права, продолжаетъ подольская шляхта, обезсилено чуждою странѣ бюрократіей, администрація сосредоточена внѣ мѣстныхъ потребностей и интересовъ, наконецъ, край безъ органовъ, избранныхъ изъ среды своей, для руководства общественными трудами.» Вотъ оно что! Это ужъ то, что по-русски называется: «не въ бровь, а въ глазъ!» Теперь позвольте, гг. подольскіе паны, немножко допросить васъ: по отношенію къ какой это странѣ вы называете бюрократію чуждою? Что это за страна? Горсть-ли шляхты польской, ворвавшейся къ намъ и до сихъ поръ торчащей между нами, или народъ искони русскій православный? Если вы подъ именемъ страны разумѣете себя, то весьма не логично называете часть, или точнѣй—наносные атомы именемъ цѣлаго. Если—народъ русскій, православный, населяющій эту страну,—то бюрократія туземная не чужда ему, а напротивъ приходится ему въ самомъ близкомъ родствѣ—духовномъ и тѣлесномъ. И надобно замѣтить, что она, конечно при лучшемъ образованіи и лучшемъ пониманіи своихъ обязанностей, еще необходима для нашего югозапада, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока мы не возстановимъ вполнѣ въ народѣ его историческаго самосознанія, независимо отъ безпрерывныхъ попытокъ вашихъ къ внутреннему искаженію его. Какъ это бюрократія обезсиливаетъ исполненіе права? Не обезсиливаетъ-ли она скорѣе, хоть это вамъ и не нравится, самоправство? А еслибъ немножко, коегдѣ, кое-когда было и такъ, то кто же безъ грѣха,—кто одаренъ всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ, святостію и безтѣлесіемъ? Развѣ польская бюрократія слишкомъ когда-то церемонилась съ правами даже божескими, не только человѣческими? Не полякамъ бы говорить о ненарушимости правъ, не намъ бы слушать. И теперь они злятся на право потому только, что оно перечитъ самоправству и, подъ предлогомъ усиленія перваго, хлопочутъ о возвратѣ послѣдняго. «Администрація сосредоточена внѣ мѣстныхъ потребностей и интересовъ,»—сказано немножко туманно. Если это намекъ на то, что административныя мѣста и лица сгруппированы въ губернскихъ городахъ, что власть ихъ не вполнѣ дѣйствительна и мало не вліяетъ на улучшеніе судьбы края; то это намекъ и недобросовѣстный и голословный. Какъ же иначе и лучше группировать администрацію, если не такъ, чтобы къ болѣе сильной и полномочной сходились слабѣйшія и зависимѣйшія, какъ радіусы къ центру? А, понимаемъ! Панамъ хочется повѣтовыхъ (уѣздныхъ) сеймиковъ, на которыхъ можно

было бы развѣять, по личному вкусу, разными *фацеціями* (продѣлками) апатію домашней жизни,—можно было бы и покутить съ пріятелями, и узаконить какое нибудь самоуправство, и навербовать шайку побольше, для пересиленія заносчиваго сосѣда и купить десятокъ—другой голосовъ для сейма генеральнаго и разграбить церковь, и придумать средства къ погашенію народно-русской жизни и православія. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не пожалѣть объ утратѣ этихъ наслажденій и не пожелать ихъ возврата! «Наконецъ, край, говорятъ подольскіе паны, безъ органовъ, избраныхъ изъ среды себя для руководства общественными его трудами». А что же вы дѣлаете на выборахъ, если не выбираете дѣятелей общественныхъ? Да, мы и забыли, что на выборахъ вамъ не до выбора чиновниковъ края,—вамъ, вѣдь, нужно писать (и съ позволенія вашего, довольно неграмотно) адрессы, толковать о воскресеніи Рѣчи Посполитой,—куда тутъ до такой мелочи, какъ выборы, когда панове заняты такими широкими затѣями, какъ отобраніе у Россіи областей русскихъ, какъ воспроизведеніе продѣлокъ люблинской уніи, и при томъ безъ Сигизмунда-Августа!.... Послѣ того, вы сами видите что вы не можете, вы не должны бы даже думать—быть нашими органами, нашими представителями, какъ постоянные враги наши, а между тѣмъ, протрите только глаза, вглядитесь только въ корпораціи разныхъ административныхъ мѣстъ, и вы увидите въ средѣ ихъ и лицъ изъ вашего сословія, вами же избранныхъ; чегожъ вы хотите отъ насъ, если они не удовлетворяютъ вашимъ желаніямъ, или, по привычкѣ вашей—считать себя синонимомъ края—желаніямъ края? Вѣдь у васъ рѣшительно своя управа, свои—разные предводители; администрація русская только контролируетъ и гарантируетъ ихъ дѣйствія и не позволяетъ имъ переступать черту ихъ назначенія и уполномоченія,—чего же вамъ хочется? Понимаемъ! Вамъ хочется «руководствовать» общественными трудами чужаго края, или яснѣе—вамъ хочется конституціи 3 мая, со всѣми ея уродливыми формами, шляхетскими привиллегіями и несовременными узаконеніями. Много бы могли мы сказать вамъ на эту тему, да увольняемъ и себя и васъ отъ многоглаголанія о польскомъ управленіи краемъ русскимъ, о вашихъ, конституціяхъ вообще и 3 мая въ особенности, [35]) какъ о явленіяхъ оцѣненныхъ уже всѣми

[35]) Въ V. книжкѣ, мы помѣстимъ безпристрастное мнѣніе о сей пресловутой конституціи одного польскаго публициста, высказанное въ Парижѣ на митингѣ поляковъ-эмигрантовъ, въ годовщину ея.

по достоинству ихъ, а отвѣтимъ на ваши конституціонныя замѣтки русскою пословицей: «съ своимъ уставомъ не ходи въ чужой монастырь»!

Всѣ эти положенія, въ которыхъ перемѣшанъ обманъ съ невѣжествомъ, лукавство съ дерзостью, подольская шляхта сводитъ къ тому фокусу, чтобы «западный край Россіи былъ отмежеванъ къ Польшѣ, съ которой онъ будтобы» имѣетъ одинаковыя потребности, однѣ преданія, тождественныя понятія о гражданской и религіозной свободѣ и общія пути развитія въ будущемъ». Мы уже покончили расчетъ съ этими пустыми и лживыми, хоть и казистыми фразами; теперь мы только изумляемся легкомыслію людей, думающихъ, что стоитъ только немножко понатужить совѣсть, исказить исторію, преувеличить чье либо счастіе либо несчастіе, оклеветать невинныхъ, чтобы —ни больше ни меньше—оттягать для Польши цѣлый «западный край» Россіи. Странные вы, право, люди, гг. полономаны! Когда вы затѣвали свою противоестественную комбинацію, спросилиль вы, не говоримъ у 8 миліоновъ чуждаго вамъ, ненавидящаго васъ, народа, согласіе на отреченіе ихъ отъ своихъ собратій,— посовѣтовались ли вы хоть съ здравымъ смысломъ на счетъ логичности вашего мышленія? Въ горячкѣ чуждыхъ намъ патріотическихъ увлеченій, замѣтилиль вы безпримѣрность историческую вашего поступка и болѣе нежели нелѣпость вашихъ притязаній, болѣе нежели дерзость вашихъ требованій и тона, которымъ онѣ прозвучали? Навязываясь съ родствомъ своимъ западному краю Россіи, обобщая съ нимъ свои преданія, все свое былое, отъ чего вы не прозносите именъ ни Хмельницкихъ, ни Наливаекъ, ни Павлюковъ, ни Желѣзняковъ, ни Гонтъ, ни имъ подобныхъ, а все поминаете какія-то другія, дикія для русскаго уха и ненавистныя для его сердца имена и прозвища? Отъ чего, домагаясь вторично захвата областей русскихъ, когда-то стонавшихъ подъ гнетомъ Польши, вы оставляете въ покоѣ другія націи, способствовавшія анатоміи трупа Польши, на равнѣ съ Россіею? Галиція (по вашимъ понятіямъ о собственности Польши)—больше и древнѣе ваша, нежели тотъ «западный край Россіи», который такъ хочется вамъ оттянуть къ Польшѣ, а отъ чегожъ вы не суетесь съ своимъ адрессомъ къ австрійскому императору? Герцогство познанское—ужъ просто ваше, почемужъ вы не смѣете и пикнуть въ пользу отдѣленія его отъ Пруссіи и комбинаціи съ царствомъ польскимъ? Много могли бы мы набросать подобныхъ вопросовъ, невольно вызываемыхъ жалкимъ адрессомъ подольской шляхты; но отвѣты на нихъ

слишкомъ затруднилибъ и сознаніе болѣе развитое, умъ болѣе спокойный, совѣсть болѣе честную, чѣмъ тѣ, какія заявили польскіе помѣщики, въ моментъ составленія своего адресса. Поэтому, мы только скажемъ имъ (и всѣмъ похожимъ на нихъ): оставьте однажды навсегда утопію уніи рускихъ областей съ Польшею, или что тоже—огня съ водою! Не мучьте себя жаждою чужой собственности, не безпокойте другихъ своими химерическими, слишкомъ дерзкими притязаніями. Не обѣщайте той свободы гражданской и религіозной, которая всегда была синонимомъ своеволія шляхты, неоставлявшей никому другихъ правъ, кромѣ безконтрольнаго и беззащитнаго рабства! Не сулите той религіозной свободы, которую польскій іезуитизмъ считалъ главною обязанностью подавлять во всякомъ инославномъ исповѣданіи! Не злоупотребляйте словомъ *свобода*, когда исторія вашей Польши переполнена фанатическими и безпримѣрными фактами самаго дикаго изувѣрства и всевозможныхъ насилій. Гражданская свобода Польши—синонимъ самоуправства шляхты, религіозная—синонимъ неистовыхъ, варварскихъ гоненій за вѣру. Если не хотите слиться съ нами душой, чтобы дружно идти къ великой будущности славянскаго народа, то хоть не отвлекайте насъ отъ дѣла: отъ устройства общаго нашего счастія, вашими демонстранціями, лишенными, среди насъ, на старорусской землѣ, всякаго смысла. Если не хотите быть нашими явными врагами, то хоть сидите мирно, живите себѣ особнякомъ, какъ живутъ у насъ различные чужестранцы и гости, какими и васъ всегда считала наша старая Русь и не мѣшайтесь въ дѣла, которыхъ вамъ никто не навязываетъ. Что касается блага вашего польскаго народа, мы не завидуемъ его благополучію, и тѣмъ счастливѣе будетъ народъ нашъ, чѣмъ меньше будетъ соприкасаться съ язвою латинскаго фанатизма, изъѣдающею польскій народъ, съ эгоизмомъ польской шляхты, не умѣющей удержаться въ предѣлахъ дружелюбія съ сосѣдями, терпимости, благоразумія и великодушія. Если вамъ такъ нравится ваша Польша, то мы васъ нисколько у себя не удерживаемъ: «насильно милымъ не будешь никому.» Не думаемъ даже, чтобы вы до того приросли къ землѣ нашей, какимъ-то образомъ, когда-то сдѣлавшейся вашею, чтобы вы не могли отъ нея оторваться, хоть-бы путемъ ея продажи. На покупку такой земли, какъ ваша, найдется охотниковъ не мало, и прежде другихъ, хоть-бы русское правительство[56]). Само собою разумѣется, что

[56]) Пріобрѣтеніемъ вашихъ земель правительство наше оказало

эта мѣра избавиться отъ Россіи рекомендуется тѣмъ немногимъ патріотамъ, которымъ и дымъ отчизны сладокъ; другіе, вѣрно, уживутся, какъ и уживались, съ русскими, не рискуя вѣрнымъ настоящимъ и не ставя на карту всего, для сомнительнаго выигрыша безнадежнаго будущаго Польши, въ самостоятельномъ ея видѣ [37]). Словомъ, мы всѣ русскіе, судьбой и именемъ которыхъ вы такъ безцеремонно распоряжались въ своемъ адрессѣ, однажды навсегда протестуемъ противъ всякой комбинаціи съ Польщей, и всякому ея насильственному, административному къ намъ прикосновенію, противопоставимъ слитную, неодолимую силу самаго дѣла.

На основаніи предъидущаго само собою рѣшается и еще пунктъ адресса, котораго мы также не хотимъ оставить безъ вниманія: это увѣренія со стороны подольскихъ полономоновъ, будто разобщеніе западнаго края Россіи отъ Польши причиною внутреннихъ раздоровъ въ нашемъ краѣ и будто для водворенія въ немъ спокойствія — единственное средство — соединеніе его съ Польщею. Подвергать критическому разбору эту фразу мы считаемъ излишнимъ, потому что—кто же не знаетъ что причиною безпрерывныхъ смутъ и кровавыхъ симптомовъ борьбы было именно вторженіе въ нашъ край поляковъ и ксендзовъ, и что варварства съ одной стороны и отчаянныя усилія самозащищенія съ другой прекратились только современи возраженія нашего края въ составъ Россіи; только шляхта, созидая свою фантастическую исторію и закрывая глаза отъ дѣйствительности, можетъ нести подобный взоръ. Кто не знаетъ, что и въ настоящее время спокойствіе нашего края нарушается шляхетскими агитаціями, неосновательными притязаніями и постоянными мятежными взрывами польскаго патріотизма противъ законной власти русскаго правительства, вызывавшими со стороны сего послѣдняго репрессивныя мѣры, тягостныя не только для виновниковъ мятежей, но и для насъ русскихъ, живущихъ вмѣстѣ съ такими безпокойными сосѣдями.

Объединимъ же наконецъ нѣсколько положенія нашего протеста, противу притязаній подольской шляхты.

бы нашему краю основное и величайшее благодѣяніе и избавило бы насъ навсегда отъ непріятнаго для обоихъ насъ сосѣдства.

[37]) Доказательствомъ этому служитъ значительное большинство помѣщиковъ той-же губерніи, не согласившихся подписать странного адресса подольской шляхты. Сколько же и во всемъ западномъ краѣ наберется подобныхъ благонамѣренныхъ и разсудительныхъ людей!

1. Увѣреніе Монарха горстью шляхты, въ томъ, что ея адрессъ есть выраженіе: «всеобъемлющаго желанія края» и что они законные представители всего народа, — дерзкая ложь и наглое надувательство.

2. Родство съ Польшею, по шляхетскому о немъ понятію, западнаго края Россіи «съ незапамятныхъ временъ» — клевета на этотъ край, имѣвшая въ виду ввести въ обманъ незнающихъ ея исторіи.

3. Добровольность люблинской уніи — ложь, имѣвшая въ виду ту-же самую цѣль.

4. Обѣщаніе польскими панами улучшенія быта крестьянъ, скорое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, громкія фразы о свободѣ, равноправности — обманъ, которому не вѣрятъ даже сами обманывающіе.

5. Несчастіе «западнаго края» Россіи, понимаемаго въ смыслѣ польской шляхты — преувеличеніе; въ смыслѣ народонаселенія края русско-православнаго — ложь.

6. Нареканіе на правительство русское за растрату панами своихъ капиталовъ и не умѣнье развить промышленность — не основательная придирка и сваливанье вины своей на другаго.

7. Клевета на бюрократію русскую и отчужденіе ея отъ родства съ русскимъ населеніемъ края, укоръ администраціи, желаніе польскихъ представителей, которые заправляли-бъ «общественными трудами» края русскаго — наглость и дерзость, на которую способны только умоизступленные польскіе патріоты.

8. Въ заключеніи адресса наглость сложена съ дерзостью, помножена на ложь и помраченіе здраваго смысла и дала въ произведеніи — утопію.

IV.

—

О ПЛЕМЕННОМЪ СОСТАВѢ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ

ЗАПАДНАГО КРАЯ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Западный край Россіи составляютъ губерніи: витебская, могилевская, минская, виленская, гродненская, ковенская, кіевская, волынская и подольская. На пространствѣ занимаемомъ этими губерніями издревле жило только два племени: *славянское* и *литовское*. Къ славянскому племени принадлежали: славянскіе роды, извѣстные впослѣдствіи подъ общимъ именемъ Руси и позднѣе другихъ поселившіеся здѣсь ляхи или поляки. Къ литовскому племени принадлежали: древніе Пруссы, Голяды, Ятвяги, Судены, Корсь, Литва, Жмудь или Самогитяне * и Латыши.

По сказанію Нестора славяне, потѣсненные на Дунаѣ, двинулись на сѣверовостокъ и сѣли одни по Днѣпру на равнинахъ, отчего и назвались *Полянами;* другіе поселились въ мѣстахъ лѣсистыхъ и назвались *Древлянами* **. Прочіе славянскіе роды начали подвигаться на сѣверъ по правому берегу

---

* Отъ литовскаго слова Żemajtej—что значитъ *нижній* т. е. живущій близъ моря. На мѣстѣ жительства они называются *Жемаитами* или *Шемаитами.*

** Потомки этихъ славянъ до сихъ поръ еще существуютъ въ волынской губерніи подъ именемъ *Полѣшуковъ, Полѣшанъ* или *Полѣсьянъ.*

Днѣпра. Поселившіеся между Припетью и Двиною назвались *Дреговичами**. Далѣе по Двинѣ утвердились *Полочане***; отъ Полочанъ отдѣлившіеся роды разселились по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра и назвались *Кривичами****; отъ Кривичей выдѣлились и пошли на югъ по Днѣпру и его притокамъ *Сѣверяне*. Далѣе другихъ на сѣверъ углубились *новгородскіе славяне*, сохранившіе племенное названіе, а самые южные роды, жившіе по Днѣстру до самаго моря, назывались *Тиверцы***** и *Угличи******. По теченію Буга жили славяне называвшіеся *Бужанами*, которые послѣ именовались Волынцами, Волынянами и Велынянами. Несторъ говоритъ: «*се бо токмо словенскій языкъ въ Руси: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверане, Бужане, послѣ же Волыняне*» (т. е. Бужане послѣ назывались Волытянами). Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: «*Дулѣби живаху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне.*» Слѣдовательно Дулѣбы жили издавна по Бугу, слились съ вновьпришедшими Бужанами и назвались общимъ именемъ *Волынянъ*. Самое названіе Волынянъ произошло отъ города Волыни (нынѣ не существующаго) находившагося, по свидѣтельству Длугоша, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь въ люблинскомъ воеводствѣ селеніе Грудекъ, на лѣвомъ берегу Буга. *Хорваты* жили въ нынѣшней Галиціи и получили прозваніе отъ горъ карпатскихъ.

Литовское племя съ незапамятныхъ временъ поселилось въ этомъ краѣ, именно въ нынѣшней виленской губерніи (въ

---

* Названіе получили, вѣроятно, отъ мѣстности, потому что Несторъ говоритъ: «*разидошася* (т. е. славяне) *по землѣ и прозвашася* «*имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.*» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей). Мѣсто занятое Дреговичами топкое, болотистое, а топь, трясина въ западной Россіи называется *дрегва, дрягва*.

** Отъ имени рѣки Полоты, впадающей въ западную Двину.

*** Названіе происходитъ, вѣроятно, отъ литовскаго слова *kirba* что значитъ *топь*. См. Записки Микуцкаго въ извѣстіяхъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

**** Тиверцы по мнѣнію Карамзина и Шафарика жили около нынѣшняго мѣстечки Тывровъ, въ винницкомъ уѣздѣ, подольской губерніи, на Бугѣ.

***** Въ старину изгибы рѣкъ, морскихъ береговъ, заливы и лиманы назывались *луками* или *углами*, *лукоморьемъ* и до сихъ поръ еще въ Малороссіи *лукою* называется поемный лугъ. Названіе луки, для означенія изгиба рѣки, сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напрм: самарская лука. Слѣдовательно можно съ достовѣрностію предположить, что Угличи жили у моря.

уѣздахъ трокскомъ, вилькомирскомъ и свенцянскомъ) и частію въ ковенской губерніи. Природа этой страны отдѣлила ихъ отъ сосѣдей и дала имъ совершенно особенный характеръ. Изъ литовскаго племени очень рано вошли въ составъ русскихъ владѣній и смѣшались со славянами *Голяди* или *Голядь** жившіе по рѣкамъ: Противѣ и Угрѣ. Въ этомъ же краѣ жили *Ятвяги***. Они рѣзко отличаются отъ бѣлоруссовъ и литовцевъ грубыми нравами и свирѣпой наружностію, такъ что у Бѣлоруссовъ существуетъ поговорка: *выгляда якъ ядвинга* т. е. смотритъ разбойникомъ. Они жили въ западной части Подлѣсья. Таковъ былъ этнографическій составъ этого края при образованіи русскаго государства.

Ранѣе другихъ устроились славяне новгородскіе и начали покорять своей власти прочіе роды славянскіе. Такъ великій князь Олегъ подчинилъ Полянъ, въ области которыхъ находился Кіевъ, утвердился въ этомъ городѣ и сдѣлалъ его столицею русскаго государства. Древляне платили дань Игорю. Владиміръ св. покорилъ область полоцкую и отдалъ ее сыну своему Изяславу — такъ возникло княжество *полоцкое*. Оно заключало въ себѣ города: Полоцкъ, Минскъ, Друцкъ, Логожскъ, Лукомль и другіе; изъ этого княжества выдѣлилось княжество *минское*. Немного позднѣе въ этомъ же краѣ возникло княжество *галицкое*, (заключавшее въ себѣ землю Бужанъ). Оно соединило въ одно цѣлое весь югозападъ земли русской; но въ концѣ XII вѣка перешло въ родъ князей волынскихъ. При образованіи русскихъ княжествъ славяне пришли въ соприкосновеніе съ дикою Литвою, которая дѣлала набѣги на русскія области, поэтому еще при Ярославѣ I упоминается о походѣ на Ятвяговъ и Литву. Сначала эти племена страшились славянъ, при появленіи ихъ скрывались въ лѣса, или платили дань. Когда утвердилось въ этомъ краѣ княжество волынское, литовцы прекратили свои набѣги, потому что Романъ Мстиславичъ князь галицкій навелъ на нихъ такой страхъ, что имя его нѣсколько вѣковъ было памятно въ Литвѣ. Онъ впрягалъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли. Память объ этомъ сохранилась въ пословицѣ: «Романе! худымъ живеши, Литвою ореши.» Оже-

---

* Вѣроятно потомки Голяди существуютъ еще и теперь въ волынской губерніи въ маломъ числѣ, подъ именемъ Голендры.

** Татищевъ (т. II, примѣч. 167) и Шафарикъ полагаютъ, что Ятвяги происходятъ отъ Язиговъ сарматскихъ. Говорятъ они бѣлорусскимъ нарѣчіемъ съ литовскимъ произношеніемъ.

сточенная Литва отметила своимъ притѣснителямъ и когда въ XIII вѣкѣ восточная Русь подпала власти монголовъ, литовцы, пользуясь ея слабостію начали нападать ожесточеннѣе на русскія области. Они овладѣли княжествами полоцкимъ, минскимъ и витебскимъ *, а впослѣдствіи и самая Волынь, въ составъ которой входила и Подолія; по пресѣченіи рода Даніила Романовича, досталась въ руки князей литовскихъ**. Русскіе угнетаемые Монголами ослабѣвали, а Литва руководимая дальновидными и воинственными князьями, усиливалась на счетъ своихъ сосѣдей. Гедиминъ князь литовскій частію оружіемъ, а частію дружескими и родственными связями подчинилъ себѣ княжества: полоцкое, минское, туровское, владимірское, луцкое, кіевское и черниговское, соединилъ ихъ съ Литвою и образовалъ могущественное государство литовско-русское, грозное для самыхъ татаръ. Гедиминъ видѣлъ, что большую массу его подданныхъ составляли русскіе и гордился именемъ русскаго князя; русскій языкъ сдѣлался придворнымъ и дипломатическимъ языкомъ. Такъ образовалось на Руси два сильныхъ государства: Русь западная и Русь восточная, непріязненныя одно другому въ слѣдствіе политическихъ расчетовъ стоявшихъ во главѣ ихъ управленія, но тѣсно связанные узами вѣры, родства и языка. Многіе князья литовскіе женились на русскихъ княжнахъ: такъ Ольгердъ женатъ былъ на княжнѣ тверской Уліаніи; Любартъ на княжнѣ волынской; княжны литовскія выходили замужъ за русскихъ князей: дочь Витольда Софія была замужемъ за Василіемъ I, сыномъ Донскаго. Вѣра господствующаго населенія была православная. Князья литовскіе, женатые на русскихъ княжнахъ, крестились по греческому закону, рожденные русскими княгинями покровительствовали православію. Вмѣстѣ съ княгинями русскими пріѣзжали и русскіе священники, которые проповѣдывали слово Божіе язычникамъ, но масса народа литовскаго еще коснѣла въ язычествѣ. Князья видѣли, что большинство ихъ подданныхъ составляютъ русскіе, сдѣлали языкъ русскій господствующимъ въ своемъ княжествѣ. Многіе подданные князя московскаго добровольно переходили подъ власть князей литов-

---

* Витебскъ послѣдній изъ русскихъ княжествъ потерялъ свою независимость, онъ достался Ольгерду въ приданое супругѣ его Маріи кн. витебской.

** Любартъ сынъ Гедимина былъ женатъ на сестрѣ Юрія праправнука Даніила Галицкаго, поэтому по смерти Юрія Волынь перешла во владѣніе Любарта и была въ зависимости отъ Литвы до 1569 года,

скихъ, которые могли защитить ихъ отъ притѣсненій монголовъ. Переходили они къ литовскому князю, конечно потому, что считали его единовѣрнымъ и единоплеменнымъ. Русскіе, вошедшіе въ составъ литовско-русскаго княжества, превосходя коренныхъ обитателей числомъ и понятіями, неминуемо должны были имѣть вліяніе на ихъ нравы и обычаи. Такъ до второй половины XIV вѣка черты русской народности постепенно отражались и на Литвѣ, но съ 1386 года судьба западной Руси совершенно измѣнилась. Ягелло князь литовскій вступилъ въ этомъ году на польскій престолъ и далъ обѣщаніе соединить Литву съ Польшею, самъ принялъ католическое исповѣданіе и старался ввести латинскую вѣру и въ литовскомъ княжествѣ. Жмудь бывшая въ язычествѣ крестилась по католическому закону. Другіе же подданные литовскаго княжества, крещенные по греческому закону, противились принять латинскую вѣру и съ этихъ поръ началось преслѣдованіе тѣхъ, кто не хотѣлъ измѣнить вѣрѣ отцевъ. По соединеніи Литвы съ Польшею начали селиться въ литовскомъ княжествѣ и поляки съ цѣлію утвердить въ этомъ княжествѣ вѣру по закону римскому, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны народа. Что элементъ польскій не могъ проникнуть въ бытъ литовскаго народа, это ясно видно изъ многихъ постановленій и указовъ польскихъ королей, гдѣ туземцы отличаются отъ пришлыхъ поляковъ*. Гоненіе за вѣру усилилось съ 1570 года, когда прибыли сюда іезуиты. Начавъ съ преслѣдованія протестантовъ, они обратили свои дѣйствія и на православныхъ. — Успѣвъ лестію и обманомъ присоединить къ римской церкви знатныхъ лицъ, они не могли подѣйствовать на массу народа, которая оставалась вѣрна православію. Іезуиты продолжали свои ухищренія, какъ вдругъ среди духовенства явились измѣнники православія: Терлецкій, Рагоза и Поцѣй, которые помогли имъ и при помощи польскаго короля Сигизмунда ввели въ литовское княжество унію. Преслѣдованія неуніатовъ сдѣлались еще ожесточеннѣе. Принявшихъ унію обращали постепенно въ латинскую вѣру, а православныхъ вмѣстѣ съ протестантами преслѣдовали подъ именемъ диссидентовъ. Преслѣдуя православіе съ цѣлію уничтожить всякую связь и воспоминаніе о родствѣ западной Руси съ восточною, польскіе короли не могли заглушить русскую

* Въ грамотѣ великаго князя Сигизмунда 23 сентября 1432 года сказано, что она дается *для виленскихъ мѣстичовъ* (горожанъ) *ляховъ и руси*.

рѣчь, которая слышалась въ устахъ массы населенія этого края. Польскіе короли посему повелѣвали всѣ указы и постановленія для литовскаго княжества, для вразумительности, переводить съ латинскаго языка на русскій. Такъ *судебникъ* короля Казиміра IV, составленный около 1480 года для великаго княжества литовскаго и самый *статутъ литовскій* 1588 года были писаны на русскомъ языкѣ. Языкъ русскій употреблялся постоянно въ дѣлопроизводствѣ до конца XVII вѣка *. Вѣковая борьба за религіозныя убѣжденія, къ которымъ примѣшивалась и цѣль политическая, не могла сгладить черты русской народности въ западномъ краѣ. Возникшія здѣсь княжества и слившіеся потомъ въ одно цѣлое съ литовскимъ княжествомъ русскіе были по своему началу, русскіе по составу, по массѣ народа, по вѣрѣ и языку. Вѣра господствующая въ этомъ краѣ была всегда православная. Въ самомъ городѣ Троки, древней столицѣ литовскихъ князей, находилось пять православныхъ церквей, которыя были обогащаемы вкладами великихъ князей литовскихъ: Витольда, и Александра, короля Сигизмунда и высшаго дворянства. По свидѣтельству ксендза Ловицкаго, писавшаго между 1649 и 1669 годами, церковь *пятницкая* въ г. Вильно построена была при Ольгердѣ около 1351 года и еще другая церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, также была построена при Ольгердѣ. (Въ ней похоронена Елена супруга Александра, князя литовскаго, дочь великаго князя Іоанна III). Преобладающее населеніе всегда и во всѣхъ частяхъ литовскаго княжества было русское, господствующій языкъ былъ русскій, который сохранился и до сихъ поръ въ этомъ краѣ въ нарѣчіяхъ бѣлорусскомъ и малороссійскомъ. Жители и называли себя не иначе какъ Русь, между ними господствовали русскій духъ и русскіе нравы. И такъ въ слѣдствіе историческихъ событій посѣлились въ этомъ краѣ: славянскіе роды древней Руси, составляя главную массу населенія подъ именемъ: *Бѣлоруссовъ*, *Малороссіянъ*, *Великороссіянъ*, *Бужанъ*, *Дулѣбовъ*, *Полянъ*, *Древлянъ*, *Кривичей*, *и Хорватовъ*. *Поляки* начали селиться здѣсь со второй половины XIV вѣка. Литовцы, какъ коренные жители этого края, разсѣлились по разнымъ губерніямъ подъ именемъ *Литовцевъ*, *Жмуди* и *Латышей*. Не принадлежащіе къ племенамъ: славянскому и литовскому находятся въ этомъ

---

* Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильно, Ковно, Трокъ, православныхъ церквей и по разнымъ предметамъ изд. 1843 въ г. Вильно.

краѣ: *Молдаване, Нѣмцы,* большею частію выходцы изъ Пруссіи; *Евреи* поселившіеся здѣсь съ XII столѣтія и со времени воспрещенія, въ 1845-мъ году, шинкарствовать по деревнямъ, стекаются въ города, занимаются торговлею и ремеслами. *Татары,* большею частію потомки плѣнныхъ, поселенныхъ здѣсь при Витольдѣ великомъ князѣ литовскомъ, который разгромилъ Крымъ и переселилъ въ Литву нѣсколько тысячъ татаръ.

Этотъ край россійской Имперіи въ теченіи четырехъ вѣковъ былъ театромъ постоянной и ожесточенной борьбы между туземцами и пришлыми поляками, которые захватили въ свои руки права и имущества. Русь западная изнемогала въ борьбѣ за свою народность, когда Русь восточная усилилась и возмужала подъ правленіемъ государей изъ дома Романовыхъ и преобразовалась въ могущественную Россійскую Имперію. Вмѣшательство постороннихъ державъ, въ томъ числѣ и Россіи, успокоило волненія этого края и по трактату 1772 года все пространство между Днѣпромъ, западною Двиною и Дручемъ, извѣстное нынѣ подъ именемъ Бѣлоруссіи, возвращено было Россіи, а трактатомъ 1793 года области: минская, волынская и подольская, какъ древнія русскіе области, вошли въ составъ Россійской Имперіи, а въ 1794 году присоединены были къ Россіи и области: литовская и гродненская. Кіевъ уже былъ во власти русскихъ государей со временъ царя Алексѣя Михайловича т. е. съ 1656 года по виленскому трактату. Императрица Екатерина II, возвративъ отечеству древнія его области, весь западный край, отторгнутый силою въ тяжкое для Россіи время, даровала защиту закона всѣмъ его обитателямъ безъ различія вѣроисповѣданія. Строго воспретивъ обращеніе въ унію новыхъ ея подданныхъ, дозволила уніатамъ безбоязненно возвращаться въ нѣдра православной церкви. — Многіе тогда же воспользовались этимъ дозволеніемъ въ особенности на Волыни и въ Подоліи, но еще около двухъ миліоновъ оставались въ уніи. Наконецъ 12-го февраля 1839 года подписанъ былъ въ Полоцкѣ соборный актъ о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью. Такимъ образомъ вѣковая борьба за области русскія, въ которыхъ исповѣдывали греко-россійскую вѣру и говорили рускимъ языкомъ, окончилась; русскіе возвратились подъ сѣнь древняго своего отечества, а возвращенныя области составляютъ теперь 9-ть губерній извѣстныхъ подъ именемъ западнаго края россійской Имперіи. Все его населеніе составляютъ 9,849,381 душъ *. Въ томъ числѣ: а) *жите-*

* Общее число этого края выведено изъ приходскихъ спис-

лей славянскаго племени: 6,949,533, изъ нихъ *славяно-руссовъ* 5,921,586, а *поляковъ* 1027,947. И такъ въ общей массѣ населенія находится $^2/_3$ славянъ; изъ нихъ $^8/_9$ славяно-руссовъ и $^1/_9$ поляковъ. Численностію евреи превосходятъ поляковъ; первыхъ 1,139,633, а послѣднихъ 1,027,947. Польское населеніе относится къ славяно-русскому какъ 1:6. *Жителей литовскаго племени:* 1,614,600 душъ, что составляетъ $^1/_6$ долю общаго числа жителей. в.) Жителей прочихъ племенъ христіанской вѣры какъ-то: ятвяговъ, молдаванъ, и нѣмцевъ: 138,792 и нехристіанъ: евреевъ и татаръ: 1,146,396.

Исповѣдующихъ православную вѣру почти $^2/_3$ общаго числа жителей — 6,167,166. Въ томъ числѣ *славяно-руссовъ* 5,827,896 и *поляковъ* 39,330—слѣдовательно $^5/_9$ приходится на славяно-руссовъ. Православныхъ *литовскаго племени:* 227,373. *ятвяговъ, молдаванъ,* и *нѣмцевъ:* 72,567.

Общее число католиковъ 2,471,708. Въ томъ числѣ *славянскаго племени:* 1,082,307; почти $^1/_{10}$ доля *славяно-руссовъ* (93,690) и $^1/_{10}$ *поляковъ* (988,617). *Литовскаго племени:* 1,387,287 и *нѣмцевъ:* 2,114. — Чило жителей католическаго исповѣданія относится къ православному какъ 2 : 5. (Смот. таблицу подъ лит. А).

Въ 5,921,586—славяно-руссовъ большую массу составляютъ *малороссіяне* (3,217,619); они обитаютъ въ наибольшемъ числѣ въ губерніяхъ: *кіевской, волынской,* и *подольской.* Второе мѣсто по численности занимаютъ *бѣлоруссы* (2,026,893) въ большей массѣ находятся въ губерніяхъ: *витебской:* (преимущественно въ уѣздахъ: лепельскомъ, полоцкомъ, себежскомъ, невельскомъ, велижскомъ и дризенскомъ); *могилевской* (въ уѣздахъ: оршанскомъ, рогачевскомъ гомельскомъ и чериковскомъ), *минской* (въ уѣздахъ: новогрудскомъ, пинскомъ, борисовскомъ и рѣчицкомъ) и *виленской* (въ уѣздахъ: вилейскомъ, и дисненскомъ); *великороссіянъ* (229,235) большее число находится въ

ковъ православныхъ и римско-католическихъ церквей, а число нѣмцевъ, евреевъ и татаръ, заимствовано изъ таблицъ по вѣроисповѣданіямъ, составленныхъ губернскими статистическими комитетами. По этимъ таблицамъ считается въ этомъ краѣ: 10,620,267 душъ; разница составляетъ 7,82 .... процента; она произошла оттого, что по вѣдомостямъ статистическихъ комитетовъ считается наличное населеніе, а по спискамъ приходскихъ числятся только постоянные или приписные жители этого края, слѣдовательно въ вѣдомости статистическихъ комитетовъ внесено и все подвижное населеніе, между прочимъ и войска.

губерніи *гродненской* (въ уѣздахъ: бѣльскомъ и брестъ-литовскомъ). *Поляне, Древляне, Бужане, Дулѣбы, Тиверцы* и *Угличи* находятся въ губерніяхъ: *волынской* (въ уѣздахъ: житомирскомъ, ковельскомъ, ровенскомъ и овручскомъ) и *подольской* (въ уѣздѣ проскуровскомъ). *Хорваты*—въ *волынской* губерніи (въ дубенскомъ уѣздѣ). — *Поляковъ* (1,027,947) большее число находится въ губерніяхъ: *виленской* (преимущественно въ уѣздахъ виленскомъ, дисненскомъ и ошмянскомъ); *гродненской* (въ уѣздахъ: бѣлостокскомъ, сокольскомъ и бѣльскомъ); *минской* (въ уѣздахъ: минскомъ, новогрудскомъ и игуменскомъ); *волынской* (въ уѣздахъ: житомирскомъ и новоградоволынскомъ) и *подольской* (въ уѣздахъ: проскуровскомъ, каменецкомъ и ушицкомъ). *

Въ литовскомъ племени (1,614,660) находятся преимущественно въ губерніяхъ: *виленской* (въ уѣздахъ: трокскомъ, свенцянскомъ, виленскомъ, ошмянскомъ и лидскомъ); *ковенской* (въ уѣздахъ: вилькомирскомъ, новоалександровскомъ и поневежскомъ); *гродненской* (въ уѣздахъ: гродненскомъ и слонимскомъ). *Жмудь*—населяетъ преимущественно *ковенскую* губернію (уѣзды: шавельскій, россіенскій и тельшевскій). *Латыши* въ наибольшемъ числѣ живутъ въ губерніи *витебской* (въ уѣздахъ: динабургскомъ, рѣжицкомъ, люцинскомъ и дризенскомъ).

Ятвяги — въ губерніи *гродненской* (въ уѣздахъ: кобринскомъ, бѣльскомъ, волковыскомъ и брестъ-литовскомъ).

Молдаване — въ *подольской* губерніи (въ уѣздахъ: балтскомъ, ольгопольскомъ и ямпольскомъ).

(См. таблицы подъ лит. Б и В).

Состоящій при центральномъ статистическомъ комитетѣ
Михаилъ Лебедкинъ.

* Большинство сихъ Поляковъ не природные Поляки, но ополячившіеся русины, такъ, что число природныхъ Поляковъ, предки коихъ поселились на русской и литовской землѣ, едва ли превышаетъ 100000. *Прим. Ред.*

Общее число жителей Западнаго края, по племенамъ и вѣроисповѣданіямъ.

	Названіе племенъ.	Всего.	Въ томъ числѣ: Правосл.	Католич.	Прот.	Іудейск.	Магом.
А.	**Словянское.**						
	а.) Русь.						
	Малороссіянъ . .	3217719	3208996	8723	—	—	—
	Бѣлоруссовъ . .	2026893	1973340	53553	—	—	—
	Великороссіянъ . .	229235	229235	—	—	—	—
	Полянъ . . .	108453	108453	—	—	—	—
	Древлянъ . . .	196900	196900	—	—	—	—
	Кривичей . . .	23016	—	23016	—	—	—
	Волынянъ . . .	93744	93744	—	—	—	—
	Тиверцевъ и Углачей .	8596	—	8398	—	—	—
	Хорватовъ. . .	17228	17228	—	—	—	—
		5941586	5827896	93690	—	—	—
	б.) Поляковъ .	1027947	39330	988617	—	—	—
	Всего .	6949533	5867226	1082307	—	—	—
Б.	**Литовское.**						
	Литовцевъ . . .	1043093	217586	825507	—	—	—
	Жмуди . . .	425600	4886	420714	—	—	—
	Латышей . . .	145967	4901	141066	—	—	—
	Всего .	1614660	227373	1387287	—	—	—
В.	**Разныхъ христіанск.**						
	Ятвяговъ . . .	30927	—	—	—	—	—
	Молдаванъ . . .	41613	—	—	—	—	—
	Нѣмцевъ . . .	66252	27	2114	64111	—	—
	Всего .	138792	72567	2114	64111	—	—
Г.	**Не христіанскихъ.**						
	Евреевъ . . .	1132633	—	—	—	1139633	—
	Татаръ . . .	6763	—	—	—	—	6763
	Всего .	1146396	—	—	—	1139633	6763
	Общій итогъ .	9849381	6167166	2471708	64111	1139633	6763

Распредѣленіе жителей Западнаго края, по губерніямъ, племенамъ и вѣроисповѣданіямъ.

№	Губерніи и племена.	Всего.	Въ томъ числѣ: Правосл.	Католич.	Прот.	Іудейск.	Магом.
1.	**Витебская.**						
	Бѣлоруссовъ . .	426808	396360	30439	—	—	—
	Великороссіянъ . .	1843	1843	—	—	—	—
	Поляковъ . . .	43432	61	43371	—	—	—
	Литовцевъ . . .	267	—	267	—	—	—
	Латышей . . .	139028	421	138607	—	—	—
	Нѣмцевъ . . .	10158	—	—	10158	—	—
	Евреевъ . . .	62628	—	—	—	62628	—
	Татаръ . . .	31	—	—	—	—	31
	Всего .	684195	398684	212684	10158	62628	31
2.	**Могилевская.**						
	Бѣлоруссовъ . .	713375	701987	11388	—	—	—
	Малороссіянъ . .	1405	1405	—	—	—	—
	Великороссіянъ . .	4449	4449	—	—	—	—
	Поляковъ . . .	27238	—	27238	—	—	—
	Литовцевъ . . .	945	13	972	—	—	—
	Нѣмцевъ . . .	381	—	—	381	—	—
	Евреевъ . . .	102855	—	—	—	102855	—
	Татаръ . . .	9	—	—	—	—	6
	Всего .	850654	707854	39558	381	102855	6
3.	**Минская.**						
	Бѣлоруссовъ . .	661770	654416	7354	—	—	—
	Малороссіянъ . .	21015	19546	1469	—	—	—
	Великороссіянъ . .	53390	53390	—	—	—	—
	Поляковъ . . .	116789	—	116789	—	—	—
	Литовцевъ . . .	64149	9026	55123	—	—	—
	Нѣмцевъ . . .	527	—	—	527	—	—
	Евреевъ . . .	96981	—	—	—	96981	—
	Татаръ . . .	2365	—	—	—	—	2365
	Всего .	1016986	736378	180735	527	96981	2365

№	Губерніи и племена.	Всего.	Въ томъ числѣ: Правосл.	Католич.	Прот.	Іудейск.	Магом.
4.	**Виленская.**						
	Бѣлоруссовъ	146041	143432	2609	—	—	—
	Малороссіянъ	701	701	—	—	—	—
	Великороссіянъ	14930	14930	—	—	—	—
	Кривичей	23016	—	23016	—	—	—
	Поляковъ	154386	—	154386	—	—	—
	Литовцевъ	418880	27985	390895	—	—	—
	Нѣмцевъ	902	—	—	902	—	—
	Евреевъ	76802	—	—	—	76802	—
	Татаръ	2416	—	—	—	—	2416
	Всего	838074	187048	570906	902	76802	2416
5.	**Ковенская.**						
	Бѣлоруссовъ	1548	1548	—	—	—	—
	Малороссіянъ	728	728	—	—	—	—
	Великороссіянъ	4576	4576	—	—	—	—
	Поляковъ	26189	—	26189	—	—	—
	Литовцевъ	307686	564	307122	—	—	—
	Жмуди	420788	74	420714	—	—	—
	Латышей	2459	—	2459	—	—	—
	Нѣмцевъ	40309	14	816	39479	—	—
	Евреевъ	101337	—	—	—	101337	—
	Татаръ	481	—	—	—	—	418
	Всего	906038	7504	757300	39479	101337	418
6.	**Гродненская.**						
	Бѣлоруссовъ	25879	24116	1763	—	—	—
	Малороссіянъ	98934	98934	—	—	—	—
	Великороссіянъ	132286	132286	—	—	—	—
	Бужанъ	5463	5463	—	—	—	—
	Поляковъ	193228	723	192505	—	—	—
	Литовцевъ	201897	130729	71168	—	—	—
	Ятвяговъ	30927	30927	—	—	—	—
	Нѣмцевъ	5564	—	1098	4466	—	—
	Евреевъ	94219	—	—	—	94219	—
	Татаръ	1250	—	—	—	—	1250
	Всего	789647	423178	266534	4466	94219	1250

№	Губерніи и племена.	Всего.	Въ томъ числѣ:				
			Правосл.	Католич.	Прот.	Іудейск.	Магом.
7.	**Кіевская.**						
	Малороссіянъ	1355320	1354827	493	—	—	—
	Бѣлоруссовъ	11699	11699	—	—	—	—
	Великороссіянъ	1876	1876	—	—	—	—
	Полянъ	1355	1555	—	—	—	—
	Поляковъ	83351	10368	72983	—	—	—
	Литовцевъ	38026	38026	—	—	—	—
	Нѣмцевъ	1632	—	—	1632	—	—
	Евреевъ	225074	—	—	—	225074	—
	Татаръ	23	—	—	—	—	23
	Всего	1718356	1418151	73476	1632	225074	23
8.	**Волынская.**						
	Малороссіянъ	597671	392842	4829	—	—	—
	Бѣлоруссовъ	28534	28534	—	—	—	—
	Великороссіянъ	8634	8634	—	—	—	—
	Бужанъ	74845	74845	—	—	—	—
	Дулѣбовъ	12904	12904	—	—	—	—
	Полянъ	106514	106514	—	—	—	—
	Древлянъ	196364	196364	—	—	—	—
	Хорватъ	17228	17228	—	—	—	—
	Поляковъ	174100	12828	161272	—	—	—
	Литовцевъ	11243	11243	—	—	—	—
	Жмуди	4812	4812	—	—	—	—
	Латышей	4480	4480	—	—	—	—
	Нѣмцевъ	4999	13	171	4815	—	—
	Евреевъ	183890	—	—	—	183890	—
	Татаръ	209	—	—	—	—	209
	Всего	1426427	1071241	166272	4815	183890	209
9.	**Подольская.**						
	Малороссіянъ	1141945	1140013	1932	—	—	—
	Бѣлоруссовъ	11239	11239	—	—	—	—
	Великороссіянъ	7251	7251	—	—	—	—
	Полянъ	584	584	—	—	—	—
	Древлянъ	536	536	—	—	—	—
	Бужанъ	532	532	—	—	—	—
	Тиверцевъ и Угличей	8398	—	8398	—	—	—
	Поляковъ	209234	15350	**193884** *	—	—	—
	Молдаванъ	41613	41613	—	—	—	—
	Нѣмцевъ	1780	—	19	1751	—	—
	Евреевъ	195847	—	—	—	195847	—
	Татаръ	45	—	—	—	—	45
	Всего	1619004	1217118	204245	1751	195647	45

* Ничтожная цифра сравнительно съ другими народностями, населяющими подольскую губернію, но стоящая во главѣ Поляковъ горсть шляхты дерзнула однакожъ недавно, не спросясь громаднаго большинства, составить адрессъ Государю Императору о присоединеніи сей губерніи къ Царству Польскому! О легкомысліе! О дерзость! *Прим. Ред.*

Распредѣленіе жителей Западнаго края православнаго и римско-католическаго исповѣданій племенъ: славянскаго и литовскаго; Ятвяговъ и Молдаванъ, по уѣздамъ.

1 Витебская Губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
1.	**Витебскій.**			
	Бѣлоруссовъ	36,123.	36,123.	— —
	Великороссіянъ	4.	4.	— —
	Поляковъ	4,283.		4,283.
2.	**Велижскій.**			
	Бѣлоруссовъ	42,743.	42,743.	— —
	Великороссіянъ	53.	53.	— —
	Поляковъ	498.	61.	437.
3.	**Дризенскій.**			
	Бѣлоруссовъ	44,338.	34,260.	10,078.
	Поляковъ	12,713.	— —	12,713.
	Латышей	1,773.	— —	1,773.
4.	**Динабургскій.**			
	Бѣлоруссовъ	9,622.	7,523.	2,099.
	Поляковъ	8,387.	— —	8,387.
	Литовцевъ	48.	— —	48.
	Латышей	51,997.	— —	51,997.
5.	**Лепельскій.**			
	Бѣлоруссовъ	70,901.	62,745.	8,156.
	Поляковъ	2,196.	— —	2,196.
	Литовцевъ	219.	— —	219.

№	Витебская Губернія. Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ. Правосл.	Католик.
6.	**Люцинскій.**			
	Бѣлоруссовъ	14,031.	9,763.	4,268.
	Великороссіянъ	421.	421.	— —
	Поляковъ	3,445.	— —	3,445.
	Латышей	41,328.	421.	40,907.
7.	**Невельскій.**			
	Бѣлоруссовъ	40,423.	40,223.	200.
	Поляковъ	2,087.	— —	2,087.
8.	**Полоцкій.**			
	Бѣлоруссовъ	49,826.	45,684.	4,142.
	Великороссіянъ	1,365.	1,365.	— —
	Поляковъ	3,524.	— —	3,524.
9.	**Рѣжицкій.**			
	Бѣлоруссовъ	16,236.	15,741.	495.
	Поляковъ	3,354.	— —	3,354.
	Латышей	43,930.	— —	43,930.
10.	**Себежскій.**			
	Бѣлоруссовъ	47,693.	46,692.	1,001.
	Поляковъ	1,263.	— —	1,263.
11.	**Суражскій.**			
	Бѣлоруссовъ	30,650.	30,650.	— —
	Поляковъ	1,682.	— —	1,682.
	Всего:			
	Бѣлоруссовъ	426,808	396,369	30,439.
	Великороссіянъ	1,843.	1,843.	— —
	Поляковъ	43,432.	61.	43,371.
	Литовцевъ	267.	— —	267.
	Латышей	139,028	421.	138,607

№	2. Могилевская Губернія. Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ. Правосл.	Католик
1.	**Могилевскій.**			
	Бѣлоруссовъ	71,299.	66,890.	4,409.
	Малороссіянъ.	5.	5.	— —
	Великороссіянъ	10.	10.	— —
	Поляковъ.	3,150.	— —	3,150.
	Литовцевъ	932.	— —	932.
2.	**Быховскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	55,792.	55,728.	64.
	Поляковъ.	2,750.	— —	2,750,
3.	**Гомельскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	82,246.	81,649.	597.
	Великороссіянъ	177.	177.	— —
	Поляковъ.	710.	— —	710.
4.	**Климовецкій.**			
	Бѣлоруссовъ.	60,399.	60,399.	— —
	Великороссіянъ	1,400.	1,400.	— —
	Малороссіянъ.	1,400.	1,400.	— —
	Поляковъ.	1,537.	— —	1,537.
5.	**Копысскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	50,408.	48,930.	1,478.
	Поляковъ.	2,148.	— —	2,148.
6.	**Мстиславскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	45,343.	44,317.	1,026.
	Поляковъ.	1,198.	— —	1,198.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
	Могилевская Губернія.			
7.	**Оршанскій.**			
	Бѣлоруссовъ	88,264	87,127	1,137
	Великороссіянъ	123	123	— —
	Поляковъ	2,917	— —	2,917
	Литовцевъ	13	13	— —
8.	**Рогачевскій.**			
	Бѣлоруссовъ	88,709	87,618	1,091
	Великороссіянъ	2,653	2,653	— —
	Поляковъ	5,656	— —	5,656
9.	**Сѣнинскій.**			
	Бѣлоруссовъ	54,176	53,682	494
	Поляковъ	3,508	— —	3,508
10.	**Чаусовскій.**			
	Бѣлоруссовъ	40,016	40,016	— —
	Поляковъ	1,941	— —	1,941
11.	**Чериковскій.**			
	Бѣлоруссовъ	76,723	75,631	1,092
	Великороссіянъ	86	86	— —
	Поляковъ	1,723	— —	1,723
	Всего:			
	Бѣлоруссовъ	713,375	701,997	11,388
	Малороссіянъ	1,405	1,405	— —
	Великороссіянъ	4,449	4,449	— —
	Поляковъ	27,238	— —	27,238
	Литовцевъ	945	13	932

3. Минская Губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
1.	**Минскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	50,563	50,563	— —
	Малороссіянъ.	403	— —	403
	Великороссіянъ	28	28	— —
	Поляковъ.	43,029	— —	43,029
	Литовцевъ	7,858	— —	7,858
2.	**Борисовскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	79,675	79,509	166
	Поляковъ.	6,377	— —	6,377
	Литовцевъ	19,082	— —	19,082
3.	**Бобруйскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	70,699	70,699	— —
	Малороссіянъ.	230	— —	230
	Поляковъ.	5,559	— —	5,559
	Литовцевъ	230	— —	230
4.	**Игуменскій.**			
	Малороссіянъ.	836	— —	836
	Великороссіянъ	53,362	53,362	— —
	Поляковъ.	14,019	— —	14,019
5.	**Мозырскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	58,521	58,521	— —
	Поляковъ.	4,662	— —	4,662
	Литовцевъ	1,205	— —	1,205
6.	**Новогрудскій.**			
	Бѣлоруссовъ.	96,948	92,765	4,183
	Поляковъ.	17,804	— —	17,804
	Литовцевъ	9,744	— —	9,744

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
	Минская Губернія.			
7.	**Пинскій.**			
	Бѣлоруссовъ	85,280	85,280	— —
	Поляковъ	5,317	— —	5,317
	Литовцевъ	5,309	— —	5,309
8.	**Рѣчицкій.**			
	Бѣлоруссовъ	77,076	75,941	1,135
	Поляковъ	4,041	— —	4,041
9.	**Слуцкій.**			
	Бѣлоруссовъ	60,902	60,092	— —
	Малороссіянъ	19,546	19,546	— —
	Поляковъ	15,981	— —	15,981
	Литовцевъ	20,721	9,026	11,695
	Всего:			
	Бѣлоруссовъ	661,770	654,416	7,354
	Малороссіянъ	21,015	19,546	1,469
	Великороссіянъ	53,390	53,390	— —
	Поляковъ	116,789	— —	116,789
	Литовцевъ	64,149	9,026	55,123

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
	4. Виленская Губернія.			
1.	**Виленскій.**			
	Бѣлоруссовъ	4,847	4,847	— —
	Малороссіянъ	684	684	— —
	Великороссіянъ	983	983	— —
	Поляковъ	47,140	— —	47,140
	Литовцевъ	83,056	53	83,003
2.	**Вилейскій.**			
	Бѣлоруссовъ	48,808	46,199	2,609
	Великороссіянъ	5,266	5,266	— —
	Поляковъ	24,092	— —	24,092
	Литовцевъ	30,746	1,820	28,926
3.	**Дисненскій.**			
	Бѣлоруссовъ	57,174	57,174	— —
	Малороссіянъ	17	17	— —
	Великороссіянъ	41	41	— —
	Поляковъ	45,469	— —	45,469
	Литовцевъ	2,150	2,150	— —
4.	**Лидскій.**			
	Великороссіянъ	7,265	7,265	— —
	Кривичей	23,016	— —	23,016
	Поляковъ	7,385	— —	7,385
	Литовцевъ	64,625	19,427	45,198

Виленская Губернія.				
№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
5.	Ошмянскій.			
	Бѣлоруссовъ	27,394	27,394	— —
	Поляковъ	20,650	— —	20,650
	Литовцевъ	65,098	2,527	62,571
6.	Свенцянскій.			
	Бѣлоруссовъ	6,557	6,557	— —
	Великороссіянъ	376	376	— —
	Поляковъ	5,506	— —	5,506
	Литовцевъ	82,135	1,626	80,509
7.	Трокскій.			
	Бѣлоруссовъ	1,261	1,261	— —
	Великоросіянъ	999	999	— —
	Поляковъ	4,144	— —	4,144
	Литовцевъ	91,070	382	90,688
	Всего:			
	Бѣлоруссовъ	146,041	143,432	2,609
	Великороссіянъ	14,930	14,930	— —
	Кривичей	23,016	— —	23,016
	Поляковъ	154,386	— —	154,386
	Литовцевъ	418,880	27,985	390,895

№	5. Ковенская Губернія. Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ. Правосл.	Въ томъ числѣ. Католик.
1.	**Ковенскій.**			
	Бѣлоруссовъ	693	693	—
	Малороссіянъ	603	603	—
	Великороссіянъ	1,141	1,141	—
	Поляковъ	6,322	—	6,322
	Литовцевъ	24,086	191	23,895
	Жмуди	46,714	—	46,714
2.	**Вилькомирскій.**			
	Великороссіянъ	1,179	1,179	—
	Поляковъ	9,863	—	9,863
	Литовцевъ	103,754	—	103,754
3.	**Новоалександровскій.**			
	Бѣлоруссовъ	695	695	—
	Великороссіянъ	675	675	—
	Поляковъ	472	—	472
	Литовцевъ	97,927	214	97,713
	Латышей	76	—	76
4.	**Поневежскій.**			
	Бѣлоруссовъ	27	27	—
	Малороссіянъ	17	17	—
	Великороссіянъ	438	438	—
	Поляковъ	137	—	137
	Литовцевъ	78,730	30	78,700
	Жмуди	25,288	—	25,288
	Латышей	2,215	—	2,215

Ковенская губернія.				
№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ: Правосл.	Католик.
5.	**Россіенскій.**			
	Бѣлоруссовъ	101	101	—
	Малороссіянъ	76	76	—
	Великороссіянъ	158	158	—
	Поляковъ	1,812	—	1,812
	Литовцевъ	3,110	50	3,060
	Жмуди	112·358	44	112·314
6.	**Тельшевскій.**			
	Бѣлоруссовъ	32	32	—
	Малороссіянъ	32	32	—
	Великороссіянъ	564	564	—
	Поляковъ	2,638	—	2,638
	Литовцевъ	79	79	—
	Жмуди	113,906	30	113,876
7.	**Шавельскій.**			
	Великороссіянъ	421	421	—
	Поляковъ	4,945	—	4,945
	Жмуди	122,522	—	122,522
	Латышей	168	—	168
	Всего.			
	Бѣлоруссовъ	1,548	1,548	—
	Малороссіянъ	728	728	—
	Великороссіянъ	4,576	4,576	—
	Поляковъ	26,189	—	26,189
	Литовцевъ	307,686	564	307·122
	Жмуди	420·788	74	420·714
	Латышей	2,459	—	2,459

6. Гродненская губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ; Правосл.	Католик
1.	**Гродненскій.**			
	Бѣлоруссовъ	2,074	2,074	—
	Великороссіянъ.	8,171	8,171	—
	Поляковъ	16,426	—	16,426
	Литовцевъ	46,270	29,856	16,414
2.	**Брестъ-Литовскій.**			
	Бѣлоруссовъ	1,205	1,205	—
	Малороссіянъ	31,341	31,341	—
	Великороссіянъ.	24,333	24,333	—
	Бужанъ.	4,368	4,368	—
	Поляковъ	5,129	—	5,129
	Литовцевъ	17,210	13,322	3,888
	Ятвяговъ	1,616	1,616	—
3.	**Бѣлостокскій.**			
	Бѣлоруссовъ	10,103	10,103	—
	Поляковъ	48,564	98	48,466
	Литовцевъ	489	—	489
4.	**Бѣльскій.**			
	Малороссіянъ	4,179	4,179	—
	Великороссіянъ.	35,382	35,382	—
	Поляковъ	45,078	625	44,453
	Ятвяговъ	3,741	3,741	—
5.	**Волковыскій.**			
	Бѣлоруссовъ	8,578	6,815	1,763
	Малороссіянъ	15	15	—
	Великороссіянъ.	23,816	23,816	—
	Поляковъ	9,032	—	9,032
	Литовцевъ	37,481	5,313	32,168
	Ятвяговъ	2,845	2,845	—

Гродненская губернія.				
№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ:	
			Правосл.	Католик.
6.	**Кобринскій.**			
	Бѣлоруссовъ	2,614	2,614	—
	Малороссіянъ	33,136	33,136	—
	Великороссіянъ	17,731	17,731	—
	Бужанъ	1,095	1,095	—
	Поляковъ	4,599	—	4,599
	Литовцевъ	539	—	539
	Ятвяговъ	22,725	22,725	—
7.	**Пружанскій.**			
	Малороссіянъ	30,263	30,263	—
	Великороссіянъ	307	307	—
	Поляковъ	6,447	—	6,447
	Литовцевъ	27,610	22,103	5,507
8.	**Слонимскій.**			
	Бѣлоруссовъ	1,305	1,305	—
	Великороссіянъ	18,328	18,238	—
	Поляковъ	9,890	—	9,890
	Литовцевъ	65,371	53,808	11,563
9.	**Сокольскій.**			
	Великороссіянъ	4,218	4,218	—
	Поляковъ	48,063	—	48,063
	Литовцевъ	6,927	6,327	600
	Всего.			
	Бѣлоруссовъ	25,879	24,116	1,763
	Малороссіянъ	98,934	98,934	—
	Великороссіянъ	132,286	132,286	—
	Бужанъ	5,463	5,463	—
	Поляковъ	193,228	723	192,505
	Литовцевъ	201,897	130,729	71,168
	Ятвяговъ	30,927	30,927	—

№	7. Кіевская Губернія. Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ. Правосл.	Въ томъ числѣ. Католик.
1.	**Кіевскій.**			
	Малороссіянъ	114,210	114.210	— —
	Бѣлоруссовъ	10,186	10,186	— —
	Великороссіянъ	6	6	— —
	Поляковъ	7,599	— —	7.599
2.	**Бердичевскій.**			
	Малороссіянъ	92,839	92,434 и 405*	— —
	Бѣлоруссовъ	1,061	1,061	— —
	Великороссіянъ	1,492	1,492	— —
	Полянъ	979	979	— —
	Поляковъ	20,351	869	19,482
3.	**Васильковскій.**			
	Малороссіянъ	139,977	139,977	— —
	Поляковъ	5,704	— —	5,704
	Звенигородскій.			
	Малороссіянъ	124,587	124.587	— —
	Поляковъ	2,136	— —	2,136
4.	**Каневскій.**			
	Малороссіянъ	124,662	124.662	— —
	Поляковъ	2,130	— —	2,130
	Литовцевъ.	2,983	2,983	— —
5.	**Липовецкій.**			
	Малороссіянъ	95,792	95,792	— —
	Поляковъ	6,521	198	6,323

* Раскольники.

Кіевская Губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
7.	Радомысльскій.			
	Малороссіянъ	76,313	76,313	
	Бѣлоруссовъ	452	452*	—
	Великороссіянъ	65	65	—
	Поляковъ	9,100	—	9,100
	Литовцевъ.	32,252	32,252	—
8.	Сквирскій.			
	Малороссіянъ	103,626	103,133	493
	Поляковъ	16,727	7,297	9,430
	Литовцевъ.	1,243	1,243	—
9.	Уманскій.			
	Малороссіянъ	134,526	134,526	—
	Поляковъ	1,812	—	1,812
10.	Чигиринскій.			
	Малороссіянъ	105,617	105,617	—
	Великороссіянъ	35	35	—
	Поляковъ	1,336	—	1,336
11.	Черкаскій.			
	Малороссіянъ	126,780	126,780	—
	Великороссіянъ	278	278	—
	Поляковъ	1,965	67	1,898
12.	Таращанскій.			
	Малороссіянъ	116,391	116,391	—
	Полянъ.	376	376	—
	Поляковъ	7,970	1,937	6,033
	Литовцевъ.	1,548	1,548	—
	Всего:			
	Малороссіянъ	1,355,320	1,354,827	493
	Бѣлоруссовъ	11,699	11,699	—
	Великороссіянъ	1,876	1,876	—
	Полянъ.	1,355	1,355	—
	Поляковъ	83,351	10,368	72,983
	Литовцевъ	38,026	37,026	—
	Выходцы изъ минской губерніи.			

8. Волынская губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
1.	Житомірскій.			
	Бѣлоруссовъ	3,335	3,335	—
	Малороссіянъ	80,363	80,363	—
	Великороссіянъ	8,582	8,582	—
	Полянъ	14,977	14,977	—
	Древлянъ	13,440	13,440	—
	Поляковъ	32,778	908	31,880
	Литовцевъ	329	329	—
2.	Владимірскій.			
	Малороссіянъ	31,004	29,001	2,003
	Бѣлоруссовъ	1,990	1,990	—
	Бужанъ	62,163	62,163	—
	Дулѣбовъ	10,710	10,710	—
	Поляковъ	11,347	—	11,347
3.	Дубенскій.			
	Хорватъ	17,228	17,228	—
	Малороссіянъ	55,956	53,792	2,164
	Поляковъ	6,400	—	6,400
4.	Заславскій.			
	Малороссіянъ	75,496	75,496	—
	Полянъ	16,554	16,554	—
	Поляковъ	13,552	—	13,552
5.	Ковельскій.			
	Малороссіянъ	32,620	31,974	646
	Бужанъ	9,412	9,412	—
	Древлянъ	38,581	38,581	—
	Поляковъ	4,817	1,131	3,686
	Жмуди	4 812	4,812	—
	Латышей	4,480	4,480	—
6.	Кременецкій.			
	Малороссіянъ	41,992	41,992	—
	Бѣлоруссовъ	20,208	20,208	—
	Полянъ	27,998	27,998	—
	Древлянъ	6,528	6,528	—
	Поляковъ	15,457	—	15,457

Волынская губернія.				
№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик.
7.	**Луцкій.**			
	Малороссіянъ	44,293	44,277	16
	Бѣлоруссовъ	620	620	—
	Полянъ	14,367	14,367	—
	Древлянъ	13,937	13,937	—
	Поляковъ	11,000	678	10,322
	Литовцевъ	2,691	2,691	—
8.	**Новоградоволынскій.**			
	Малороссіянъ	59,329	59,329	—
	Бѣлоруссовъ	2,381	2,381	—
	Великороссіянъ	52	52	—
	Полянъ	10,318	10,318	—
	Древлянъ	16,353	16,353	—
	Поляковъ	22,610	1,117	21,493
	Литовцевъ	1,153	1,153	—
9.	**Острожскій.**			
	Малороссіянъ	36,417	36,417	—
	Бужанъ	842	842	—
	Полянъ	5,384	5,384	—
	Древлянъ	6,505	6,505	—
	Поляковъ	10,956	1,298	9,663
	Литовцевъ	1,777	1,777	—
10.	**Овручскій.**			
	Малороссіянъ	2,892	2,892	—
	Древлянъ	62,878	62,878	—
	Поляковъ	13,085	7,719	5,366
	Литовцевъ	5,293	5,293	—

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик
	Волынская губернія.			
11.	**Ровенскій.**			
	Малороссіянъ	43,949	43,949	—
	Древлянъ.	38,142	38,142	—
	Поляковъ.	12,238	—	12,238
12.	**Староконстантиновскій.**			
	Малороссіянъ	58,581	58,581	—
	Бужанъ	2,428	2,428	—
	Дулѣбовъ	2,194	2,194	—
	Полянъ	16,916	16,916	—
	Поляковъ.	19,878	—	19,878
	Всего.			
	Малороссіянъ	597.671	592 842	4,829
	Бѣлоруссовъ.	28,534	28,534	—
	Великороссіянъ	8,634	8,634	—
	Бужанъ	74,845	74,845	—
	Дулѣбовъ	12,904	12,904	—
	Полянъ	106.514	106 514	—
	Древлянъ.	196.364	196,364	—
	Хорватъ	17,228	17,228	—
	Поляковъ.	174.100	12,828	161,272
	Литовцевъ	11,243	11,243	—
	Жмуди	4,812	4,812	—
	Латышей.	4,480	4,480	—

9. Подольская губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ: Правосл.	Въ томъ числѣ: Католик.
1.	**Каменецкій.**			
	Малороссіянъ	106.609	106.609	—
	Великороссіянъ	2,303	2,303	—
	Поляковъ	31,154	762	30,392
2.	**Балтскій.**			
	Малороссіянъ	91,725	91,725	—
	Великороссіянъ	1,292	1,292	—
	Поляковъ	11,206	3,322	7,884
	Молдованъ	26,024	26,024	—
3.	**Брацлавскій.**			
	Малороссіянъ	100,768	100,768	—
	Великороссіянъ	60	60	—
	Поляковъ	8,095	100	7,995
4.	**Винницкій.**			
	Малороссіянъ	79,957	79,957	—
	Поляковъ	13,179	—	13,179
5.	**Гайсинскій.**			
	Малороссіянъ	94,895	94,895	—
	Поляковъ	8,681	2,492	6,189
6.	**Летичевскій.**			
	Малороссіянъ	51,407	51,407	—
	Бѣлоруссовъ	1,601	1,601	—
	Великороссіянъ	755	755*	—
	Полянъ	584	584	—
	Поляковъ	18,172	—	18,172

* Раскольники.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ: Правосл.	Католик.
	Подольская губернія.			
7.	**Литинскій.**			
	Малороссіянъ	90,191	90,191	—
	Великороссіянъ	195	195*	—
	Поляковъ	15,668	—	15,668
8.	**Могилевскій.**			
	Малороссіянъ	93,173	93,173	—
	Бѣлоруссовъ	604	604	—
	Великороссіянъ	7	7	—
	Поляковъ	17,803	256	17,547
9.	**Ольгопольскій.**			
	Малороссіянъ	110,667	108,735	1,932
	Великороссіянъ	83	83	—
	Поляковъ	6,078	1,389	4,689
	Молдаванъ	12,174	12,174	—
10.	**Проскуровскій.**			
	Малороссіянъ	71,621	71,621	—
	Бѣлоруссовъ	2,115	2,115	—
	Тиверцевъ и Угличей. . . .	8,398	—	8,398
	Поляковъ	35,798	5,144	30,654
11.	**Ушицкій.**			
	Малороссіянъ	88,992	88,992	—
	Бѣлоруссовъ	5,497	5,497	—
	Великороссіянъ	728	728	—
	Древлянъ	536	536	—
	Поляковъ	22,951	1,375	21,576

* Раскольники.

Подольская Губернія.

№	Уѣзды.	Всего.	Въ томъ числѣ.	
			Правосл.	Католик
12.	**Ямпольскій.**			
	Малороссіянъ.	106,865	106,865	—
	Поляковъ.	20,449	510	19,939
	Молдаванъ	3,415	3,415	—
	Въ военномъ поселеніи.			
	Малороссіянъ.	49,215	49,215	—
	Бѣлоруссовъ.	1,422	1,422	—
	Великороссіянъ	1,828	1,828	—
	Бужанъ	532	532	—
	Всего.			
	Малороссіянъ	1,141,945	1,140,013	1,932
	Бѣлоруссовъ	11,239	11,239	—
	Великороссіянъ	7,251	7,251	—
	Полянъ	584	584	—
	Бужанъ	532	532	—
	Древлянъ	536	536	—
	Тиверцевъ и Угличей . . .	8,398	—	8,398
	Поляковъ.	209,234	15,350	193,884
	Молдаванъ	41,613	41,613	—

Михаилъ Лебедкинъ.

ДВА СТАНА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА, НАЧАЛА XVII ВѢКА, СЛУЖАЩІЙ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ОТРЫВКУ, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ »БРАТЬЯ.«

Солнце спорило съ морозомъ въ хуторѣ покойнаго Прокла Прокловича. Поднявшись до наибольшей зимней высоты своей, лучезарный шаръ сіялъ на чистомъ небѣ, какъ праведная душа передъ своимъ создателемъ. Внизу люди суетились тихо. Великое горе ослабило старческіе голоса ближайшихъ слугъ покойника, а женскіе вопли и причитанія совсѣмъ умолкли. Не любилъ суровый наслѣдникъ-запорожецъ обычнаго въ мірскомъ быту выраженія горести. Строго приказалъ онъ женщинамъ молчать, и хуторскія женщины, не слыхавшія во всю свою жизнь такого грознаго голоса, смотрѣли на запорожца издали, съ такимъ же страхомъ и почтеніемъ, какъ и ихъ малыя дѣти. Чтеніе псалтыри раздавалось въ безмолвіи свѣтлицы, точно въ церкви, и далеко по всему хутору слышны были густыя ноты лыцарскаго голоса, точно раскаты отдаленнаго грома.

Такова была сцена моей неторопливой повѣсти, когда среди Черныхъ Лозъ появились новыя лица. То были братчики Харла́ Дожени-Каторги, приглашенные имъ на похороны. Внѣшность ихъ, отличавшаяся доходящею до грязи простотою, теперь во многомъ измѣнилась. Имъ было объявлено, что похороны будутъ лыцарскія, и сѣчевые батьки повелѣли всему товариству принарядиться въ *кармáзины* и *блаватáсы*, то есть въ красные и голубые жупаны. Добыли козаки изъ своихъ тороковъ цвѣтное платье и надѣли сверхъ кожуховъ. Жупаны у нихъ были всё добычные. Не честь и не слава была доброму козаку покупать *саéту* [1]) или *аксамúтъ* [2]), да торговаться съ портными, которыми въ тѣ времена были жиды и армяне. Гораздо доблестнѣе

---

[1]) Тонкое сукно.
[2]) Бархатъ.

было для него снять готовый жупанъ съ татарина, турка или польскаго пана, а не то—вымѣнять у товарища за добытаго на войнѣ коня, за турецкую саблю, за венгерскій конскій нарядъ, за нѣмецкій вычурно обдѣланный самопалъ, или за какую нибудь захваченную въ панскихъ палацахъ серебряную мису, изъ которой умывалась ясновельможная панна-красавица, мѣтившая въ королевы. Поэтому жупаны и кирéи приходились по росту и стану каждаго козака вовсе не такъ ловко, какъ однообразная *бáрва* у польскихъ гусаръ, драгунъ и гайдуковъ. У одного одежда не сходилась на груди, такъ какъ плеча прежняго ея владѣльца уступали шириною могучимъ плечамъ запорожскаго братчика; у другого, напротивъ, ложилась вольными складками вокругъ стана, потому что ни одинъ запорожецъ не носилъ передъ собой столько жиру, сколько нашивали тѣ, у кого добыты были готовыя одежды. Не въ томъ полагали ей цѣну добрые молодцы, чтобъ она гладко лежала, а въ томъ, что она досталась имъ на славномъ Киліинскомъ полѣ, на Ордынскомъ шляху, или по сю сторону Корсуня, вновь построеннаго Баторіемъ на опустѣломъ варяжскомъ городищѣ, по сю сторону Бѣлой-Церкви, которую паны уже и тогда начали полагать предѣломъ безпредѣльной вольности козацкой.

И вотъ, расцвѣченное праздничнымъ нарядомъ товариство Дожени-Каторги, засіяло въ солнечномъ свѣтѣ посреди Чéрныхъ Лозъ. Распустило оно въ неподвижномъ воздухѣ крашенные яркимъ червцемъ бунчуки свои; подняло высоко среди бунчуковъ крещатое знамя, подаренное императоромъ Рудольфомъ гетману Наливайкѣ и спасенное сѣчевыми его союзниками послѣ погрому надъ Сулою. Точно гряда разноцвѣтнаго маку, выросли козаки, какъ-будто изъ земли вышли, на бѣломъ снѣжномъ майданѣ, окруженномъ мохнатыми, развѣсистыми, бѣлосеребрянными березами,—и дивомъ, великимъ дивомъ казались они всѣмъ хуторянамъ. Стояли добрые молодцы неподвижною купою, жужжа между собой тихо-басистыми голосами, точно рой огромныхъ мохнатыхъ шмелей. Только ихъ кони, прозябнувъ на морозѣ, рвались и танцовали подъ ними, и отъ этого движенія весело играли въ морозномъ, солнечномъ воздухѣ ихъ двуцвѣтные прапоры, ихъ червленные бунчуки и бѣлое широкое знамя съ кровавымъ рыцарскимъ крестомъ. Стояли козаки и ждали, пока выйдетъ къ нимъ ихъ батько атáманъ.

Харлó Дожени-Каторга призвалъ изъ среды ихъ на свое мѣсто читать псалтырь другого атамана, Тупу-Тупу-Табуна, въ знакъ особеннаго почета доблестному покойнику, а самъ вышелъ дать порядокъ своимъ дѣткамъ, братьямъ-товарищамъ козакамъ. Тогда его осаулъ отдѣлился отъ купы съ нѣсколькими десятками *молодиковъ* и разсыпавши свой конвой по березовой рощѣ, окружавшей майданъ, вдругъ вывернулся передъ атаманомъ, какъ заяцъ. По его примѣру, и другіе

козаки сыпнули въ одиночку, парами и пятернями изъ-подъ деревьевъ, скача и извиваясь между деревьевъ, точно горностаи въ тростникѣ. Самый быстрый глазъ не успѣвалъ слѣдить за ихъ движеніями, и каждый человѣкъ мелькалъ въ глазахъ, точно десятокъ разсыпавшихся наѣздниковъ. Взвѣвая копытами толстый слой снѣгу, прохваченный насквозь морозомъ, они въ то же время стряхивали иней съ повисшихъ до земли березовыхъ вѣтвей, и весь поднятый ими холодный вихръ перекрещивали плетолетными выстрѣлами. Одну минуту, не болѣе, продолжалась эта церемонная салютація и вдругъ все изчезло и смолкло. Только пороховой дымъ золотымъ облакомъ всходилъ надъ стоявшими купою козаками и тихо разсѣвался въ воздухѣ надъ ихъ червоными бунчуками и двуцвѣтными играющими прапорцами.

Дожени-Каторга, возвысивъ голосъ такъ, какъ-будто передъ нимъ была въ полномъ собраніи вся Сѣчь запорожская, поблагодарилъ свое войско за сдѣланную ему честь въ его наслѣдственномъ хуторѣ. Потомъ онъ обратилъ къ собранію такую рѣчь:

„Панове молодцы, братья-товарищи, славные запорожцы! Слыхомъ не слыхано и видомъ не видано, чтобъ нашего брата козака устрашила злая буря на морѣ, или зимняя хуртовина на сушѣ. Есть межъ вами безусые молодики, непорочные выноски, и межъ тѣми не найдется ни одного такого, который бы не попробовалъ, стоя въ водѣ по поясъ, осыпать пулями турецкую галеру [3]). Какъ въ новый годъ засѣваютъ хлопята у добрыхъ людей въ господѣ пашнею, такъ мы, среди морской пучины, весело привѣтствовали изъ самопаловъ и гаковницъ невѣрнаго бесурмена. То была намъ одна слава, а теперь настала другая. Вывелъ я васъ, братья-товарищи, въ другое море, въ море снѣжное, и сами вы знаете, сколько разъ лихая хуртовина закрывала отъ нашихъ очей небо и землю. Но, разумомъ и доброю радою нашихъ батьковъ сѣчевыхъ, умѣли мы и самыхъ вѣтровъ покорять своей волѣ. Обсыпали насъ вѣтры въ чистомъ полѣ снѣжною стѣною точно кошемъ обгораживали, и, крутясь надъ нашими головами, вершили надъ всѣмъ таборомъ снѣжный куринь. Какъ пчелы въ ульѣ, сидѣли мы по недѣлѣ и больше въ снѣжной могилѣ, согрѣвали тѣло свое дыханіемъ, а сердца молитвами, лыцарскими пѣснями и разсказами о славныхъ подвигахъ на полѣ и на морѣ. Указалъ намъ Господь неслыханный доселѣ путь поновить нашу старую славу. Уже знаютъ насъ, панове молодцы, знаютъ насъ всѣ народы, живущіе на полуднѣ за великими много парусными морями. Гремитъ козацкая лыцарская слава тамъ, гдѣ ростутъ на деревьяхъ

[3]) Запорожскія лодки-чайки сбоковъ обшивались камышевыми подушками. Когда во время боя, картечи и ядра пробивали доски, чайки не тонули совсѣмъ, и козаки, стоя въ водѣ по поясъ, продолжали свое дѣло.

медовыя ягоды, гдѣ люди умудрились сновать шелковую основу посредствомъ никчемныхъ червячковъ. Теперь пускай узнаютъ насъ и тѣ, что сдѣлали бобра и соболя своими вѣчными работниками. Не къ тому я все это вамъ говорю, чтобъ надувать ваши уши суетнымъ славомовіемъ, какъ дѣлаютъ наши лукавые братья ляхи, что родятся въ пуховикахъ, ростутъ подъ бархатами и все свое благополучіе полагаютъ въ душевредной роскоши. Я клоню рѣчь къ тому, чтобы напомнить вамъ непреложныя правила жизни козацкой. Правда, между вами есть для доброй науки сѣчевые батьки; сѣдина моя противъ ихъ сѣдины—все равно, что желѣзо противъ чистаго серебра. Они все знаютъ и во все вразумятъ вамъ умъ и сердце. Но, по моему отаманскому званію, первое слово должно быть мое во всякомъ нашемъ дѣлѣ и начинаніи".

Тутъ ораторъ остановился, и не безъ причины. Впереди всѣхъ стояли передъ нимъ сребровласые, брадатые старцы, съ длинными посохами-келепами. Глаза воинственнаго собранія обратились теперь на нихъ. А они, оперщись руками на посохи и склоня въ землю многоумныя свои головы, молча качали одобрительно высокими, нахлобученными на брови шапками, и только одинъ проговорилъ тихимъ голосомъ:

—Изъ чистаго источника и вода чистая. Блаженны люди, которымъ свѣтитъ свѣтильникъ разума.

—Сподобилъ меня Богъ обрѣсти мою батьковщину, продолжалъ Харло́ Дожени-Каторга,—и не для одного меня, для всѣхъ васъ онъ это сдѣлалъ; не для тѣхъ только, которые меня слушаютъ, но и для всего честнаго лыцарства; и не для того только лыцарства, которое утѣшается нынѣ сіяніемъ Божьяго солнца, но и для ненарожденнаго еще матерями. Ибо вы знаете, что добыча моя и всякое имущество мое обращалось и до конца дней моихъ будетъ обращаться на корысть и утвержденіе нашего славетнаго братства. Не мнѣ владѣть наслѣдственными землями, лѣсами, бортяными ухожаями, бобровыми гонами, круторогими волами и коровами. Мое дѣло положить животъ свой за вѣру православную и славу козацкую въ честномъ бою, или докончить немощную жизнь въ скиту молитвенномъ. Теперь же Богъ споспѣшествуетъ мнѣ явиться посреди богатыхъ людей московскихъ, чтобы продать имъ мое наслѣдіе, вывезти изъ Москвы чистое золото и сребро и все то обратить на вѣчную корысть и славу нашему рыцарству. Но вѣдайте панове молодцы, храбрые товарищи запорожцы, и сохраните слова мои въ сердцахъ своихъ. Такъ точно, какъ Содомъ и Гомора не были пощажены Господомъ для единаго праведника съ его семействомъ, такъ и наша купа козацкая не можетъ уцѣлѣть въ войнѣ и походныхъ невзгодахъ ради одного десятка лучшихъ изъ насъ,—тѣхъ, которые не согрѣшатъ ни дѣломъ, ни словомъ, ни помышленіемъ. Батьки знаютъ, къ чему я клоню рѣчь.

И опять остановился Дожени-Каторга. И опять батьки значительнымъ покачиваньемъ убѣленныхъ сѣдиною головъ своихъ утвердили за его словомъ всю ту важность и праведность, которую подобало ему имѣть въ общемъ мнѣніи.

—До сихъ поръ шли мы пустынями, продолжалъ ораторъ.—Только сѣверскіе козаки, мѣняясь между собой доѣзжими своими памятями, вели насъ дикими сакмами изъ безлюдной дебри въ безлюдную дебрь. Теперь же мы окружены здѣсь въ хуторѣ и будемъ всегда окружены, до своего возврата, женатымъ міромъ. Соблюдайте, панове молодцы, око свое отъ ослѣпленія. Вы знаете,—батьки сѣчевые внушали вамъ и въ славной Сѣчѣ, и дорогою, подъ снѣговыми юртами, что неослѣпляется око человѣческое ни золотомъ, ни роскошными палатами, ни даже порохомъ и дымомъ боевымъ такъ гибельно, какъ женскою прелестію. На уловленіе душъ человѣческихъ въ діавольскія сѣти обречены Евины дщери за послушаніе, которое сотворила Ева діаволу. Вѣчными рабами и служительницами діавола живутъ онѣ въ мірѣ, и одно спасеніе отъ нихъ человѣку—въ уединеніи пустыни, да въ лыцарскомъ бездомномъ житіи. Вотъ почему не хочу я искушать мужества вашего, распустивъ васъ по всему хутору. Знаю, что человѣческая немощь требуетъ отдыха въ теплѣ и затишьѣ; но нѣтъ такого холода на свѣтѣ, котораго бы не перенесъ козакъ, въ укрѣпленіе своего воинскаго духа. Мы странники и пресельники на землѣ, панове братья, а потому да будетъ намъ окружающій насъ боръ, какъ голая снѣжная степь, а окружающій насъ хуторъ—съ женатымъ людомъ—какъ дремучій лѣсъ. Устройте тутъ же среди майдана костеръ, пускай огонь горитъ подъ самое небо и согрѣваетъ всю рощу кругомъ майдана. Кого напала нужа, тотъ пусть оправится передъ огнемъ, а на комъ сорочка обветшала, пусть новую сорочку намочитъ въ добромъ дегтѣ, выжметъ хорошенько и носитъ подъ кожухомъ, чтобъ не портила кожуха никакая нечисть. Для батьковъ сѣчевыхъ и для меня срубите наскоро курени и въ куренѣ устройте въ землѣ хорошій *дукъ*[4]) и *кабицю*[5]).«

Въ это время одинъ изъ сѣчевыхъ старцевъ, стоявшихъ впереди купы, поднялъ къ верху руку, въ знакъ того, что хочетъ сказать слово. Не подобало ему останавливать оратора голосомъ. Обычай, возникшій изъ долговременнаго обсужденія жизни, разумно замѣнилъ въ

---

[4]) *Дукомъ* до сихъ поръ называется не глубокая круглая яма, по краямъ которой можно сидѣть, какъ на скамьѣ, свѣсивъ ноги въ яму. По селамъ на выгонахъ, гдѣ по ночамъ собирается молодежь для пѣсенъ и жартовъ, можно видѣть еще и теперь такіе *дуки*.

[5]) *Кабиця*—печка, вырытая въ землѣ.

этомъ случаѣ ослабѣвшій отъ старости органъ величавымъ движеніемъ руки. Еслибы и сохранилось у кого изъ старцевъ довольно голосу, чтобы заявить громко о своемъ желаніи держать рѣчь въ собраніи, то самоуваженіе и та *повáга,* которою отличались запорожскіе инвалиды, не позволяли ему соперничать съ молодыми въ голосистости. Напротивъ, рáдные діды видѣли въ томъ преимущество свое передъ прочими, чтобы говорить тихо и заставлять каждаго вслушиваться въ свою рѣчь [6]) Рѣдко это случалось, чтобы атаманъ былъ остановленъ въ своемъ обращеніи къ рыцарству, и потому вниманіе къ словамъ поднявшаго руку старца было такъ велико въ собраніи, что даже легкій храскъ оружія умолкнулъ и самые кони точно прислушивались, чтó скажетъ січевый дідъ батьку отáману.

—Честный батьку атáмане! раздался тихій старческій голосъ, точно шумъ зимняго вѣтра въ сухомъ камышѣ,—не во гнѣвъ будь сказано твоему атáманскому званію, почему бы тебѣ не разложить коша возлѣ самаго будинка твоего отцовскаго, а намъ, вмѣсто куреня, почему бы не засѣсть въ отпочúнокъ въ твоей отцовской свѣтлицѣ?

Этотъ вопросъ представлялся не одному изъ престарѣлыхъ козаковъ, у которыхъ часто отзывались въ костяхъ много разъ полученныя раны; но только самый старшій изъ нихъ по своимъ лѣтамъ, именемъ Павлó Повали-Дубъ, рѣшился быть запроста съ высоко-чтимымъ отáманомъ, отвергнувъ церемоніи, которыя въ обществѣ первобытномъ соблюдаются всегда строго, такъ какъ естественная грубость характеровъ постоянно требуетъ крѣпкой узды.

Подумалъ съ минуту Дожени-Каторга, прежде чѣмъ отвѣчать Павлу Повали-Дубу; наконецъ сказалъ:

—Вы знаете, высокоповажные батькú, да и всѣ вы, братчики, знаете, что у меня въ хатѣ непрошенные гости, окаянные Ляхи. Конечно, случись намъ потолкнуться на ляховъ за Корсунемъ или за Бѣлою Церковью, то и самъ Богъ велѣлъ бы намъ повыгонять ихъ въ однѣхъ сорочкахъ на морозъ; но здѣсь головою и ватажкóмъ между ляхами мой погибшій на вѣки-вѣчные братъ Владимірко, да еще къ тому добылъ онъ себѣ не легкую рану въ честномъ поединкѣ со мною; такъ не годится намъ руговать его изъ батьковской хаты, хоть онъ и отрекся отъ своего наслѣдствія, сломавши вѣру отцовъ своихъ. Три свѣтлицы у меня въ батьковскомъ будинкѣ и четвертая пекарня. Можно бы, кажется, помѣститься и ляхамъ и намъ въ теплóмъ затишьѣ; но въ одной свѣтличкѣ лежитъ московскій воеводичь, Алексѣй Однорогъ, въ тяжкомъ недугѣ отъ ранъ, а другой ляхи отдадутъ своимъ женщинамъ.

---

[6]) Сохранилась у украинскаго народа почтительная приговорка: ***Дай тобі Бóже, щобъ ты тихéнько говорúвъ, та всі тебé слухали.***

А уже, когда подъ бокомъ будетъ обогрѣваться и щебетать Евино отродье, то и въ пекарни нѣтъ намъ мѣста. Пускай ни око наше, ни ухо не оскверняется передъ Господомъ. Пусть лучше красуются передъ нами бѣлыя березы и шумитъ мимо нашихъ ушей лѣсной вѣтеръ, чѣмъ намъ смотрѣть на разжигаемый діаволомъ женскій румянецъ и слушать лукавый женскій щебетъ. По этому, панове молодцы, славные товарищи запорожцы, даю вамъ такой порядокъ: одна часть батуйте коней подъ березами да сѣно по батовнямъ закладывайте; другая часть огонь разкладывайте; третья часть изъ лозы коши плетите, кругомъ табора становите, снѣгомъ вмѣсто земли насыпайте и временный кошъ нашъ заложите; четвертая часть курінь будуйте, а пятая заступы да лопаты берите и утробу земную разверзайте. Пусть мать сырая земля приметъ въ свое лоно драгоцѣнное зерно Божіе, которое процвѣтетъ среди райскаго крина цвѣткомъ сіяющимъ."

Кончивъ такимъ образомъ свою рѣчь, Дожени-Каторга низко поклонился козакамъ на три стороны да сверхъ того отдалъ сѣчевымъ батькамъ особый поклонъ и пригласилъ ихъ въ свѣтлицу къ своему отцу, какъ онъ выражался, „на привітанье и на прощанье".

Между тѣмъ какъ все это происходило въ простодушномъ, полуварварскомъ, или пожалуй патріархальномъ рыцарствѣ запорожскомъ,— рыцарство цивилизованное продолжало жить по своимъ правиламъ, очутясь въ стѣснительномъ и неловкомъ положеніи посреди лѣсныхъ и степныхъ варваровъ. Іезуитъ, игравшій роль походнаго каплана при вельможномъ каштелянѣ панѣ Громницѣ, оказался отличнымъ хирургомъ и перевязалъ своему патрону рану такъ ловко, какъ только можно было желать. Не веселъ былъ панъ Громница, какъ это было и естественно въ его обстоятельствахъ. И всѣ окружающіе его пріутихли и удерживались съ обычными у дворжанъ *фацецийками*, за которыя получали отъ своего милостивца полное содержаніе, а въ случаѣ особенно-веселаго расположенія панскаго духа—и подарки.

— Przegrana! молвилъ iegomość усердному хирургу, который ухаживалъ около него безъ всякаго раболѣпства, сохраняя въ лицѣ и въ своихъ движеніяхъ полное достоинство эскулапа и духовной особы.— Напрасно мы, пане ксенже, напѣнивали чашу до самыхъ краевъ: шибнула пѣна въ носъ—а обтереться нечѣмъ. Хорошо говорилъ намъ панъ Панчовскій: козака лаской и кой-какимъ почетомъ скорѣе всего заставишь подѣлиться добычей. И древніе язычники мудро совѣтывали въ своихъ школахъ: «Не вырывай насильно палицы изъ рукъ у Геркулеса.» Истинный Геркулесъ мой братъ! Jak Pana Boga kocham,

подобной силы и мужества не встрѣчалъ я на своемъ вѣку. Не будь онъ темный схизматикъ, подѣлился-бъ я съ нимъ своимъ гербомъ и ходилъ бы съ нимъ на войну плечо съ плечемъ!

Все это выслушалъ капланъ внимательно, и блѣдное лицо его не измѣнило своего сосредоточеннаго выраженія. Тихимъ, но гибкимъ, обработаннымъ, какъ у актера, голосомъ, онъ отвѣчалъ:

— Вельможный пане каштеляне! получить рану и пролить кровь вовсе не значитъ проиграть дѣло. Скорѣе это значитъ — запечатлѣть свое право самою священною печатью. Вспомни во имя Того, Котораго существуетъ нашъ великій орденъ: никогда не было Его владычество надъ міромъ больше упрочено, какъ въ тотъ горькій моментъ, когда онъ висѣлъ на крестѣ, прободенный копьемъ. Вѣрный послѣдователь Іисуса не долженъ смущаться никакими неудачами и препятствіями въ достиженіи своей цѣли. Иначе — въ чемъ же будетъ состоять величіе нашихъ подвиговъ? И разбойники переносятъ усталость, холодъ и голодъ мужественно; и темные схизматики запорожцы способны бываютъ къ геройской битвѣ, къ презрѣнію опасностей и самой смерти. Но предназначить себѣ высокую, святую цѣль и никогда, ни передъ чѣмъ не остановиться, ни въ какихъ обстоятельствахъ не смутиться духомъ, — это свойственно только прямому католическому рыцарю, истинному Христову воину и служителю апостольскаго престола. Я ужъ не говорю о томъ, что Богъ изъ невозможнаго во всякую минуту можетъ сдѣлать возможное и побѣжденному сегодня даровать завтра самую блистательную побѣду; нѣтъ, самая смерть — на полѣ ли битвы, или въ темницѣ, или даже въ мученіяхъ, подобныхъ Іисусовымъ, должна быть, въ глазахъ ревноснаго католика, небеснымъ даромъ, вожделеннымъ вѣнцомъ всѣхъ его подвиговъ.

Какъ музыка церковнаго органа, игралъ голосъ папскаго руководителя посреди безмолвно внимавшихъ ему слушателей. Отъ низкихъ тоновъ спокойнаго размышленія переходилъ онъ постепенно въ высокія ноты религіознаго энтузіазма. Рѣчь его отличалась изящнѣйшимъ подборомъ словъ; обороты вязались между собой съ поэтической непринужденностію, и все вмѣстѣ производило на умы очарованіе, которому противиться не было возможности. Если прибавить къ этому впечатлѣніе, производимое вдохновенною наружностію и благородными манерами проповѣдника, то можно вообразить, что̀ должны были чувствовать люди, воспитанные въ извѣстныхъ понятіяхъ о высокомъ, о прекрасномъ, о святомъ. Стоя посреди комнаты, въ своемъ черномъ платьѣ, іезуитъ не только движенію красивыхъ, бѣлыхъ какъ у женщины рукъ, но и самому стану своему, умѣлъ придавать выраженіе, соотвѣтствовавшее смыслу его рѣчи. Можно было бы подумать, что онъ предвидѣлъ слова своего патрона и заранѣе приготовился къ своей

ролѣ. Но для хорошаго іезуита никогда и ни въ чемъ не было нечаянности. И воспитаніемъ, и чтеніемъ, и множествомъ живыхъ примѣровъ подготовлялся онъ къ обладанію самыми разнородными характерами и къ направленью всѣхъ человѣческихъ страстей къ своей цѣли. Заговорило въ панѣ Громницѣ чувство братской любви и рыцарскаго уваженія къ сопернику,—онъ мимоходомъ, не нападая прямо, подавилъ это чувство въ панской душѣ, поставивъ запорожца наравнѣ съ разбойниками и уничтожилъ величіе личнаго характера его отсутствіемъ цѣли, достойной католика; а чтобъ заглушить и отголосокъ подавленнаго чувства, онъ искусно подогрѣлъ въ своемъ патронѣ тотъ благородный религіозный энтузіазмъ, который, подъ руководствомъ іезуитовъ, заставлялъ поляковъ совершать самыя неблагородныя дѣла.

— Я хотѣлъ только сказать, заговорилъ панъ Громница тономъ школьника, выслушавшаго учительское внушеніе, — я хотѣлъ только сказать, что съ моимъ братомъ, или съ тѣмъ, кто нѣкогда назывался братомъ моимъ, однимъ словомъ—съ этимъ завзятымъ запорожцемъ, можно бы было уладить дѣло полюбовно. Я знаю его натуру съ дѣтства, да слышалъ и про недавніе его поступки, что онъ вовсе не такъ жестокосердъ, какъ съ виду кажется. Еслибы съ нимъ обойтись покозацки, запроста, какъ между этими дикарями водится, онъ удовольствовался-бъ половиной и даже третью наслѣдства. А еще лучше—позвонить бы передъ нимъ *готовизною*[7]),—на золото и серебро эти азіатцы падки, какъ воронъ на свѣжій трупъ. Я увѣренъ, что онъ отступился бы, за небольшую сумму, отъ наслѣдства, съ которымъ ему, какъ запорожцу, почти что нечего дѣлать. Если запорожецъ не пьяница, то онъ, аскетъ. Ему нуженъ только добрый конь да оружіе; золото и сребро онъ добываетъ для вклада въ войсковой скарбъ или на церковь; а кто собираетъ не для себя, тотъ никогда за большимъ не погонится: такова натура человѣческая.

— Не согласенъ съ тобой, милостивый мой пане и добродѣй, отвѣчалъ іезуитъ.—Вопервыхъ, достоинство святой церкви нашей не должно было тебѣ позволить произносить, въ своемъ присутствіи, хулу на нее. Вовторыхъ, годится ли господину дѣлиться съ своимъ слугою отцовскимъ достояніемъ? Мы—господа всѣхъ земель, которыя принадлежатъ и будутъ принадлежать Польшѣ. Мы, шляхта, по праву оружія и вольностей, заслуженныхъ на полѣ чести, даемъ этой землѣ законы; и тотъ унизилъ бы достоинство шляхетской республики, кто бы допустилъ козака дѣлиться съ собой землями, какъ равнаго съ равнымъ. Между нами и ими не можетъ быть рѣчи о братскомъ дѣлежѣ польскою почвою. И того съ нихъ много, что позволяетъ имъ

---

[7]) Наличными деньгами.

республика гнѣздиться за Порогами и выпасывать своихъ лошадей на королевскихъ земляхъ за Каневомъ и Корсунемъ. На нихъ опирается схизма; они—самые упорные враги уніи; не забывай, какіе это братья. Еслибъ не эти братья, то праведная вѣра давно бы уперлась въ кавказскія горы и путь въ Москву давно былъ бы открытъ католичеству. Что касается до денежнаго подарка, то странно покупать то, что не сегодня, такъ завтра будетъ нашимъ!

— А если Димитрій убитъ? Если онъ захваченъ въ плѣнъ?

— Не можетъ съ нимъ случиться ни того, ни другого. Убъютъ или поймаютъ человѣка; носившаго это имя, но не самое имя. Какъ Іисусъ говорилъ, что можетъ Богъ изъ камня создать авраамовыхъ чадъ, такъ и я теперь скажу, что изъ среды насъ воздвигнетъ Господь однаго, другого и третьяго Димитрія, для расширенія владычества святой церкви своей. Но я укажу тебѣ, милостивый мой пане, еще одинъ путь къ овладѣнію твоимъ наслѣдствомъ. Вообрази только, что главный отрядъ нашъ попадетъ на наши слѣды—а это весьма возможно, или лучше сказать, невозможно этому иначе и быть, — мы тогда возьмемъ верхъ надъ козаками.

— Przepraszam pana dobrodzieja, сказалъ тутъ одинъ изъ спутниковъ пана Громницы, хорунжій его панцырной роты, по имени панъ Крыса,—я отрядилъ двоихъ изъ нашихъ, на лучшихъ коняхъ, чтобъ чатовали по нашему пути, не встрѣтятъ ли панской роты.

— Спасибо, пане Крыса, отвѣчалъ каштелянъ. — Въ такомъ случаѣ, будь ласковъ, пошли еще одного, чтобъ остановилъ ихъ въ лѣсу и далъ намъ знать, а между тѣмъ собери мнѣ такъ или иначе свѣдѣнія о числѣ козаковъ и объ ихъ становищахъ. Ты всегда отличался по этой части. Возможно ли это сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ?

— Ничего не можетъ быть легче, мой лоскавый пане! Этихъ воронъ только стóитъ поманить ласковыми рѣчами,—тотчасъ закаркаютъ. Имѣли мы съ ними дѣло подъ Лубнами и за Днѣпромъ; мы знали всю ихъ подноготную.

— Но мы здѣсь, кажется въ осадѣ?

— Никакой осады! Входъ и выходъ свободенъ каждому. Ихъ много, и потому они насъ не боятся.

— Хлопскій разумъ, замѣтилъ капеланъ, — хитеръ только въ западнѣ. Вырвавшись на волю, хлопъ опять забываетъ осторожность. Предусмотрительность дается только уму, облагороженному наукою.

— Это бы было славно, когда бы подоспѣли наши! говорили нѣкоторые изъ панской свиты, стараясь развеселить iegomościa.

— Да и подоспѣютъ! подхватывали другіе. — Мы только немного взяли въ сторону. Они разсышлютъ по всему лѣсу чатовниковъ и отыщутъ наши слѣды непремѣнно.

— Напрасно мы захватили съ собой этихъ монахинь, сказалъ панъ Громница.—Теперь онѣ отняли у насъ только лишнюю комнату; негдѣ намъ размѣститься.

— Это ужъ мое дѣло, вельможный пяне каштеляне! сказалъ іезуитъ.—Я не даромъ подсѣлъ къ нимъ въ возокъ. Мнѣ удалось выпытать у нихъ важныя показанія. Младшая изъ нихъ — дочь знатнаго боярина Берендѣя; старшая—сестра его, игуменья. Самый счастливый случай послалъ намъ эту встрѣчу. Какъ разсказалъ я имъ что́ дѣлается теперь въ Сѣверіи, онѣ перетревожились еще пуще, чѣмъ тогда, какъ мы ихъ захватили въ плѣнъ. Хорошо сдѣлали ихъ провожатые, что бѣжали. Теперь ничего не стоитъ намъ утаить ихъ отъ запорожцевъ. Онѣ благодарятъ Бога, что попали къ намъ къ руки: смотрятъ на насъ, какъ на своихъ защитниковъ.

— И справедливо сказалъ, панъ Громница.—Выкупъ дѣло военное, а обидѣть женщину я никому не позволю. Такъ ты думаешь, пане каплане, что за нихъ будетъ хорошій выкупъ?

— Этого мало: я сдѣлаю ихъ передовыми вѣстницами истиннаго ученія вѣры. Несчастныя московки лишены всякаго религіознаго образованія, такъ что можно сказать—только крестомъ отличаются отъ язычницъ. Съ удивленіемъ узнали онѣ отъ меня кое-что изъ исторіи церкви, и положитесь на меня, что онѣ будутъ моими искренними друзьями, какъ дитя становится естественно другомъ своей кормилицы. Духовное млеко, которымъ я напоилъ ихъ, произвело на нихъ самое утѣшительное дѣйствіе. Натуры прекрасныя, воспріимчивыя, при всемъ своемъ невѣжествѣ. Боже мой! продолжалъ іезуитъ поднявъ къ небу глаза съ возраженіемъ глубокаго чувства,—сколько даровъ твоихъ погребено въ этой землѣ, лишенной свѣта истинной вѣры! Обширное представляется намъ поле для воздѣлыванія вертограда Іисусова посреди дремучихъ московскихъ лѣсовъ. Что касается до васъ, людей свѣтскихъ, то велика ваша заслуга будетъ уже въ томъ отношеніи, что вы дадите возможность намъ, сѣятелямъ слова Божія, изыти безопасно на ниву нашу. Но, при такомъ возвышенномъ образѣ мыслей, какой имѣешь ты, вельможный пане каштеляне, какъ счастливъ долженъ быть край, въ который ты перенесешь свое могущество! О, не напрасно московскіе бояре способствуютъ нашему предпріятію, по мѣрѣ своихъ обстоятельствъ! при всемъ своемъ невѣжествѣ въ наукахъ, онѣ отличные политики[8]). Они понимаютъ, что только мы, польская шляхта, сдѣлавъ ихъ и наши интересы совмѣстными, дадимъ ихъ сосло-

---

[8]) Извѣстный польскій писатель XVII вѣка Хризостомъ Пасекъ, въ своихъ драгоцѣнныхъ Pamiętnikach, выражаетъ удивленіе къ политическимъ способностямъ необразованныхъ московскихъ бояръ.

вію все то достоинство, которое должно принадлежать имъ въ государствѣ. Поэтому-то не слѣдуетъ намъ падать духомъ ни въ какой временной невзгодѣ. За насъ и сила Божія, и сила человѣческая. Мы даруемъ новую жизнь московскому царству и, расширивъ польскую цивилизацію отъ Литвы до восточнаго океана, совершимъ дѣло, незабвенное въ глазахъ всего христіанскаго міра.

Походный капланъ каштеляна Громницы принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыми вдохновлялись Мурильо, Веласкецъ и другіе великіе живописцы XVI и XVII столѣтій, заставлявшіе стѣны магнатскихъ зáмковъ дышать фанатическою поэзіею католицизма. Пораженный величіемъ идеи, которою манилъ его краснорѣчивый ксензъ, панъ каштелянъ готовъ былъ видѣть въ немъ новаго святаго, который при жизни совершитъ подвиги, достойные пламеннаго Франциска, а по смерти, точно сверхъестественною силою, явится на дышащемъ жизнію холстѣ всюду, гдѣ съ роскошными пирами соединяются глубокіе замыслы во славу католической церкви. Впечатлѣніе, произведенное капланомъ на умы слушателей, еще усилилось отъ счастливой для нихъ случайности. Лишь только онъ замолчалъ, какъ отворилась дверь, и явился шляхтичъ Вáда изъ каштелянской роты, отъ которой они вчера отбились, желая поскорѣе добраться до какого нибудь жилья. Шляхтичъ Вада, исчерченный боевыми рубцами, человѣкъ богатырской наружности, какъ и самъ каштелянъ, сказавъ обычное у поляковъ привѣтствіе, началъ было заготовленную напередъ риторическую рѣчь, какъ это въ тѣ времена водилось между поляками, и уже выдралъ изъ классической древности „великаго Помпеюша", съ которымъ сравнивалъ пана каштеляна; но прелатъ подбѣжалъ къ нему и торжественнымъ движеніемъ руки положилъ на его уста печать молчанія. „Жизнь и смерть зависятъ отъ твоего извѣстія! шепнулъ онъ. — Молчи!"

— Аменъ! сказалъ торжественно панъ каштелянъ, и нѣсколько его спутниковъ, по знаку іезуита, стало у обѣихъ дверей. Подозвавъ къ себѣ жестомъ озадаченнаго вѣстника, панъ каштелянъ, вмѣстѣ съ прелатомъ, разспросилъ его, гдѣ и въ какомъ состояніи находится его рота. Тутъ панъ Крыса вызвался проводить вѣстового шляхтича черезъ хуторъ такъ ловко, чтобъ никто не обратилъ на него вниманія, а тотъ получилъ наказъ удержать панцырную роту въ лѣсу до ночи. Въ полночь она должа будетъ подойти къ затонамъ, а тамъ явится во главѣ ея самъ панъ каштелянъ и поведетъ на сонныхъ запорожцевъ.

Іезуитъ потеръ съ удовольствіемъ руки, какъ дѣлаетъ мастеръ, заготовясь къ любимому дѣлу, и сказалъ:

— Трудно исчислить всѣ преимущества, которыя пріобрѣтетъ панъ каштелянъ, утвердивъ за собой обладаніе отцовскими землями въ

Сѣверіи. Онъ получитъ новую wziętość[9]) не только въ глазахъ московскихъ бояръ, но и въ глазахъ шляхетской республики. Онъ можетъ найти въ Литвѣ арендатора, который выплатитъ ему огромную сумму готовизною; а наличныя деньги въ нынѣшнемъ нашемъ дѣлѣ будутъ въ его рукахъ волшебнымъ жезломъ, которымъ онъ откроетъ себѣ двери не только къ высшимъ государственнымъ мѣстамъ, но и къ новымъ крулевщизнамъ. Посадивъ на московскомъ престолѣ вѣрнаго слугу папы и короля, онъ у обоихъ заслужитъ самыя блистательныя награды; а подставивъ Димитрію скамейку, чтобы взойти на этотъ престолъ, онъ сдѣлается его другомъ и совѣтникомъ. Чего нельзя будетъ предпринять намъ тогда, составивъ *единосущную* и *нераздѣльную Троицу* изъ такихъ великихъ владыкъ, какъ папа римскій, король польскій и царь московскій?[10])

Въ эту минуту сильно постучались въ дверь изъ свѣтлицы, гдѣ отаманъ Тупу-Тупу-Табунъ читалъ псалтырь надъ усопшимъ Прокломъ Прокловичемъ. Всѣ вздрогнули, кромѣ іезуита, который воспитаніемъ своимъ былъ приготовленъ не смущаться ничѣмъ. Онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы шляхтича Ваду и пана Крысу выпустили въ другую дверь, а между тѣмъ спросилъ!

— Кто стучится? Что̀ нужно!

— Одчиніть, такъ и зна̀тимете! заревѣлъ, какъ рупоръ, громовый голосъ Харла̀ Дожени-Каторги.

Дверь отворилась. Сурово, какъ волкъ, окинулъ запорожецъ глазами панскую группу и сказалъ:

— Вотъ вамъ, панове ляхи, весь мой домъ отдаю на стоянку, чи по вашему—на гибѐрну. Тѣло почившаго въ Бозѣ моего панъ-отца вынесемъ заразъ въ церковь. Вотъ вамъ и свѣтлица для вельможнаго пана каштеляна. Зимуйте до тѣхъ поръ, пока заживетъ его рана. Я велѣлъ и харчъ вамъ отпускать довольную: вы привыкли обѣдать ласо, особливо—на казацкой батьковщинѣ. И медовъ отпуститъ вамъ батько Потапъ, сколько вмѣстится въ вашихъ чѐревахъ. А кто обопьется, то братчики мои не дадутъ пропасть, какъ волу на свѣжей бардѣ: шиломъ у здухови̇ны, да, урѣзавши уха погоняютъ, сколько нужно, по хутору,—и будетъ живъ и здоровъ. Мы не прочь служить и угождать вельможному шляхетству. Прошу-жъ васъ, мои милые гости, взять на свое попеченіе хвораго московскаго воеводича. Вы безъ аптеки не ѣздите, а наши запорожскіе лѣки для такого паненяти не годятся: мы свои раны замазываемъ землею, размѣшавши съ порохомъ.

---

[9]) Значеніе, сила.

[10]) Это говоритъ іезуитъ. Іезуитамъ свойственно было кощунствовать въ своемъ увлеченіи фанатизмомъ. *Прим. Ред.*

Воеводичъ лежитъ за занавѣскою, въ той свѣтличкѣ, куда вы впустили своихъ бабъ—не при хатѣ ихъ споминать! Такъ вотъ вамъ всѣ выгоды, живите себѣ до схочу́,—все равно придется послѣ вашего набоже́нства хаты святить. Только знайте: тихо сидите, не затѣвайте никакихъ іезуитскихъ штукъ! Я человѣкъ смирный, но у меня въ курииѣ есть такіе мургурые коты, что одной лапой по парѣ ляховъ и недо́ляшковъ хватаютъ. Такъ я ни за одну вашу голову не ручаюсь. Вотъ вамъ и вся моя рація. Прощайте!

— Oto gbur [11])! Oto nie edukowana bestya [12])! говорили между собой въ полъ-голоса шляхтичи.—Но погодите, дикіе степные жеребцы! мы васъ уберемъ въ шоры!

Панъ каштелянъ и его походный капланъ сочли неприличнымъ даже выражать свое негодованіе, какъ будто передъ ними проревѣлъ цѣпной медвѣдь. Спокойно-гордая осанка, съ которой они выслушали запорожца, давали чувствовать ихъ собратіямъ, какъ велико растояніе между гербовымъ шляхтичемъ, воспитаннымъ среди блестящаго европейскаго общества, и между темнымъ степнымъ наѣздникомъ, чуждымъ высокихъ шляхетскихъ интересовъ.

П. Кулишъ.

24 сентября, 1862.
Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

---

[11]) Мужикъ, грубіянъ.
[12]) Невоспитанный звѣрь.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО

ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

III.

СКРЫТАЯ ЖЕРТВА ПЕРУНА.

Спускаясь съ града по Боричеву, къ пристани на Ручаю, по лѣвую сторону, на взгорьѣ горы Кія и по оврагу, было разбросано довольно много небольшихъ хижинъ и, кое гдѣ между ними зеленѣли высокія и тѣнистыя сосны. Это была *Пасынча Бесѣда*, а за нею, къ Ручаю, также въ разбросанныхъ у подошвы возвышенностей и въ прорытыхъ во внутрь возвышенностей землянкахъ, жили *Козары*.

Знаете ли гдѣ на родной Руси прозябло и взошло первое святое сѣмячко христіанской вѣры? А вотъ здѣсь то! Здѣсь то Первозванный апостолъ Андрей, приплывши съ учениками къ высотамъ кіевскимъ, остановилъ свою ладью на берегѣ Ручая, какъ въ самомъ удобномъ мѣстѣ къ выходу на берегъ, и благословенная стопа его ступила на тотъ золотисто-пещаный берегъ, на которомъ жили Козары, первые изъ жителей на мѣстности нынѣшняго Кіева, принявшіе христіанство. Съ незапамятныхъ временъ Козары строили божницы и прославляли въ нихъ имя Спасителя міра, къ Козарамъ присоединились Варяги, жившіе подлѣ нихъ, коихъ также большое число, подражая Козарамъ, признали христіанство.

Князь Аскольдъ, пораженный въ Цареградѣ чудесами христіанской вѣры, позналъ истиннаго Бога, и во святомъ крещеніи принявъ имя Николая, возвратился въ свой градъ, построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нога апостола ступила на кіевскій берегъ—церковь во имя св. Иліи.

Эта то церковь и при князѣ Игорѣ стояла въ концѣ *Козаръ,* надъ Ручаемъ, смотрясь въ его тихія воды. Въ той церкви присягала крещеная Игорева Русь, хранить вѣчный міръ съ Греками.

Въ *Беспдп* жили побочныя жены, или вѣрнѣе сказать, наложницы *бояръ* и *знатныхъ мужей,* приближенныхъ къ велико-княжескому двору. Здѣсь выростали ихъ пасынки, а потому то *Беспда* или поселеніе и называлось Пасынча Бесѣда. То было время, въ которое в. князья содержали въ разныхъ мѣстахъ г. Кіева и за Кіевомъ, не только десятки, но и сотни наложницъ. Въ этомъ князьямъ подражали и придворные бояре ихъ и воеводы, содержа по двѣ и по три законныхъ женъ при себѣ и по десяткамъ наложницъ въ Бесѣдѣ, какъ въ самой ближайшей мѣстности къ городу. Славянское вѣрованіе допускало и многоженство.

Въ одной изъ доминъ Пасынчей Бесѣды, стоявшей на бугрѣ, среди группы сосенъ, подъ густою тѣнью ихъ вѣтвей, раздавался пронзительный женскій вопль и слышался вокругъ домины на далекое разстояніе. Полусогнившая дверь домины была кое какъ притворена, а у отдушины, замѣнявшей окно, и вмѣсто стекла закрытой грязною тряпкою, стоялъ прижавшись къ стѣнѣ Костарь. Желая знать, что дѣлается въ доминѣ, онъ осторожно выдвигалъ тряпку изъ отдушины и казалось, если еще разъ дернетъ тряпку, то она останется въ его рукахъ. Тутъ вовсе для него неожиданно, изъ дупла находившагося при землѣ, у корня ближайшей сосны, рванулся кудлатый рослый песъ, прямо подъ ноги Костаря, который, вовсе не ожидая такого случая, чрезвычайно испугался, и еслибы Костарь не отбился *сосудиной,* которую держалъ въ рукѣ, то навѣрное песъ свалилъ бы его съ ногъ, и, пожалуй, чего добраго, отгрызъ бы его длинныя уши. Видя, что песъ не отстаетъ отъ него и силится схватить за ноги, Костарь закричалъ благимъ матомъ.

Вѣроятно неистовый крикъ Костаря и былъ причиною того, что дверь хижины заскрипѣла и отворилась. На дворъ, изъ-за дверей, высунулась, съ растрепанными волосами, голова женщины, у которой глаза отъ слезъ налились кровью. Увидѣвъ Костаря, женщина отшатнулась отъ двери, но потомъ въ мигъ, какъ бы опомнившись, съ замѣтнымъ внутреннимъ волненіемъ, произнесла:

— Чего пришелъ?

— Оборони, защищаясь сосудиной, проговорилъ Костарь.

Женщина вышла на дворъ, подошла къ собакѣ, взяла ее за голову и въ то время Костарь, опираясь на палку свою, вошелъ въ хижину; вслѣдъ за нимъ вошла женщина, и дверь домины по прежнему притворилась.

Въ хижинѣ, на земляномъ полу, играли двѣ малолѣтнія дѣвочки;

старшей было года четыре. Въ колыбелькѣ, привязанной къ сволоку, спало новорожденное дитя. По нѣкоторымъ вещамъ и рухляди, находившимся въ хижинѣ, можно было замѣтить не только довольство живущихъ въ ней, но даже и нѣкоторую роскошь. Много посуды было металлической, греческой работы. По стѣнамъ, на гвоздяхъ висѣли женскія эпончицы и подницы изъ дорогихъ цареградскихъ матерій. Въ углу хижины, на полкѣ стоялъ серебрянный чеканный турій рогъ. Не смотря однако на эти вещи, въ хижинѣ во всемъ виднѣлся страшный безпорядокъ, небрежность въ сбереженіи всего и неопрятность.

— Что за *туга* нашла на тебя? Я слышалъ, ты, какъ волчица, выла, спросилъ Костарь женщину, садясь въ хижинѣ на прилавкѣ.

Женщина неутѣшно зарыдала.

— Глупая, что съ тобою? Скажи, быть можетъ, я помогу твоимъ слезамъ, разгоню твою печаль.

За слезами женщина не могла отвѣчать на вопросъ Костаря. Въ то время въ груди ея былъ цѣлый адъ. Страшное грядущее и неотразимое горе терзало и жало ея материнское сердце.

— Глупая, что съ тобою, отвѣчай, вѣдь если въ голову твою и гвоздь всадятъ, такъ еще онъ не принесенъ. Отвѣчай, быть можетъ, я помогу твоему горю.

— Асмудъ требуетъ, чтобы я это дитя мое удушила, или принесла въ жертву богу Перуну, за то, что я рожаю дѣвочекъ а не мальчика. Тебя убью, говоритъ онъ, если ты не послушаешься меня. Принеси дѣвчонку Перуну, умилостиви его жертвою, и у тебя родится сынъ. Тогда ты будешь моя законная жена и я возьму тебя въ свою домину, такъ говоритъ этотъ триклятый чертъ Асмудъ.

— Такъ чего же печалиться, есть изъ-за чего слезы лить! Ну и принеси этотъ кусокъ мяса Перуну, а вотъ родишь сына и будешь большою бояринею, Асмудъ тебѣ дѣло говоритъ. Видишь ты, все у тебя родятся дѣвчонки, да дѣвчонки.

Женщина закрыла лице руками и снова залилась горькими слезами.

— Глупая, ужъ право глупая!

— Какъ глупая? Я мать, мнѣ ли убивать мое дитя?....

— Отдай мнѣ, я завтра же поднесу его къ Перуну; ты знаешь, какъ я быстро рѣжу жертвы, неуспѣетъ зѣницу опустить, какъ ужъ и голова по землѣ покатится. Почему знать, можетъ быть, Перунъ и на тебя усомъ моргнетъ и у тебя родится сынъ.

Мать прильнула къ колыбели ребенка и облила его потоками горячихъ слезъ.

— Завтра, завтра, я не буду видѣть тебя, дитя мое, сердце мое, жизнь моя!...

— Да полно рыдать. Три дня пройдетъ, и будешь радоваться, не

ты первая изъ матерей, не ты и послѣдняя истребишь лишній кусокъ негоднаго мяса. Вотъ у насъ, родится у какой печенѣжки дочь, ну и оставятъ ее въ семьѣ, а родится другая, подкормятъ немного, станетъ по травѣ бѣгать, и въ продажу ее, мать и получитъ что либо: или монисто, или дорогую одежду, или что иное. А ужъ рыдать, какъ ты, не станетъ. Нѣтъ ли у тебя меду, да добраго, знаешь, чтобы въ голову шибнуло, чтобы такъ все кругомъ пошло, какъ выпью рогъ или два. Я усталъ, сильно усталъ, пока добрелъ къ твоей доминѣ. Дядя Асмудъ нарочно прислалъ меня къ тебѣ, говоритъ, поди къ этой плакальщицѣ, наставъ ее закону; вотъ я и прибрелъ. Ну, не плачь, дай же меду, душу отвести.

Читатель, ты знакомъ и съ этой несчастной жертвой славянскаго, языческаго вѣрованія. Присмотрись къ чертамъ ея лица, отуманеннаго и изнеможеннаго печалью, и узнаешь въ ней прелестную Аллу, которая нѣсколько лѣтъ назадъ ликовала вмѣстѣ съ Олелью и подругами на праздникѣ *Матери солнца, великой богини любви—Ладо*. Присмотрись, читатель, у Аллы тѣ-же пламенныя черныя очи, осѣненныя такими же дугами бровей, тѣ-же маленькіе кораловые уста, *изъ коихъ*, по выраженію лѣтописца, *медъ каплетъ;* изъ-подъ бѣлаго плата падаютъ на лебединую шею тѣ-же прекрасныя густыя пряди шелковитыхъ свѣтлыхъ волосъ, тѣ-же прелестно округленныя кисти рукъ.

Несчастливая мать, убитая лютою скорбію, должна была повиноваться настойчивому требованію отвратительнаго урода: она подошла къ полкѣ, придѣланной къ передней стѣнѣ домины, сняла большой узкогорлый, мѣдный кувшинъ и такую же судину и подала Костарю.

— Пей, сколько душѣ твоей угодно, но только скажи, какъ спасти дочь мою?

Костарь тужъ минуту наполнилъ судину, которая вмѣстимостію была вдвое болѣе каждаго нашего стакана и сразу ее осушилъ.

— Добрый, очень добрый медъ, что говоришь, отирая свои усы рукою, спросилъ Костарь?

— Научи меня какъ спасти дочь мою. О, тяжкое горе ждетъ меня!...

— Не рыдай глупая, дай меду напьюсь.

— О, боги!...

— Выпью еще судину, голова просвѣтлѣетъ, вотъ тогда, быть можетъ, и вбредетъ на умъ для тебя полезное.

— Пей, мой добродѣй, пей, мой милостивецъ, и дай совѣтъ, какъ спасти мою милую крошку, мою душу, мою жизнь, мое дитя....

Костарь спокойно, не обращая никакого вниманія на раздиравшее душу страданіе несчастной матери, наполнилъ судину болѣе чѣмъ второй разъ и по прежнему осушилъ ее до дна. Однако-же лице его, и безъ хмѣльнаго напитка багровое, теперь уже посинѣло, очи забли-

стали какъ у хищнаго звѣря, ротъ сильнѣе скривился на сторону, губы растянулись и судорожно дрожали, даже щетинистые волосы его поднялись вверхъ, какъ у ёжа.

— Ты мнѣ мила Алла, ты всегда поишь меня добрымъ медомъ, да хранятъ тебя Перунъ и Волосъ и Дажбу-богъ, да будетъ съ тобою Лада и Стрибу-богъ, да будутъ съ тобою всѣ боги, ты всегда поишь меня добрымъ медомъ, дай-же еще и *страви* какой, ѣсть хочу.

Алла встала отъ колыбели и, съ той же полки, съ которой сняла куфу съ медомъ, сняла деревянный лотокъ, на которомъ лежалъ кусокъ жареной рыбы и подала Костарю.

— Ладно ты меня поишь и кормишь.—Произнося слова эти, Костарь налилъ въ судину меду, и осушилъ ее.

— Давно приходилъ сюда Волчій Хвостъ?

— Какъ давно, каждый день шляется здѣсь, да людъ обижаетъ.

— Да онъ нынѣ отъ княжаго двора кормится. Свѣнельдъ отнялъ его отъ меня, когда нестало Олели и посадилъ его на княжъ дворъ.

— Этакую собаку, на княжъ дворъ. Вчера онъ прибѣгалъ сюда съ Асмудомъ и когда Асмудъ сказалъ, чтобы я задушила мою крошку—дочь, такъ этотъ триклятый Волчій Хвостъ схватилъ малютку и ужъ началъ было душить; чрезъ силу могла я вырвать дитя изъ звѣрскихъ его рукъ. О, ужъ дался знать мнѣ этотъ Волчій Хвостъ!

— Знай Алла, что триклятый Волчій Хвостъ можетъ тебѣ стать и въ большой пригодѣ.

— Какъ такъ, не пригласить ли его дѣтямъ сказки сказывать?

— Я тебѣ говорю истину, ты не желаешь дитя твое предать въ жертву богу Перуну?

— Мнѣ ли этого желать, мнѣ ли оторвать изъ сердца моего дитя мое?—Алла начала рыдать.

— Опять рыданье, опять потоки слезъ. Да ты меня не размягчишь, ты, я думаю знаешь, что я давно привыкъ и къ слезамъ матерей, у коихъ отбираютъ дѣтей для жертвъ Перуну и къ потокамъ крови, кои текутъ по рукамъ моимъ, когда я рѣжу этихъ дѣтей предъ богомъ грома и молніи, который, впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ на своемъ стоялѣ, еще ни разу ни загремѣлъ и молній не пустилъ, а отъ сильнаго вѣтра и самъ не разъ скрипѣлъ и качался.

— Безбожникъ ты, Костарь, ты славянскихъ боговъ не чтишь, ты кажется не думаешь о томъ, что боги тебя могутъ *покарать*.

— Покараютъ сосудиной по изкалѣченной спинѣ моей, только не боги славянскіе, а людъ, а въ особенности, когда я начну на площади перуновой изъ подъ хмѣля правду баять, про славянскихъ боговъ, которые ничто другое какъ гнилые полѣнья...

— Эй, Костарь, Костарь, ужъ, право, не умрешь ты своею смертью,

не сносить тебѣ головы на плечахъ твоихъ, ужъ и такъ она полуоторвана. Право, ты какъ только хмѣленъ, такъ и начинаешь бранить славянскихъ боговъ.

— Какъ не бранить, оглянись вокругъ, сколько въ Кіевѣ люда, который не только не поклоняется полугнилымъ бревнамъ, но также, какъ и я, презираютъ этихъ боговъ. Вотъ крещеные—иное дѣло, хвалятъ Бога на небѣ... Они говорятъ, что Богъ, создавшій землю, выше луны и солнца живетъ, и въ словахъ ихъ есть какая-то правда. Да и среди кіевскаго люда много уже такихъ, которые хорошо знаютъ, что Перунъ полѣно, а не богъ; только нельзя этого имъ такъ громко говорить, какъ мнѣ, я печенѣжская собака, мнѣ все можно, а Славянина за провозглашеніе такой истины, пожалуй, предъ Перуномъ распилятъ на части. Но настанетъ время, когда всѣ эти полѣнья полетятъ со своихъ стояловъ, и это время ужъ не далеко, недаромъ во градѣ Кіевѣ, въ *Козарахъ*, на аскольдовой да и по другимъ мѣстамъ намножилось столько крещенаго люда....

— Полно тебѣ баять, по пустому, ужъ, право, какъ только хмѣль въ голову, на языкъ бредни,

— Ну, чтожъ, Алла тебѣ жаль твоей малютки, не желаешь принесть ее въ жертву Перуну?

— Что ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Слушай, я тебѣ сказалъ, что нынѣ вездѣ крещенаго люда завелось много и на *Угорищѣ* ихъ самое пристанище, тамъ, сказываютъ, даже *волхвы* ихъ живутъ въ потаенныхъ мѣстахъ. Противники славянскихъ боговъ, крещеные многихъ женъ не знаютъ, не такъ какъ славянскій людъ. Крещеные толкуютъ перунщикамъ, что всѣ, покланяющіеся Перуну и приносящіе ему въ жертву людей, по смерти будутъ съ чернобогомъ въ вѣчномъ огнѣ горѣть, а они, крещеные, по смерти переселятся въ свѣтлое мѣсто. На *Угорищѣ* живетъ самый старшій волхвъ, и крещенымъ и не крещенымъ толкуетъ, что не слѣдуетъ приносить въ жертву Перуну и другимъ богамъ, не только живыхъ людей, но даже животныхъ и даже воробья для Перуна грѣшно принесть въ жертву. Грѣхъ, великій грѣхъ покланяться деревянымъ идоламъ. Великая княгиня, на рукахъ носитъ этого стараго крещенаго волхва, души въ немъ не слышитъ, во всемъ его слушаетъ, а крещеныхъ какъ принимаетъ, какъ ихъ честитъ, и сказать не можно. Великая княгиня сама скоро сдѣлается *крещенкою;* о, тогда убирайтесь вы, *полѣнщики-перунщики*, съ вашими идолами; не одна такая церковь какъ Иліи построится въ Кіевѣ, не будетъ во градѣ нести въ воздухѣ съ утра до вечера мертвечиною, какъ несетъ оттуда теперь, потому, что предъ Перуномъ потоки крови людской не изсякаютъ; людскія тѣла десятками лежатъ вокругъ болвана и по ночамъ разтерзываются псами...

Знаешь, Алла, мнѣ въ голову пришла славная мысль. Я истинно желаю спасти твое дитя и тебѣ этимъ угодить; ты не можешь и не должна оставлять его при себѣ. Асмудъ ревностный перунщикъ. Свѣнельдъ, другое дѣло, тотъ смѣется и надъ перунщиками и надъ волхвомъ крещеныхъ, тотъ одинаково мучитъ и жида и крещенаго, и идольщика и всякаго другаго человѣка. Тотъ говоритъ: я самъ Перунъ, какъ возьму мечь и пойду въ поле противъ враговъ, мечемъ моимъ я и Перуну скошу голову. Потому то и я на свѣтѣ живу, а будь Свѣнельдъ другихъ мыслей, ужъ давно бы твой *ближникъ* Костарь на мелкія пирожныя части разсѣченъ былъ. Да, Асмудъ ревностный перунщикъ, онъ положилъ завѣтъ принесть дочь твою въ жертву Перуну, чтобы у тебя рождались сыновья, и это неизмѣнно исполнитъ. Мой совѣтъ такой: положимъ на порогъ домины угорскаго волхва твою дочь. Повѣрь, что старый волхвъ съ радостію и стараніемъ *воздоитъ* твою дочь. Конечно, положить надобно тайно, чтобы волхвъ не зналъ, чья именно дочь. Для этого мы уговоримъ Волчій Хвостъ, онъ на это согласится, лишь бы ты его хорошо попросила.

Алла задумалась.

— Спасу ли я этимъ отъ смерти дитя мое?

— Конечно.

— Быть можетъ скорѣе приведу его къ смерти.

— Глупая, что ты!

— Ахъ, боги мои, Лада моя!

—Слушай меня, положись во всемъ на меня. Я дочь твою спасу отъ смерти предъ Перуномъ.

— Если и такъ, если я дочь свою отдамъ *Волчьему Хвосту,* не задушитъ ли онъ дитя мое?

— Не задушитъ. Ты напой его медомъ, я его упрошу сдѣлать доброе для тебя дѣло. Быть можетъ, еще не разъ и ты ему *станешь въ пригодъ.*

Лице Аллы нѣсколько прояснилось, слезы не текли изъ глазъ, уста оживились и движенія ея были болѣе натуральны, болѣе покойны.

— И здѣсь горе, и большое горе!

— Какое?

— Все равно, я не могу видѣть мою дочь.

— Конечно, каждый день не можешь видѣть, но ищи случая, и хоть изрѣдка, а можешь знать, что дѣлается съ твоею дочерью, а въ другой разъ и повидѣть тебѣ ее удастся.

— Я не знаю, что это за крещеный людъ; быть можетъ они хотя не приносятъ людей въ жертву Перуну, такъ ѣдятъ ихъ, и то быть можетъ. Почему же перунщики такъ не любятъ крещеныхъ?

— Крещеные славный и добрый людъ. Крещеные не жрутъ дѣтей

и людей, даже не мучатъ мальчишекъ, какъ жиды, чтобъ изъ нихъ стянуть кровь и ею въ праздники кропить свои домины и въ брашно класть. Крещеные ѣдятъ рыбу и всякую варенную страву.

— Ты говоришь, что крещеные добрый людъ.

— Истинно такъ. Перунщикамъ же они ненавистны отъ того, что не чтутъ Перуна, Бѣлбога, Дажбу-бога и Стрибу-бога. Для крещеныхъ и Мокошъ и Ладо не боги.

— И Ладо не богъ?

— Да и Ладо не богъ. Я тебѣ сказалъ, у крещеныхъ въ церкви ихъ витаетъ Богъ, который витаетъ всюду и все знаетъ и все творитъ, а его никто и нигдѣ не видѣлъ и кровавыхъ жертвъ ему не нужно.

Алла съ удивленіемъ и недоумѣніемъ покачала головою.

— Не знаю, что это за людъ такой. Я даже не видѣла того *кобника*, который живетъ на Угорищѣ.

— Я тебѣ сказалъ, что угорскій крещеный *кобникъ* воздоитъ твою дочь, и она будетъ счастлива, иначе завтра же будетъ она на *жертвищѣ* и ночью кости ея обгложутъ псы.

— О, если такъ, я послушаю тебя, Костарь, мой добрый Костарь. Помоги мнѣ спасти дочь мою, мое дитя....

Въ продолженіи этого разговора Костаръ не забывалъ, безъ церемоніи, угощать себя медомъ, который, всякій разъ какъ осушалъ судину, похваливалъ. Подъ конецъ разговора дошло до того, что Костарь мѣшался уже въ словахъ, рѣчь его была безъ связи, глазъ закрывался, дыханіе Костаря сдѣлалось тяжелымъ и онъ, качаясь на скамьѣ, то въ одну, то въ другую сторону, свалился на полъ и уснулъ богатырскимъ сномъ.

Подперши рукою голову, Алла долго сидѣла въ задумчивости, потомъ взоръ ея упалъ въ колыбель ребенка, потомъ посмотрѣла она на Костаря, котораго храпъ былъ столь же громокъ, какъ плачь и вопль Аллы, недавно умолкшій. Алла думала о предложенномъ ей Костаремъ средствѣ спасти дочь, обдумывала другія средства, и не находила ни одного по своему желанію, т. е. спасти дочь отъ смерти и оставить ее при себѣ. О томъ, чтобъ упросить Асмуда отложить его намѣреніе, и мысль у нее не могла родиться, ибо Асмудъ, когда Алла родила первую дочь хотѣлъ, чтобы мать принесла и ее въ жертву, дабы затѣмъ Перунъ послалъ ей сына. Не придумавши ничего лучше и утѣшительнѣе, какъ предложенное ей средство Костаремъ, Алла твердо остановила мысль свою на немъ. Но одна мысль родила тысячи другихъ, — одна другой противныхъ, одна другую разсѣвающихъ. Алла думала: что если Асмудъ узнаетъ гдѣ ея дочь? — Отвѣтъ немедленно сложился въ ея головѣ: о, тогда Асмудъ пошлетъ на Угорище отыскать ребенка и тогда

не будетъ ему спасенія. Спрошу Костаря, что онъ мнѣ на это отвѣтитъ?

Алла подошла къ Костарю и начала толкать его въ бокъ ногою. Костарь, какъ бревно, катался по полу и, казалось, совершенно былъ безъ чувствъ.

— И поганый *Волченокъ* можетъ мнѣ такую пакость сдѣлать, думала Алла, вспомнивши шалости и поступки *Волчьяго Хвоста*, О, еслибы я знала гдѣ его мать, гдѣ моя несравненная Олель. Она бы, она одна помогла бы мнѣ въ моемъ настоящемъ горѣ. Костарь! А, Костарь! Скоро ли ты, соломенное чучело, печенѣжскій черно-богъ, отверезишься, скоро ли очнешься? Асмудъ скоро прійдетъ, вырветъ изъ рукъ моихъ мое дитя, что мнѣ дѣлать?...

— Я не сплю, успокойся! Хрипло прошепталъ Костарь, перекатясь съ одного бока на другой, и въ одно мгновеніе захрапѣлъ пуще прежняго.

— Не спишь? Какъ не спишь? храпишь словно туръ какой, валяешься словно бревно надворное.

Алла отошла отъ Костаря, усѣлась на прежнемъ мѣстѣ, взяла ребенка изъ колыбели, прижала его крѣпче прежняго къ груди своей и горячо поцѣловала. Ребенокъ закричалъ. Мать положила его на лѣвую руку и подала грудь. Голова Аллы склонилась, взоръ устремился на сосущаго ребенка и она глубоко задумалась. А Костарь храпѣлъ по прежнему, подлинно будто туръ, раненный каленою стрѣлою.

Вдругъ, нежданно легкій стукъ у двери прервалъ задумчивость Аллы. Она вздрогнула, приподняла голову и устремила испуганный взоръ на дверь. Стукъ вскорѣ повторился, потомъ еще нѣсколько разъ и все сильнѣе и сильнѣе. Алла затрепетала отъ страха, сердце ея замерло, холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу и она вся дрожала. Еще стукъ, и дверь, вотъ вотъ, казалось, распадется на части.

— Кто тамъ? Едва могла произнести, дрожавшимъ голосомъ Алла.

— Оттвори, увидишь!

— Кто?

— Оттвори, увидишь, оттвори!

Положивъ ребенка въ колыбель и прикрывъ его холстиной, Алла въ страшномъ трепетѣ подошла къ двери, отодвинула *запону*. Дверь, скрыпя на вереяхъ, отворилась и въ хижину вошелъ Волчій Хвостъ, неся за спиною убитаго младенца, проткнувъ свой кій, который обыкновенно носилъ, въ разрѣзъ шеи у младенца.

Увидя предъ собою зарѣзаннаго младенца, воткнутаго на палку и несеннаго Волчьимъ Хвостомъ, Алла обезпамятовала. Ей представилось, что Волчій Хвостъ пришелъ тоже сдѣлать и съ ея малюткою.

На срединѣ хижины, подлѣ валявшагося Костаря, Волчій Хвостъ сбросилъ съ плечъ свою ношу.

— Проклятое крещеное щеня. Подъ ноги попался, я его кіемъ по головѣ, разрѣзалъ шею, воткнулъ на кій да и сюда притащилъ.

Алла едва собралась съ силами и опустилась на сидѣнье, опустивъ руки и, какъ славянскій болванъ Лады—была безъ движенія.

— А, старая печенѣжская собака, Костарь, и ты здѣсь!... Костарь, а Костарь!—не слышитъ.... Костарь, а Костарь, песъ изъ жертвища, проснись, пьяный боровъ, кричалъ во все горло Волчій Хвостъ, а въ то время на дворѣ, со стороны Козаръ, въ довольно близкомъ разстояніи отъ хижины слышались громкіе крики, говоръ народной толпы и пронзительный отчаянный женскій вопль.

Волчій Хвостъ вздрогнулъ. Онъ понялъ, что мать убитаго младенца и толпа Козаръ его преслѣдуютъ.

— Спаси меня! въ испугѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, тихо произнесъ Волчій Хвостъ.

Алла, какъ безумная вскочила съ своего мѣста, платъ ея головной свалился и густыя длиныя волосы ниспали по плечамъ прядями до колѣнъ; взоръ ея и безъ того страшный, выразилъ ужасное состояніе духа.

— Спаси, сокрой меня и этотъ трупъ дитяти, иначе я и всѣ мы здѣсь погибнемъ, насъ убьютъ крещеные, Козары.

Откуда взялась смѣлость и можно сказать волшебная сила у этой женщины. Въ мгновеніе ока она схватила правою рукою за воротъ Волчій Хвостъ и сказала:

— Бери—указала на тѣло убитаго младенца и вытащила Волчій Хвостъ за двери хижины.—Лѣзь туда!—Сказала она, указавъ на диру подъ основаніемъ хижины, въ которую обыкновенно прятался ея песъ, и приманувъ въ хижину собаку, лежавшую у корня сосны, близь дупла, возвратилась въ хижину, заперла дверь и усѣлась у колыбели; песъ съ жадностію слизалъ потокъ крови, излившійся изъ раны убитаго младенца и этимъ скрытъ былъ и малѣйшій слѣдъ пребыванія въ хижинѣ Волчьяго Хвоста. Облизавшись послѣ крови, кудлатый песъ обнюхалъ хмѣльнаго Костаря, чихнулъ раза два и спокойно улегся у порога.

Неистовый крикъ народа, заходившаго то въ одну, то въ другую хижину, раздавался уже у самой хижины Аллы. Вдругъ послѣдовалъ сильный ударъ въ утлую дверь хижины, и она повалилась во внутрь жилья и въ одно мгновеніе оно наполнилось разъяренными, вооруженными луками и копьями, Козарами.

— Сюда забѣжалъ Волчій Хвостъ, гдѣ онъ, гдѣ этотъ триклятый бѣсъ? спрашивалъ онѣмѣвшую Аллу Козаръ, у котораго по козарскому обыкновенію голова была гладко выбрита и только одна длинная прядь волосъ была завита за правое ухо.

— Гдѣ дитя мое, кричала молодая Козарка. Юный возрастъ и свѣжее лице ясно доказывали, что она имѣла первое дитя, котораго лишилась.

Алла не могла отвѣчать.

— Гдѣ Волчій Хвостъ? спрашивала толпа стуча копьями.

— Вотъ валяется триклятое чудовище, сказалъ одинъ изъ Козаръ, увидѣвъ Костаря и концемъ копья началъ переворачивать его съ бока на бокъ.

— Не тронь его, это не Волчій Хвостъ, это видишь кто, идольскій кобникъ.

— Это не онъ, сказалъ другой Козаръ, это Костарь, волхвъ и ближникъ княжескій; нетронь его.

— Гдѣ Волчій Хвостъ, говори, мы пришли разкрошить его на части, дался уже онъ намъ знать! Дѣтей нашихъ убиваетъ....

— Говори, говори, гдѣ дитя мое, ревѣла, въ свою очередь, Козарка, толкая Аллу то въ плечо, то въ спину.

— Говори, а нето убьемъ твоихъ дѣтей и тебя; говори не укрывай діаволенка!... Въ иступленіи проговорилъ старикъ изъ толпы Козаръ, черный какъ цыганъ и рванулся было къ колыбели.

— Ай, ай, боже Перуне, я ничего не знаю...., вырываясь изъ рукъ Козарки, кричала Алла, а Козарка кинулась было къ колыбели чтобы схватить малютку.

— Не трогай ее! сказалъ Козаркѣ одинъ изъ Козаръ, она все скажетъ.

— Костарь, а Костарь! Въ отчаяніи кричала Алла, наклонясь надъ колыбелью и руками защищала другихъ двухъ малютокъ отъ Козаръ, видя что они желали схватить ея дѣтей.

Костарь, толкаемый со всѣхъ сторонъ, очнулся, приподнялся, сѣлъ, протеръ кулакомъ око и зѣвнулъ на всю хижину.

— Что это за нечестный людъ?

— Меня и дѣтей хотятъ убить, не знаю, что имъ нужно.

— Намъ нужно знать гдѣ Волчій Хвостъ, говори, а то всѣхъ васъ здѣсь убьемъ и клѣть розметаемъ.

— Кого вамъ нужно? спросилъ Костарь.

— Гдѣ Волчій Хвостъ? Онъ дитя мое схватилъ и унесъ. Проговорила Козарка, мать унесеннаго ребенка.

— Волчій Хвостъ на княжьемъ дворѣ. Я его тамъ видѣлъ, какъ шелъ сюда. Здѣсь же его вовсе не было.—Спокойню отвѣчалъ Костарь, ничего не зная о случившемся.

— Она видѣла, что онъ схвативши дитя побѣжалъ къ этой доминѣ, сказалъ Козаръ, намѣревавшійся схватить малютку Аллы.

— Она видѣла, какъ Волчій Хвостъ сюда побѣжалъ, а я здѣсь

давно. Пилъ же медъ и ѣлъ стравы и не видѣлъ Волчьяго Хвоста. Если бы вы были людъ разумный, такъ скорѣе бы догоняли Волчій Хвостъ, чтобы отнять ребенка, а то, пожалуй, онъ его и къ богамъ отправитъ, вѣдь непремѣнно надобно на завтра въ жертву крещенаго ребенка, вотъ онъ и подцѣпилъ. У меня ужь и жертвище приготовлено.

Козары въ недоумѣніи посмотрѣли одинъ на другаго, и, казалось, вполнѣ убѣждались спокойнымъ отвѣтомъ Костаря, котораго также, какъ и идольщики, считали за воплощеннаго черта.

— Такъ Волчій Хвостъ не забѣгалъ въ твою клѣть? торопливо спросила Козарка, обратясь къ Аллѣ.

— Не былъ въ клѣти.

— Чтожъ мы будемъ здѣсь дѣлать? Его здѣсь нѣтъ, это видимъ. Безумная баба со страху не разсмотрѣла куда побѣжалъ бѣсенокъ, и напрасно завела насъ сюда, сказалъ черный Козаръ.

— Скорѣе же его искать далѣе! Гайда!

И толпа Козаръ, а съ ними и Козарка, опрометью бросились изъ хижины и безъ оглядки побѣжали по взгорьѣ къ граду. Песъ сердито мурчалъ, провожая не прошеныхъ гостей.

Когда въ хижинѣ не осталось ни одного Козара, Алла ушла въ ноги Костарю.

— Костарь, боже Перуне! что мнѣ дѣлать?....

— Что кричишь, безумная?

— Волчій Хвостъ здѣсь!

— Какъ здѣсь?! съ удивленіемъ и безпокойнымъ духомъ, спросилъ Костарь.

— Здѣсь, подъ завалинной клѣти, въ псовой ямѣ. Онъ съ убитымъ ребенкомъ прибѣжалъ къ клѣть мою, когда ты спалъ, и я его спрятала подъ завалиной. Козары узнаютъ это, возвратятся сюда и всѣхъ насъ убьютъ.

Костарь задумался, потомъ быстро поматалъ головою, помахалъ своими длинными руками и произнесъ.

— Небойсь Алла, садись спокойно, добро будетъ.

Алла безпрекословно повиновалась. Костарь съ полу пересѣлъ на скамью, на которой сидѣлъ прежде.

— Такъ Волчій Хвостъ сюда прибѣжалъ?

— Вбѣжалъ въ клѣть и на своей сосудинѣ принесъ проткнутое въ шею дитя Козарки, бросилъ его на полъ. Когда послышался крикъ на дворѣ, онъ испугался, просилъ меня скрыть его, я вытащила его изъ клѣти съ тѣломъ ребенка и показала ему псовую нору.

— Такъ онъ тамъ?

— Въ норѣ.

— Ну такъ успокойся, не выпускай пса на дворъ, и все будетъ хорошо. Нѣтъ ли еще меду?

— Ты не выпилъ и того, что я тебѣ подала въ куфѣ.
— Такъ въ куфѣ еще есть медъ?
— Конечно есть.

Костарь поднесъ кувшинъ ко рту, и медъ полился въ его глотку.
— Не много пей, видишь ли какое несчастіе наступило, одно за другимъ.
— Ничего, немного похмѣлюсь, а то голова не держится.
— Твоя голова никогда на плечахъ не держится, отъ того что ты всегда черезъ край пилъ.
— Удержится на этотъ разъ.
— Костарь! какъ же мнѣ ввѣрить Волчьему Хвосту мое дитя, когда онъ убилъ дитя, невинное дитя и бросилъ у ногъ моихъ, не зная, что и я собиралась ввѣрить ему мое дитя.
— Вѣдь онъ убилъ крещеное дитя. Развѣ ты не знаешь, что почти всѣ Козары людъ крещеный. Знай, что все что ни сдѣлалось, то сдѣлалось по волѣ бога Перуна и Ладо. Недаромъ Волчій Хвостъ наткнулся на козарское дитя, убилъ его, принесъ сюда и ты укрыла его отъ разъяренной козарской толпы. Убитое Волчьимъ Хвостомъ дитя я возьму, положу на *жертвищъ* и скажу Асмуду, что это твое дитя, что ты сама добровольно отдала его въ жертву, чтобы богъ молніи и грома даровалъ тебѣ сына.
— Ладное дѣло, очень ладное! Да возлюбитъ тебя Ладо; истинно ты, Костарь, мудрый кобникъ.
— Успокойся же и все будетъ ладно.

Послѣ всего случившагося, могла ли несчастная мать быть покойною? Настоящее было ужасно, впереди не видѣла ничего утѣшительнаго. Материнское ея сердце разрывалось отъ тоски, что она должна разстаться съ своею малюткою. Что происходило въ душѣ этой женщины, спросите мать, у которой, какъ у Аллы, хотятъ отнять дочь....

Сквозь оконную, узкую продушину солнце пропустило въ средину клѣти свои кровавые лучи, которые пали на колыбель малютки и на лице Аллы. Дневное, сапфирное небо превратилось въ темно-васильковое, и двѣ звѣздочки ярко заблестѣли надъ хижиной, какъ двѣ души несчастныхъ дѣтей, возлетѣвшія изъ здѣшняго въ горный міръ. Сумракъ спускался на градъ и на окрестности, а Волчій Хвостъ, притаясь въ собачей норѣ, лежалъ, какъ хищный звѣръ въ своей берлогѣ. Долго длившееся смятеніе въ поселеніи Козаръ мало по малу утихало, толпы собравшіяся у нѣкоторыхъ клѣтей рѣдѣли, и когда небо покрылось блестящими звѣздами, то тишина вполнѣ воцарилась; по временамъ слышно было только рыданіе несчастной Козарки—матери убитаго младенца, въ безпамятствѣ блуждавшей въ темнотѣ ночи отъ одного жилья къ другому.

— Теперь наступила удобная пора, проговорилъ Костарь, тяжело приподнявшись со скамьи и вышелъ изъ клѣти, нѣсколько разъ обошелъ онъ ее вокругъ, не боясь пса, котораго Алла по прежнему удерживала въ срединѣ клѣти, и присматривался во всѣ стороны и къ каждому предмету, казавшемуся для него сколько нибудь подозрительнымъ; потомъ онъ отошелъ отъ домины на нѣкоторое разстояніе; спустился съ пригорка ко сторонѣ Козаръ и все прислушивался и приглядывался. Удостовѣрившись, что Козары не стерегутъ клѣти Аллы, что дѣйствительно вездѣ и все спокойно, что даже псы въ сосѣдствѣ не лаютъ, Костарь тихо побрелъ въ клѣть Аллы.

— Покажи мнѣ, гдѣ ты скрыла триклятаго бѣсенка?

Алла приподнялась съ своего сидѣнья, зажгла глиняный ночникъ и взявъ его въ лѣвую руку, при тускло мерцавшемъ свѣтѣ ночника, повела Костаря изъ клѣти.

— Вотъ тамъ онъ долженъ быть, если не убѣжалъ до этой поры.

— Волчій Хвостъ! а Хвостъ, а Волченокъ, триклятый бѣсъ бѣсовскій боровой чертополохъ!... и разными другими прозвищами честилъ Костарь своего питомца; но отклика не было.

— Вѣроятно убѣжалъ! Произнесла Алла.

— А глубоко *подклѣтье?*

— Глубоко, тоже пещерка.

— О, такъ туда я не полѣзу, тамъ и загину.

— Туда тебѣ не лѣзть.

— Волчій Хвостъ, вылѣзай!—громче прежняго крикнулъ надъ самою дырою Костарь, а за тѣмъ сказалъ нѣсколько печенѣжскихъ словъ.

Волчій Хвостъ выползъ.

— Тащи сюда трупъ.

Волчій Хвостъ безмолвно повиновался; возвратясь въ подполье, взялъ трупъ и вытащилъ его.

Костарь съ удивленіемъ пожалъ плечами и, какъ сова, хлопалъ вѣками своего ока.

— Положи въ подклѣтье! Сказалъ Костарь, указавъ на трупъ.

Волчій Хвостъ безпрекословно повиновался.

— Пойдемъ въ клѣть, сказалъ Костарь, взялъ изъ рукъ Аллы ночникъ и съ нимъ пошелъ впередъ, освѣщая себѣ дорогу.

Возвратясь въ хижину, всѣ трое усѣлись по разнымъ угламъ. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали. Дѣти спокойно спали, одни только сверчки трещали во всѣхъ углахъ хижины, какъ неусыпные стражи клѣти.

— Она тебя спасла отъ неминуемой смерти. Быть бы тебѣ поднятымъ на козарскія копья, сто стрѣлъ впились бы въ твою грудь и бока, если бы она не укрыла тебя. Поплатилась бы она дѣтьми своими. Не быть бы и ей цѣлой.... Такъ теперь твоя очередь отслужить Аллѣ.

— Какъ отслужить? равнодушно спросилъ Волчій Хвостъ.

— Послужи ей. Быть можетъ, не разъ еще она тебѣ сдѣлаетъ добро.

— Пожалуй, что она желаетъ.

— Возьми ея малютку дочь, осторожно отнеси на *Угорище* и положи на самомъ порогѣ клѣти *кобника* крещеныхъ, а ребенка Козарки, котораго ты убилъ, я возьму съ собою и завтра до зари положу на жертвищѣ Перуну, и съ разсвѣтомъ предамъ его жертвенному огню. Асмуду же скажемъ, что Алла принесла свою дочь въ жертву Перуну, чтобы даровалъ ей сына.

— Козары меня могутъ поймать и убьютъ.

— Не бойся, Козары незнаютъ нашихъ замысловъ. Завтра же я пойду въ Козары и увѣрю, кого нужно будетъ, что не ты, а какой другой подосланный людъ схватилъ дитя и неизвѣстно куда унесъ, что даже не для жертвы Перуну, а вѣроятно для какой другой погибели; а ты если и былъ въ Козарахъ, то вовсе дитя не ловилъ и не убивалъ а еще отнималъ у того люда и даже людъ тебя порядочно поколотилъ сосудиной. Ну, да ужь мое дѣло тебя оправдать....

— Хорошо, дѣлай какъ лучше.

— Осторожно же отнеси этого ребенка. Алла отдай ему твою дочь, пора уже, ночь пройдетъ и поздно будетъ когда наступитъ утренняя заря.

Крикъ и вопль отчаянія матери опять поднялись въ клѣти. Со сна дѣти также начали рыдать.

— Алла, Алла! перестань, умолкни, что ты дѣлаешь, опомнись, подумай, что ты дѣлаешь, погубишь себя и дѣтей! На крикъ и плачъ сбѣгутся сюда и Козары все узнаютъ и тогда ты и дѣти твои погибнутъ.

— Алла, перестань ревѣть и мы погибнемъ чрезъ твой плачъ. Уйдемъ, Костарь, что съ нею няньчится, ты чтото для нее очень добръ.

Алла утихла. Слова Волчьяго Хвоста ее образумили.

— Отдай ему ребенка, сказалъ Костарь.

— Я сама понесу его на *Угорище*, а онъ пусть идетъ за мною. Я отдамъ дитя, когда прійдемъ къ клѣти кобника.

— Ладно, пусть и такъ будетъ. Ты только помни, Алла, что если теперь же не сдѣлаешь предлагаемаго тебѣ мною, то съ разсвѣтомъ Асмудъ придетъ въ клѣть твою, спокойно возьметъ твоего ребенка и какъ щенка отдастъ мнѣ, чтобы зарѣзать въ жертву Перуну. Тогда ни слезы, ни просьбы твои не помогутъ.

Алла взяла изъ колыбели дитя и накинула на себя эпончицу.

— Идите осторожно, но скорѣе дѣло сдѣлайте, а я подожду васъ здѣсь.

Убитая горемъ и отчаяніемъ Алла, сто разъ прижимала дитя къ сердцу, сто разъ цѣловала его и, прикрывъ его эпончицею своею, молча, шатаясь, вышла изъ клѣти, за нею пошелъ Волчій Хвостъ, готовый исполнить всякое слово Костаря, неразсуждая, къ чему оно поведетъ, а лишь бы выказать свою отвагу, свое проворство и рѣшимость на все.

По выходѣ Аллы и сопутника ея, Костарь заперъ дверь клѣти, повалился на ложе Аллы и скоро уснулъ.

Почти въ полночь возвратилась Алла, облитая слезами и кинулась къ своимъ оставшимся дѣтямъ,

— Отнесли?—спросилъ Костарь, впуская Аллу въ хижину.

Наклонясь надъ изголовьемъ дѣтей, Алла не слышала вопроса Костаря.

— Отнесли? громко спросилъ Костарь вторично.

— Ахъ, отнесли.

— Гдѣ же оставили?

— На самомъ порогѣ клѣти и едва успѣли отбѣжать отъ него, какъ изъ клѣти вышла окутанная въ черную мятлю женщина, за нею двѣ *юницы*, въ бѣлыхъ длинныхъ эпончицахъ, онѣ несли въ рукахъ *цѣри*, ихъ провожалъ старый Кобникъ крещеныхъ. Женщина, шедшая впереди, увидѣвши, ребенка приказала юницамъ поднять его. Юницы подняли, женщина посмотрѣла на него и сказала что то Кобнику и дитя мое унесли въ клѣть. Что будетъ съ нимъ!?

— Что будетъ, узнаемъ, а Волчій Хвостъ?

— Убѣжалъ отъ меня въ градъ.

— О, такъ и я побреду, дай мнѣ холстину отъ твоего ребенка. Алла подала дѣтскую пелену.

— Пойдемъ, вытащи мнѣ трупъ дитяти.

— Алла вышла вслѣдъ за Костаремъ, вдвоемъ они вытащили изъ подъ завалины трупъ убитаго младенца. Костарь обернулъ трупъ холстиной и, взявши его, побрелъ по тропѣ, извивавшейся по взгорью, направляясь къ граду, утонавшему въ ночной темнотѣ.

Огни вездѣ были потушены, только одинъ блестѣлъ на другомъ берегу Днѣпра у шалаша рыболововъ. Псы страшно выли въ Козарахъ и во градѣ. *(Продолженіе впредь).*

Объясненіе словъ, вошедшихъ изъ славянскаго языка въ сочиненіе.

Пасынча бесѣда, Казары	Поселеніе у града Кіева по взгорьи нынѣшней старокіевской возвышенности, гдѣ нынѣ улицы Боричевъ токъ и Ольгина улица.
Судина	Посуда—сосудъ для питья.
Сосудина	Палка ручная.
Кобникъ	Тоже, что волхвъ.
Юница	Дѣвица, служанка.
Ладо диди ладо	Припѣвъ къ пѣсни въ честь Ладо.
Жертвище	Мѣсто для приношенія жертвъ.
Цѣри	Факелы, большія восковыя свѣчи.
Угорище	Мѣстность, гдѣ Аскольдова могила.
Подклѣтье	Подполье.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ОДНОЙ ФРАЗЫ ВЪ ОБЪЯВЛЕНІИ ОБЪ ИЗДАНІИ

„ВѢСТНИКА ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ."

Когда изданіе наше было еще только въ зародышѣ, мы позволили себѣ выразить надежду, *«что многіе* (патріоты) *отзовутся на наше предпріятіе живымъ сочувствіемъ и своимъ участіемъ помогутъ намъ перенести наши убѣжденія въ массы народа.»* Теперь считаемъ необходимымъ заявить эту надежду яснѣе и обстоятельнѣе.

Кто не знаетъ, что люди, враждебные нашей народности и православію, усиливались и усиливаются возбудить недовѣріе къ истинѣ, произвести нестроеніе и разладъ въ семьѣ сыновъ единой Россіи, подорвать наши религіозныя убѣжденія. Преслѣдуя личные политическіе интересы, эти люди, въ стремленіи къ своей цѣли, не стѣснялись никакими средствами, завѣщанными имъ о.о. іезуитами. Пущенная изъ-подъ руки возмутительная прокламація, брошенная въ толпу историческая ложь, уродливая клевета, несбыточное обѣщаніе, болѣе или менѣе наглая и неумѣстная манифестація,—всѣ эти исчадія зависти и ненависти полною горстью сыплютъ на землю русскую сѣмена смутъ и недовольства текущимъ порядкомъ явленій, мѣтятъ на броженіе умовъ, разнузданность страстей, насильственное искаженіе бытовой естественности, законности племенныхъ отношеній и цѣлости Россіи и православія. Счастливы мы, что сѣмена этихъ чужеродныхъ растеній плохо принимаются на русской почвѣ, что пустота ихъ не позволяетъ имъ углубляться и укореняться въ сердца народа, что любовь къ вѣрѣ и отчизнѣ сего послѣдняго топчетъ въ грязь или развѣваетъ по воздуху эти плевелы. Но кто поручится, что усилія враждебныхъ намъ агитаторовъ останутся усиліями безсильными и безплодными, что онѣ всегда будутъ встрѣчать повсюдное и неизмѣнное негодо-

ваніе, что какой-нибудь плевелъ не найдетъ себѣ укромной и удобной почвы для своего укорененія и возрастанія! Больно предположить это, а предположить это возможно. Чтожъ тогда будетъ? То, что обыкновенно бываетъ, — подавленіе плeвеломъ жизни полезныхъ растеній. Чтобъ этого не случилось и съ нами, всѣ, мы русскіе, — и великіе и малые, и развитые и неразвитые, должны составить дружную коалицію и зорко смотрѣть не пустить-ли гдѣ-либо вблизи насъ ростка вредный плевелъ на почвѣ народнаго сознанія, не упала-ли гдѣ-либо искра, готовая обратиться въ пожаръ. Какъ только мы подмѣтимъ этотъ ростокъ, эту искру, тотчасъ искоренимъ первый, дружно затопчемъ послѣднюю. Но можетъ случиться и то, что мы замѣтимъ плевелъ уже тогда, когда онъ подавилъ питательныя сѣмена, — искру тогда, когда она уже произвела гибельный пламень страстей. Положимъ, что отъ людей развитыхъ, зорко слѣдящихъ за различными фазисами подобныхъ явленій, не ускользнетъ перерожденіе ростка въ ядовитое растеніе, искры въ пожаръ, — но позади ихъ сплошная масса близорукаго простолюдья; какъ подмѣтить пріютившійся среди него вредный ростокъ, опасную искру? Какъ и чѣмъ предотвратить опасность, грозящую ему со стороны коварной затѣи, хитро устроенной ловушки? Быть можетъ эту опасность можно устранить путемъ быстро развивающейся въ народѣ грамотности, — проведеніемъ въ народное сознаніе тѣхъ литературныхъ явленій, которыя направлены противъ посягательствъ на историческую правду, на единство Россіи, на ея народность и православіе? Но это путь и далекій, и ненадежный, и даже опасный. Находимъ излишнимъ доказывать умѣстность въ настоящемъ разѣ этихъ эпитетовъ, и даже думаемъ, что грамотность, пока она не выйдетъ изъ предѣловъ грамотности, пока она будетъ предоставлена самой себѣ, скорѣй укажетъ возможность совратиться грамотѣю съ пути исторической истины, чѣмъ уяснить ее себѣ и усвоить. Полуобразованье опаснѣе въ настоящемъ случаѣ прямаго невѣжества: безъ истолкователя и руководителя, оно скорѣе поведетъ къ заблужденію, такъ дружно и громко проповѣдуемому, нежели истинѣ. Гдѣ-жъ этотъ руководитель простолюдина? Всегда возлѣ него. Это его пастырь духовный, его наставникъ въ дѣлѣ теоріи и практики, лучшій его другъ, совѣтникъ, защитникъ, можно сказать, его видимый ангелъ хранитель. Это почти единственная, на огромныхъ пространствахъ захолустьевъ русскихъ, развитая личность, живущая жизнью селянина, сочувствующая его духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ. И законы божескіе и человѣческіе, и общ-

ность интересовъ обязываютъ пастыря бодро стоять на стражѣ безопасности пасомыхъ, предотвращать вредныя на нихъ вліянія любителей смутъ и нестроеній, дѣятелей пропаганды, ловить, такъ сказать, на лету всякую бродячую ложь, всякую злонамѣренную клевету на нашу народность и православіе, проявившуюся въ дѣлѣ или затѣѣ, въ словѣ устномъ или письменномъ,—подрывать и уничтожать ее историческою и догматическою истиной, затаптывать искру, пока она искра только. Эта обязанность пастыря и учителя народнаго прямо вытекаетъ изъ обязанности его—стоять на стражѣ чистоты вѣры и нравственности, поучать народъ истинамъ христіанскимъ и общечеловѣчнымъ. Религія безъ народности и народность безъ религіи немыслимы; враги первой—враги послѣдней, а враги православія суть тѣ супостаты, съ которыми особенно долженъ бороться пастырь духовный, какъ съ волками, усиливающимися отбить овцу отъ стада его — стада Христова, для того, чтобъ удобнѣе растерзать ее. Любовь къ ближнему есть по преимуществу любовь къ собрату, связанному единствомъ вѣры, племени, сосѣдства — любовь къ отечеству, его спокойствію, процвѣтанію, благоустройству. Этою благороднѣйшею и богоугодною любовію должна быть пропитана душа всякаго патріота, особенно пастыря духовнаго; эту любовь онъ долженъ возгрѣвать, защищать отъ охладѣнія, укрѣплять ее въ сердцахъ тѣхъ, которыхъ повелѣлъ ему Промыслъ учить любви къ Богу и ближнему.

Изъ сказаннаго не трудно догадаться, что мы думаемъ найти въ сельскихъ пастыряхъ главнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ защиты нашей вѣры и народности отъ покушеній на чистоту и неприкосновенность первой, цѣлость и спокойствіе послѣдней; не трудно догадаться, что, подъ именемъ лицъ, которыя «помогутъ намъ перенести убѣжденія наши въ народныя массы», изолированныя пока отъ всѣхъ, кромѣ своего пастыря, — мы разумѣли по преимуществу сего послѣдняго, — что мы надѣемся найдти въ немъ лучшаго сподвижника нашего предпріятія,—лучшаго истолкователя историко-научныхъ изслѣдованій и окружающихъ насъ явленій въ народное сознаніе.

Мы не беремся здѣсь руководить пастырей народныхъ на поприщѣ этой достохвальной, современной и обязательной дѣятельности, не рѣшаемъ вопросовъ: какъ и гдѣ они могутъ примѣнять наши выводы и наблюденія къ жизни народа? Мы увѣрены, что ихъ личное благоразуміе, опытность, изученіе среды, въ которой они живутъ и дѣйствуютъ, укажутъ имъ

лучшіе и своевременные отвѣты на эти вопросы. Мы увѣрены, что они не останутся равнодушными зрителями тѣхъ треволненій, которыя кто либо захочетъ произвести въ ихъ мирномъ стадѣ. Но мы увѣрены и въ томъ, что они не захотятъ сочинять опасностей, вызывать на бой враговъ слишкомъ далекихъ или вовсе несуществующихъ, что они не станутъ бороться съ тѣми лжами и клеветами, о которыхъ ученики ихъ не имѣютъ и малѣйшаго понятія. Но всего несомнѣннѣе мы увѣрены въ томъ, что, въ минуту опасности, наши блюстители вѣры и нравственности вооружатся мечемъ слова, облекутся въ броню правды и безбоязненно ополчатся противу тѣхъ, которые захотѣли бы произвести вблизи ихъ племенное разъединеніе, недовольство законнымъ порядкомъ вещей, пустить въ ходъ опасную ложь, бросить въ толпу народную хитрую удочку, съ лакомою приманкой, подорвать то либо другое народное чувство, православное вѣрованіе; мы увѣрены что, *въ той часъ дастся имъ, что возглаголати,*—гдѣ и какъ примѣнить къ народному пониманію ту или другую истину историческую или теологическую, казнить востаніе на цѣлость нашей вѣры и отечества.

Что опасенія, здѣсь высказанныя не напрасны, и что не только для городскихъ, но даже и для сельскихъ пастырей западнаго и юго-западнаго края Россіи, можетъ представиться, въ окружающей ихъ средѣ, случай къ указанной недавно дѣятельности, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Когда мы проходимъ мѣстностью, покрытою высокою и густою травою, вокругъ насъ все кажется тихо и спокойно. Изрѣдка только выпрыгнетъ изъ подъ ногъ нашихъ трусливый заецъ, порхнетъ испуганный перепелъ; зажужжитъ мимо уха красный или черный жукъ, затрещитъ стрекоза, порхнетъ бабочка,—вотъ и все проявленіе жизни, поражающее чувства наши въ минуты этой прогулки. Но приляжемъ въ травкѣ, всмотримся, вслушаемся въ окружающую насъ среду, и предъ нами откроется новый міръ, полный самой разнообразной жизни, самой суетливой дѣятельности. Мы замѣтимъ тысячи живыхъ существъ, которыя копошатся вокругъ насъ, прыгаютъ, занимаются семейными и общественными дѣлами, ведутъ свирѣпую войну съ врагами, строятъ свои замки, починяютъ въ нихъ трещины, роютъ норки, таскаютъ туда пищу про черный день—съ ужасною натугой,—гурьбой или водиночку, переваливаютъ бревна изъ крупныхъ соринокъ чрезъ колоды увядшей травинки, карабкаются на высоты, сваливаются съ нихъ,

отдыхаютъ отъ устали или ушиба, снова поднимаются,—приправляя эти хлопоты и развлеченія, проявляя свои ощущенія смѣсью безконечно-разнообразныхъ, едва внятныхъ для нашего грубаго уха, голосовъ, какими кого надѣлило Провидѣнье. А если бы мы могли подчинить одновременно услугѣ микроскопа весь окружающій насъ міръ, если бы мы изобрѣли для уха инструментъ, равносильный микроскопу—для ока, предъ нами открылись бы такія чудеса, дѣйствительность которыхъ превышаетъ всю емкость нашего воображенія, мы были бы оглушены такимъ концертомъ, которому нѣтъ названія на языкѣ человѣческомъ. Мы не сдѣлали отступленія отъ нашего предмета, увлекшись созерцаніемъ этого микроскопическаго міра. Явленія его такъ похожи на явленія пропаганды польской въ западномъ и югозападномъ краѣ Россіи, что не нужно даже натуживать нашего воображенія, чтобы найти это сближеніе поразительнымъ. Если-бы мы захотѣли разсчитывать на терпѣніе нашихъ читателей, мы имъ легко указали бы въ явленіяхъ этой пропаганды и своего рода трусливыхъ зайцевъ, и рѣзвыхъ перепеловъ, и пестрыхъ бабочекъ, и красныхъ и черныхъ жуковъ, и крикливыхъ стрекозъ и разныхъ другихъ, крупныхъ насѣкомыхъ, со всѣми проявленіями ихъ мелочной жизни, инстинктовъ ихъ натуры. Но эти явленія такъ замѣтны для ока нашего и уха, такъ всѣмъ намъ надоѣли, что мы можемъ уволить на этотъ разъ и себя и читателей нашихъ отъ разглагольствія о нихъ. Гораздо интереснѣй и далеко необходимѣй изученіе характера болѣе мелкихъ насѣкомыхъ польской пропаганды, менѣе замѣтныхъ для поверхностнаго наблюдателя пріемовъ ея движенія. Чтобы съ большимъ успѣхомъ заняться этимъ дѣломъ, спустимся къ низшимъ слоямъ окружающаго насъ человѣчества, напряжемъ наши чувства, всмотримся, вслушаемся въ окружающія насъ лица, звуки и предметы, и мы вполнѣ будемъ вознаграждены за свое терпѣніе и снисхожденіе поразительными открытіями. Все что прежде казалось намъ въ этомъ, своего рода травяномъ мірѣ спокойнымъ и безмолвнымъ, изумитъ насъ самою неугомонною дѣятельностію, самыми оригинальными явленіями микроскопической жизни. Вотъ польскіе паны и ксендзы, пани, паничи и оффиціалисты, подобно неотвязчивой мухѣ, увиваются около русскихъ мужичковъ, поддабриваясь къ нимъ, роднясь съ ними [1]), нашептывая имъ на

[1]) Одинъ весьма важный панъ (онъ же и мировой посредникъ) пригласилъ сельскаго старшину въ воспріемники своего сына.

ухо искусительные обѣты, расточая предъ ними ложь и клевету на все русское и православное. Не смѣя деспотствовать, какъ прежде, надъ своими холопами, слишкомъ безцеремонно посягать на ихъ физическое и нравственное достояніе, видя постепенное приближеніе холопа къ уравненію съ паномъ въ правахъ и преимуществахъ, — они смекнули, что «плетью не перешибешь обуха» и по неволѣ пустились въ запоздалую, слишкомъ недавнюю гуманность. Видя, что сдѣлало и старается сдѣлать русское правительство для покоя, довольства и нравственнаго развитія единокровной меньшей своей о Христѣ братіи, польскіе патріоты начали охуждать мѣры правительства, поправлять его quasi ошибки, изъясняться въ притворной любви къ ненавидимому ими отъ всей души русскому человѣку. Преслѣдуя свои политическія или точнѣй возмутительныя тенденціи, они стараются не столько сдѣлать добра, сколько жужжать о своихъ микроскопическихъ благодѣяніяхъ, навязываемыхъ недавно гнетомому ими рабу. Желая какъ можно скорѣе умножить число сторонниковъ польскаго интереса и массою руссиновъ восполнить свое безсиліе, а между тѣмъ, будучи не всилахъ засыпать вдругъ ту пропасть, которая ископана ими же между паномъ и холопомъ, они подсылаютъ къ сему послѣднему то ксендза, то сынка, то польскую женщину, то оффиціалиста. Вотъ ксендзъ мечется на каѳедрѣ, проповѣдуя любовь къ мертвой ojczyznie, задыхается отъ бѣшенства, явно или намеками (смотря по тому, на какой почвѣ играетъ онъ свою роль) возбуждая ненависть къ Россіи и православію. Вотъ онъ сѣетъ вокругъ себя плевелы недовольства текущимъ порядкомъ вещей, сочиняетъ басни о счастіи народа русскаго подъ правленіемъ Польши, оказываетъ мелкія услуги ненавидимому схизматику. Вотъ онъ выдумываетъ процессіи къ мятежническому кресту, распускаетъ между православными чрезъ своихъ людей молву объ ихъ невиданной и неслыханной дотолѣ торжественности и великолѣпіи, затѣваетъ въ костелѣ разныя декораціи, живыя картины, заманиваетъ православныхъ къ участію въ этихъ процессіяхъ, къ глазѣнію на диковинки кукольной, костельной комедіи, къ слушанію жалобныхъ миссъ, позадавленныхъ въ уличной, безоружной свалкѣ мятежникахъ, по истлѣвшихъ назадъ тому 4 вѣка польскихъ королевичахъ и другихъ давно забытыхъ герояхъ покойной Польши и враговъ живой и здоровой Россіи. Вотъ русскій Царь даруетъ свободу крестьянамъ, а ксендзъ и паничъ сулятъ имъ шепотомъ въ единеніи съ поляками своеволіе и разнузданность; вотъ Россія заботится о

надѣлѣ селянина поземельною собственностію, а польскій панъ, по внушенію хитраго ксендза, даритъ ему клочекъ земли, чтобы занять почетнѣйшій уголокъ въ сердцѣ облагодѣтельствованнаго, ничего у него непросившаго и нисколько въ немъ теперь ненуждающагося. Вотъ православное духовенство, въ связи съ русскимъ правительствомъ, вноситъ въ темные доселѣ умы народной массы свѣточъ образованія, а ксендзъ подхватываетъ чужую идею, копируетъ, словно обезьяна, чужое дѣло и, при помощи вельможнаго пана, или пани, прилаживаетъ возлѣ костела или двора и свою школку, заманиваетъ въ нее даже грамотныхъ мальчиковъ православныхъ, изгоняя, конечно, изъ школы, словно зачумленную, грамотность славяно-русскую. Тамъ, гдѣ нѣтъ ксендза, или, гдѣ онъ не можетъ безопасно выполнить роли главнаго дѣйствующаго лица, паны и ксендзы уполномочиваютъ другихъ на веденіе польской пропаганды. Вотъ польская женщина, подъ предлогомъ разныхъ благотворительныхъ намѣреній или вниманія къ житейскому быту простолюдина, является подъ его соломенною крышею, утѣшаетъ въ горѣ печальную семью, расточаетъ задушевные совѣты, обѣщанія, не скупится даже на полтинникъ, лишь-бы купить любовь къ себѣ и довѣріе крестьянъ, или точнѣе рабочія руки для Польши. Ловкость, упрямство, вкрадчивость и злость до того дѣлаютъ натуральными этихъ женщинъ въ этихъ роляхъ, что нужно быть очень зоркимъ, чтобы не принять ихъ патріотическихъ затѣй за проявленіе любви къ страждущему собрату. И недоросли шляхты— не безъ дѣла; они даже заняты чуть-ли не больше другихъ. Проходимъ молчаніемъ ихъ городскія, патріотическія выходки и агитаціи; онѣ всѣмъ извѣстны, всѣмъ опротивѣли. Въ травяномъ мірѣ польской пропаганды паничъ затѣйливъ, егозливъ и изобрѣтателенъ до безконечности. Прибрать на время костюмъ и языкъ простолюдина, вмѣшаться въ толпу крестьянъ при всякомъ случаѣ къ мірской ихъ сходкѣ или частному собранію— въ шинкѣ, дома или на улицѣ, толковать съ ними о стѣсненіи правъ ихъ русскимъ правительствомъ, о быломъ и будущемъ блаженствѣ русиновъ подъ правленіемъ Польши, о дешевизнѣ водки, свободѣ винокуренія, возвратѣ безурядицъ вольнаго козачества, о грубости, невѣжествѣ и корыстолюбіи нашего духовенства, пустить въ оборотъ возмутительную прокламацію, перетолковать въ пользу своего дѣла и во вредъ русскому правительству всякую его мѣру, постановленіе, даже указъ о свободѣ крестьянъ, о надѣлѣ ихъ землею; не скупиться на кабачныя средства, воспламеняющія воображеніе, туманящія здравый

смыслъ простолюдья, — все это ихъ дѣло. Паничъ служитъ и разсыльнымъ, и клеветникомъ, и шпіономъ, и разносчикомъ фальшивыхъ слуховъ, сплетней, и сборщикомъ подаяній, quasi для бѣдныхъ семействъ, оставшихся послѣ zamordowanych въ Варшавѣ, Вильнѣ и проч. Чтобъ окружить простолюдина несмѣнной опекой пропаганды, паны, ксендзы, польки и паничи снабжаютъ приличными инструкціями экономовъ, землемѣровъ, учителей въ сельскихъ *своихъ* школахъ, провіантовыхъ писарей и другую мелкую и крупную дворскую шляхту, съ тѣмъ чтобъ они, какъ люди болѣе близкіе къ народу, чаще сталкивающіеся съ нимъ въ быту житейскомъ, проводили въ народныя массы, свои идеи и тенденціи—и въ полѣ, и въ лѣсѣ, и на сѣнокосѣ, и на кухнѣ, въ людской и дѣвичьей. Даже указаны предметы для дѣятельности и заданы темы, которыя должны развиваться этими пропагандистами: имъ приказано вербовать мальчиковъ въ школы, «независимыя отъ русскаго правительства» [1], велѣно ударять въ этихъ школахъ и бесѣдахъ съ народомъ преимущественно на польскую исторію, выбирая изъ нея, конечно, болѣе блистательныя эпохи и благовидныя событія, изучать «katechizm wiary narodowéj» (?), произнести народную исповѣдь (?), учить добродѣтели посредствомъ энергичныхъ расказовъ, почерпнутыхъ изъ жизни св. поляковъ и полекъ, рисовать возвышенные и доблестные облики (postacie) предковъ, которые послужатъ наилучшимъ заохочиваніемъ (zacheta) народа.» Такимъ развитіемъ народа

---

[1]) «Trwałe i pewne urządzenie szkółek, nie zależnych od władz moskiewskich,» Народная газета львовская считаетъ такъ необходимымъ, «jak modlitwa dla zbolałych serdc polskich» (1862 г. № 13). Въ этомъ же нумерѣ говорится, объ открытіи подобныхъ школъ въ Житомірѣ. Въ 16 № эта газета восхищается открытыми сельскими школами въ Россіенахъ и его окрестностяхъ (хороши должно быть эти школы!). Въ 24 №, говоря объ открытіи въ м. Хабномъ гг. Горватомъ и Яросовичемъ школы, Народная газета совѣтуетъ «принимать въ нее дѣтей всякаго исповѣданія и надѣется, что до этого дойдетъ дѣло, а теперь благодарить Бога и за то, что сдѣлано». Въ 25 № эта газета прямо говоритъ, что «въ Польшѣ, Литвѣ и забраномъ краѣ (Бѣлой и Малой Руси), не смотря на деспотическое угнетеніе и аргусовую дѣятельность сбировъ nurtuje (кроется) w ciszy, ale tym silniéj i głębiéj praca około oświaty (образованія) ludowej», согласно, конечно, намѣреніямъ польской пропаганды. Въ томъ-же № газета выражаетъ негодованіе на одного галицкаго учителя за то, что онъ не учитъ въ школѣ польской грамотѣ.

польскіе патріоты хотятъ «ввести его въ свое (nasze) прошедшее, полное, какъ они выражаются [1]), чудесъ, жертвъ, самоотверженія и мученичества, распахнуть предъ нимъ дверь польскаго пантеона, гдѣ сіяютъ святые лики ихъ отцовъ, повести его на кладбище народа (?), межъ свѣжія, облитыя кровью могилы мучениковъ и указать святую цѣль (?) лучшей для него будущности.» Но можно ли въ этомъ бѣгломъ очеркѣ обрисовать всю егозливость насѣкомыхъ польской пропаганды, ихъ серьёзныя мины при донкихотскихъ битвахъ съ мельницей, при уморительныхъ натугахъ—пробуравить микроскопическую скважину къ гранитной почвѣ русской народности и православія, натаскать въ кучу разныхъ соринокъ злости и ненависти, лжи и клеветы, образовать изъ нихъ, тамъ и здѣсь своего рода муравейники, въ той, сродной насѣкомымъ сообразительности, что эти муравейники, составятъ прочное зданіе, этотъ соръ и навозъ закроетъ собою почву русскую и преобразитъ ее въ польскую!

Но польскіе патріоты — и крупные и мелкіе, при всемъ своемъ нетерпѣніи скорѣйшаго сближенія съ народомъ [2]) и объединенія интерессовъ, при всемъ своемъ легкомысліи, не могутъ не видѣть, что закрѣпленная вѣками, весьма основательная вражда и недовѣріе холопа къ пану, не могутъ быть побѣждены вдругъ соринками филантропіи и микроскопическими проявленіями гуманности,—прибѣгли къ іезуитскимъ хитростямъ, чтобы вкрасться въ душу народа, не возбудивъ подозрѣнія въ наличности заднихъ мыслей, побуждающихъ пана къ своекорыстному съ нимъ сближенію. Они признали нужнымъ «сойти съ пьедесталовъ, на которыхъ доселѣ стояли, разъединенные съ народомъ (по неволѣ скажемъ: «mądry lach po szkodzie»!), ожидавшимъ (?) съ смиреніемъ внизу и смотрѣвшимъ завистливымъ окомъ вверхъ,—спуститься на нѣсколько ступеней ниже, руководство-

---

[1]) Всѣ фразы отмѣченныя вносныым знакомъ, буквально заимствованы изъ Народ. Газеты львовской, которая, вмѣстѣ съ «Дневникомъ Польскимъ» (тоже львовскимъ, уже запрещеннымъ) составляетъ органъ польскихъ агитаторовъ, кодексъ убѣжденій ихъ, инструкцію ихъ затѣй и скопище лжей и клеветъ на Россію.

[2]) «Всякій шагъ къ сближенію съ народомъ, говоритъ Народ. Газ., приводитъ насъ (поляковъ) ближе къ великой (?) цѣли.» № 31. 1862 г. «Всякая минута, потраченная даромъ на пути къ сближенію съ народомъ есть огромная потеря для великой цѣли и горячо ожидаемаго будущаго.» №. 26.

вать его къ поднятію выше и потомъ дружно идти съ нимъ къ великой цѣли» (?). Но это нисхожденіе пана съ завистливаго пьедестала, поднятіе холопа на нѣсколько ступеней выше, встрѣча ихъ на срединѣ лѣствицы цивилизаціи, объятія и лобызанія, должны, изволите видѣть, «совершиться, какъ можно, постепеннѣй, осторожнѣй и незамѣтнѣе; иначе лучше и не браться за дѣло, иначе можно сдѣлать ошибку въ выборѣ средствъ и испортить дѣло..... Нужно разными услугами и благодѣяніями народу, предоставленіемъ ему живаго участія въ дѣлахъ семейныхъ и общинныхъ уравнивать дорогу къ снисканію себѣ его довѣренности. Мѣстныя обстоятельства, такія или другія отношенія двора (панскаго) къ общинѣ (gminie) и различіе въ оттѣнкахъ, своеобразныхъ во всякомъ селѣ, должны сообщать извѣстное направленіе дѣйствіямъ (postępowaniu). Для этихъ дѣйствій (сближенія съ народомъ) нужно установить сперва извѣстную черту, перешагнуть которую запрещаетъ осторожность, чтобы крутою перемѣною въ обхожденіи съ народомъ не возбудить въ немъ новыхъ подозрѣній и не оттолкнуть его отъ себя еще далѣе. Потомъ, когда лопнутъ первые затворы (zapory) недовѣрія, всякій разъ можно отодвигать медленно далѣе эту черту и сокращать средостѣніе (przedział). Нечаянный и неожиданный скачекъ можетъ повести къ результатамъ, противоположнымъ спокойному и разсудительному, медленному и постепенному образу дѣйствій.» Одинъ панъ, желая однимъ махомъ (для краткости раскажемъ этотъ примѣръ своими словами, нисколько, впрочемъ, не измѣняя его сущности) врѣзаться въ сердце своихъ холоповъ, разрядился въ пухъ и прахъ, натянулъ бѣлыя перчатки, сдѣлалъ визитъ всѣмъ чиновникамъ общины, пригласилъ ихъ къ себѣ на изысканный обѣдъ, не скупился на ласки и угощенье и думалъ, что «дѣло поляковъ въ шляпѣ,» что осчастливленные обхожденіемъ вельможнаго пана готовы за него въ огонь и въ воду, что у него столько навербовано сторонниковъ польскихъ, сколько недѣлимыхъ въ его имѣніи. Что-же случилось? То, что должно было случиться. Панскій пріемъ возбудилъ подозрѣніе непривыкшаго къ нему народа; простой смыслъ мужика тотчасъ смекнулъ, «что все это не даромъ, что панъ хочетъ поймать его на удочку, чтобы послѣ употребить для своихъ цѣлей, а потому удвоилъ свою осторожность, отодвинулся въ сторону и отношенія его къ двору (панскому) сдѣлались двусмысленнѣе прежнихъ» [1]).

---

[1]) Въ томъ-же родѣ, только несравненно большую неудачу ис-

Всѣ эти затѣи и лукавства польскихъ пропагандистовъ мы могли-бы подтвердить фактами намъ извѣстными и цитатами изъ тѣхъ польскихъ, заграничныхъ, изданій, въ которыхъ польскіе патріоты съ обычнымъ имъ тщеславіемъ и легкомысліемъ записываютъ подвиги свои въ дѣлѣ пропаганды и даже не скрываютъ своихъ намѣреній и плановъ; но такъ какъ это наведеніе сдѣлало-бы слишкомъ громоздкою настоящую замѣтку, то мы ограничимся указаніемъ затѣй польской пропаганды въ одномъ недалекомъ отъ насъ маленькомъ захолустьѣ. Въ этомъ уголкѣ Россіи нѣкоторыя сельскія школы при церквахъ заведены еще въ 1847 г., а многія въ началѣ 50 годовъ. Въ томъ захолустьѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, въ настоящій моментъ, заведены школы не только въ селахъ, но и сколько нибудь многолюдныхъ деревняхъ. Казалось бы, что нѣтъ особенной нужды въ открытіи новыхъ школъ; но чѣмъ же тогда будутъ заниматься польскіе пропагандисты. Да и можно-ли безъ желчи смотрѣть на распространеніе русской грамотности и утвержденіе православія? И вотъ, лишь только окончился зимній сезонъ сельской учебы въ православныхъ школахъ, помѣщица П. открываетъ въ первыхъ числахъ Мая 5-ть чисто польскихъ сельскихъ школъ, въ мѣстечкѣ Х., и селахъ: О., Г., С. и В-Б. Самое время, въ которое открыты эти школы и которое слишкомъ неудобно для обученія грамотности дѣтей земледѣльца, весьма уже наглядно убѣждаетъ въ наличіи заднихъ мыслей, которыми руководилась основательница школъ. Она видѣла, что въ то время, когда обученіе въ сельскихъ школахъ на ходу, открытіе новыхъ школъ, въ тѣхъ же селахъ, совершенно излишне и нисколько не двусмысленно. Да ей трудно было бы въ учебный сезонъ навербовать прозелитовъ для своихъ школокъ. Поэтому, какъ только дѣти были разпущены изъ школъ для того, чтобы принять сподручное имъ участіе въ земледѣльческихъ занятіяхъ родителей, помѣщица П., при помощи послушныхъ ей друзей польской пропаганды, пустила въ ходъ всѣ свои средства—и моральныя и матеріальныя—для открытія въ пяти пунктахъ своего имѣнія школъ «niezależnych od władz moskiewskich.» При энергической, почти судорожной, дѣятельности управляющаго имѣніемъ, уроженца царства польскаго М.,

---

пыталъ и тотъ панъ, о которомъ говорится въ статьѣ Вѣстника «Демонстраціи поляковъ и проч.» Книжк. 3. стр. 197.

школы открыты, дѣти, по преимуществу православныхъ родителей, то затащены, то замануты въ эти школы. Да и какъ было не пойматься на удочку, когда и помѣщеніе школы и всѣ ея расходы, даже роскошное содержаніе учениковъ приняла на свой счетъ богатая полька! Одна изъ этихъ школъ помѣщена даже въ домѣ самой основательницы. Незачѣмъ и говорить, что учителями къ этимъ школамъ приставлены поляки — отъ пятъ до тѣмени, что ученики поставлены на шляхетскую ногу, что въ этихъ школахъ все русское и православное преслѣдуется явнымъ или тайнымъ презрѣніемъ и угнетеніемъ. Вотъ доказательства. Большинство мальчиковъ, перетянутыхъ г. П. въ свои польскія школы изъ школъ православныхъ, прошло уже всю мудрость сельскихъ школъ: изучило русскую грамотность до того, что составляло собственноручныя записки по предмету Закона Божія, бойко и безошибочно кидало на счетахъ, изучило первыя 4 дѣйствія ариѳметики. Чему-же станутъ учиться эти дѣти въ польскихъ школахъ? Конечно, тому только, чему учатся, — полезной для одной только польской пропаганды — польской грамотности, путемъ которой легко уже будетъ провести въ умъ и сердце польскія убѣжденія и тенденціи. Вся обстановка этихъ школъ пахнетъ польскимъ духомъ; устное собесѣдованіе происходитъ на польскомъ языкѣ, даже вмѣнено въ обязанность ученикамъ, на привѣтствіе учителя или другаго польскаго существа: «niech będzie pochwalony Jezus Chrystus,» отвѣчать: «na wieki wieków, amen.» Само собою разумѣется въ школѣ преобладаетъ грамотность польская. Славянскій языкъ, какъ языкъ церковный, языкъ, нѣкоторымъ образомъ, священный для всякаго православнаго, особенно нашего простолюдина, не только изгнанъ изъ этихъ школокъ, но и при всякомъ удобномъ случаѣ клеймится ѣдкими сарказмами и безсмысленнымъ порицаніемъ. Русскаго языка никакъ ужъ не могли секвестровать школы г. П., за то въ нихъ учатся по букварямъ, печатаннымъ только въ Вильнѣ или Варшавѣ и переполненнымъ умышленными или неумышленными искаженіями нѣкоторыхъ словъ и понятій; вмѣсто, напримѣръ, тропари, въ виленскомъ букварѣ, напечатано огромными буквами: пропори [1]) и проч. И по этимъ жалкимъ учебникамъ обученіе русской грамотѣ стоитъ далѣе чѣмъ на второмъ планѣ. Въ этихъ, чуж-

[1]) Трудно признать подобную ошибку неумышленною. Печатное П нисколько не похоже на печатное Т. Да въ элементарныхъ книжкахъ опечатки и недопускаются.

дыхъ дамъ, школахъ запрещаютъ читать молитву за Царя, за *людей* православныхъ, которую такъ любили дѣти русскія, что удѣляли ей, и на языкѣ и въ сердцѣ, мѣсто, недалекое отъ молитвы Господней. Священники православные не приглашены къ преподаванію, или точнѣй — оттолкнуты отъ преподаванія Закона Божія въ этихъ школахъ. Правда, въ школѣ Х., есть законоучитель (даже съ жалованьемъ), но, конечно, ксендзъ, хотя въ этой школѣ католики относятся къ православнымъ, какъ 1:5. Въ эту школу мѣстный священникъ не позволилъ взять ни одного мальчика, обучающагося въ его приходской школѣ, а потому г. П. навербовала въ нее до 40 мальчиковъ изъ окрестныхъ своихъ селеній, въ которыхъ существуютъ православныя школы. За исключеніемъ этой одной школы, во всѣ прочія завлечены разными уловками, льготами и понуканьемъ все почти дѣти православныхъ родителей. Въ воскресные и праздничные дни, дѣти съ умысломъ отпускаются въ домы родителей въ такую пору, чтобы они не могли участвовать въ церковномъ богослуженіи, а въ высокоторжественные вовсе не увольняются отъ школьныхъ занятій; тогда какъ въ школахъ православныхъ они получали рекреаціонные часы послѣ богослуженія, и только къ вечеру, на другой день послѣ праздника, возвращались въ школу. Болѣе мелкія уловки пропаганды, употребляемой въ этихъ школахъ для подавленія русской народности и православія оставляемъ безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что онѣ ежеминутны, безчисленны и неуловимы.

Вотъ сколько и какихъ школъ, какъ выражается «Народная Газета,» nurtuje въ околицѣ на протяженіи 30 квадратныхъ верстъ, въ имѣніи одной помѣщицы, или точнѣе помѣщика П.![1]) Сколько же ихъ nurtuje во всемъ западномъ и югозападномъ краѣ Россіи! Считаемъ излишнимъ и говорить объ опасности подобныхъ школъ для нашей народности и православія.

Въ этой же околицѣ ксендзы слишкомъ безцеремонно и торжественно ставятъ извѣстные возмутительные кресты, слишкомъ великолѣпно совершаютъ къ нимъ свои процессіи и слишкомъ громко и долго поютъ жалобныя литаніи съ присовокупленіемъ обычнаго: Boże, coś Polskę и другихъ мятежныхъ гимновъ, святотатственно внесенныхъ въ Rituale поляковъ. Осо-

[1]) Объ этихъ школахъ сдѣлано въ іюнѣ текущаго года оффиціальное донесеніе мѣстнаго блюстителя православія и духовному и свѣтскому начальству.

бенно въ этомъ родѣ пропаганды, мѣтящей на привлеченіе, блистательностію постановки, православныхъ къ участію въ католическихъ церемоніяхъ, отличается ксендзъ мѣстечка Б. Ни одного воскреснаго и праздничнаго богослуженія не совершитъ онъ безъ шумнаго и великолѣпнаго обхожденія вокругъ костела. Если онъ намѣренъ устроить у себя какую-нибудь сценическую декорацію въ костелѣ, или совершить блистательную процессію къ поставленному имъ, какъ-разъ насупротивъ православной церкви—кресту po zamordowanych w Warszawie,—онъ, чрезъ своихъ агентовъ, за нѣсколько дней до событія, разглашаетъ въ православномъ людѣ извѣстіе о томъ, что въ костелѣ будутъ совершаться невиданныя дотолѣ чудеса, что такой церемоніи еще никогда не бывало на свѣтѣ. Этотъ любитель кукольныхъ комедій въ костелѣ и казистыхъ процессій, до того простеръ, съ недавняго времени, свою страсть къ послѣднимъ, что сдѣлалъ минувшаго 8 Сентября процессію (и притомъ не съ пустыми руками), ни болѣе ни менѣе какъ на 55-верстномъ разстояніи, разсчитывая, конечно, на то, что, во время этого вояжа, православные будутъ постепенно примыкать къ его процессіи и составятъ наконецъ такую толпу пильгримовъ, которая могла бы удовлетворить тщеславію и болѣе значительнаго предводителя—патера [1]). Этотъ господинъ чрезвычайно изобрѣтателенъ на разные фокусъ-покусы и эффекты; его манія къ процессіямъ не смягчается ни временемъ, ни обстоятельствами: онъ ходитъ, поетъ и звонитъ даже за полночь, его не удержитъ отъ предположеннаго церемоніала ни проливной дождь, ни буря, ничто на свѣтѣ. Кромѣ обычныхъ въ костелахъ (и то въ знаменитыхъ) постановокъ (выходящихъ теперь изъ употребленія) на сценѣ барашковъ, лужковъ, рощицъ, гротовъ, деревяныхъ облаковъ, льющейся, сквозь пробуравленныя въ этихъ облакахъ, скважины, въ видѣ дождя, воды, кромѣ театральнаго грома, кромѣ гробницы Іисуса Христа, окруженной живыми или деревяными воинами, пальбы изъ небольшихъ пушекъ, кромѣ колыбели Іисуса Христа, окруженной лицами и предметами, находившимися во время рожденія Его въ вертепѣ виѳлеемскомъ и поочередно качаемой, подъ звуки колыбельной пѣсни, набожными посѣтителями, — этотъ господинъ началъ затѣвать потѣхи не-

[1]) Ксендзъ, изволите видѣть, разсчитывалъ на столпленіе народа, основываясь на томъ физическомъ явленіи, что комокъ мокраго снѣгу, прокаченный чрезъ извѣстное пространство, можетъ вырости въ глыбу, а то, пожалуй, и гору.

сравненно курьознѣе и оригинальнѣе. Онъ одѣваетъ въ траурную одежду алтари костела, завѣшиваетъ окна черными сукномъ, устрояетъ катафалкъ посреди костела, а въ сторонѣ его quasi свѣжую могилу, изъ натасканной въ костелъ земли, и по цѣлымъ часамъ поетъ знакомые намъ гимны и проч. и проч. Эти комедіи дѣлаютъ то, что православный священникъ бывалъ иногда вынужденъ посылать въ костелъ [1]) старосту либо пономаря и напоминать тихомолкомъ православнымъ, что уже начато свое богослуженіе; эти затѣи сдѣлали то, что между прислужниками ксендза начали появляться и православные. Нельзя пройдти здѣсь молчаніемъ и того обстоятельства, что ксендзъ м. Б. началъ не опустительно отправлять и нешпоры (вечерню), которыхъ никогда прежде не служивалось. Это, видите, для того, что бы народъ, идя съ работы [2]) и заслышавъ гудѣніе органа, зашелъ въ костелъ—послушать даровую музыку и пріохочивался къ эффектности и пластичности римскаго богослуженія. Ловушка тѣмъ хитрѣе, что православные священники м. Б. (да и въ другихъ мѣстахъ) рѣдко служатъ вечерню отдѣльно (свечера) отъ утрени, а по большей части соединяютъ ихъ въ одно утреннее богослуженіе. Это дѣлается для того, что православные на селѣ трудятся въ полѣ, на сѣнокосѣ, до глубокаго вечера, и потому вечерня, отправляемая своевременно, не достигала бы своей цѣли [3]).—Это подвиги одного ксендза, сколько же трудятся въ потѣ лица на полѣ пропаганды всѣ ксендзы вмѣстѣ взятые, на протяженіи всей русской территоріи! [4])

Всматриваясь въ подмѣченныя недавно и подобныя имъ,

---

[1]) Костелъ стоитъ такъ близко отъ церкви, что шумное богослуженіе въ первомъ, заглушаетъ нерѣдко возгласы священника и развлекаетъ вниманіе молящихся въ послѣдней.

[2]) Всѣ дороги съ поля сходятся на плотинѣ, устроенной и оканчивающейся насупротивъ костела.

[3]) Скажутъ и нешпоры отправляются свечера, а православные заходятъ же въ костелъ? Чтобы понять различіе нешпоровъ отъ вечерни, стоитъ только обратить вниманіе на то, что на нешпоры можно зайдти для того, чтобы присѣсть, отдохнуть, позѣвать, послушать даровую музыку, а на вечерни нужно стоять и молиться. Да и пріурочить службу вечернюю къ возврату съ поля прихожанъ довольно не удобно. Ее бы нужно окончить до захожденія солнца; но въ это время все село въ полѣ, а служить вечерню ночью обременительно и для священника и для прихожанъ и для самой церкви; такъ какъ для этого потребовался бы слишкомъ значительный для сельской церкви годовой расходъ на ея освѣщеніе.

[4]) О всѣхъ этихъ продѣлкахъ латинопольской пропаганды имѣются въ редакціи документы.

окружающія насъ явленія, вдумываясь въ настоящія отношенія къ намъ безпокойныхъ сосѣдей нашихъ, невольно спросишь и себя и другихъ: что же, наконецъ, все это значитъ? Когда человѣкъ русскій заявлялъ нужду въ услугахъ и одолженіяхъ польскаго патріота? Развѣ православные—дикари, язычники, что области ихъ переполнены и мелкими и крупными, и дерзкими и уклончивыми миссіонерами, пропагандистами? Быть-можетъ въ основѣ этой навязчивости и убѣжденій и благодѣяній лежитъ, въ самомъ дѣлѣ, чувство состраданія къ несчастному, чувство любви къ русскому народу? Но кто же мѣшалъ чувству этому проявляться прежде, когда этотъ человѣкъ былъ еще несчастнѣе? Отъ чего прошли цѣлые вѣка въ явленіяхъ противуположныхъ современной намъ гуманности иановъ; отъ чего они только назадъ тому около двухъ (меньше даже) лѣтъ принялись за любовь къ русскому простолюдину—филантропію? Скольких, напримѣръ, трудовъ, непріятныхъ столкновеній съ паномъ, долженъ былъ, не такъ давно выдержать православный священникъ, пока устроитъ (если еще позволитъ панъ устроить) сельскую школу; а теперь и паны, и ксендзы, и всякая польская личность, только лишь и бредятъ школами, «oswiata ludu»! Сколько назадъ тому два года терпѣлъ, страдалъ русскій простолюдинъ отъ эгоизма, корыстолюбія, чувственности, самоправства—и вельможнаго, и невельможнаго пана; а теперь тотъ же человѣкъ не оберется отъ непрошенныхъ ласкъ, вниманія, благодѣяній, расточаемыхъ тѣми же панами! Откуда этотъ странный метаморфозъ? Развѣ панъ, въ самомъ дѣлѣ, переродился, вдругъ, безъ всякой постепенности, безъ всякой перемѣны со стороны холопа, почувствовалъ нечаянный приливъ любви къ сему послѣднему? Смѣшно даже былоб отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. Причины этого метаморфоза разоблачены во 2 и 3 книжкѣ Вѣстника въ отвѣтѣ *Narod*овой Газетѣ. Но существо дѣла теперь не въ причинахъ метаморфоза, а въ его результатахъ, въ отвѣтѣ на вопросъ: къ чему поведетъ, или покрайней мѣрѣ можетъ повести, удачное выполненіе ролей въ этомъ психическомъ маскарадѣ? Не думаемъ, чтобъ этотъ маскарадъ кончился трагедіей, вышелъ изъ предѣловъ забавы, перешагнулъ за черту празднаго препровожденія времени, а все-таки онъ довольно затѣйливъ и замѣчателенъ для того, чтобы не пройти мимо его безъ вниманія. Вѣдь и въ маскарадной интригѣ полагается иногда иниціатива серьезныхъ явленій, и польскій маскарадъ можетъ надѣлать хлопотъ, если не разма-

скируемъ во-время его затѣйщиковъ. Вотъ хоть-бы устройство сельской школы, подъ польскимъ протекторствомъ. Ничего, кажется, не мѣшаетъ, что дитя выучится по-польски; оно даже сдѣлается богаче цѣлымъ знаніемъ, а между тѣмъ, если не удержать его впору отъ этой безполезной лингвистики, если не учредить, покрайней мѣрѣ, зоркаго контроля при занятіяхъ этою филологіей, она можетъ уподобиться маленькому сѣмечку, изъ котораго выростаетъ большое ядовитое дерево, она можетъ сдѣлать, со временемъ, доступными сознанію и угодными волѣ тѣ лжи и клеветы, тѣ идѣи и тенденціи, которыми силятся полоно-филы разъединить русскую силу, произвести племенное столкновеніе, подорвать основы православія, и которыми переполнены послѣднія статьи, брошюры, памфлеты мнимыхъ друзей и тайныхъ враговъ нашего простолюдья. Для проведенія въ народное сознаніе этихъ воззрѣній и стремленій, пропагандисты и навязываютъ дѣтямъ русскаго простолюдина польскую грамотность: они мечтаютъ, что эта грамотность скоро для нихъ пригодится, что она будетъ первымъ шагомъ на пути къ подавленію русской народности и православія и вѣрнымъ залогомъ соединенія русиновъ съ поляками и обобщенія ихъ интересовъ. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, къ чему бы и обучать дитя русскаго мужичка польскому языку? Быть можетъ для того, чтобъ облегчить трудности въ пониманіи другъ друга, при обоюдныхъ сношеніяхъ пана съ хлопомъ?[1]) Но вѣдь понималижъ они доселѣ другъ друга, хоть и не учили крестьянскихъ дѣтей книжному языку поляковъ. Но вѣдь естественнѣе требовать, чтобы меньшинство учились для этой цѣли языку огромнаго большинства, на землѣ котораго оно живетъ, законами котораго управляется, языкъ котораго обязателенъ для проявленія всѣхъ движеній народной жизни. Вѣдь отношенія шляхты къ нешляхтѣ прежде были несравненно чаще и тѣснѣе, нежели теперь, а между тѣмъ шляхта сочла бы безуміемъ и посягательствомъ на гоноръ панскій, заведеніе сельскихъ школокъ, тѣмъ болѣе обученіе въ нихъ какого-нибудь холопа панскому языку; а теперь, благодаря Бога и Царя, эти отношенія со дня на день, будутъ становиться рѣже-и рѣже, слабѣй-и слабѣе, со дня на день панъ больше-и больше будетъ нуждаться въ рукахъ простолюдина, и потому обязанъ обращаться

---

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, стараются объяснить пропагандисты основаніе польскихъ школъ, обученіе въ нихъ польской грамотности дѣтей русскаго простолюдина.

къ нему на его природномъ языкѣ, а не требовать весьма неосновательно обратной постановки явленія. Не логично было бы пріѣзжему въ Варшаву, требовать, чтобы жители ея выучились его языку — для того только, чтобъ имѣть счастіе понимать его нужды и удобнѣй удовлетворять ихъ. Не странно ли было-бъ, если-бы разные колонисты, живущіе на нашей землѣ, потребовали, чтобы мы учились ихнему говору, для того только, чтобы имѣть удовольствіе понимать ихъ. Евреевъ въ западномъ и югозападномъ краѣ Россіи далеко больше, нежели польской шляхты [1]) и сношенія съ ними туземнаго простолюдья далеко чаще и интимнѣе, нежели съ поляками; а между тѣмъ они не думаютъ навязывать своего нарѣчья простолюдину и, нигдѣ не учившись, всовершенствѣ владѣютъ областнымъ нарѣчіемъ, а многіе и чистымъ русскимъ языкомъ. И туземная шляхта, конечно, гдѣ-нибудь учившаяся, довольно сносно объясняется по-русски (а на областномъ нарѣчіи еще свободнѣе), а можетъ и должна объясняться еще свободнѣе. «Съ своимъ уставомъ, не ходятъ въ чужой монастырь,» говоритъ русская пословица. Короче: несомнѣнно то, что обученіе польской грамотѣ русскаго простолюдина должно быть объяснено только желаніемъ польскихъ патріотовъ сперва ополячить, потомъ и окатоличить, если не окрѣпшихъ въ русской народности и православіи мужей, то хоть дѣтей нашего простолюдья.

Что сказано о польской грамотности, навязываемой нашему простолюдину, то должно быть отнесено и къ другимъ явленіямъ польской пропаганды. Цѣль ихъ очевидна; — произвести сперва statum in statu, потомъ противопоставить одинъ status другому, наконецъ выработать свой особый status, по образчику покойной Рѣчи-посполитой. Иначе, какъ же объяснить противное всѣмъ законамъ психическимъ, всѣмъ даннымъ историческимъ вѣшанье пана на шею холопа? Развѣ для этихъ любезностей и гуманностей мало было прежде времени? Развѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ, успѣли сдѣлаться человѣчнѣе тѣ, которые глумились надъ всѣми правами русскаго человѣка, въ теченіе четырехъ вѣковъ? Безъ вашего участія Россія начала

[1]) Мы еще здѣсь должны исключить изъ общей цифры поляковъ ту застѣнковую, чиншовую и всякую другую шляхту, которая, живя между русскимъ простолюдьемъ и занимаясь земледѣліемъ, или совершенно забыла прежній польскій говоръ, или даже никогда его не знала, такъ какъ она когда-то только окатоличилась, но не ополячилась, измѣнила религіи, но не измѣнила языку предковъ.

нравственное развитіе и улучшеніе бытоваго склада своего народа; она съумѣетъ и окончить его безъ вашей филантропіи. И такъ очевидно, что вся эта филантропія, всѣ эти объясненія въ любви — маска, ложь, фарисейство, удочка.

«Вы взводите на насъ напраслину, завопятъ паны (но, конечно, не ксендзы): мы все это дѣлаемъ для сближенія съ народомъ,— въ видахъ улучшенія собственнаго матеріальнаго интереса». Полно-те, гг. паны! Въ тѣхъ заграничныхъ изданіяхъ, предъ которыми открыта ваша совѣсть, вы слишкомъ часто и откровенно толкуете о другой—подлинной цѣли вашего ухаживанья за народомъ русскимъ[1]). А еслибъ и такъ, то поздно спохватились, гг. паны! Было время для этихъ сближеній, но оно не воротится. Теперь простолюдину не до васъ, у него своего много дѣла. *Ваши* матеріальные интересы однажды на всегда разошлись съ его интересами. Онъ всякій годъ будетъ подвигаться ближе къ вашему стоянію. Теперь вы его никакими маскарадами не притянете къ pańszczyźnie. Простолюдинъ очень хорошо понялъ, что вы больше не паны его и возблагодарилъ Бога. Еще власть ваша надъ холопомъ только лишъ ослаблена, а онъ уже готовъ страдать, лишь бы не способствовать улучшенію вашихъ интересовъ. Вы слишкомъ близоруки, если не видите, что бывшіе крестьяне ваши, не хотятъ имѣть съ вами никакихъ счетовъ и всѣ единодушно и единогласно твердятъ: «мы хочемъ Царскаго выкупа».

Теперь, мы думаемъ, понятна для всякаго важность микроскопическихъ явленій польской пропаганды, понятна необходимость зорко слѣдить не только за крупными продѣлками польскихъ патріотовъ, но и за егозливою копошливостью насѣкомыхъ травянаго міра пропаганды,—и не только слѣдить, но и производить правильную оцѣнку ихъ затѣй, нормальное истолкованіе ихъ продѣлокъ и употребить своевременныя и надежныя средства къ уничтоженію настоящихъ и предотвращенію будущихъ. Но мы сами этого сдѣлать не можемъ: между нами и народомъ долженъ быть посредникъ. Вотъ гдѣ, какъ и почему важна для насъ услуга и сочувствіе задачѣ на-

[1]) На эту цѣль довольно сдѣлано указаній въ предыдущихъ страницахъ настоящей статьи и въ отвѣтѣ *Narodo*вой Газетѣ, помѣщенномъ во 2 и 3 книжкахъ Вѣстника.

шего изданія нашихъ сельскимъ пастырей! Вотъ кто долженъ противупоставить свою энергію и бдительнось уловкамъ ксендза и пана, со всею ихъ свитою! Вотъ кто обязанъ срывать, гдѣ то окажется нужнымъ, маску филантропіи съ непрошеныхъ слишкомъ *молодыхъ* друзей русскаго простолюдина и старыхъ клевретовъ польской пропаганды! Вотъ кому сподручнѣй указывать подлинный смыслъ и цѣль услугъ и обѣтовъ, которыми завистники и ненавистники наши, хотятъ расположить къ себѣ и своему дѣлу умы и сердца православнаго люда русскаго! Вотъ кто обязанъ защитить пародное образованіе наше отъ затѣй католической пропаганды, а молодое поколѣнье простолюдья южнозападной Россіи отъ ополяченія! Вотъ почему наконецъ, мы позволяемъ себѣ надѣяться, что наше духовенство поможетъ намъ провести въ народное сознаніе, добытые нами историческіе матеріалы, выработанныя научныя изслѣдованія и сдѣланныя тамъ и здѣсь житейскія наблюденія!

П—Р.

ЗАМѢТКИ

ЗАВОЛЖСКАГО ТАТАРИНА. [1])

Отношенія Польши къ русскому народу всегда занимали меня. Для этого я выучился польскому языку, потому, что всѣ любопытные въ этомъ отношеніи источники, какими только я могъ пользоваться отъ проживавшихъ въ нашихъ мѣстахъ поляковъ, были писаны, большею частію, по польски. Направленіе этихъ сочиненій было почти всегда одинаково, т. е. клонилось сильно не въ пользу русскаго народа. Хотя я самъ не русскій, а татаринъ, но привыкъ почитать Россію своимъ отечествомъ: предки мои состояли, съ давнишнихъ временъ, въ подданствѣ Россіи, получили здѣсь права гражданственности, и самъ я родился и пріобрѣлъ моральное развитіе въ Россіи; [2]) по этому мнѣ было горько всегда встрѣчать жестокіе на нее нападки, тѣмъ болѣе, что никто на нихъ не возражалъ и чрезъ то они какъ будто составляли безъукоризненную правду. (Надобно замѣтить, что эти сочиненія съ жадностію читали русскіе и, не знаю по чему, любили ихъ. Было ли то слѣдствіе моды, стремившейся подавить и осмѣять всё русское, или уловкой хитрыхъ пропагандистовъ, старавшихся поселить въ русскихъ нелюбовь къ своему отечеству.... Не знаю. Но что это было направленіе всѣхъ нашихъ болѣе образованныхъ людей, хотѣвшихъ выказаться передовыми понятіями,—то это вѣрно).

Появленіе, издаваемаго въ Кіевѣ журнала „Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи“, меня несказанно обрадовалъ. Это первый русскій журналъ, который горячо возсталъ за свое прошедшее, и при томъ не голословно, а подтверждая фактически свои доводы. Въ послѣднее же время сдѣлалось у насъ въ Россіи такое направленіе въ литературѣ, что всѣ стремятся только открывать во всемъ русскомъ одну смѣшную сторону, подрываться подо всё, что бы высказать свое порицаніе

[1]) Статью эту доставилъ въ редакцію сотрудникъ нашъ, — докторъ Штука. *Прим. Ред.*

[2]) Я воспитывался въ казанскомъ университетѣ.

существующему порядку вещей.... И, если что получаетъ въ Россіи извѣстность, то это только сочиненія такого рода, которыя часто пользуются своимъ авторитетомъ слишкомъ незаслуженно. Сколько, я думаю, встрѣчалъ каждый изъ насъ сочиненій, на русскомъ языкѣ, весьма плохихъ по содержанію, но заключавшихъ въ себѣ двѣ или три саркастическихъ выходки противъ Россіи,—и всѣ ими восхищались, даже повторяли часто пустыя остроты этихъ сочиненій. Не будемъ переименовывать такихъ произведеній, потому что ихъ очень много; укажемъ только на критику Бѣлинскаго, и, если вы прослѣдите все послѣдующее за тѣмъ, до нашего времени, состояніе русской литературы и журналистики,—то согласитесь, что я говорю правду. Начните же хвалить что нибудь русское,—и васъ забросаютъ грязью, осыпятъ насмѣшками. А о Польшѣ не смѣй и говорить,—это былъ какой-то литературный Рубиконъ. Правда закидывали иногда въ ту сторону удочки московскіе журналы, но все какъ-то слабо; одна только упокоившаяся [1]) газета „День" высказала нѣсколько обличительныхъ вещей противъ поляковъ и польскаго направленія, чисто съ русской точки зрѣнія, да и то только въ началѣ своего существованія, а потомъ вильнула хвостомъ и запѣла пѣсню на другой ладъ, даже не совсѣмъ безукоризненный для прежняго ея направленія. Такъ, повторю я, при этомъ настройствѣ руской журналистики, пережевывающей только прежніе, избитые вопросы и передѣлывающей старые образцы на новый ладъ,—какъ несказанно пріятно было мнѣ встрѣтить первыя книжки „Вѣстника", съ новыми, свѣжими, историческими вопросами! Остается только пожелать, что бы помогъ Аллахъ редакціи этого журнала стойче идти по предпринятому имъ пути, и дольше не умолкать для пользы русской земли.

Противъ этого журнала я ничего не могу сказать; но мнѣ хотѣлось одно, что бы онъ, разработывая источники, касающіяся Руси, въ обширномъ смыслѣ этого слова (т. е. великой, малой, бѣлой и черной Руси), въ связи съ отношеніемъ къ нимъ бывшаго польскаго королевства,—не забылъ еще одной народности, игравшей нѣкогда немаловажную роль въ судьбѣ русскаго царства и потомъ вошедшей въ обширный его составъ,—именно народности татарской.

Хотя мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что думаемъ больше о настоящемъ, не тревожась своей геральдикой; но у всякого человѣка, болѣе или менѣе, есть племенное пристрастіе, разумѣется, не въ такомъ размѣрѣ, какъ у поляковъ, но всё таки есть.... И потому мнѣ, потомку храбрыхъ сподвижниковъ Чингисхана и Батыя, искренно желалось, что бы поближе посмотрѣли на отношенія татаръ къ русской землѣ, и можетъ быть безпристрастная исторія откроетъ въ нихъ что нибудь болѣе достойное, чѣмъ привыкли всѣ почитать. Вы можетъ быть улыбнетесь

[1]) Она опять начала выходить по прежнему. *Прим. Ред.*

на это?—Не смейтесь!—а розберите дѣйствія татаръ въ отношеніи Россіи, сравнительно съ дѣйствіями Польши,—и вы увидите, что иго татарское не такъ было велико, какъ прокричали историки и что народъ этотъ вовсе не такъ низокъ въ моральномъ отношеніи, что бы бросить въ неизвѣстности его исторію. Напримѣръ: a) взгляните поближе на древнія отношенія татаръ къ Россіи, какъ *завоевателей,*—и вы сознаетесь, что они сдѣлали гораздо меньше зла русскимъ и русской народности, чѣмъ поляки, не завоевавшіе, а захватившіе случайно русскія страны и b) обратите вниманіе на настоящій ихъ бытъ, какъ *подданныхъ,* и вы согласитесь, что они далеко благороднѣе держатъ себя въ отношеніи русскихъ и общаго нашего правительства, чѣмъ поляки.

Начнемъ съ 1224 года, съ первой встрѣчи русскихъ съ татарами.

Военноначальники Чингисхана, побѣдивъ семь народовъ, въ томъ числѣ и половцевъ, непримиримыхъ враговъ Россіи, [1]) гнали послѣднихъ до русскихъ границъ. Многіе половцы, убѣгая отъ побѣдителей, перешли въ область кіевскую и вооружили противъ татаръ русскихъ князей, которые и выступили противъ нихъ съ своимъ войскомъ. Слѣдовательно первый шагъ къ войнѣ сдѣланъ не татарами, а русскими князями. Татары не хотѣли воевать съ русскими, доказательствомъ тому служитъ то, что когда они освѣдомились о вооруженіи русскихъ князей, прислали къ нимъ пословъ съ мирными предложеніями; но русскіе князья убили этихъ пословъ,—и тѣмъ бросили искру къ народной враждѣ. Мудрено ли, послѣ того, что храбрые военноначальники Чингисхана, разбивъ русскихъ при Калкѣ, стали дѣйствовать вѣроломно и безчеловѣчно; обманули, остававшагося непобѣжденнымъ, кіевскаго князя Мстислава, обѣщавъ спокойно пропустить его въ свои владѣнія, и потомъ умертвили его и все его войско; и за тѣмъ, преслѣдуя бѣгущихъ, разбитыхъ ими русскихъ, до самого Днѣпра, умерщвляли безжалостно всѣхъ попадавшихся имъ, даже мирныхъ жителей селъ и городовъ, встрѣчавшихъ ихъ съ покорностію. Положимъ, что эти дѣйствія татаръ были безчеловѣчны, но вспомните, что они были народъ дикій и ожесточенный нападеніемъ русскихъ, съ которыми не имѣлъ прежде никакой вражды. Да, въ правду сказать, и самые русскіе едва ли милостивѣе поступили бы съ татарами, если бъ побѣда осталась на ихъ сторонѣ? Вѣдь тогда не слишкомъ церемонились съ побѣжденными.

Второе столкновеніе татаръ съ русскими было нашествіе Батыя.

Когда пришелъ Батый, въ 1237 году, въ область рязанскую, уничтоживъ болгарскую столицу, то, разумѣется имѣлъ не дружелюбное намѣреніе въ отношеніи русской земли, а добычу и завоеваніе,—но все таки не началъ прежде войну съ русскими, а предлагалъ имъ

---

[1]) Въ воскр. лѣт. сказано: и иѣхъ языкъ семь.

быть данниками. [1]) По полученіи отказа, Батый, (не больше какъ военноначальникъ Хана, велѣвшаго ему давать пощаду только побѣжденнымъ народамъ, т. е. совершенно покорившимся), открылъ военныя дѣйствія, и какъ онъ встрѣчалъ вездѣ мужественное сопротивленіе со стороны русскихъ,—то и истреблялъ всѣхъ и всё. Скрывать нечего, да и безполезно, что татары, были страшные и неумолимые завоеватели. Въ городахъ, взятыхъ съ боя, они убивали жителей, разрушали храмы, обирая въ нихъ дорогую утварь и обдирая оклады съ иконъ, жгли священниковъ и обагряли ихъ кровію олтари, насиловали женщинъ и дѣвицъ въ виду ихъ родителей и мужей и уводили часть плѣнниковъ и плѣнницъ, которые особенно имъ нравились, въ вѣчную неволю; [2]) также точно поступали съ городами сдававшимися имъ добровольно или обольщенными обѣщаніями пощады, и съ попадавшимися имъ мирными жителями. Вообще можно сказать, что татары вели себя въ это нашествіе крайне неблагородно и, если судить по нынѣшнимъ понятіямъ, то безчестно и даже хуже этого, выберите какъ хотите выраженіе, я и на это согласенъ. Но опять вспомните, что они были варвары-идолопоклоники, у которыхъ было правило уничтожать иноплеменныхъ затѣмъ, что бы было безопаснѣе имъ самимъ, не считалось за безчестье обманывать чужеземцевъ; и при томъ все это происходило во время войны, войны самой ожесточенной.

---

[1]) Смотри новогород. лѣт. стр. 127.

[2]) Въ никон. лѣт. сказано, что, по взятіи Рязани, татары: «взрѣзывая груди плѣнным русскимъ, вынимали желчъ, съ иныхъ сдирали кожу, а инымъ забивали подъ ногти иглы и щепы», но это едва ли справедливо. Что татары грабили и насиловали женщинъ—это вѣроятно, потому, что добыча составляла единственное вознагражденіе воиновъ, (они не получали жалованья), а любострастіе было свойственно ихъ азіатской натурѣ; но остальное взводимое на нихъ варварство, по моему мнѣнію, сомнительно. Впрочемъ могло и это быть въ какихъ нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, но, навѣрно, не по приказанію военноначальниковъ, а дѣлалось самовольно ожесточенными воинами. При томъ же не всё, что случалось со стороны татарскаго войска, должно относить собственно къ татарамъ; въ ихъ войскѣ были разные покоренные ими народы, которые, по признаніи надъ собою власти татаръ, должны были давать имъ воиновъ, а покоренные ими: половцы, алане и друг. (какъ видно по исторіи), были народы самые звѣрскіе. Но если допустимъ, что подобные злодѣйскіе поступки были дѣлаемы даже и самими татарами,—то и это извинительно по тогдашнему времени. Взгляните на битву поляковъ съ малороссами, случившіяся далеко послѣ этого,—и вы увидите какъ поступали христіане съ христіанами. Стоитъ только указать на дѣйствія одного Вишневецкаго, князя и человѣка, по своему времени, отлично образованнаго (см. Вѣст. Югоз. и Зап. Россіи кн. 1-я и 2-я),—и тогда даже эти звѣрскіе поступки татаръ будутъ казаться ничтожными. *Пр. Авт.*

Посмотримъ далѣе на дѣйствія татаръ какъ *побѣдителей* и мы увидимъ, что они не только не остались въ отношеніи русскихъ по прежнему безчеловѣчны, но стали даже гуманны. Вопервыхъ когда русская земля сдѣлалась данницею татаръ,—развѣ они касались святотаинственно русской святыни?—Никогда. Напротивъ они покровительствовали русскому духовенству и не только во времена идолопоклонства [1]), но и по принятіи исламизма [2]), проповѣдовавшаго нетерпимость другихъ вѣръ. Прочтите льготную грамоту, или ярлыкъ, Хана Узбека [3]), которой воспрещалось всѣмъ подвластнымъ ему народамъ, подъ опасеніемъ смертной казни, обижать церкви и монастыри русскіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавались какъ эти храмы и обители, такъ и все духовенство исключительно во власть русскаго митрополита. (Развѣ это не великодушно съ ихъ стороны?) И вовторыхъ касались ли татары внутренней организаціи управленія Русью?—Вовсе нѣтъ. Ханы довольствовались только данью и покорностію, а на Руси остались тѣ-же князья и съ тою же властію, какъ и прежде, которые чинили въ своихъ владѣніяхъ судъ и расправу по прежнимъ правиламъ и обычаямъ, не отдавая въ этихъ дѣйствіяхъ своихъ ни малѣйшаго отчета властелинамъ татарскимъ.

Противъ этого, можетъ быть, возразятъ: какъ же не вмѣшивались татары въ управленіе Русью, когда ханы часто сводили князей даже съ великокняжескаго престола, отнимали удѣлы отъ однихъ и давали другимъ князьямъ и нерѣдко, по наговорамъ, казнили князей въ ордѣ? Ханы, завоевавъ Россію, какъ и другія страны, предоставили себѣ право назначать главнаго правителя, а тѣмъ болѣе второстепенныхъ властителей; это дѣлалось во всѣ вѣка съ побѣжденными оружіемъ и вообще съ покоренными народами, какимъ бы то не было образомъ. Но назначеніе властителей, не есть перемѣна внутренняго управленія страною. Положимъ, что скажутъ и противъ этого, что если ханы назначали по своему произволу князей, то все равно, что они сами управляли Русью, ибо поставленные ими князья должны были дѣйствовать въ ихъ духѣ. Противъ этого я не спорю, но подобное направленіе дѣйствій въ пользу орды было внѣшнее, политическое, обязывающее только покоренную страну поступать на правѣ вассальскомъ въ пользу покорителей, относительно другихъ странъ, а не можетъ служить доказательствомъ, что самая страна управлялась татарами по ихъ законамъ, обычаямъ или даже по произволу. Внутреннее управленіе Русью не-

---

[1]) Татары хотя и признавали единство Бога, но поклонялись идоламъ.

[2]) Татары приняли могометанскую вѣру въ 1272 г.

[3]) См. ростов. архив. лѣтопись.

измѣнялась подъ властію татаръ, а шло какъ и прежде,—этого нельзя опровергнуть никакими историческими источниками. Притомъ же просимъ обратить вниманіе читателей и на то обстоятельство когда и какъ смѣняли русскихъ князей татарскіе ханы. Переберите всю русскую исторію и вы увидите, что эти перемѣны были поводомъ какихъ нибудь особыхъ обстоятельствъ: или удѣльный князь, по смерти великаго князя, захватывалъ великокняжескій престолъ, или какой нибудь чужой удѣлъ, безъ согласія хана; претенденты ѣхали судиться въ орду и, послѣ разбирательства правъ на владѣніе, было дѣлаемо смѣщеніе однихъ и передача другимъ власти надъ претендуемою мѣстностью; а по большей части князья русскіе, разсорившись между собою, ѣздили въ орду клеветать одинъ на другого, представляя, разумѣется каждый въ свою очередь самыя убѣдительныя доказательства, чтобы вооружить властелиновъ татарскихъ, льстя имъ сколько возможно, осыпая дарами, и подкупая приближенныхъ къ нимъ вельможъ, чтобы они дѣйствовали въ ихъ пользу. Эти-то распри князей русскихъ и были причиною вмѣшательствъ хановъ въ дѣла Россіи и послужили поводомъ какъ къ позорной смерти нѣкоторыхъ благородныхъ и честныхъ русскихъ князей,—потому что ожесточенные ложными навѣтами татарскіе ханы, жестоко мстили своимъ врагамъ, большею частію мнимымъ, такъ и къ отягощенію завоеванной страны, потому, что ханы, для утвержденія вновь поставляемыхъ русскихъ князей, отправляли въ мѣстѣ съ ними свое войско, составленное изъ разныхъ народовъ и искавшее только добычи. По этимъ неоспоримымъ доводамъ можно смѣло утверждать, что если и случались какія нибудь стѣсненія русскихъ во время татарскаго владычества, — то причиною этому были не татары, или, лучше сказать не властители, татарскіе, а сами русскіе князья. Живи они мирно, не мути хановъ татарскихъ, и эти послѣдніе никогда бы не затронули Россіи, довольствуясь только одной наложенной данью.— Зачѣмъ же, послѣ этого, такъ жестоко бранять моихъ храбрыхъ предковъ, зачѣмъ ихъ временное господство надъ Русью называютъ игомъ? — Нѣтъ, ихъ господство было весьма поверхностное и даже, если хотите знать, благодѣтельное для Россіи. Подъ владычествомъ татарскимъ созрѣла въ русскихъ мысль о единствѣ власти въ цѣлой странѣ, чрезъ что сложились въ одно всѣ разрозненныя части восточной Руси и образовали изъ себя сильную страну; а безъ татаръ, я увѣренъ, этого никогда бы не было. Русскіе князья, плодясь болѣе и болѣе, раздробили бы Русь на самыя мелкія частицы, враждебные одна другой и довели бы ее до того, чтобы она стала однимъ изъ самыхъ слабыхъ, самыхъ бѣдныхъ и притомъ самыхъ безспокойныхъ уголковъ Европы, которую, въ послѣдствіи, раздѣлили бы между собою сосѣднія государства, какъ это сдѣлали съ шумливой Польшей.

Теперь посмотримъ какъ поступала Польша съ русскимъ народомъ?

Когда предки мои воевали русь восточную, западная русь отдѣлилась и вошла постепенно въ составъ Литвы, но не такъ какъ данница, или раба, а какъ равная и при томъ морально преобладающая надъ тою страною, къ которой присоединилась, потому, что съ присоединеніемъ внесла въ Литву свой языкъ, свои законы, свою вѣру. Извѣстно, Гедеминъ, при коемъ послѣдовало это присоединеніе, хотя самъ и язычникъ, но былъ женатъ на христіанкахъ, русскихъ княжнахъ, дѣти его были крещены въ русскую православную вѣру, которыя своимъ примѣромъ заохочивали креститься въ нее другихъ литвиновъ, въ особенности своихъ приближенныхъ, и самая столица литовскаго княжества, Вильно, по справедливости можно сказать, сдѣлалась вскорѣ столицею православною на западѣ Руси. Языкомъ русскимъ всѣ говорили при литовскомъ дворѣ: онъ сталъ языкомъ господствующимъ, юридическимъ и дипломатическимъ... Законы этого новаго соединеннаго государства были тоже русскіе, доказательствомъ тому служитъ, что самый, литовскій статутъ, писанный первоначально на русскомъ языкѣ, былъ составленъ изъ «русской правды» великаго князя Ярослава. Наконецъ Литва, а вмѣстѣ съ нею и западная Русь соединяются съ Польшею. Опять и это присоединеніе нельзя почитать унизительнымъ для Литвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для Руси, составлявшей съ нею одно государство, потому, что скорѣе не Литва пресоединилась къ Польшѣ, а Польша къ Литвѣ, ибо литовскій князь сдѣлался королемъ польскимъ, и хотя онъ перенесъ свою столицу въ Краковъ, но все остался по прежнему великимъ княземъ литовскимъ; при томъ же это соединеніе двухъ государствъ послѣдовало не по нуждѣ, не по праву завоеванія, а по добровольному согласію—они сошлись какъ равный съ равнымъ,—слѣдовательно Польша не имѣла никакихъ особыхъ правъ ни на Литву, ни на Русь. Но польскій народъ, а главное его духовенство, немогло прожить спокойно безъ интригъ и разныхъ козней. Вскорѣ послѣ присоединенія литовскаго княжества поляки начали выказывать свою надменность и стараться навязать свою народность, религію и языкъ Литвѣ и Руси. Сначала эта пропаганда шла тихо, покуда не закинула хитро придуманныхъ сѣтей во всѣ концы присоединеннаго къ Польшѣ края; а потомъ стала преслѣдовать все не польское и въ особенности русское съ страшною необузданностью...

Но будемъ разсказывать нѣсколько подробнѣе, чтобы имѣть случай сравнивать дѣйствія поляковъ въ отношеніи Руси съ дѣйствіями моихъ храбрыхъ предковъ.

(*Продолженіе впредь*).

ДРЕВНЯЯ ЧЕШСКАЯ ПѢСНЬ

„OPUŠČENA“ (СИРОТА),

(находящаяся въ изданной Ганкомъ краледворской рукописи и переложенная на 8 славянскихъ нарѣчій. Перепечатана здѣсь изъ 1-й книжки, издаваемаго въ настоящемъ году, подъ редакціею Смоляра журнала „Времянникъ (Zeitschrift) славянской литературы, наукъ и искусствъ,“ съ переводомъ Смолярова предисловія, подъ заглавіемъ „Sbornik.“)

Sbornik.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО).

Главнаго препятствія къ благопріятному развитію общей славянской литературы, безъ сомнѣнія, должно искать въ томъ, что славяне пишутъ на шести главныхъ діалектахъ, не считая при этомъ еще другихъ малыхъ нарѣчій (Nebenmundarten—поднарѣчіе). Другимъ препятствіемъ можно считать еще и то, что славянская письменность употребляется на двухъ разнородныхъ азбукахъ кирилловской и латинскій. Первую употребляютъ *болгары* и, съ нѣкоторыми измѣненіями, *русскіе* и *сербы;* послѣдней же держатся южные славяне р.-католическаго вѣроисповѣданія, *чехи* и *лутицкіе сербы,* въ особенности же *поляки,* хотя ихъ орфографія въ нѣкоторыхъ пунктахъ отступаетъ отъ орѳографіи трехъ выше упомянутыхъ племенъ. Что касается до перваго недостатка, именно — одновременнаго существованія шести литературныхъ нарѣчій, то нужно сказать, что въ настоящее время, при совершенномъ даже согласіи всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, невозможно возвышеніе одного изъ нихъ на степень литературнаго языка для всѣхъ славянъ. Касательно же другаго недостатка — употребленія въ славянскихъ литературахъ двухъ азбукъ, въ новѣйшее время уже согласились, что принятіе той или другой изъ нихъ за единственную для всѣхъ славянъ азбуку, не составляетъ чего-либо невозможнаго. Будущее покажетъ, которая изъ двухъ удостоится этой чести, хотя всякій безпристрастный человѣкъ долженъ согласиться, что кирилица,

т. е. русская азбука, по своей практической приложимости ко всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ и по употребленію у 60 милліоновъ славянъ, конечно имѣетъ преимущество предъ латинскою, числящею за собой не болѣе 15 милліоновъ славянъ. Притомъ-же латинская азбука представляетъ и то неудобство, что не имѣя достаточнаго числа письменныхъ знаковъ, для выраженія всѣхъ славянскихъ звуковъ, заставляетъ прибѣгать къ различнымъ, болѣе или менѣе затруднительнымъ комбинаціямъ буквъ и знаковъ.

Нашъ Времянникъ (Zeitschrift) имѣетъ дѣло съ литературными произведеніями всѣхъ славянъ, и потому мы должны употреблять въ немъ обѣ азбуки. Хотя мы смѣло можемъ предположить, что большинство нашихъ читателей принадлежитъ къ такимъ кружкамъ, которые безъ затрудненія умѣютъ читать то и другое письмо, но все-таки мы почитаемъ своею непремѣнною обязанностію, по возможности содѣйствовать уразумѣнію ихъ. Для этой цѣли мы въ каждой тетради подъ рубрикой »Сборникъ« будемъ сообщать подъ рядъ отрывки изъ славянской беллетристики, писанные кириловскимъ и латинскимъ письмомъ, и такимъ образомъ соединять полезное съ пріятнымъ. Можетъ быть при переложеніи текста, писаннаго по-латински, на кириловскую азбуку, мы не всегда съумѣемъ сдѣлать это наилучшимъ образомъ, и потому просимъ всякаго, лучше насъ знакомаго съ предметомъ, помогать намъ своимъ совѣтомъ; только не должно опускать изъ вниманія практики, такъ какъ практическая нужда главнымъ образомъ служитъ намъ руководствомъ въ этомъ отношеніи.

Въ этой книжкѣ мы предлагаемъ какъ-бы для приготовленія нашихъ читателей и самообученія, только славянскій оригиналъ. Мы помѣщаемъ, столь извѣстную подъ именемъ »Сирота« поэму древнечешскую, изданную Ганкой, — краледворской рукописи. Послѣ первоначальнаго текста будутъ слѣдовать одинъ за другимъ переложенія на прочія славянскія нарѣчія, какъ ихъ предлагаетъ полиглотта Ганки въ болѣе или менѣе буквальномъ переводѣ.

Древнечешское.

Opuščena.

Ach vy lesi, tmaví lesi,
lesi miletinští!
Čemu vy sě zelenáte
v zimě, letě rovno?
Rada bych jáz neplakala,
nemútila srdce:
a rěkněte dobri ludie,
kto by neplakal zdě?

Опущена.

Ахъ, вы лѣси, тмави лѣси,
лѣси милетинщти!
Чему вы ся зеленате
въ зимѣ, лѣтѣ ровно?
Рада быхъ азъ не плакала,
не мутила срдце:
а рѣкнѣте добри люди,
кто бы не плакалъ здѣ?

Kdé môj otčik, otčík milý? —
Zahrében v rovečce.
Kdé moje máti, dobrá máti?
Trávka na niéj roste.
Ni mi bratra, ni mi sestry, —
Junošu mi vzechu.

Кдѣ мой отчикъ, отчикъ милы?
Загрѣбенъ въ ровечце.
Кдѣ мое мати, добра мати?
Травка на нѣй росте.
Ни ми братра, ни ми сестры, —
Юношу ми взеху.

Верхнелузацко-сербское.

Wopušćena.

Ach wy lésy, ćmowe lésy,
lésy milećinske!
Čemu wy so zeleniće
W zymje, léće runje?
Rada bych ja njepłakała,
njerudźiła dušu:
ale rjekće, dobri ludźe,
štó by njepłakał tu?
Hdźe mój nanik, nanik dobry? —
Zahrjebany w rowčcy.
Hdźe mać moja, dobra maćeř?
Trawka na njej rosće.
Nimam bratra, nimam sotry,
Pachoła mi wzachu.

(Smoleř.)

Вопущена.

Ахъ вы лѣсы, цьмове лѣсы,
лѣсы милецинске!
Чему вы со зеленице
Въ зымѣ, лѣцѣ рунѣ?
Рада быхъ я не плакала,
не рудзила душу:
але рекце, добри людзе,
штó бы не плакалъ ту?
Гдзе мóй наникъ, наникъ любы?
Загребаны въ ровчцы.
Гдзе мацъ моя, добра мацерь?
Травка на ней росце.
Нимамъ братра, нимамъ сотры,
Пахола ми взаху.

(Смоляръ.)

Польское.

Opuszczona.

Ach wy lasy, ćmawe lasy,
Milecińskie lasy!
Czemuż się liściem śmiejecie
w zimie i lecie?
Chcę sercu wzdychać zbronić,
oczom łez ronić;
Jak tu nie płakać sierocie
w takiéj tęsknocie?
Gdzież ojcze, gdzież ojcze miły?
w głębi mogiły.
Gdzież matko, wołam z żałobą,
trawka nad tobą;

Опущона.

Ахъ вы лясы, цьмавэ лясы,
Милецинске лясы!
Чему сѣн лисьцѣм сьмѣісцѣ
въ зимѣ и лѣцѣ?
Хцен сэрцу вздыхаць заброниць,
очомъ лэзъ рониць;
Якъ ту не плакаць сѣроцѣ
въ такѣй тенскноцѣ?
Гдзѣжъ ойче, гдзѣжъ ойчо милы?
въ гленби могилы.
Гдзѣжъ матко, воламъ зъ жалобон,
травка надъ тобон;

Bracia i siostry wymarli,
kochanka wydarli.
(L. Simieński.)

Браця и сестры вымарли,
коханка выдарли.
(Л. Симѣньски.)

Русское.

Сирота.

Ахъ лѣса, лѣса вы темные,
Вы лѣса-ли Милетинскіе!
Что́, лѣса, вы зеленѣете
Въ лѣто, въ зиму одинаково?
Рада, рада-бъ я не плакала,
Не мутила-бы сердечушка:
Да скажите, люди добрые,
Кто, скажите, не заплачетъ здѣсь?
Гдѣ мой батюшка, родимый мой?
Въ мать-землѣ сырой зарытъ лежитъ!
Гдѣ моя родная матушка?
И надъ нею травка выросла!
Нѣтъ ни брата, ни сестрицы нѣтъ!
Мила друга люди отняли!
(Н. Бергъ.)

Sirota.

Ach lésa, lésa wy tjomnyje,
Wy lésa-li Miletinskije!
Čto, lésa, wy zelenéjetje
W léto, w zimu odinakowo?
Rada, rada-b ja nje płakała,
Nje mutiła by śerdječuška:
Da skažitje, ludi dobryje,
Kto, skažitje, nje zapłačet zdéś?
Gdé moj batjuška, rodimyj moj?
W matj-źemlé zaryt ležit!
Gdé moja rodnaja matuška?
I nad njeju trawka wyrosła!
Nét ni brata, ni śestrycy nét!
Miła-druga ludi otnjali.
(N. Berg.)

Малорусское.

Лишена.

Ой, вы лѣсы, тѣмны лѣсы,
Лѣсы милетински!
Чомъ вы ся зеленѣете
Въ зимѣ, лѣтѣ ро́вно?
Рада быхъ я не плакала,
Не нудила серцьомъ;
Такъ скажите жь, добри люде,
Хто бъ не плакавъ зьде?
'Де мо́й батько, батько милый?
Загребленъ въ ямоньцѣ.
'Де моя мати, добра мати?
Травовь пораставэ.
Ни ми брата, ни сестрицѣ,
Ладина ми взяли! —

Lišena.

Oj wy lésy, témni lésy,
Lésy miletinski!
Čom wy sja zelenéjetje
W zimé, lété rowno?
Rada bych ja nje płakała,
Nje nudiła śercjom;
Tak skažitje ž, dobri, ludje,
Chto b nje płakał źdje?
Dje mój batjko, batjko miłyj?
Zagrjebłen w jamońcé.
Dje moja mati, dobra mati?
Trawow narostaje.
Ni mi brata, ni śestricé,
Ładina mi wźali.

Юго-славяно-сербское.

Сирота.	Sirota.
Oj ви шуме, густе шуме,	Oj vi šume, guste šume,
Милетиньске шуме!	Miletińske šume!
Зашто с' шуме зелените,	Zašto s' šume zelenite
Зими и по лету?	Zimi i po letu?
Рада бихъ ja не плакала,	Dada bich ja ne plakała
Срце не смутила,	Srce ne smutila,
Ал реците, добри льуди,	Al recite, dobri ljudi,
Ко не би заплакот	Ko ne bi zaplako:
Де мој бабо, бабо мили?	De moj babo, babo mili?
У гробу ми лежи!	U grobu mi leži.
Де ми майка, добра майка?	De mi majka, dobra majka?
Трава на њој расте!	Trava na njoj raste!
Немам брата, ни сестрице,	Nemam brata, ni sestrice,
Војна ми узели!	Vojna mi uzeli.
(С. Златоjевић)	(S. Zlatojević)

Юго-славяно-иллирійское.

Ostavljena.	Оставлена.
Oj vi šume, tmaste šume,	Ой ви шуме, тмасте шуме,
Šume Miletinske!	Шуме Милетинскè!
Čemu se vi zelenite	Чему се ви зелените,
Létom, zimom ravno?	Лѣтомъ, зимомъ равно?
Ja bih rada neplakala,	Я бихъ рада не плакала,
Nemutila serdca;	Не мутила серьдца;
Kažite mi, dobri ljudi,	Кажите ми, добри люди,
Tko neb' plakao ovdé?	Тко неб' плакао овдѣ?
Gdé j' moj otac, mili otac?	Гдѣ мой отацъ, мили отацъ?
Pogreben u grobu.	Погребенъ у гробу.
Gdé j' má mati, dobra mati?	Гдѣ мá мати, добра мати?
Trava na njoj raste.	Трава на ней расте.
Nejmam brata, nejmam sestre,—	Неймамъ брата, неймамъ сесере,
Dragog mi otimlju.	Драгог ми отимлю.
(J. Berlić)	(И. Берлицъ.)

Юго-славяно-краинское.

Zapušena.	Запушена.
Oh vi logi, temni logi,	Охъ, ви логи, темни логи,
Logi miletinski!	Логи милетински!

Čemu vi se zelenite
V zimi ko po léti?
Rada bi se neplakala,
Nemorila serca;
Al povejte, dobri ljudje,
Kdo bi se neplakal?
Kje je moj preljubi oče?
Zakopan je v grobi!
Kje je, mati, dobra mati?
Trava po nji raste!
Nimam brata, nimam sestre,
Ljubiga mi vzeli!

Чему ви се зелените
Въ зими ко по лѣти!
Рада би се не плакала,
Не морила серца;
Ал повейте, добри люде,
Кдо би се не' плакалъ?
Кэ э мой прелюби очо?
Закопанъ э въ гроби.
Кэ э мати, добра мати?
Трава по ни расте!
Нимамъ брата, нимамъ сестре,
Любига ми взели!

Болгарское.

Сирота.

Ахъ ты горо, темна горо,
Горо милетинска!
Защо ты се зеленѣешь,
Зимѣ, лѣтѣ ѣдно?
Рада быхъ азъ да ге плачюнь,
Срьдце да не кръшюнь;
Аль рѣчете, люди добри,
Кои бы тукъ не плакалъ?
Гдѣ мои татко — татко мили?
Закопанъ ѣ въ земіонь.
Гдѣ надъ майка — мила майка?
Дребна трава расте.
Немамь брата, нити сестра,
Мило момче взехонь.

Sirota.

Ach ty goro, temna goro,
Goro miletinska!
Zašèo ty se zelenéješ
Zimé, lété jedno?
Rada bych az da ńeplačąm,
Sŕdce da ne krъšąm;
Al réčete, ljudi dobri,
Koj by tuk ne plakal.
Gdé moj tatko—tatko mili?
Zakopan je v zemją.
Gdé nad manka—mila manka?
Drebna trava raste.
Nemam brata, niti sestra,
Milo momče vzechą.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

—

I.

МОЛИТВА.

Рѣшенъ съ неправдой долгій споръ,
Вѣнецъ Царя во славѣ блещетъ,
Искупленъ тяжкій нашъ позоръ,—
И цѣлый міръ намъ рукоплещетъ.

*

А Русь?—Святая Русь!—она,
Забывъ что было съ жизнью въ битвѣ,
Какъ мать-родильница ясна,—
И вся въ любви и вся въ молитвѣ!

*

О Господи! за духъ любви,
За неизмѣнное смиренье,
Рабу свою благослови
И дай ей жизни разумѣнье.

*

Трудовъ ей много впереди,
А путь извилистъ жизни новой:
Ее въ цѣпяхъ вели вожди
И на очахъ у ней покровы.

*

Дай свѣту ей, да свѣтъ узритъ
Не въ зеркалѣ чужаго знанья,
И съ духомъ жизнь не разлучитъ
Для благъ призрачнаго стяжанья.

*

Узломъ живымъ, безъ рабскихъ узъ,
Свяжи съ Царемъ союзъ народа,
Да будетъ крѣпокъ ихъ союзъ
И русская трезва свобода.

*

О Господи! не допусти
Насъ жаждущихъ паденья къ чашѣ,
Благослови и освяти
Ты обновленье жизни нашей.

*

Раздоръ отъ братьевъ отжени,—
Да въ цѣлости семьи народной,
Всѣ равные, живутъ они
Братолюбиво и свободно.

*

И миръ и правду намъ пошли,
И всѣ дары благоволенья
Освободителю земли,
Царю любви и примиренья!

X.

II.

СОНЕТЪ.

Не оскорбляйся оскорбленьемъ,
Не возмущайся клеветой
Презрѣнной злобы и шипеньемъ
Вражды корыстной иль слѣпой.

*

Тому, кто призванъ Провидѣньемъ
На подвигъ чистый и святой,
Ни сердцелюбьемъ, ни смиреньемъ
Не отвратить вражды людской!

*

Будь твердъ! и Агнца Галилеи
Не пощадили фарисеи
И книжной мудрости жрецы;
Но некрушима правда Божья:
Не потрясутъ ея подножья
Ни фарисеи, ни слѣпцы.—

X.

ПОЛЬСКІЙ МАНЕВРЪ.

(Отвѣтъ редакціи Вѣстника на одно воззваніе поляковъ къ великоруссамъ, секретно распространенное по Россіи).

Мы никакъ не можемъ понять, что за охота у поляковъ безпрерывно метаться изъ-за-какихъ то правъ ихъ на обладаніе югозападно-русскимъ народомъ. И какъ они не могутъ понять, что это ихъ бѣганье и метанье—ни больше—ни меньше, какъ нравственная болѣзнь, навѣянная на нихъ пропагандным духомъ латинства, отъ которой нужно имъ исцѣлиться, или умереть. Но вѣдь лучше же первое, чѣмъ второе. Вотъ, напримѣръ, какимъ объявленіемъ выразился недавно этотъ застарѣлый латино-польскій недугъ.

»Многіе поляки великоруссамъ. Удержите тѣ русскія земли, большинство населенія которыхъ, посредствомъ поголовнаго вотировованія, само того пожелаетъ—съ тѣмъ, чтобы польскому меньшинству этихъ земель дана была автономія въ дѣлахъ языка, и чтобы Россія помогла Польшѣ вырвать изъ нѣмецкихъ когтей шлензановъ, лужичанъ, великополянъ и кашубовъ......«

По видимому, въ объявленіи »многихъ поляковъ« нѣтъ ничего страннаго; а однакоже вдумайтесь въ него внимательнѣе,—и вы увидите, что въ немъ цѣлое гнѣздо нелогичесностей.

И вопервыхъ, странно для насъ, что неоспоримо русскія области, гдѣ преобладаетъ русское народонаселеніе, хотя онѣ и въ древности входили и нынѣ входятъ въ составъ одной русской земли, вы готовы оставить за Россіею не иначе, какъ на основаніи поголовнаго вотированія, между тѣмъ, земли, гдѣ русскаго народонаселенія меньшиство, вы прямо присоединяете къ Польшѣ.—Тамъ и входящее уже въ составъ существующаго государства вы повѣряете вотированіемъ, заставляете насъ вотировать самихъ себя въ вашу пользу, а тутъ все безъ повѣрки отдаете тому, чье самостоятельное существованіе наврядъ ли возможно. Въ объявленіи ясно проглядываетъ какое то самомнѣніе.

Далѣе, на чемъ основывается предложеніе о новомъ рѣшеніи участи земель, и прежде входившихъ въ составъ Руси, и теперь имѣющихъ огромное большинство православнаго южно-русскаго и бѣлорусскаго народонаселенія? Да и кто же дѣлаетъ это предложеніе? Люди, которымъ непремѣнно хотѣлось бы видѣть въ насъ какую то свою собственность.

Вотированіе не имѣло бы смысла даже въ томъ случаѣ, если бы оно касалось народности, чуждой намъ по вѣрѣ и происхожденію, но входящей уже въ составъ нашего государства. Но въ примѣненіи къ странѣ съ православнорусскимъ народонаселеніемъ, издревле составлявшимъ и нынѣ составляющимъ одну землю русскую, подобное предложеніе болѣе нежели странно.

Автономія другаго языка въ государствѣ, гдѣ столь грамадное преобладаніе русскаго народонаселенія, также довольно странно. Автономія свойственна только цѣлому, а не частямъ. Мы желаемъ, чтобы у насъ автономія была за языкомъ нашимъ—языкомъ русскимъ.

Но не подумайте, читатель, что »многіе поляки« такъ милостивы, что просто уже и уступаютъ тѣ области, гдѣ былобы даже огромное большинство православнаго русскаго народонаселенія и по вотированію оно пожелало бы оставаться въ предѣлахъ русскаго государства,—нѣтъ, они соглашаются на одну уступку только въ такомъ случаѣ, если ихъ меньшиству, хотя бы то самому маленькому, не только дана будетъ автономія языка (не позвалямъ), но если, кромѣ того, мы еще поможемъ Польшѣ отнять у нѣмцевъ нѣкоторыя соплеменныя ей области. Каково!

Наконецъ, мы находимъ большую странность и въ томъ, что земли, принадлежащія Россіи съ большинствомъ русскаго православнаго народонаселенія г.г. поляки желали бы оставить за нею только по вотированію, тогда какъ принадлежащія теперь земли не Польшѣ, а Пруссіи и Австріи, какъ дѣйствительнымъ государствамъ, они хотѣли бы присоединить къ Польшѣ, путемъ силы и званія а не по вотированію, и при томъ какъ? При помощи той же Россіи, за которою оставляютъ не иначе, какъ по вотированію то, что ей и въ древности принадлежало и теперь безспорно принадлежитъ и относится къ ней какъ единовѣрное и единоплеменное. Вотъ что значитъ ослѣпленіе! Уступаютъ то, что имъ вовсе не принадлежитъ, чего и отнимать не имѣютъ права и отнять не могутъ, и эту шляхетскую милость Россія должна еще купить цѣною крови и труда, въ пользу постоянно бунтующей противъ нея Польши. Недаромъ западная Русь съ Литвою не позволяла у себя селиться и пріобрѣтать недвижимыя имущества полякамъ, и такъ отбивалась отъ слитія съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ. Видно и тогда уже г.г. поляки дали себя знать западнорусскому міру; видно и тогда уже западнорусскіе люди понимали польскія затѣи и замашки, которыя вскорѣ надъ ними дѣйствительно разразились, вызвали энергическіе, кровавые протесты и теперь, наконецъ, требуютъ окончательнаго и энергическаго отпора.

Ред.

СОДЕРЖАНІЕ IV КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОПЕЧАТКИ 3 КН. ВѢСТНИКА.

Въ статьяхъ г. Кулиша, помѣщенныхъ въ 3-й книжкѣ *Вѣстника* вкрались слѣдующія опечатки:

Въ статьѣ *Паденіе* etc.

На стран. 137, въ строкѣ 10, вмѣсто *изъ нихъ*, слѣдовало бы напечатать *изъ насъ*. На стр. 138, въ строкѣ 15, вм. *между* слѣд. *передъ*. На стр. 142, въ стр. 30, вм. *польскихъ магнатовъ* слѣд *польскаго магната*.

Въ статьѣ *Братья:*

На стр. 152, въ строкѣ 11, вм. *Прочій говоръ*, слѣд. *Птичій говоръ*. На стр. 155, въ строкѣ 29, вм. *былъ убѣжденъ*, слѣд. *онъ былъ убѣжденъ*. Далѣе, въ строкѣ 34, вм. *для его живни*, слѣд. *его жизни* На стр. 159, въ строкѣ 29, вм. *Но такимъ же*, слѣд. *Но такимъ ли*. На стр. 160, въ строкѣ 23, вм. *служителямъ*, слѣд. *слушателямъ*. На стр. 162, въ строкѣ 20, вм. *пришельца*, слѣд. *въ пришельцѣ*, На стр. 164, строкѣ 27, вм. *хуторянамъ*, слѣд. *хуторскимъ* На стр. 166, въ строкѣ 11, вм. *затокъ*, слѣд. *затонъ*.

Въ статьѣ **«Волчій Хвостъ»** вкралось множество опечатокъ, по той причинѣ, что, по ошибкѣ, не проредактирована.